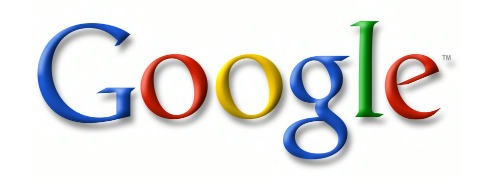
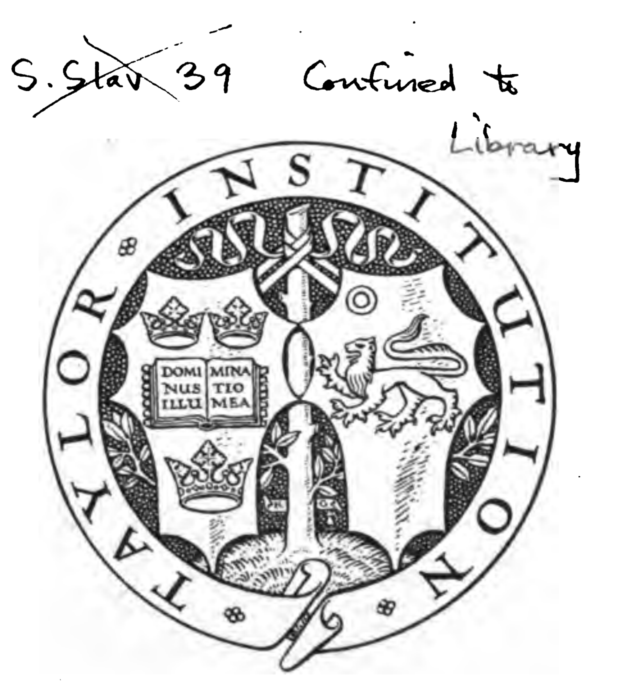
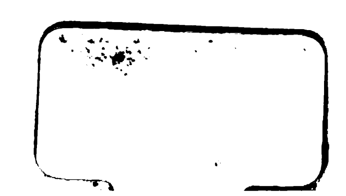
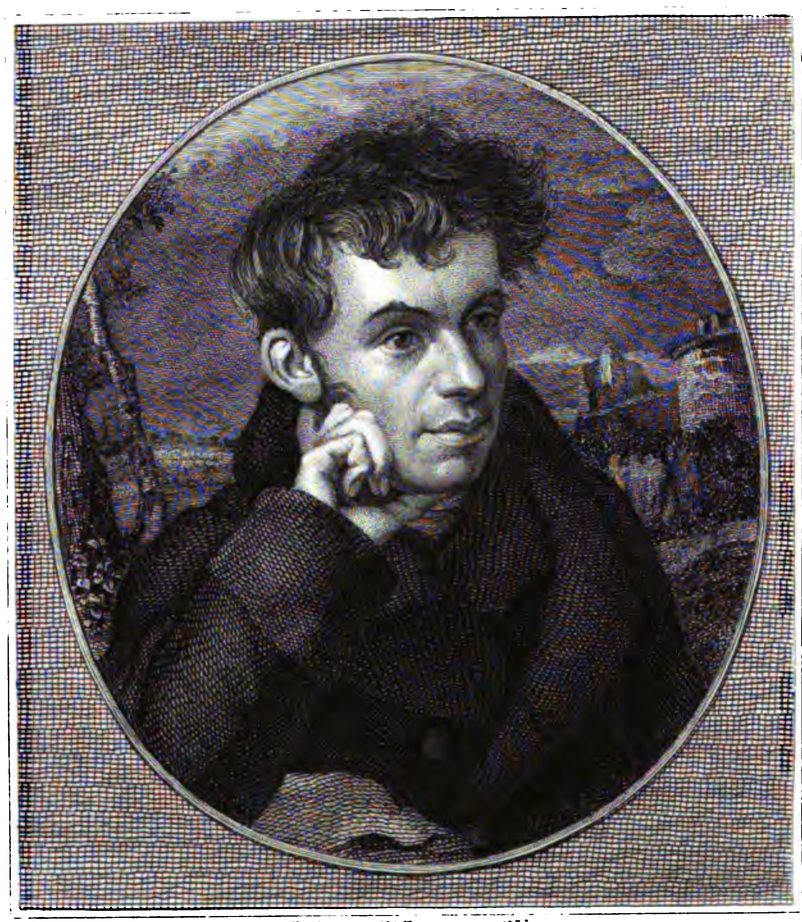



TAYLOR INSTITUTION
DOMI NUS ILLU
MINA TIO MEA



СОЧИНЕНІЯ

В. А. ЖУКОВСКАГО.



Гравировалъ Ив. Пожалостинъ 1876 г.

Жуковскій

СОЧИНЕНІЯ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ 150 ПИСЕМЪ, БІОГРАФІИ
И ПОРТРЕТА, ГРАВИРОВАННАГО АКАДЕМИКОМЪ ПОЖАЛОСТИНЫМЪ.

ИЗДАНІЕ СЕДЬМОЕ,

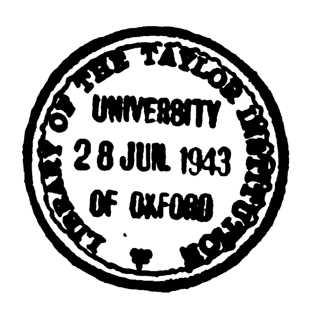
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ, ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

П. А. ЕФРЕМОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1797—1815 ГОДОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И. И. ГЛАЗУНОВА.
1878.



ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ, № 8.

ОГЛАВЛЕНІЕ 1-го ТОМА.

СТИХОТВОРЕНІЯ

1797—1815.

стр.

Въ настоящемъ изданіи сочиненій В. А. Жуковскаго мы старались, по возможности, возстановить полноту и вѣрность текста и размѣстить его въ возможно-точной хронологической послѣдовательности.

Самъ Жуковскій, издавая свои сочиненія, допускалъ пропуски и стихотвореній и прозаическихъ статей, частію потому что не желалъ перепечатывать своихъ раннихъ произведеній, частію по случайной забывчивости, о чемъ и упоминаетъ въ письмахъ своихъ къ Плетневу. Полное посмертное изданіе, конечно, не въ правѣ допускать ничего подобнаго, и мы надѣемся, что въ нашемъ изданіи собрали все, напечатанное до сихъ поръ съ именемъ Жуковскаго, хотя впрочемъ могло случиться, что при просмотрѣ сотенъ книгъ, журналовъ и альманаховъ за многіе годы случайно пропустили какое нибудь изъ незначительныхъ произведеній поэта.

Текстъ стихотвореній и прозаическихъ статей, вошедшихъ въ послѣднее, сдѣланное самимъ Жуковскимъ, изданіе 1849 года, исправленный имъ для этого изданія, воспроизведенъ нами съ полной точностью, но всѣ произведенія, не внесенныя въ него поэтомъ, были свѣрены нами и исправлены по первоначальному напечатанію ихъ въ журналахъ и альманахахъ, потому что при перепечаткѣ въ четырехъ посмертныхъ томахъ къ изданію 1849 г. и въ посмертномъ 6-мъ изданіи они подверглись произвольнымъ измѣненіямъ, иногда весьма существеннымъ, со стороны редакторовъ.—Такимъ же измѣненіямъ подверглись

и всѣ безъ исключенія «посмертныя» произведенія поэта, впервые напечатанныя въ четырехъ указанныхъ томахъ. Они возстановлены нами согласно рукописямъ.

Затруднительнѣе всего было возстановленіе хронологическаго порядка, и въ этомъ отношеніи, кажется, мы не вполнѣ достигли желаемой точности. Самъ Жуковскій установилъ хронологію въ изданіи 1849 года, но оказывается, что онъ повидимому полагался исключительно на память, которая нерѣдко ему измѣняла, ибо иныя стихотворенія, отнесенныя въ позднѣйшимъ годамъ, гораздо ранѣе того уже появились въ печати, а другія напротивъ отнесены были къ годамъ болѣе раннимъ, какъ это особенно видно изъ произведеній, явившихся по поводу какого нибудь событія, при чемъ они нерѣдко показаны написанными за годъ, за два, а иногда и за шесть лѣтъ до самаго событія [напр. кончина Королевы Виртембергской, Карамзина, взятіе Варшавы]. Для возстановленія хронологіи мы обращались къ перепискѣ поэта и къ помѣтамъ годовъ подъ произведеніями при первоначальномъ ихъ напечатаніи. Когда же такихъ указаній намъ не встрѣчалось, то помѣщали стихотвореніе подъ годомъ его перваго появленія въ печати, если оно въ изданіи 1849 г. было отнесено къ позднѣйшему году, потому что напр. никакъ не могли быть написаны въ 1813 г. стихи, уже напечатанные въ 1809 году. Но подобныхъ переносовъ, не имѣя точныхъ указаній, мы не могли допустить ни въ одномъ случаѣ, когда стихотвореніе было поставлено Жуковскимъ подъ годомъ болѣе или менѣе раннимъ противъ первоначальнаго напечатанія, потому что до появленія въ печати оно могло долго пролежать въ портфелѣ поэта.

Варіантовъ къ стихамъ мы не приводимъ, кромѣ большихъ пропусковъ, сдѣланныхъ авторомъ при позднѣйшихъ

перепечаткахъ, потому что Жуковскій, при каждомъ новомъ изданіи своихъ сочиненій, особенно при послѣднемъ, болѣе или менѣе значительно исправлялъ почти каждое изъ своихъ произведеній, такъ что изъ варіантовъ, нерѣдко двойныхъ, тройныхъ и болѣе, составился бы цѣлый томъ неудобочитаемыхъ листовъ съ безсвязными отрывками стиховъ и фразъ. Обозначеніе нами мѣстъ первоначальнаго напечатанія каждаго произведенія и перехода его по изданіямъ, сдѣланнымъ самимъ авторомъ, мы сочли вполнѣ достаточнымъ для тѣхъ, кто пожелаетъ ближе ознакомиться съ обработкою поэтомъ своихъ твореній.

Какъ важный матеріалъ для біографіи поэта, не лишенный притомъ и высокаго литературнаго значенія, мы приложили письма Жуковскаго къ разнымъ лицамъ, собравъ ихъ изъ разныхъ книгъ, журналовъ и газетъ, а частію изъ неизданныхъ рукописей, и стараясь въ примѣчаніяхъ къ нимъ, какъ и вообще въ своихъ примѣчаніяхъ, быть краткими, чтобы безъ надобности не обременять изданія несущественными замѣтками. Письма эти мы расположили въ хронологическомъ порядкѣ перваго письма къ каждому лицу, а не въ общей хронологіи, потому что для многихъ писемъ она еще не установлена, и потому что переписка съ разными лицами носитъ свой особенный характеръ, ибо, по счастливому выраженію Гоголя, письма пишутся на языкѣ того, къ кому относятся. — Имѣя въ виду, что письма къ роднымъ [А. П. Елагиной, А. П. Зонтагъ, Воейковымъ, и пр.], напечатаны до сихъ поръ только въ незначительныхъ отрывкахъ, мы обратились съ просьбою къ владѣльцамъ оригиналовъ о доставленіи ихъ намъ и уже получили отъ нѣкоторыхъ согласіе на присылку, но, не желая задерживать выхода изданія, напечатаемъ современемъ въ особомъ дополни-

тельномъ томѣ, въ который надѣемся внести и письма къ г. Зейдлицу, относящіяся тоже большею частью къ семейнымъ дѣламъ поэта.

За доставленіе подлинныхъ рукописей и списковъ мы обязаны особенной благодарностью П. И. Бартеневу, А. Ѳ. Бычкову, В. А. Елагину и Е. И. Якушкину; сверхъ того должны благодарить П. И. Бартенева и за разрѣшеніе воспользоваться вполнѣ тѣмъ богатымъ матеріаломъ, который сообщенъ былъ въ его «Русскомъ Архивѣ».

Къ изданію мы прилагаемъ портретъ Жуковскаго съ написаннаго О. Кипренскимъ въ 1817 г., т. е. въ лучшую эпоху развитія литературной дѣятельности поэта. Оригиналъ Кипренскаго сдѣланъ былъ для гр. С. С. Уварова и нынѣ хранится у его сына, но тогда же издана была гравюра, исполненная извѣстнымъ художникомъ Вендрамини. Эта гравюра, за неимѣніемъ доступа къ оригиналу, воспроизведена для нашего изданія однимъ изъ лучшихъ современныхъ русскихъ граверовъ академикомъ И. П. Пожалостинымъ.

Краткій біографическій очеркъ составленъ по біографіи поэта, написанной на нѣмецкомъ языкѣ его другомъ К. фонъ-Зейдлицемъ [Wasily Andrejewitsch Joukoffsky. Ein russisches Dichterleben, von Dr. Carl v. Zeidlitz. Mitau. 1869], переведенной съ сокращеніями въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1869 г. и вышедшей въ подлинникѣ уже двумя изданіями.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Василій Андреевичъ Жуковскій, сынъ помѣщика Аѳанасія Ивановича Бунина, родился 29 января 1783 г. въ его имѣніи, селѣ Мишенскомъ, Тульской губерніи, въ трехъ верстахъ отъ Бѣлева, и былъ усыновленъ своимъ крестнымъ отцемъ Андреемъ Григорьевичемъ Жуковскимъ, другомъ семейства Буниныхъ, отъ котораго получилъ и отчество и фамилію. Мать Жуковскаго, турчанка Сальха, попалась въ плѣнъ къ русскимъ при взятіи Бендеръ и была подарена Бунину его крестьянами, ходившими маркитантами въ армію Румянцева. Въ крещеніи она получила имя Елизаветы Дементьевны. Остальное семейство Бунина состояло изъ четырехъ дочерей отъ жены Марьи Григорьевны, рожденной Безобразовой. Изъ нихъ старшая Авдотья, родившаяся въ 1754 г., была замужемъ за Дм. Ив. Алымовымъ, но несчастлива въ бракѣ и вскорѣ разошлась съ мужемъ; вторая Наталья [1756—1785] была за Никол. Ив. Вельяминовымъ и имѣла трехъ дочерей; третья Варвара [1768—1797], крестная мать Василья Андреевича и владѣлица села Долбина, съ 1785 г. была за Петромъ Никол. Юшковымъ, служившимъ въ Тулѣ, и имѣла четырехъ дочерей, изъ которыхъ старшая, Анна [въ замужствѣ Зонтагъ], извѣстна сочиненіемъ прекрасныхъ книгъ для дѣтскаго чтенія, а младшая, Авдотья, отличавшаяся рѣдкою образованностію, была за Вас. Ив. Ки-

рѣевскимъ и вторымъ бракомъ за Алексѣемъ Андр. Елагинымъ. Сыновья ея, Иванъ и Петръ Васильевичи Кирѣевскіе, памятны всѣмъ своей почтенною дѣятельностью въ исторіи русскаго просвѣщенія и литературы. Наконецъ, младшая дочь Аѳанасія Ивановича, Екатерина, родившаяся въ 1770 г., владѣлица с. Муратова, была съ 1792 г. за Андр. Ив. Протасовымъ, и имѣла двухъ дочерей: Марью [1793—1823], бывшую потомъ за дерптскимъ профессоромъ Мойеромъ, и Александру [1795—1829], вышедшую въ 1814 г. за А. Ѳ. Воейкова. Сестры Жуковскаго были значительно старше его, такъ что ихъ дочери были ему почти ровесницами, и младшую изъ сестеръ своихъ онъ долгое время звалъ теткой и маменькой.

Еще при жизни отца, Жуковскій былъ отданъ въ тульскій нѣмецкій пансіонъ Роде, въ которомъ пробылъ около года и послѣ смерти Аѳанасія Ивановича, послѣдовавшей въ 1791 г. Когда же пансіонъ Роде закрылся, онъ началъ посѣщать тульское народное училище и въ то же время занимался дома французскимъ и нѣмецкимъ языками вмѣстѣ съ дѣвицами Вельяминовыми и Юшковыми. Ученье въ школѣ шло плохо, такъ что главный наставникъ, Ѳеофилактъ Гавриловичъ Покровскій, помѣщавшій свои историческія и философскія статьи въ тогдашнихъ журналахъ подъ псевдонимомъ «Философа горы Алаунской», исключилъ его «за неспособность» и съ тѣхъ поръ онъ пользовался только домашними уроками вмѣстѣ съ дочерьми В. А. Юшковой.

Въ тульскомъ домѣ Юшковыхъ собирались всѣ, имѣвшіе притязаніе на высшую образованность. Варвара Аѳанасьевна, отличавшаяся любовью къ литературѣ и особеннымъ музыкальнымъ дарованіемъ, устроивала у себя литературные и музыкальные вечера, на которыхъ читались,

тотчасъ по появленіи въ печати, всѣ произведенія писателей школы Карамзина и Дмитріева, наряду съ современными французскими романами, а ея музыкальные вечера скоро превратились въ концерты; она занималась даже управленіемъ тульскаго театра. Собственно тутъ литературное настроеніе привилось къ Жуковскому, и онъ, еще 11-лѣтній мальчикъ, уже написалъ трагедію: «Камиллъ, или освобожденіе Рима», и самъ поставилъ ее на сцену, взявъ на себя роль героя пьесы, и нарядивъ всѣхъ своихъ соученицъ, отъ 17-лѣтняго возраста до 3-лѣтней племянницы, въ одежды римскихъ консуловъ и сенаторовъ. Представленіе имѣло успѣхъ и общій восторгъ такъ польстилъ молодому автору, что онъ немедленно принялся за новую пьесу: «Павелъ и Виргинія»; но артисты не поняли своихъ ролей и вторая трагедія потерпѣла fiasco. Эта первая неудача сильно подѣйствовала на Жуковскаго и онъ впослѣдствіи долго сохранялъ какую-то робость въ печатаніи своихъ произведеній, на которое рѣшался только послѣ предварительнаго ихъ одобренія избраннымъ кругомъ своихъ родныхъ и друзей.

Родные хотѣли опредѣлить Василія Андреевича въ какой-нибудь полкъ. Ихъ знакомый, майоръ Дмитрій Гаврилович Постниковъ, вызвался записать его въ полкъ Рязанскій, стоявшій гарнизономъ въ Кексгольмѣ. Постниковъ самъ поѣхалъ туда съ мальчикомъ; но, проѣздивъ мѣсяца четыре, возвратился въ Тулу отставнымъ подполковникомъ, не записавъ Жуковскаго, и только остригши ему его прекрасные длинные волосы, о которыхъ Варвара Аѳанасьевна и всѣ дѣвицы въ домѣ очень жалѣли. Жуковскій оставался еще нѣсколько времени дома; но въ январѣ 1797 года Марья Григорьевна поѣхала съ нимъ въ Москву, и помѣстила его въ университетскій благородный пансіонъ.

Въ словесномъ отдѣленіи, куда поступилъ Жуковскій, обращалось особенное вниманіе на языковѣдѣніе. Воспитанники должны были не только читать на иностранныхъ языкахъ, но и употреблять ихъ въ разговорахъ. Ученики этого отдѣленія собирались разъ въ недѣлю съ цѣлью читать вслухъ свои сочиненія и переводы, которые потомъ критически разбирались учителями и товарищами. Лучшія статьи обыкновенно появлялись въ какомъ-либо мелкомъ журналѣ. Въ періодическихъ изданіяхъ: Пріятное и полезное препровожденіе времени, Утренняя Заря и т. п. можно найти нѣсколько подобныхъ произведеній, доставленныхъ воспитанниками, заслужившими впослѣдствіи почетныя имена въ литературѣ. Ученикамъ старшихъ классовъ дозволялось посѣщать университетскія лекціи, что̀ давало имъ при вступленіи въ службу права дѣйствительнаго студента. Товарищами Жуковскаго были братья Александръ и Андрей Тургеневы, Д. Н. Блудовъ, Д. В. Дашковъ, С. С. Уваровъ.

Время, когда Жуковскій вступилъ въ новый періодъ своей жизни въ Москвѣ, было очень тяжелое, такъ какъ со смертью императрицы Екатерины II и со вступленіемъ на престолъ императора Павла I все перемѣнилось. Скромная литературная дѣятельность въ сантиментальномъ вкусѣ была единственнымъ дозволеннымъ развлеченіемъ. Ввозъ иностранныхъ книгъ былъ строго запрещенъ, а потому старались удовлетворять настоятельной потребности въ этомъ смыслѣ либо контрабандой, либо переводами на русскій языкъ. Самъ Карамзинъ, въ послѣдніе годы царствованія Екатерины давшій новое движеніе литературѣ своими оригинальными произведеніями въ сантиментальномъ вкусѣ, въ новое царствованіе долженъ былъ ограничиться переводами—въ томъ же однако сантиментальномъ направленіи.

Жуковскій, поступивъ въ университетскій пансіонъ, попалъ въ лучшій литературный кружокъ того времени. Юшковы и Бунины были дружны съ семействомъ директора заведенія Ивана Петровича Тургенева, вниманіе котораго обратилъ на себя Жуковскій прилежаніемъ и даровитостью. Сыновья Тургенева, Андрей и Александръ Ивановичи, внушили ему чувство горячей привязанности. За идиллическою жизнью въ Мишенскомъ послѣдовали близкія дружескія связи, которыя такъ могущественно вліяютъ на развитіе человѣка.

Первыми плодами образованія и развитія Жуковскаго въ этомъ кружкѣ можно считать статьи и стихотворенія, напечатанныя имъ въ разныхъ журналахъ во время пятилѣтняго его пребыванія въ пансіонѣ.

Въ первый же годъ пребыванія тамъ Жуковскаго—ему было тогда 14 лѣтъ—въ журналѣ Пріятное и полезное препровожденіе времени [часть XVI] была уже напечатана статья его въ прозѣ: «Мысли при гробницѣ», съ подписью: «Сочинилъ благороднаго университетскаго пансіона воспитанникъ Василій Жуковской». Второе произведеніе Жуковскаго, уже въ стихахъ: «Майское утро» подписано просто: Василій Жуковской. Въ концѣ этого года на торжественномъ актѣ университетскаго пансіона онъ уже участвовалъ въ происходившемъ между тремя воспитанниками «Разговорѣ о томъ, что всякій членъ общества необходимо обязанъ служить ему, отправляя въ немъ какую нибудь должность», а въ заключеніе акта была читана ода «сочинившимъ ее воспитанникомъ» Василіемъ Жуковскимъ: Благоденствіе Россіи, устрояемое великимъ ея самодержцемъ.—За тѣмъ на актѣ 1798 г. Жуковскій, старшій изъ числа первыхъ воспитанниковъ, читалъ сочиненную имъ большую рѣчь и стихотвореніе «Добро-

дѣтель». На послѣдующихъ актахъ, 1799—1801 годовъ, имъ также были читаны свои стихотворенія, а на ряду съ этимъ онъ помѣщалъ стихи и прозу въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени», въ «Утренней Зарѣ» и въ «Ипокренѣ». На второй годъ пребыванія своего въ пансіонѣ онъ уже основалъ между воспитанниками литературное общество, въ которомъ самъ былъ предсѣдателемъ, и кромѣ того состоялъ въ числѣ воспитанниковъ-директоровъ «концертовъ и другихъ забавъ» пансіона, будучи притомъ однимъ изъ тѣхъ двухъ воспитанниковъ старшаго возраста, которые по большинству голосовъ своихъ товарищей и по одобренію высшаго начальства признаны были лучшими въ ученіи и поведеніи.

Въ пансіонѣ содержали Жуковскаго Марья Григорьевна Бунина и Петръ Николаевичъ Юшковъ, но карманныхъ денегъ ему давали мало. Онъ долженъ былъ умножать ихъ своими литературными трудами. Очень кстати пришлись ему требованія книгопродавцевъ на легко сходящіе съ рукъ товары, а именно на переводы съ нѣмецкаго и французскаго. Книгопродавцы платили за переводъ по тогдашнему очень дорого: они давали Жуковскому и деньги, и иностранныя книги, которыхъ тогда не смѣли держать въ своихъ лавкахъ. Въ 1801 году онъ перевелъ романъ Коцебу: Die jüngsten Kinder meiner Laune, который назвалъ, неизвѣстно почему: «Мальчикъ у ручья». Книгопродавецъ Зеленниковъ заплатилъ ему за 4 части 75 рублей. Вслѣдъ за тѣмъ онъ перевелъ еще многіе романы Шписа и многое изъ театра Коцебу. Въ пору лѣтнихъ вакацій онъ привозилъ эти свои труды въ Мишенское, гдѣ находилъ самыхъ внимательныхъ поклонниковъ и поощрителей своей литературной дѣятельности; кромѣ того, во время прогулокъ онъ неутомимо читалъ вслухъ дѣвицамъ Юшко-

вымъ и Вельяминовымъ французскія книги, наприм. «De la pluralité des mondes» Фонтенеля, «Études sur la nature» Бернардена де-Сенъ-Пьерра и т. п.

По окончаніи студентскаго экзамена, Жуковскій опредѣлился въ московскую контору соляныхъ дѣлъ [должность, надъ которою онъ впослѣдствіи часто потѣшался]; но уже въ 1802 году вышелъ въ отставку и возвратился въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Мишенское, съ цѣлью дальнѣйшаго своего самообразованія.

До этого Жуковскій посылалъ свои стихи въ мелкіе журналы, а переводы въ прозѣ, безъ подписи имени, предоставлялъ на волю издателямъ. Теперь онъ перевелъ для журнала Карамзина «Вѣстникъ Европы» элегію Грея: «Сельское кладбище». Все Мишенское общество молодыхъ дѣвушекъ съ біеніемъ сердца ожидало, приметъ ли Карамзинъ это стихотвореніе, или нѣтъ, для напечатанія въ журналѣ. Элегія была писана на ихъ глазахъ; холмъ, на которомъ Жуковскій черпалъ свои вдохновенія, сдѣлался для нихъ Парнассомъ; стихи вызвали ихъ безусловное одобреніе; недоставало одного—выгоднаго отзыва Карамзина, этого «Зевса на литературномъ Олимпѣ». Карамзинъ похвалилъ стихотвореніе и напечаталъ его въ 24 книгѣ своего журнала, съ полнымъ означеніемъ имени Жуковскаго и перемѣною окончанія ой на ій [съ тѣхъ поръ и самъ Жуковской сталъ подписываться Жуковскій]. Эта удача произвела глубокое впечатлѣніе не только на весь Мишенскій кругъ, но и на самого поэта. — «Сельское кладбище» вдругъ поставило его въ ряды лучшихъ поэтовъ русскихъ. Карамзинъ, на другой годъ по напечатаніи этого стихотворенія, говоря о Богдановичѣ, приводилъ въ разборѣ своемъ одинъ стихъ изъ элегіи Жуковскаго, какъ будто это было всѣмъ извѣстное мѣсто изъ Ломоносова или Державина.

Переводъ Греевой элегіи уже свидѣтельствуетъ объ удивительной способности Жуковскаго проникаться чужою поэтическою мыслью до такой степени, что она производитъ на насъ впечатлѣніе подлинника; въ глазахъ біографа эта элегія служитъ, кромѣ того, психологическимъ документомъ для опредѣленія душевнаго состоянія поэта. Еще прежде, молодой человѣкъ, окруженный веселыми товарищами и друзьями, черпалъ свои вдохновенія на кладбищахъ. Возвратясь въ Мишенское, полное прекрасныхъ воспоминаній его дѣтства, онъ снова выбираетъ кладбище любимымъ мѣстомъ своей музы. Помимо сантиментальнаго настроенія духа той эпохи, у него могли быть и личныя причины меланхоліи: положеніе его въ свѣтѣ и отношенія къ семейству Буниныхъ тяжело ложились на его душу. Съ обѣими старшими дочерьми покойнаго Бунина онъ былъ не такъ близокъ, какъ съ Варварой Аѳанасьевной. Марья Григорьевна любила его, какъ собственнаго сына, а дѣвицамъ Юшковымъ онъ былъ—дядя. Но собственная его мать, какъ ни была любима въ семьѣ, все же должна была стоя выслушивать приказанія, и не могла почитать себя равноправною съ прочими членами семейства. Вотъ обстоятельство, которое постоянно огорчало Жуковскаго.

Жуковскій провелъ слѣдующіе два года попеременно въ Мишенскомъ и въ Кунцовѣ, близъ Москвы, у Карамзина, который, овдовѣвъ послѣ перваго брака, пріютилъ его у себя. Кромѣ исторической повѣсти «Вадимъ Новогородскій», перевода «Письма французскаго путешественника» и статьи «О путешествіи въ Малороссію», онъ ничего не напечаталъ во все это время личныхъ сношеній съ Карамзинымъ.

Въ 1805 году Жуковскій, по заказу книгопродавца,

сдѣлалъ переводъ «Донъ-Кихота», съ французской передѣлки Флоріана, и этотъ переводъ въ 1806 году вышелъ въ свѣтъ.

Политическія событія во Франціи значительно охладили тогда восторгъ къ Республикѣ, даже вызвали, вслѣдствіе несчастныхъ войнъ, большую ненависть противъ Наполеона, нерѣдко выражавшуюся въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ. Въ прозѣ и въ стихахъ являлись воззванія къ бдительности за врагами нашего отечества. Въ этомъ смыслѣ особенно дѣйствовалъ «Вѣстникъ Европы» своими политическими передовыми статьями. Редакторомъ его тогда былъ профессоръ Каченовскій. Жуковскій принималъ живое участіе. Въ «Вѣстникѣ Европы», 15-го ноября 1806 года, была напечатана «Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей, посвященная неустрашимымъ защитникамъ отечества». Съ тѣхъ поръ имя Жуковскаго начало дѣлаться популярнымъ.

Еще въ 1805 году младшая дочь Бунина, Екатерина Аѳанасьевна, овдовѣла. Мужъ ея, Андрей Ивановичъ Протасовъ, разорился на спекуляціяхъ и на игрѣ въ карты, и оставилъ долги по векселямъ на сумму вдвое или втрое большую противъ того, что было по нимъ получено. Несмотря на то, Екатерина Аѳанасьевна сочла себя обязанною выплатить сполна эти долги, и для того продала лучшую половину своего наслѣдства. Такъ какъ въ Муратовѣ, деревнѣ, которая ей осталась, она не могла жить по неимѣнію господскаго дома, а роднымъ обязываться не хотѣла, то наняла въ городѣ Бѣлевѣ домъ, и жила здѣсь весьма скромно съ двумя своими дочерьми, Марьей и Александрой Андреевнами, 12 и 10 лѣтъ. Наступало время дать имъ образованіе. Екатерина Аѳанасьевна чувствовала, что ей самой недоставало правильнаго образованія.

*

Видя разстроенныя дѣла ея, Жуковскій вызвался давать уроки ея дочерямъ. Преподаваніе естественно приняло поэтическій характеръ; оно отличалось имъ и впослѣдствіи, когда онъ сталъ наставникомъ при Дворѣ. Всякій день онъ отправлялся пѣшкомъ изъ Мишенскаго въ Бѣлевъ давать уроки или читать вмѣстѣ съ своими питомицами лучшія сочиненія на русскомъ и иностранныхъ языкахъ.

Въ теченіе трехлѣтнихъ педагогическихъ занятій, Жуковскій перевелъ нѣсколько басень и мелкихъ стиховъ съ французскаго и англійскаго языковъ. Глубокое впечатлѣніе произвели на него стихотворенія Шиллера и нашли въ душѣ его сочувственный отголосокъ. Текла, въ трагедіи «Валленштейнъ», осталась для него навсегда любимой поэтической личностью.

Переселившись въ 1808 году въ Москву, Жуковскій вступилъ въ среду практической жизни и срочной работы: онъ принялъ на себя редакцію «Вѣстника Европы», перешедшаго отъ Карамзина къ Панкратію Сумарокову, и послѣ къ Каченовскому. Жуковскій самъ много писалъ въ своемъ журналѣ. Въ эту пору онъ предпочиталъ Бюргера Шиллеру, но все таки перевелъ изъ Бюргера одну только балладу, и любимцемъ его сдѣлался окончательно Шиллеръ.

По истеченіи года труды по редакціи принудили Жуковскаго снова принять къ себѣ въ сотрудничество профессора Каченовскаго и до конца 1810 года Жуковскій все еще считался редакторомъ «Вѣстника Европы» и печаталъ въ немъ свои стихи и статьи въ прозѣ; но въ «Письмѣ къ издателямъ «Вѣстника Европы» о критикѣ» онъ какъ будто бы простился съ своимъ журналомъ, уѣхалъ въ Мишенское, съ тѣмъ, чтобы посвятить себя исключительно поэзіи, и занялся составленіемъ «Сборника луч-

шихъ русскихъ стихотвореній», который и вышелъ въ пяти частяхъ въ Москвѣ въ 1810—11 годахъ.

Около этого времени Прот᾽сова задумала строить въ своей деревнѣ, Муратовѣ, ж домъ. Жуковскій сдѣлалъ планъ новому строенію и вз.лъ на себя завѣдываніе работами. Кромѣ того, онъ купилъ маленькую, смежную съ Муратовымъ, деревню за доставшіеся ему отъ Буниныхъ 10.000 руб., и переселился въ свой собственный «Тускулумъ», гдѣ часто навѣщали его подруги дѣтства, дѣвицы Юшковы и Протасовы. Завелись у него и новыя знакомства съ сосѣдями Орловской губерніи; такимъ образомъ, около Жуковскаго вскорѣ составилось цѣлое общество. Близъ Муратова жила въ деревнѣ Черни фамилія Плещеевыхъ. А. А. Плещеевъ былъ страстный любитель музыки. На домашнемъ театрѣ его представлялись комедіи и оперы, имъ самимъ сочиненныя и положенныя на музыку. Жуковскій усердно участвовалъ въ этихъ художественныхъ удовольствіяхъ и мало по малу началъ утрачивать грустное настроеніе, овладѣвшее имъ съ кончиною матери, которая умерла въ 1811 г., почти въ одно время съ Марьей Григорьевной Буниной.

Между тѣмъ воспитанницы его Марья и Александра Андреевны стали уже взрослыми дѣвицами, и чувство любви къ первой изъ нихъ, постепенно развиваясь, наконецъ вполнѣ овладѣло Жуковскимъ. У него возникла мысль о женитьбѣ, но долго онъ хранилъ въ глубинѣ души это желаніе, ни съ кѣмъ не говорилъ объ этомъ ни слова, и чувства свои передавалъ только въ стихахъ и посланіяхъ къ друзьямъ. Въ началѣ 1812 г. онъ ненадолго былъ въ Москвѣ и возвратясь оттуда рѣшился просить у Е. А. Протасовой руку Марьи Андреевны. Протасова рѣшительно отказала ему и даже запретила говорить объ

этомъ съ кѣмъ бы то ни было, особенно же съ дочерьми ея, объявивъ, что по родству эта женитьба невозможна. Напрасно Жуковскій доказывалъ, что законнаго препятствія не существуетъ, что по церковнымъ книгамъ онъ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ не братъ и даже не родственникъ — она не согласилась. Жуковскій покорился; но когда въ августѣ мѣсяцѣ, къ именинамъ Плещеева, приготовлялся концертъ и спектакль, Протасова почему-то нашла въ пропѣтой Жуковскимъ пѣснѣ «Пловецъ» нарушеніе ея приказаній—ни съ кѣмъ пе говорить о любви къ ея дочери, разсердилась, принудила его на слѣдующій же день оставить Муратово, и сама объявила племянницамъ Юшковымъ о любви его и ея отказѣ, а отъ нихъ черезъ Плещеева узнала объ этомъ и Марья Андреевна.

Вѣроятно еще вслѣдъ за обнародованіемъ манифеста объ ополченіи Жуковскій имѣлъ намѣреніе поступить въ военную службу, но высылка изъ Муратова окончательно рѣшила его намѣреніе. 12-го августа онъ записался въ Московское ополченіе въ чинѣ поручика. Вмѣстѣ съ сформированнымъ наскоро Мамоновскимъ полкомъ, Жуковскій 26-го августа, въ день Бородинской битвы, находился въ арріергардѣ, въ двухъ верстахъ за гренадерскою дивизіей. Послѣ сраженія и уже по выходѣ изъ Москвы онъ на нѣсколько дней пріѣзжалъ въ Муратово; но потомъ опять возвратился въ армію и, состоя при дежурствѣ главнокомандующаго, писалъ бюллетени о сраженіяхъ.

Написанный имъ въ это же время: «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ» служитъ прекраснымъ поэтическимъ памятникомъ тогдашняго общественнаго настроенія. Здѣсь нашли себѣ отголосокъ не только мысли и вдохновеніе пѣснопѣвца, но и отголосокъ ожиданій, понятій и надеждъ русской арміи и народнаго ополченія. Императрица Марія

Өеодоровна, прочитавъ это стихотвореніе, поднесенное ей И. И. Дмитріевымъ, приказала просить автора, чтобъ онъ доставилъ ей экземпляръ стиховъ, собственною рукой его переписанный, и приглашала его въ Петербургъ.

Жуковскому не суждено было сопровождать нашу армію до границъ; послѣ сраженія подъ Краснымъ, едва онъ кончилъ свое посланіе: «Вождю побѣдителей», какъ заболѣлъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ горячкой, а въ декабрѣ отправился изъ Краснаго на родину, куда и прибылъ 6-го января 1813 года.

Тамъ, кромѣ любви къ нему подругъ его дѣтства, многое уже измѣнилось. Марья Андреевна Протасова видимо слабѣла отъ начинавшейся грудной болѣзни. Такъ какъ она уже знала о любви и намѣреніи Жуковскаго, отвергнутыхъ матерью, то взаимныя отношенія между ними сдѣлались неловкими. Онъ отзывается такъ объ этомъ времени въ дневникѣ своемъ:

«Вотъ мнѣ тридцать лѣтъ—пишетъ онъ въ февралѣ 1813 года— а то, что называется истинною жизнію, мнѣ еще незнакомо. Я не успѣлъ быть сыномъ моей матери: въ то время, когда началъ чувствовать счастье сыновняго достоинства, она меня оставила; я думалъ отдать права ея другой матери, но эта другая мать дала мнѣ уголъ въ своемъ домѣ, а отдалена была отъ меня вѣчнымъ подозрѣніемъ. Семейнаго счастія для меня не было, всякое чувство надобно было стѣснять въ глубинѣ души; не смотря на нѣкоторые признаки дружбы, я сомнѣвался часто, существуетъ ли дружба, и всегда оставался въ нерѣшимости чрезмѣрно тягостной — сказать себѣ: дружбы нѣтъ. На что было рѣшиться? Скрывать все въ самомъ себѣ и терпѣть, и даже показывать видъ, что всѣмъ доволенъ — принужденіе слишкомъ тяжелое, при откровенности моего характера, который однако отъ навыка сдѣлался и скрытнымъ...»

Въ концѣ 1813 г. пріѣхалъ въ Муратово А. Ө. Воейковъ и подъ видомъ дружбы скоро овладѣлъ довѣренностію Жуковскаго, а одновременно и Протасовой, у которой,

спустя нѣсколько времени, попросилъ руки Александры Андреевны. Получивъ согласіе, Воейковъ съ надменностью началъ преслѣдовать гостепріимнаго хозяина, который и былъ вынужденъ удалиться на время въ Чернь, къ Плещеевымъ. Ободренный совѣтами извѣстнаго И. В. Лопухина и отзывами знатныхъ духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ московскаго митрополита Филарета, Жуковскій въ апрѣлѣ 1814 г. поѣхалъ съ Плещеевымъ въ Муратово, попытать еще разъ счастья, но Протасова осталась при своемъ убѣжденіи.

Оставаться долѣе въ Муратовѣ было нестерпимо и когда Воейковъ, въ день своихъ именинъ [30 августа] позволилъ себѣ презрительно обращаться съ Жуковскимъ и не былъ унятъ хозяйкою, онъ рѣшился совсѣмъ покинуть свое мѣстопребываніе и поселиться у Юшковыхъ въ Долбинѣ. Здѣсь онъ написалъ цѣлый рядъ балладъ, посланій и другихъ стихотвореній, которыя самъ назвалъ «Долбинскими стихотвореніями».

Въ это же время онъ написалъ и свое «Посланіе Императору Александру», поставившее его на новый путь. Императрица Марія Ѳеодоровна приказала немедленно сдѣлать богатое изданіе этого стихотворенія въ пользу Жуковскаго, и пожелала, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Но прежде, чѣмъ уѣхать туда, Жуковскій хотѣлъ еще разъ объясниться съ Протасовой, и увѣдомилъ объ этомъ свою племянницу, Марью Андреевну. Разговоръ остался однако опять безъ результата, и Жуковскій могъ только получить позволеніе проводить Протасовыхъ въ Дерптъ, гдѣ жила младшая дочь Протасовой, бывшая уже замужемъ за Воейковымъ. По пріѣздѣ въ Дерптъ, отъ него потребовали, чтобы онъ долго не оставался тамъ.

Уѣзжая изъ Дерпта, 29-го марта 1815 года, онъ писалъ Марьѣ Андреевнѣ:

«Милый другъ Маша, надобно сказать тебѣ что нибудь въ послѣдній разъ... Все въ жизни къ прекрасному средство! Я прошу отъ тебя только одного: не позволяй тобою жертвовать, а заботься о своемъ счастіи. Этимъ не обмани меня. Я желалъ бы, чтобы ты болѣе имѣла свободы заниматься собственнымъ... Мои тетради береги. Въ нихъ ничего не перемѣнять, кромѣ развѣ одного — вездѣ: сестра. Помни же своего брата, своего истиннаго друга; но помни такъ, какъ онъ того требуетъ, то есть знай, что онъ, во всѣ минуты жизни, если не живетъ, то по крайней мѣрѣ желаетъ жить такъ, какъ велитъ ему привязанность къ тебѣ — теперь вѣчная, и болѣе, нежели когда нибудь, чистая и сильная!»

Въ маѣ 1815 года, Жуковскій пріѣхалъ на короткое время въ Петербургъ, былъ представленъ Уваровымъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и затѣмъ скоро воротился въ Дерптъ. Въ іюлѣ, Уваровъ опять сталъ настоятельно требовать, чтобы Василій Андреевичъ переселился въ Петербургъ; и 24-го августа Жуковскій снова отправился въ Петербургъ, гдѣ 4-го сентября вторично былъ представленъ Императрицѣ и былъ назначенъ чтецомъ ея. Но болѣе четырехъ мѣсяцевъ онъ никакъ не могъ прожить въ столицѣ.

Съ тѣхъ поръ, за вычетомъ нѣсколькихъ недѣль, Жуковскій почти два года безвыѣздно провелъ въ Дерптѣ. Въ теченіе этихъ лѣтъ онъ велъ странную, какъ бы двойную жизнь, имѣвшую замѣчательное вліяніе на развитіе его наклонностей. Въ Дерптѣ цѣнили его, и университетъ поднесъ ему дипломъ почетнаго члена, а въ Петербургѣ писатели старой школы нападали на него, и задѣвали довольно пошлыми выходками, даже на сценѣ. Въ Дерптѣ близкіе родные показывали ему холодность и недовѣрчивость, а въ Петербургѣ посторонніе люди ласкали и уважали его. Въ Дерптѣ онъ посвящалъ все время на изученіе нѣмецкаго языка и словесности, а въ Петербургѣ дѣйствовалъ въ рядахъ молодыхъ писателей на пользу русскаго слова.

Павловскъ въ то время былъ средоточіемъ лучшихъ писателей: Карамзинъ, Крыловъ, Дмитріевъ, Нелединскій-Мелецкій, Гнѣдичъ, Жуковскій являлись на вечернихъ бесѣдахъ Императрицы. Въ противоположность старой школѣ, предводительствуемой Шишковымъ, послѣдователи Карамзина были вообще молодые и даровитые люди, съ современнымъ образованіемъ. Жуковскій, какъ сторонникъ партіи Карамзина, сдѣлался также предметомъ нападковъ Шишковской партіи, и князь А. А. Шаховской вывелъ Жуковскаго на сцену въ комедіи: «Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды», подъ именемъ балладника Фіалкина. При первомъ представленіи этой комедіи въ Петербургѣ на Маломъ театрѣ, 23-го сентября 1815 года, Жуковскій и друзья его рѣшили для борьбы съ противниками основать особое литературное общество. Друзья собирались по субботамъ у Блудова, и читали тамъ свои статьи. Когда Блудовъ написалъ шуточный разсказъ: «Видѣніе въ Арзамасѣ, изданное обществомъ ученыхъ людей», въ которомъ отвѣчалъ на выходки князя Шаховскаго, то для шутки друзья назвали свои веселыя вечеринки: «собраніями Арзамасской академіи», и положили правиломъ: кушать за ужиномъ хорошаго арзамасскаго гуся.

Между тѣмъ, судьба готовила Жуковскому новый ударъ: изъ Дерпта онъ получилъ извѣстіе, что Марья Андреевна выходитъ замужъ за проф. Мойера. Жуковскій рѣшился самъ ѣхать въ Дерптъ и лично удостовѣриться въ случившемся, но къ удивленію своему, нашелъ все въ другомъ видѣ, чѣмъ представляла ему испуганная фантазія. Послѣ различныхъ объясненій, Жуковскій вышелъ побѣдителемъ изъ тяжелой борьбы между чувствомъ и разсудкомъ.

«Романъ моей жизни конченъ, начну ея исторію», говорилъ онъ, возвратившись изъ Дерпта.

Въ это время печатаніе стихотвореній Жуковскаго въ двухъ томахъ въ Петербургѣ оканчивалось, и друзья торопили его туда «за важнымъ дѣломъ». Они хотѣли упрочить положеніе его и для того поднести сочиненія его государю вмѣстѣ съ отдѣльно изданнымъ стихотвореніемъ: «Пѣвецъ на Кремлѣ», къ которому Жуковскій долженъ былъ прибавить кое-что въ видѣ привѣтствія государю. Онъ сдѣлалъ это, но не совсѣмъ охотно.

Свадьбу Марьи Андреевны отложили до 1817 года, и Жуковскій спѣшилъ къ Рождеству 1816 года въ Петербургъ. Министръ народнаго просвѣщенія, князь А. Н. Голицынъ, поднесъ экземпляръ стихотвореній его государю, изложивъ при томъ заслуги Жуковскаго въ отношеніи русской словесности и личныя его обстоятельства. Тогда только и говорили, что о стихахъ Жуковскаго; только ихъ и повторяли наизустъ. Поблагодаривъ лично Императора Александра Павловича за пожалованный ему пожизненный пенсіонъ въ 4.000 р. асс., Жуковскій, 5-го января 1817 г., опять поѣхалъ обратно въ Дерптъ.

Жуковскому сначала вовсе не приходила мысль связать себя съ императорскимъ дворомъ другими узами, кромѣ узъ благодарности и преданности; но судьба устроила иначе. Подъ конецъ 1817 года онъ былъ избранъ учителемъ русскаго языка при великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, и съ тѣхъ поръ вступилъ, какъ близкій человѣкъ, въ кругъ царскаго семейства.

Присутствіе поэта при Дворѣ немало содѣйствовало тому, что въ высшемъ обществѣ стали болѣе, чѣмъ прежде, заниматься русскою литературой и говорить на отечественномъ языкѣ. Блудову поручено было переложить на русскій языкъ всѣ дипломатическіе документы, съ 1814 года, писанные пофранцузски; а начатый тогда Библейскимъ

Обществомъ, но неоконченный, переводъ славянской библіи на современный языкъ былъ принятъ съ большою благодарностью въ образованномъ обществѣ. По желанію своей ученицы, Жуковскій переводилъ многія стихотворенія Шиллера, Гёте, Уланда, Гебеля на русскій языкъ. Этому обстоятельству русская словесность обязана цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ балладъ, которыя и были напечатаны сперва маленькими тетрадями на двухъ языкахъ подъ заглавіемъ: «Для немногихъ».

Болѣзнь великой княгини Александры Ѳеодоровны лѣтомъ 1820 года прекратила занятія ея по русскому языку. Врачи посовѣтовали больной отправиться для возстановленія здоровья на зиму въ чужіе края, куда и Жуковскому должно было сопровождать великую княгиню.

Это путешествіе имѣло богатыя послѣдствія для него. Въ Берлинѣ онъ лично познакомился со многими образованными и учеными людьми. Отличная опера, изящныя представленія трагедій и драмъ на театрѣ восхищали поэта. Тамъ онъ взялся за продолженіе перевода «Орлеанской дѣвы» Шиллера, который и успѣлъ окончить во время путешествія и на обратномъ пути въ Берлинѣ, гдѣ также успѣлъ переложить на русскій языкъ и повѣсть Томаса Мура: «Пери и Ангелъ».

По возвращеніи изъ-за границы, пораженный извѣстіемъ изъ Дерпта о смерти Марьи Андреевны Мойеръ [1823], Жуковскій тѣмъ охотнѣе удалился изъ Петербурга, что вслѣдствіе окончательнаго преобладанія Аракчеева при Дворѣ, кружокъ Арзамасцевъ разсыпался. По вступленіи на престолъ Императора Николая Павловича, Жуковскій былъ избранъ въ наставники великаго князя наслѣдника, нынѣ царствующаго Государя Императора; но личныя огорченія и кабинетная жизнь такъ разстроили здоровье поэта,

что ему необходимо было немедленно уѣхать за-границу, гдѣ онъ предполагалъ вмѣстѣ съ тѣмъ подготовить себя къ предстоящему дѣлу воспитателя [1826—1827]; а въ 1832—1833 г. онъ снова былъ заграницею и пребываніе на берегахъ Женевскаго озера вполнѣ возстановило его разстроенное здоровье.

Въ эпоху своихъ учебныхъ занятій при дворѣ, Жуковскій, между прочими мелкими стихотвореніями, исполнилъ два большихъ труда: передѣлалъ повѣсть Ламоттъ Фукэ «Ундину», и перевелъ [по Рюккерту] индійскую поэму «Наль и Дамаянти». Въ 1837 г., онъ сопровождалъ Государя Наслѣдника въ его путешествіи по Россіи и Западной Сибири. Это путешествіе осталось памятнымъ тѣмъ, что оно доставило поэту случай не разъ обнаружить вполнѣ тотъ истинно почтенный и искренне добрый характеръ, которымъ онъ отличался во всѣхъ положеніяхъ своей жизни. Ему удалось, между прочимъ, своимъ ходатайствомъ склонить къ облегченію участи многихъ ссыльныхъ въ Сибири. Жуковскій былъ самый горячій филантропъ; его собраты по литературѣ находили въ немъ себѣ всегда усерднаго защитника, и даже Пушкинъ и Гоголь были, хотя и различно, но многимъ обязаны ходатайству Жуковскаго.

Въ 1841 году, покончивъ свои обязанности воспитателя, Жуковскій переселился совсѣмъ за-границу на берега Рейна и Майна, и женился тамъ на восемнадцатилѣтней дочери своего стараго друга Рейтерна, Елизаветѣ Алексѣевнѣ.

Заграничный періодъ жизни Жуковскаго, не смотря на его недуги, нервное разстройство и постоянныя заботы о слабомъ здоровьѣ молодой жены, не прошелъ однако даромъ для литературы: кромѣ лучшей своей сказки «О Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ», въ этотъ періодъ Жуковскій

выполнилъ полный переводъ Одиссеи Гомера и персидской повѣсти: «Рустемъ и Зорабъ», по Рюккерту.

Ни о какомъ своемъ трудѣ не говорилъ и не переписывался Жуковскій такъ пространно и со столькими лицами, какъ объ «Одиссеѣ». Онъ не зналъ греческаго языка, и Гомеръ былъ ему извѣстенъ по нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ переводамъ. По русскому переложенію Гнѣдича познакомился онъ съ «Иліадою», а нѣкоторые эпизоды ея переводилъ и самъ еще прежде, въ 1828 году. На переводъ «Одиссеи» смотрѣлъ онъ, какъ на высшую задачу своей поэтической дѣятельности, и притомъ хотѣлъ потѣшить себя напросторѣ поэтическою работой. Дюссельдорфскій профессоръ Грасгофъ, по просьбѣ Жуковскаго, переписалъ Одиссею, и подъ каждымъ греческимъ словомъ поставилъ нѣмецкое слово, а подъ каждымъ нѣмецкимъ — грамматическій смыслъ подлиннаго. «Такимъ образомъ», пишетъ Жуковскій, «я могъ имѣть передъ собою весь буквальный смыслъ «Одиссеи», и имѣть передъ глазами порядокъ словъ. Въ этомъ хаотически-вѣрномъ переводѣ, недоступномъ читателю, были собраны передо мною всѣ матеріалы зданія; недоставало только красоты, стройности и гармоніи. Мнѣ надлежало изъ даннаго нестройнаго выгадывать скрывающееся въ немъ стройное, чутьемъ поэтическимъ отыскивать красоту въ безобразіи, и творить гармонію изъ звуковъ, терзающихъ ухо; и все это не во вредъ, а съ вѣрнымъ сохраненіемъ древней физіономіи оригинала. Въ этомъ отношеніи и переводъ мой можетъ назваться произведеніемъ оригинальнымъ». На такую обработку Жуковскій былъ всего болѣе способенъ. Вездѣ въ переложеніи «Одиссеи» онъ старался сохранить простой сказочный языкъ, избѣгая важности церковно-славянскихъ оборотовъ, и по возможности соглашалъ обороты русскаго

языка съ выраженіями оригинала. При семилѣтнемъ заботливомъ трудѣ надъ переводомъ, при совѣщаніяхъ со свѣдущими эллинистами, Жуковскій значительно освоился съ Гомеромъ, и собственное его поэтическое чутье руководило имъ въ пониманіи древняго пѣвца гораздо лучше, нежели одно глубокое знаніе греческаго языка—многими филологами. Поэтому онъ справедливо могъ сказать о своемъ переводѣ, въ письмѣ къ А. С. Стурдзѣ: «Единственною внѣшнею наградою моего труда будетъ сладостная мысль, что я [во время оно родитель на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ] подъ старость загладилъ свой грѣхъ и отворилъ для отечественной поэзіи двери эдема, не утраченнаго ею, но до сихъ поръ для нея запертаго».

Окончаніе двухъ обширныхъ трудовъ, «Одиссеи» и «Рустема», къ 1849 году, совпало съ пятидесятилѣтіемъ литературной дѣятельности Жуковскаго, которое и было въ отсутствіи самого юбиляра отпраздновано въ Петербургѣ 29-го января 1849 г. Государь Наслѣдникъ присутствовалъ на торжествѣ своего наставника, а покойный Государь Императоръ пожаловалъ ему орденъ Бѣлаго Орла въ ознаменованіе, какъ сказано въ грамотѣ, «особеннаго уваженія къ трудамъ его на поприщѣ отечественной литературы, въ теченіе пятидесяти лѣтъ подъемлемымъ, и въ изъявленіе душевной признательности за заслуги, Царскому семейству оказанныя».

Послѣдніе три года жизни Жуковскаго были временемъ медленнаго разрушенія его силъ. Но тѣмъ не менѣе онъ задумывалъ и въ эту эпоху новыя работы; хотѣлъ приступить къ переводу Иліады, а за два дня до своей смерти говорилъ священнику Базарову: «Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы знали, что̀ послѣ меня останется. Я написалъ поэму:

она еще не кончена; я писалъ ее слѣпой, нынѣшнюю зиму. Это — «Странствующій Жидъ», въ христіанскомъ смыслѣ. Въ ней заключены послѣднія мысли моей жизни. Это моя лебединая пѣснь. Я бы хотѣлъ, чтобъ она вышла въ свѣтъ послѣ меня. Пусть она пойдетъ въ казну дѣтей моихъ. Я начиналъ было переводить ее, диктуя самъ по нѣмецки. Но Юстинъ Кёрнеръ берется перевести ее въ стихахъ. Пусть онъ передѣлываетъ ее по своему, пусть прибавляетъ, но мысль мою онъ пойметъ». Эта «лебединая пѣснь» Жуковскаго подводитъ итогъ религіознымъ воззрѣніямъ его за послѣднія десять лѣтъ его жизни. Сверхъ небольшаго введенія въ стихахъ, въ которомъ излагается преданіе о Вѣчномъ Жидѣ, обреченномъ жить до втораго пришествія Христова, Жуковскій успѣлъ написать почти половину предначертаннаго цѣлаго. Онъ хотѣлъ провести въ «Странствующемъ Жидѣ» мысль послѣднихъ годовъ своей жизни, что страданія и несчастіе приводятъ человѣка къ высшему благу на землѣ, то есть къ вѣрѣ, и что, стало быть, мы должны смотрѣть на страданія и несчастія, какъ на лучшіе дары неба.

За нѣсколько часовъ передъ смертью онъ подозвалъ къ себѣ маленькую дочь свою и сказалъ ей: «Поди, скажи матери, что я нахожусь въ ковчегѣ, и высылаю ей перваго голубя: это—моя вѣра; другой голубь мой, это — терпѣніе». Уже поздно вечеромъ онъ сказалъ тещѣ: «Теперь остается только матеріальная борьба, душа уже готова!» Это были его послѣднія слова.

12 апрѣля 1852 г. Жуковскій скончался въ Баденѣ, откуда тѣло его было перевезено въ Петербургъ и погребено въ Александро-Невской Лаврѣ.

1797

ОДА, БЛАГОДЕНСТВІЕ РОССІИ, УСТРОЯЕМОЕ ВЕЛИКИМЪ ЕЯ САМОДЕРЖЦЕМЪ ПАВЛОМЪ ПЕРВЫМЪ.

Peuple! a vos intérêts je soummetrai les miens,
Et les besoins du trône à ceux des citoyens.
Si mes soins vigilans vous font des jours propices,
Je serai trop payé des tous mes sacrifices.

Откуда тишина златая
Въ блаженной сѣверной странѣ?
Чьей мощною рукой покрыта,
Ликуетъ въ радости она?
Въ ней воздухъ свѣтелъ, небо ясно,
Не видно тучъ, не слышно бурь.
Какъ рѣки въ долахъ тихо льются,
Такъ счастья льются въ ней струи.

Умолкла брань, престали сѣчи;
Россъ на трофеяхъ опочилъ;
Тамъ щитъ, и мечъ, и шлемъ пернатый,
И булава его лежитъ.
Съ улыбкой ангельской, прелестной,
Въ вѣнцѣ, сплетенномъ изъ оливъ,
Низшелъ отъ горнихъ странъ эѳира
Сынъ неба, животворный миръ.

Низшелъ—Россія восплескала,
Пресвѣтлый зря его приходъ;
И милліоны погрузились
Въ восторгъ, въ забвенье, въ тишину.
Спокоились моря пространны;
Съ весельемъ рѣки потекли;
Зіять престали жерла мѣдны;
Молчитъ все, тихо. Громъ заснулъ.

И кто же сей—вѣщай, Россія!
Кто сей, творящій чудеса?
Кто долу миръ съ небесъ низводитъ
И нову жизнь тебѣ даетъ?
«То Павелъ, ангелъ мой хранитель,
Примѣръ, краса вѣнчанныхъ главъ,
Покровъ мой, щитъ мой и отрада,
Владыка, пастырь, іерархъ.»

Рекла—и пѐрстомъ указуетъ
Одѣянъ славой мирной тронъ.
О, коль видѣніе прекрасно
Открылось взору моему!...
Тамъ возсѣдитъ, въ сіяньи солнца,
Великій Павелъ, будто Богъ.
Престолъ его поставленъ твердо
На россхихъ пламенныхъ сердцахъ.

Блестящимъ служитъ балдахиномъ
Ему святой его законъ;
Его скиптръ—кротость, а держава
Есть благо подданныхъ его.
Вѣнецъ — премудрость составляетъ,
Блистая ярко на главѣ;
Ея лучами освѣщаетъ
Полсвѣта Павелъ съ высоты.

Въ его десницѣ зрится чаша,
Изъ коей милости онъ льетъ,
Она во вѣкъ не истощится:
Источникъ то воды живой.
Какъ тихій дождь, шумя въ день знойный,
Собой тварь жаждущу свѣжитъ,
Такъ онъ струитъ токъ благотворный
Въ сердца приверженны къ нему.

Его чертогъ есть храмъ священный,
Храмъ правосудія, любви.
Вельможа въ золотой одеждѣ,
И бѣдный въ рубищѣ простомъ,
Герой съ побѣдоноснымъ лавромъ,
Вдова съ горячею слезой,
Невинный, сильными гнетомый,
Всѣ, всѣ равно къ нему текутъ.

Его недремлющее око
Всегда на чадъ устремлено,
О ихъ блаженствѣ онъ печется
И славу возвышаетъ ихъ.
Онъ все содержитъ, устрояетъ,
Хранитъ все, движетъ и живитъ;
Онъ сердце, онъ душа Россіи;
Для ней онъ жертвуетъ собой.

И музы Павломъ не забыты —
Онъ имъ отрада и покровъ.
Его порфирой осѣненны,
Онѣ ликуютъ въ тишинѣ.
Ихъ гласы стройны раздаются,
Златыя лиры ихъ звучатъ,
Онѣ свой жребій ублажаютъ,
Въ восторгѣ сладостномъ поютъ:

«О Павелъ! о монархъ любезный!
Подъ сильною твоей рукой
Мы не страшимся бурь, ненастья:
Спокойны и блаженны мы.
Ты царствуй — мы дѣла прославимъ
Твои въ грядущи времена,
Изъ лучезарныхъ звѣздъ созиждемъ
Безсмертія тебѣ вѣнецъ.»

И Павелъ кротко пѣсни внемлетъ,
Склоняя къ нимъ съ престола слухъ.
«Такъ, юны музы! — онъ вѣщаетъ —
Я буду царствовать, а вы
Скажите позднему потомству:
— Онъ подъ вѣнцомъ былъ человѣкъ;
О подданныхъ, какъ чадахъ, пекся;
Для нихъ, для нихъ лишь онъ и жилъ;

Гнушался лести и коварства,
На тронѣ истинѣ внималъ,
Для блага общаго покоемъ
Онъ собственнымъ не дорожилъ.»
Вѣщалъ — и новыя щедроты
Рѣкою шумной полились,
Вѣщалъ — и новые законы
Сама премудрость изрекла.

О россы! о дражайши россы!
Какихъ блаженныхъ, красныхъ дней,
Какихъ отрадъ, какихъ восторговъ
Не можете вы ожидать?
Не царь — отецъ, отецъ вамъ Павелъ,
Ко благу, къ славѣ вѣрный вождь.
Ступайте вслѣдъ за нимъ, спѣшите:
Онъ въ храмъ безсмертья васъ введетъ!

А вы, избранныхъ россовъ чада,
Отечества надежда, цвѣтъ!
Растите, въ силахъ укрѣпляйтесь,
Учитесь сердцемъ Павла чтить,
Питайте огнь къ нему любови,
Питайте съ самыхъ юныхъ лѣтъ,
Чтобъ послѣ быть его сынами,
И жизнью жертвовать ему.

МАЙСКОЕ УТРО.

Бѣлорумяна
Всходитъ заря,
И разгоняетъ
Блескомъ своимъ
Мрачную тьму
Черныя ночи.

Фебъ златозарный,
Ликъ свой явивши,
Все оживилъ.
Вся ужъ природа
Свѣтомъ одѣлась,
И процвѣла.

Сонъ встрепенулся,
И отлетаетъ
Въ царство свое.
Грезы, мечтанья,
Роемъ пчелинымъ,
Мчатся за нимъ.

Смертные, вспряньте!
Съ благоговѣньемъ,

Съ чистой душой,
Павъ предъ Всевышнимъ,
Пламень сердечный
Мы изліемъ.

Радужны крылья
Распростирая,
Бабочка пестра
Вьется, кружится,
И лобызаетъ
Нѣжно цвѣтки.

Трудолюбива
Пчолка златая
Мчится, жужжитъ,
Все, что безплодно,
То оставляетъ —
Къ розѣ спѣшитъ.

Горлица нѣжна
Лѣсъ наполняетъ
Стономъ своимъ.
Ахъ! знать любезна,
Сердцу драгова
Съ ней уже нѣтъ!

Вѣрна подружка!
Для чего тщетно
Въ грусти, тоскѣ,
Время проводишь?
Рвешь и терзаешь
Сердце свое?

Можно ль о благѣ
Плакать другаго?...

Онъ вѣдь заснулъ,
И не страшится
Лука и злобы
Хитра стрѣлка.

Жизнь, другъ мой, бездна
Слезъ и страданій....
Счастливъ стократъ
Тотъ, кто достигнувъ
Мирнаго брега,
Вѣчнымъ спитъ сномъ.

1798

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Подъ звѣзднымъ кровомъ тихой ночи,
При свѣтѣ блѣдныя луны,
Въ тѣни вѣтвистыхъ кипарисовъ,
Брожу межъ множества гробовъ.
Повсюду зрю сооруженны
Богаты памятники тамъ;
Порфиромъ, златомъ обложенны,
Тамъ мраморны столпы стоятъ.

Порфиръ надгробный не являетъ
Душевныхъ истинныхъ красотъ;
Гробницы, урны, пирамиды —
Не знаки ль суетности то?
Они блаженства не доставятъ
Ни здѣсь, ни въ новомъ бытіи,
И царь сравняется съ убогимъ,
Герой тамъ ляжетъ, гдѣ пастухъ.

Съ косою острой, кровожадной,
Съ часами быстрыми въ рукахъ,
Съ сѣдой всклокоченной брадою,
Кидая всюду страшный взоръ,
Сатурнъ несытый и свирѣпый
Паритъ черезъ вселенну всю;
Паритъ — и груды оставляетъ
Развалинъ слѣдомъ за собой.

Валятся дубы вѣковые,
Трясутся горъ предъ нимъ сердца,
Трещатъ забрала и твердыни,
И мѣдны рушатся врата.
Падутъ и троны, и начальства,
Истлѣетъ посохъ, какъ и скиптръ,
Вѣнцы лавровые поблекнутъ,
Трофеи гордые сгніютъ.

Стоялъ гдѣ памятникъ герою,
Увы! что видимъ мы теперь?
Однѣ развалины ужасны,
Шипятъ межъ коими змѣи,
Остались вмѣсто обелиска,
Что гордо высился за вѣкъ,
За вѣкъ предъ симъ — и нѣтъ его!...
И слава тщетная молчитъ.

И что жъ покажетъ, что мы жили,
Когда все время рушитъ такъ?
Не камень гибнущій величье
Въ потомствѣ позднемъ намъ придастъ,
И не порфирны обелиски
Прославятъ насъ, превознесутъ.
Увы! несчастенъ, кто оставилъ
Лишь ихъ — и болѣ ничего!

Изчезнутъ тщетны украшенья,
Когда застонетъ вся земля,
Какъ заревутъ ужасны громы,
Падетъ, разрушится сей міръ.
И тѣни ихъ тогда не будетъ,
И самый прахъ ихъ пропадетъ;
Все, все развѣется, погибнетъ,
Какъ пыль, какъ дымъ, какъ тѣнь, какъ сонъ!

Тогда останутся нетлѣнны
Одни лишь добрыя дѣла.
Ничто не можетъ ихъ разрушить,
Ничто не можетъ ихъ затмить.
Предъ Богомъ насъ они прославятъ,
Въ одежду правды облекутъ;
Тогда мы съ радостью явимся
Предъ тронъ всемощнаго Творца.

О сколь священна, добродѣтель,
Должна ты быть для смертныхъ всѣхъ!
Рабы, какъ и владыки міра,
Должны тебя боготворить.
На что мнѣ памятники горды?
И скиптръ, и посохъ — все равно:
Равно подъ мраморомъ въ могилѣ,
Равно подъ дерномъ — прахъ лежитъ.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Отъ свѣта свѣтовъ лучъ излился,
И добродѣтель родилась!
Въ тьмѣ міръ дремавшій пробудился,
Земля весельемъ облеклась;
Въ священномъ торжествѣ природа
Объемлетъ даръ для смертныхъ рода;

От горнихъ, свѣтлыхъ странъ небесъ
Златой, блаженный вѣкъ спустился,
Восторгъ божественный вселился
Во глубинѣ святыхъ сердецъ.

На землю дщерь Творца предстала,
Твореній хоръ ей гимнъ воспѣлъ;
Пустыня свѣтлымъ раемъ стала;
Какъ кринъ, повсюду миръ процвѣлъ;
Любовь, невинность, кротость нравовъ;
Безъ строгости и безъ уставовъ,
Правдивость, честность всѣмъ эгидъ;
Повсюду дружба водворилась,
Повсюду истина явилась,
Предáнность, вѣрность, совѣсть, стыдъ.

Дохнула злоба — и родился
Кровавый, яростный раздоръ;
Вздохнулъ онъ — вздохъ сей повторился
Среди сердецъ кремнистыхъ горъ;
Ужасный ядъ — его дыханье,
Убійство, смерть — его желанье,
И мракъ — блистаніе очей.
Взглянулъ — и брани воспылали,
Несчастны жертвы застонали,
Кровь быстрой полилась струей.

Одѣянъ бурей вѣкъ желѣзный,
Потрясши кругъ земли, предсталъ;
Померкъ натуры видъ любезный,
И смертный счастливъ быть престалъ.
Съ цѣпей своихъ Борей сорвался,
Въ поляхъ небесныхъ громъ раздался,
Завылъ и лѣсъ и сонмъ морей!
Съ луговъ зефиры улетѣли,

По рощамъ птицы онѣмѣли,
И свѣтлый не журчитъ ручей.

Дщерь ада, злоба есть содѣтель
Безчисленныхъ, лютѣйшихъ бѣдъ;
Но не изчезла добродѣтель!
Она еще, еще живетъ;
Еще ей созидаютъ храмы,
Еще курятъ ей ѳиміамы;
Но, ахъ! златой ужъ вѣкъ изчезъ,
Въ пучинѣ вѣчности сокрылся,
Одинъ лишь лучъ къ намъ отдѣлился
И добрымъ миръ съ собой принесъ.

Иной гордыни чтитъ законы,
Идетъ неправды по стезямъ;
Иной коварству зиждетъ троны
И дышетъ лестію къ царямъ;
Иной за славою стремится;
Тотъ злата алчностью томится,
Тотъ ратуетъ съ врагомъ своимъ,
И всякъ путь ложный избираетъ,
Въ ночи какъ будто бы блуждаетъ;
Его дѣла — ничтожный дымъ.

И мужъ, премудростью почтенный,
Во испытаньяхъ посѣдѣвъ,
Мужъ праведный и просвѣщенный
Вздохнетъ, на все сіе воззрѣвъ;
Въ мечтаньяхъ сихъ онъ тлѣнность видитъ,
Порокъ и зло онъ ненавидитъ,
И добродѣтели кумиръ
Въ своей душѣ онъ обожаетъ,
Свою всю жизнь ей посвящаетъ,
Его чертогъ — пространный міръ.

Кто правды, честности уставы,
Въ теченье дней своихъ блюдетъ,
Тотъ къ счастью обрѣтетъ путь правый,
Корабль свой въ пристань приведетъ;
Среди онъ бѣдствій не погибнетъ,
Въ гоненьи рока онъ возникнетъ,
Его перунъ не устрашитъ.
Когда и смерть къ нему явится,
То духъ его возвеселится,
Къ блаженству спѣшно полетитъ.

О вы, подобье юныхъ криновъ!
Въ васъ пламень бодрости горитъ,
Въ васъ зрю я доблесть славяниновъ —
Учитесь добродѣтель чтить;
Въ душѣ ей храмъ соорудите,
Ей мысли, чувства посвятите,
Стремитесь мудрыхъ по стезямъ.
Кругъ жизни вашей совершится,
Но солнце вашихъ дней затмится,
Зарю оставя по слѣдамъ.

1799

МИХАЙЛѢ МАТВѢЕВИЧУ ХЕРАСКОВУ

отъ воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона на полученіе имъ ордена св. Анны 1-й степени.

Еще, Херасковъ, другъ Минервы,
Еще вѣнецъ ты получилъ!
Сердца въ восторгѣ пламенѣютъ
Приверженныхъ къ тебѣ дѣтей,

Которыхъ нѣжною рукою
Ведешь ты въ храмъ святой наукъ,
Въ тотъ храмъ, гдѣ муза озарила
Тебя безсмертія лучемъ.
Дѣла благія — вѣчно живы,
Плоды ихъ зрѣютъ въ небесахъ,
И здѣсь и тамъ ихъ ждетъ награда:
Здѣсь царь вѣнчаетъ ихъ, тамъ — Богъ!

МОГУЩЕСТВО, СЛАВА И БЛАГОДЕНСТВІЕ РОССІИ.

На тронѣ свѣтломъ, лучезарномъ,
Что полвселенной на столпахъ
Взнесенъ, незыблемо поставленъ,
Россія въ славѣ возсѣдитъ.
Златой шеломъ, огнеперный
Блистаетъ на главѣ ея;
Вѣнецъ лавровый осѣняетъ
Ея высокое чело;
Лежитъ на шуйцѣ щитъ алмазный;
Расширивши крылѣ свои,
У ногъ ея орелъ полночный
Почіетъ — громъ его молчитъ.

Окрестъ блестящаго престола,
Въ безчисленный собравшись сонмъ,
Стоятъ полночные народы,
Съ почтеньемъ долу преклонясь:
Славянинъ въ шлемѣ златовидномъ,
Татаръ съ свинцовой булавой,
Черкесъ въ булатныхъ, тяжкихъ латахъ,
Бобромъ одѣтый камчадалъ,
Съ сѣтями финнъ, живущій въ нордѣ,
Съ сѣкирой острой алеутъ,

Киргизецъ съ лукомъ напряженнымъ,
Съ стальною саблею сарматъ.

Она сидитъ — и свѣтлымъ окомъ
Зритъ на владычество свое;
Прелестный юноша предъ нею,
Склоняющъ слухъ къ ея словамъ.
«Мой сынъ! — гласитъ ему Россія —
Простри свой взоръ окрестъ себя;
Простри и виждь страны цвѣтущи,
Подвластны скиптру моему:
Ты въ нѣдрѣ ихъ рожденъ, воспитанъ,
Въ ихъ нѣдрѣ счастье — жребій твой;
Въ ихъ нѣдрѣ ты свое теченье
Со славой долженъ совершать!

«Воззри и въ радостномъ восторгѣ
Клянись и сердцемъ и душой
Быть сыномъ мнѣ нѣжнѣйшимъ, вѣрнымъ,
Мнѣ жизнь и чувства посвятить;
Воззри на мощь мою, на славу,
Мои сокровища изчисль;
Смотри, тамъ Бельтъ пространный воетъ,
Тамъ пѣнится шумящій Понтъ,
Тамъ Льдистый океанъ волнится,
Въ себя пріемлющъ сонмы рѣкъ,
Тамъ бурный океанъ Восточный
Камчатскій опѣняетъ брегъ.

«Здѣсь Волга бѣлыми струями
Катится по полямъ, лугамъ,
Благословенье изливаетъ
И радость на хребтѣ несетъ;
Тамъ Донъ клубится, Днѣпръ бунтуетъ;
Уральскихъ исполиновъ рядъ

Дѣлитъ тамъ Азію съ Европой,
И подпираетъ небеса;
Сибирь, хранилище сокровищъ,
Здѣсь возвышаетъ свой хребетъ;
Херсонъ гордится тамъ плодами,
Прельщающими взоры, вкусъ.

«Цвѣтетъ обиліе повсюду!
На тучныхъ пажитяхъ, лугахъ,
Стада безчисленны пасутся;
Покрыты класами поля
Струятся, какъ моря златыя;
Весельемъ дышущъ земледѣлъ
При полныхъ житницахъ ликуетъ.
Тамъ села мирныя мои;
Тамъ грады крѣпкіе, цвѣтущи;
Москва, Петрополь и Казань,
На брегѣ быстрыхъ рѣкъ, пѣнистыхъ,
Возносятъ стѣны къ облакамъ.

«Повсюду въ ратномъ украшеньи
Блистаютъ воинства ряды,
На шлемахъ перья развѣваютъ,
На копьяхъ солнца лучъ горитъ,
Мечи гремятъ въ десницахъ мощныхъ;
Кони, гордяся, гриву вверхъ
Вздымаютъ, ржутъ, біютъ ногами,
Крутятъ песокъ, вьютъ прахъ столбомъ;
Огонь летитъ багрянымъ вихремъ
Изъ мѣдныхъ челюстей, гремя,
Долины грохотъ повторяютъ,
И эхо предаютъ горамъ.

«На влагѣ бурныхъ океановъ,
Разширивъ бѣлыя крылѣ,

Летаютъ въ грозныхъ строяхъ флоты,
Нося во мрачныхъ нѣдрахъ смерть,
Пѣнятъ и Бельтъ и Понтъ въ стремленьи,
Предъ ними ужасъ, громъ летитъ.
Отъ всѣхъ вселенныя предѣловъ
Плывутъ съ богатствомъ корабли,
И пристаней моихъ достигнувъ,
Тягчатъ сокровищами брегъ:
Богатый Альбіонъ приноситъ
Своихъ избытковъ лучшу часть;

«Волнисту шерсть и шолкъ тончайшій
Несетъ съ востока оттоманъ;
Арабъ коней приводитъ быстрыхъ,
Въ своихъ степяхъ ихъ укротивъ;
Китай фарфоръ и мускъ приноситъ,
Моголецъ шлетъ алмазъ, рубинъ,
Емень даритъ свой кофе вкусный;
Какъ горы, по полямъ идутъ
Верблюды съ персками коврами;
Отъ всѣхъ земли предѣловъ, странъ,
Народы мнѣ приносятъ дани,
Цари сокровища мнѣ шлютъ.

«Тамъ въ храмахъ, музамъ посвященныхъ,
Текутъ для юношей струи
Премудрости, нравоученья;
Тамъ въ кроткой, мирной тишинѣ,
На лирѣ золотой бряцая,
Поэтъ восторгъ небесный свой
Чертами пламенными пишетъ;
Тамъ Праксителевъ ученикъ
Влагаетъ жизнь во хладный мраморъ,
Велитъ молчанью говорить;

Тамъ мѣдь являетъ зракъ героя —
Въ немъ пламень мужества горитъ.

«Тамъ холстъ, подъ кистью Апеллеса,
Рождаетъ тысячи красотъ;
Тамъ новаго Орфея лира
Струнами сладкими звучитъ.
Вездѣ блеститъ лучъ просвѣщенья!
И благотворный свѣтъ его,
Съ лучемъ религіи сливаясь,
Все кроткой теплотой живитъ
И тронъ мой блескомъ одѣваетъ.
Мой сынъ, кто въ свѣтѣ равенъ мнѣ?
Какое царство въ поднебесной
Блаженнѣй царства моего?»

Се образъ радостной Россіи!
Но нѣкогда густая тьма,
Какъ ночь, поверхъ ея носилась;
Язычество свой ѳиміамъ
На жертвенникахъ воскуряло,
И кровь подъ жреческимъ ножемъ
Дымилась въ честь нѣмыхъ кумировъ....
Съ престола Святославовъ сынъ
Простеръ свой скиптръ державный, мощный—
И кроткій христіанства лучъ
Блеснулъ во всѣхъ концахъ Россіи:
Къ Творцу моленья вознеслись.

Стенала нѣкогда въ оковахъ
Россія подъ пятой враговъ,
Неистовыхъ, кичливыхъ, злобныхъ....
Ее сарматъ и скандинавъ
Тягчили скипетромъ желѣзнымъ;
Москва, съ поникшею главой,

Подъ игомъ рабства унывала,
Затмилась красота ея;
И россъ слезящими очами
Взиралъ на бѣдства вкругъ себя,
На грады, въ пепелъ обращенны,
На кровь, кипящу по полямъ.

Явился Петръ — и иго бѣдствій
Престало россовъ отягчать;
Какъ холмъ, одѣтый тѣнью ночи,
Являющійся съ юнымъ днемъ,
Такъ все весельемъ озарилось,
Главу Россія подняла,
Престолъ ея, вознесшись къ небу,
Разсыпалъ на вселенну тѣнь;
Ея Алкиды загремѣли;
Кичливый врагъ упалъ, изчезъ.
И се, во славу облеченна,
Она блаженствуетъ, цвѣтетъ!

Се Павелъ съ трона славы, правды,
Простерши милосердья длань,
Блаженство милліоновъ зиждетъ,
Струями радость, счастье льетъ,
И царства падшія подъемлетъ! *
Се новый россkій Геркулесъ,
Возникшу гидру поражая,
Тягчитъ пятой стоглавый Альпъ,
Щитомъ вселенну осѣняетъ.
Се знамя росское шумитъ
Средь троновъ, въ прахѣ низложенныхъ.
И се грядетъ къ намъ новый вѣкъ!

---

* Писано около того времени, когда войска русскія одерживали побѣды въ Италіи, подъ командою Суворова.

Падите, россы! на колѣна,
Молите съ пламенной душой,
Молите сердцемъ Бога славы,
«Да онъ любовію своей
Хранитъ Россію въ вѣкъ грядущій,
И новымъ свѣтомъ облечетъ.
Да снидетъ миръ къ намъ благодатный,
И міру радость принесетъ.
Да лучъ премудрости разсѣетъ
Невѣжества послѣдній мракъ,
И да всеобщее блаженство
Вселенну въ рай преобразитъ!»

1800

СТИХИ НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Изъ нѣдра вѣчности рожденный,
Паритъ къ намъ юный сынъ вѣковъ.
Сотканна изъ зарей порфира
Струится на плечахъ его;
Лучи главу его вѣнчаютъ,
Простертъ о чреслахъ зодіакъ,
Въ его десницѣ зрится чаша,
Гдѣ скрыты жребіи судьбы,
Изъ коей вѣчными струями
Блаженство и бѣды текутъ.

Летитъ — предъ нимъ часы, минуты,
Ліются быстрою струей;
Сопутницы, его подруги,
Несутъ вселенной благодать:

Зима въ своей коронѣ льдяной,
Въ сотканной ризѣ изъ снѣговъ,
Весна съ цвѣточными коврами,
Съ плодами осень для древесъ,
Съ снопами лѣто золотыми
И благотворной теплотой.

Летитъ — во срѣтенье вселенна
Ему благословенья шлетъ;
Желанья, робкія надежды,
Несутся сонмами къ нему;
Къ нему стремится гласъ хвалебный,
Къ нему летитъ слеза и вздохъ;
Монархъ съ блестящаго престола,
И нищій съ бѣднаго одра,
Къ нему возводятъ взоръ молящій,
Благодѣяній ждутъ его. . . .

Лети, сынъ вѣчности желанный,
Лети, и по слѣдамъ своимъ
Цвѣты блаженства вожделѣнны
И кротку радость насаждай. . . .
Пускай полетъ твой благодатный,
Какъ зéфиръ, землю освѣжитъ;
Любовь, согласіе священно,
Во всей вселенной утвердитъ.

КЪ ТИБУЛЛУ.

НА ПРОШЕДШІЙ ВѢКЪ

Онъ совершилъ свое теченье,
И въ безднѣ вѣчности изчезъ....
Могилы, пепелъ, разрушенье,

Пучина бѣдствій, крови, слезъ —
Вотъ путь его и обелиски!

Тибуллъ, все подъ луною тлѣнно!
Давно-ль на холмѣ семъ стоялъ
Столѣтній дубъ, густой, надменной,
И долъ вѣтвями осѣнялъ?
Ударилъ громъ — и дубъ поверженъ!

Давно ли и любимецъ славы
Народовъ жребіемъ игралъ,
Вселенной подавалъ уставы,
И небо къ распрѣ вызывалъ?
Дохнула смерть — что онъ? — горсть пыли.

Тибуллъ, намъ въ мірѣ жить не вѣчно:
Вся наша жизнь лишь только мигъ.
Какъ молнья, время скоротечно!
На быстрыхъ крыліяхъ своихъ
Оно летитъ и все съ нимъ гибнетъ.

Едва на дневный свѣтъ мы взглянемъ,
Едва себя мы ощутимъ,
И жизнью радоваться станемъ,
Уже въ сырой землѣ лежимъ,
Ужъ мы добыча разрушенья!

Тибуллъ, нельзя чтобы природа
Лишь для червей насъ создала;
Чтобъ мы, проживши два, три года,
Прешедъ сквозь мрачны дебри зла,
Съ лица земли, какъ тѣни скрылись!

На что винить боговъ напрасно?
Себя мы можемъ пережить;

Любя добро и мудрость страстно,
Стремясь друзьями міру быть,
Мы живы въ самомъ гробѣ будемъ!

МИРЪ.

Проснись, пиѳійскаго поэта древня лира, *
Вѣщательница дѣлъ геройскихъ, брани, мира!
Проснися, новый звукъ отъ струнъ твоихъ издай,
И сладкою своей игрою насъ плѣняй,
Исполни духъ святымъ восторгомъ!

Какъ лира дивная небеснаго Орфея,
Гремишь ли битвы ты—наперсники Арея
Берутся за мечи и взорами грозятъ;
Ихъ бурные кони ярятся и кипятъ,
Крутя свои волнисты гривы.

Поешь ли тишину—громъ Зевса потухаетъ,
Орелъ, у ногъ его сидящій, засыпаетъ,
Вздымая медленно пернатый свой хребетъ;
Ужасный Марсъ свой мечъ убійственный кладетъ
И кротость въ сердцѣ ощущаетъ.

Проснись, и миръ воспой блаженный, благодатный.
Пусть онъ слетитъ съ небесъ, какъ нѣкій богъ крылатый,
Вѣчно-зеленою оливою махнетъ,
Брань страшную съ лица вселенной изженетъ,
И примиритъ земные роды.

---

* Пиндаръ. 2-я и 3-я строфа взяты изъ одной его оды. — В. Ж.

Гдѣ онъ, тамъ вѣчное веселье обитаетъ,
Тамъ человѣчество свободно процвѣтаетъ,
Питаясь щедростью природы и боговъ,
Тамъ звукъ не слышится невольничьихъ оковъ,
И слезы горьки не струятся.

Тамъ нивы жатвою покрыты золотою,
Тамъ въ селахъ царствуетъ довольство съ тишиною,
Спокойно грады тамъ въ поля бросаютъ тѣнь,
Тамъ счастье навсегда свою воздвигло сѣнь,
Оно лишь съ миромъ сопряженно.

Безпечно селянинъ поля тамъ засѣваетъ,
Лишь пòтомъ ихъ своимъ, не кровью орошаетъ,
Супругъ спокойно спитъ супруги на рукахъ,
И въ самомъ снѣ своемъ, въ плѣняющихъ мечтахъ,
Еще свое блаженство видитъ.

Тамъ мирно старецъ дней закатомъ веселится,
Могилы на краю неволи не страшится,
Ступя ногою въ гробъ, онъ смотритъ со слезой
Унылый, горестный, на путь скончанный свой,
И жить еще, еще желаетъ.

Тамъ воинъ, лишь въ поляхъ сражаться пріученный,
Смягчается — и мечъ, къ убійству изощренный,
Въ отеческомъ дому подъ миртами кладетъ,
Блаженство тишины и дружбы познаетъ,
Союзъ съ природой обновляетъ.

Тамъ музы чистыя, увѣнчанны оливой,
Веселымъ пѣніемъ возносятъ дни счастливы,
Ихъ лиры стройныя согласнѣе звучатъ,
Спокойствіе онѣ, не страшну брань гласятъ,
Святую добродѣтель славятъ.

Слети, блаженный миръ! — вселенная взываетъ —
Туда, гдѣ бранныя знамена развѣваютъ,
Гдѣ мертвъ природы гласъ и гдѣ ея сыны
На персяхъ матери сражаются, какъ львы,
Гдѣ братья братьевъ поражаютъ.

О страхъ!... какъ яростно другъ на друга стремятся!
Кони въ пыли, въ поту, свирѣпствуютъ, ярятся,
И топчутъ всадниковъ, поверженныхъ во прахъ,
Оружія гремятъ, кровь льется на мечахъ,
И стоны къ небесамъ восходятъ.

Тотъ сердца не имѣлъ, отъ камня тотъ родился,
Кто первый съ бѣшенствомъ на брата устремился...
Скажите, кто перунъ безумцу въ руки далъ
И жизни моея владыкою назвалъ,
Надъ коей я и самъ не властенъ?

А слава? — Нѣтъ! Ее злодѣй лишь въ брани ищетъ,
Лишь онъ въ стенаніяхъ побѣдны гимны слышитъ,
Въ кровавыхъ грудахъ тѣлъ трофеи чести зритъ;
Потомство извергу проклятіе гласитъ,
И лавръ его поблекшій тлѣетъ.

А твой всегда цвѣтетъ, о россъ великосердый,
Въ примѣръ земнымъ родамъ судьбой превознесенный!
Но время удержать орлиный твой полетъ,
Колоссъ незыблемъ твой, онъ вѣчно не падетъ,
Чего жъ еще желать осталось?

Ты славы путь протекъ Алкидовой стопою,
Полсвѣта покорилъ могучею рукою;
Тебѣ возможно все, ни въ чемъ препоны нѣтъ:
Но стой, россъ! опочій — се новый вѣкъ грядетъ!
Онъ миртъ тебѣ, не лавръ приноситъ.

Возьми сей миртъ, возьми и снова будь героемъ,
Героемъ въ тишинѣ, не въ кроволитномъ боѣ.
Будь міра гражданинъ, вѣнецъ лавровый свой
Омой сердечною, чувствительной слезой,
Тобою падшимъ посвященной!

Брось палицу свою, и щитъ необоримый,
Преобрази во плугъ свой мечъ несокрушимый,
Пусть роетъ онъ поля отчизны твоея;
Прямая слава въ ней, лишь въ ней ищи ея,
Лишь въ ней ее обрѣсть ты можешь.

На персяхъ тишины, въ спокойствіи блаженномъ
Цвѣти, съ народами земными примиренный!
Цвѣти, великій россъ! лишь злобу поражай,
Лишь страсти буйныя, строптивы побѣждай,
И будь во брани только съ ними.

ПЛАТОНУ,

неподражаемому, достойно славящему господа.

Платонъ, великій мужъ! когда ты прославлялъ
Намъ кроткаго отца въ зиждителѣ вселенной,
Тогда я съ пламенной душею, восхищенной,
Къ Творцу всемощному моленье возсылалъ,
Да благостью своей Платона сохранитъ,
И драгоцѣнны дни великаго продлитъ.

Вязьмы́, 25 Декабря, 1800.

1801

КЪ ЧЕЛОВѢКУ

A Worm, a God!
Young.

«Ничтожный человѣкъ, что жизнь твоя? Мгновенье.
Взглянулъ на дневный лучъ — и нѣтъ тебя — пропалъ!
Изъ тьмы небытія злой рокъ тебя призвалъ
На то лишь, чтобъ предать въ добычу разрушенья;
Какъ быстра тѣнь, мелькаешь ты!

«Игралище судьбы, волнуемый страстями,
Какъ ярымъ вихремъ листъ, ужасный жребій твой
Бороться съ горестью, болѣзньми и собой!
Несчастный, поглощенъ могучими волнами,
Ты страшну смерть находишь въ нихъ.

«Въ безсиліи своемъ, пристанища лишенный,
Гонимъ со всѣхъ сторонъ, ты странникъ на земли!
Что твой парящій умъ? Что замыслы твои?
Дыханье вѣтерка — и гдѣ ты, прахъ надменный,
Гдѣ жизни твоея слѣды?

«Ты дерзкой мыслію за небеса стремишься!
Сей низложенный кедръ соперникъ былъ громамъ,
Но онъ разбитъ, въ пыли, добыча онъ червямъ.
Гдѣ мощь корней его?... Престань, безумецъ, льститься!
Тебѣ ли гордымъ, сильнымъ быть?

«Ты нынѣ, обольщенъ надеждой, зиждешь стѣны,
Заутра же онѣ, разсыпавшись, падутъ,
И персти твоея подъ ними не найдутъ.
Сынъ разрушенія, мечта протекшей тѣни!
И настоящій мигъ не твой.

«Ты веселишь себя надеждой наслажденій!
Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ! сей міръ вертепъ страданій, слезъ,
Ты съ жизнію въ него блаженства не принесъ;
Терзайся, рвись, и будь игрою заблужденій,
Влачи до гроба цѣпи золъ.

«Такъ — въ гробѣ лишь твое спокойство и отрада,
Могила — тихій сонъ, а жизнь — съ бѣдами брань,
Судьба — невидимый, безчувственный тиранъ,
Необоримая ко счастію преграда!
Ничтожность страшный твой удѣлъ!

«Чего жъ искать тебѣ въ сей пропасти мученій?
Скорѣй, скорѣй въ ничто! Ты небомъ позабытъ,
Одинъ перунъ его лишь надъ тобой гремитъ!
Его проклятіемъ на вѣки отягченный,
Твое убѣжище лишь смерть!»

Такъ въ гордости своей, слѣпой, неправосудной,
Безумецъ возстаетъ на небо и на рокъ.
Всемощный, гнѣвъ твой спитъ!... Сотри кичливый рогъ,
Воздвигнись, облеченъ во славѣ неприступной,
Грянь, грянь! — и дерзкій ляжетъ въ пыль.

Или не знаешь ты, мечтатель напыщенный,
Что непримѣтный червь, сокрывшійся во прахъ,
И дерзостный орелъ, парящій въ небесахъ,
Превыше черныхъ тучъ и молній вознесенный,
Предъ взоромъ Вѣчнаго ничто!

Тебѣ ли обвинять премудрость провидѣнья?
Иль таинства его открыты предъ тобой?
Или въ дѣлахъ его ты избранъ судіей?
Иль знаешь ты вещей конецъ, опредѣленье,
И взоромъ будущность проникъ?

Въ страданіяхъ своихъ ты небо укоряешь.
Творецъ твой не тиранъ, ты страждешь отъ себя!
Онъ благъ, для счастія онъ въ міръ призвалъ тебя;
Изъ чаши радостей ты горесть испиваешь,
Ужели рокъ виновенъ въ томъ?

Безумецъ, пробудись! воззри на міръ пространной:
Все дышетъ счастіемъ, все славитъ жребій свой,
Всему начертанъ кругъ Предвѣчнаго рукой,
Уже ли ты одинъ, природы царь избранный,
Краса всего, судьбой забвенъ?

Познай себя, познай! Коль въ дерзкомъ ослѣпленьи
Захочешь ты себя за край міровъ вознесть,
Сравниться со Творцемъ, ты непримѣтна персть!
Но ты великъ собой, сей міръ твое владѣнье,
Ты духомъ тварей властелинъ!

Тебѣ послушно все, ты смѣлою рукою
На бурный океанъ оковы наложилъ,
Пронзилъ утесовъ грудь, перуны потушилъ,
Подоблачны скалы валятся предъ тобою,
Твое велѣніе — законъ!

Всѣ бѣдствія твои — мечты воображенья,
Оружія на нихъ судьбой тебѣ даны.
Воздвигнись въ крѣпости — и всѣ побѣждены!
Великимъ, мудрымъ быть — твое опредѣленье,
А ты ничтожны слезы льешь!

Сей дерзостный утесъ, гранитными плечами
Подперши небеса, и вихрямъ и громамъ
Смѣется, и одинъ противится вѣкамъ,
У ногъ его клубитъ ревущими волнами
Угрюмый, грозный океанъ.

Орелъ, ужаленный зміею раздраженной,
Терзаетъ, рветъ ее въ своихъ крутыхъ когтяхъ,
И члены размѣтавъ, со пламенемъ въ очахъ,
Расширивши крылѣ, весь кровью обагренный,
Паритъ съ побѣдой къ небесамъ.

Мужайся! и попрешь противниковъ стопою;
Твой рай и адъ въ тебѣ! Брань, брань твоимъ страстямъ!
Передъ тобой отверстъ безсмертья вѣчный храмъ,
Ты смерти сломишь серпъ могучею рукою,
Могила — къ вѣчной жизни путь!

О вы, птенцы наукъ, путь жизни передъ вами!
Теките, ополчась премудрости мечемъ,
Изгнавъ изъ сердца страхъ — и блѣдныхъ бѣдствій сонмъ
Изчезнетъ какъ туманъ предъ дневными лучами;
Васъ радость, слава, вѣчность ждутъ!

1802

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

ЭЛЕГІЯ, ИЗЪ ГРЕЯ.

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой;
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ, задумавшись, въ шалашъ спокойный свой.

Въ туманномъ сумракѣ окрестность изчезаетъ...
Повсюду тишина, повсюду мертвый сонъ;
Лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ.

Лишь дикая сова, таясь подъ древнимъ сводомъ
Той башни, сѣтуетъ, внимаема луной,
На возмутившаго полуночнымъ приходомъ
Ея безмолвнаго владычества покой.

Подъ кровомъ черныхъ соснъ и вязовъ наклоненныхъ,
Которые окрестъ, развѣсившись, стоятъ,
Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ
Навѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спятъ.

Денницы тихій гласъ, дня юнаго дыханье,
Ни крики пѣтуха, ни звучный гулъ роговъ,
Ни ранней ласточки на кровлѣ щебетанье,
Ничто не вызоветъ почившихъ изъ гробовъ.

На дымномъ очагѣ трескучій огнь сверкая,
Ихъ въ зимни вечера не будетъ веселить,
И дѣти рѣзвыя, встрѣчать ихъ выбѣгая,
Не будутъ съ жадностью лобзаній ихъ ловить.

Какъ часто ихъ серпы златую ниву жали,
И плугъ ихъ побѣждалъ упорныя поля!
Какъ часто ихъ сѣкиръ дубравы трепетали,
И пòтомъ ихъ лица кропилася земля!

Пускай рабы суетъ ихъ жребій унижаютъ,
Смѣяся въ слѣпотѣ полезнымъ ихъ трудамъ,
Пускай съ холодностью презрѣнія внимаютъ
Таящимся во тьмѣ убогаго дѣламъ.

На всѣхъ ярится смерть; царя, любимца славы,
Всѣхъ ищетъ грозная.... и нѣкогда найдетъ;
Всемощныя судьбы незыблемы уставы,
И путь величія ко гробу насъ ведетъ.

А вы, наперсники фортуны ослѣпленны,
Напрасно спящихъ здѣсь спѣшите презирать
За то, что гробы ихъ не пышны и забвенны,
Что лесть имъ алтарей не мыслитъ воздвигать.

Вотще надъ мертвыми, истлѣвшими костями
Трофеи зиждутся, надгробія блестятъ,
Вотще гласъ почестей гремитъ передъ гробами,
Угасшій пепелъ нашъ они не воспалятъ.

Уже ль смягчится смерть сплетаемой хвалою
И невозвратную добычу возвратитъ?
Не слаще мертвыхъ сонъ подъ мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть ихъ бременитъ.

Ахъ, можетъ быть, подъ сей могилою таится
Прахъ сердца нѣжнаго, умѣвшаго любить,
И гробожитель-червь въ сухой главѣ гнѣздится,
Рожденной быть въ вѣнцѣ, иль мыслями парить!

Но просвѣщенья храмъ, воздвигнутый вѣками,
Угрюмою судьбой для нихъ былъ затворенъ,
Ихъ рокъ обременилъ убожества цѣпями,
Ихъ геній строгою нуждою умерщвленъ.

Какъ часто рѣдкій перлъ, волнами сокровенной,
Въ бездонной пропасти сіяетъ красотой;
Какъ часто лилія цвѣтетъ уединенно,
Въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой.

Быть можетъ, пылью сей покрытъ Гампденъ надменный,
Защитникъ согражданъ, тиранства смѣлый врагъ;
Иль кровію гражданъ Кромвель необагренный,
Или Мильтонъ нѣмой, безъ славы скрытый въ прахъ.

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться съ бурей бѣдъ, фортуну презирать,
Дары обилія на смертныхъ лить рѣкою,
Въ слезахъ признательныхъ дѣла свои читать —

Того имъ не далъ рокъ; но вмѣстѣ преступленьямъ
Онъ съ доблестями ихъ кругъ тѣсный положилъ;
Бѣжать стезей убійствъ ко славѣ, наслажденьямъ,
И быть жестокими къ страдальцамъ запретилъ —

Таить въ душѣ своей гласъ совѣсти и чести,
Румянецъ робкія стыдливости терять,
И раболѣпствуя, на жертвенникахъ лести
Дары небесныхъ музъ гордынѣ посвящать.

Скрываясь отъ мірскихъ погибельныхъ смятеній,
Безъ страха и надеждъ, въ долинѣ жизни сей,
Не зная горести, не зная наслажденій,
Они безпечно шли тропинкою своей. . .

И здѣсь спокойно спятъ подъ сѣнью гробовою —
И скромный памятникъ, въ пріютѣ соснъ густыхъ,
Съ непышной надписью и рѣзьбою простою,
Прохожаго зоветъ вздохнуть надъ прахомъ ихъ.

Любовь на камнѣ семъ ихъ память сохранила,
Ихъ лѣта, имена потщившись начертать;
Окрестъ библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто съ сей жизнію безъ горя разставался?
Кто прахъ свой по себѣ забвенью предавалъ?
Кто въ часъ послѣдній свой симъ міромъ не плѣнялся,
И взора томнаго назадъ не обращалъ?

Ахъ! нѣжная душа, природу покидая,
Надѣется друзьямъ оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навѣки угасая,
Еще стремятся къ нимъ съ послѣднею слезой;

Ихъ сердце милый гласъ въ могилѣ нашей слышитъ;
Нашъ камень гробовой для нихъ одушевленъ;
Для нихъ нашъ мертвый прахъ въ холодной урнѣ дышетъ,
Еще огнемъ любви для нихъ воспламененъ.

А ты, почившихъ другъ, пѣвецъ уединенный,
И твой ударитъ часъ послѣдній, роковой;
И къ гробу твоему, мечтой сопровожденный,
Чувствительный придетъ услышать жребій твой.

Быть можетъ, селянинъ съ почтенной сѣдиною
Такъ будетъ о тебѣ пришельцу говорить:
«Онъ часто по утрамъ встрѣчался здѣсь со мною,
Когда спѣшилъ на холмъ зарю предупредить.

«Тамъ въ полдень онъ сидѣлъ подъ дремлющею ивой,
Поднявшей изъ земли косматый корень свой;
Тамъ часто, въ горести безпечной, молчаливой,
Лежалъ, задумавшись, надъ свѣтлою рѣкой;

«Нерѣдко въ вечеру, скитаясь межъ кустами —
Когда мы съ поля шли и въ рощѣ соловей
Свисталъ вечерню пѣснь — онъ томными очами
Уныло слѣдовалъ за тихою зарей.

«Прискорбный, сумрачный, съ главою наклоненной,
Онъ часто уходилъ въ дубраву слезы лить,
Какъ странникъ, родины, друзей, всего лишенный,
Которому ничѣмъ души не усладить.

«Взошла заря—но онъ съ зарею не являлся,
Ни къ ивѣ, ни на холмъ, ни въ лѣсъ не приходилъ;
Опять заря взошла—нигдѣ онъ не встрѣчался;
Мой взоръ его искалъ — искалъ — не находилъ.

«На утро пѣніе мы слышимъ гробовое...
Несчастнаго несутъ въ могилу положить.
Приблизься, прочитай надгробіе простое,
Чтобъ память добраго слезой благословить!»

— Здѣсь пепелъ юноши безвременно сокрыли;
Что слава, счастіе, не зналъ онъ въ мірѣ семъ;
Но музы отъ него лица не отвратили,
И меланхоліи печать была на немъ.

Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душою—
Чувствительнымъ Творецъ награду положилъ.
Дарилъ несчастныхъ онъ—чѣмъ только могъ—слезою;
Въ награду отъ Творца онъ друга получилъ.

Прохожій, помолись надъ этою могилой;
Онъ въ ней нашелъ пріютъ отъ всѣхъ земныхъ тревогъ;
Здѣсь все оставилъ онъ, что въ немъ грѣховно было,
Съ надеждою, что живъ его Спаситель-Богъ.—

1803

СТИХИ,

СОЧИНЕННЫЕ ВЪ ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНІЯ, КЪ МОЕЙ ЛИРѢ И КЪ ДРУЗЬЯМЪ МОИМЪ.

О лира, другъ мой неизмѣнный,
Повѣренный души моей!
Въ часы тоски уединенной
Утѣшь меня игрой своей!

Съ тобой всегда я неразлученъ,
О лира милая моя!
Для одинокихъ міръ сей скученъ,
А въ немъ одинъ скитаюсь я!

Мое младенчество сокрылось,
Ужъ вянетъ юности цвѣтокъ,
Безъ горя сердце истощилось,
Впередъ присудитъ что-то рокъ?
Но я предъ нимъ не поблѣднѣю,
Пусть будетъ то, что должно быть!
Судьба ужасна лишь злодѣю,
Судьбѣ меня не устрашить.

Не нужны мнѣ вѣнцы вселенной,
Мнѣ дорогъ вашъ, друзья, вѣнокъ!
На что чертогъ мнѣ позлащенной?
Простой, укромный уголокъ,
Въ тѣни лѣсовъ уединенной,
Гдѣ бъ я свободнѣе дышалъ,
Всѣмъ милымъ сердцу окруженный,
И лирой духъ свой услаждалъ.

Вотъ все — я больше не желаю,
Въ душѣ моей цвѣтетъ мой рай.
Я бурный міръ сей презираю.
О лира, другъ мой, утѣшай
Меня въ моемъ уединеньи!
А вы, друзья мои, скорѣй,
Оставя свѣтъ сей треволненный,
Сберитесь къ хижинѣ моей.

Тамъ, въ мирѣ сердца благодатномъ,
Нашъ вѣкъ, какъ ясный день, пройдетъ;
Съ друзьями и тоска пріятна,
Но и тоска насъ не найдетъ.

Когда жъ придетъ намъ разставаться,
Не будемъ слезъ мы проливать;
Не долго на землѣ скитаться;
Друзья, увидимся опять.

1805

КЪ ПОЭЗІИ.

Чудесный даръ боговъ!
О пламенныхъ сердецъ веселье и любовь,
О прелесть тихая, души очарованье —
Поэзія! съ тобой
И скорбь, и нищета, и мрачное изгнанье —
Теряютъ ужасъ свой!
Въ тѣни дубравы надъ потокомъ,
Другъ Феба, съ ясною душей,
Въ убогой хижинѣ своей,
Забывшій рокъ, забвенный рокомъ —
Поетъ, мечтаетъ... и блаженъ!
И кто, и кто не оживленъ
Твоимъ божественнымъ вліяньемъ?
Цѣвницы грубыя задумчивымъ бряцаньемъ
Лапландецъ, дикій сынъ снѣговъ,
Свою туманную отчизну прославляетъ,
И неискуственной гармоніей стиховъ,
Смотря на бурные валы, изображаетъ
И дымный свой шалашъ, и хладъ и шумъ морей,
И быстрый бѣгъ саней,
Летящихъ по снѣгамъ съ оленемъ быстроногимъ.
Счастливый жребіемъ убогимъ,
Оратай, наклонясь на плугъ,
Влекомый медленно усталыми волами,

Поетъ свой лѣсъ, свой мирный лугъ,
Возы, скрыпящи подъ снопами,
И сладость зимнихъ вечеровъ,
Когда, при шумѣ вьюгъ, предъ очагомъ блестящимъ,
Въ кругу своихъ сыновъ,
Съ напиткомъ пѣннымъ и кипящимъ,
Онъ радость въ сердце льетъ,
И мирно въ полночь засыпаетъ,
Забывъ на дикія бразды пролитый потъ....
Но вы, которыхъ лучъ небесный оживляетъ,
Пѣвцы, друзья души моей!
Въ печальномъ странствіи минутной жизни сей
Тернистую стезю цвѣтами усыпайте;
И въ пылкія сердца свой пламень изливайте!
Да звукомъ вашихъ громкихъ лиръ
Герой, ко славѣ пробужденный,
Дивитъ и потрясаетъ міръ!
Да юноша воспламененный
Отъ нихъ въ восторгѣ слезы льетъ,
Олтарь отечества лобзаетъ,
И смерти за него, какъ блага, ожидаетъ!
Да бѣдный труженикъ душею разцвѣтетъ
Отъ вашихъ пѣсней благодатныхъ!
Но да обрушится вашъ громъ
На сихъ жестокихъ и развратныхъ,
Которые, въ стыдѣ, съ возвышеннымъ челомъ,
Невинность, доблести и честь поправъ ногами,
Дерзаютъ величать себя полубогими!
Друзья небесныхъ музъ! плѣнимся ль суетой?
Презрѣвъ минутные успѣхи —
Ничтожный гласъ похвалъ, кимвальный звонъ пустой,
Презрѣвши роскоши утѣхи,
Пойдемъ великихъ по слѣдамъ!
Стезя къ безсмертію судьбой открыта намъ!
Не остыдимъ себя хвалою

Высокихъ жребіемъ, презрительныхъ душею.
Дерзнемъ достойныхъ увѣнчать!
Любимцу ль Фебову за призракомъ гоняться?
Любимцу ль Фебову во прахѣ пресмыкаться
И униженіемъ Фортуну обольщать?
Потомство раздаетъ вѣнцы и посрамленье:
Дерзнемъ свой мавзолей въ олтарь преобратить!
О слава, сердца восхищенье!
О жребій сладостный — въ любви потомства жить!

ВЕЧЕРЪ.

ЭЛЕГІЯ.

Ручей, віющійся по свѣтлому песку,
Какъ тихая твоя гармонія пріятна!
Съ какимъ сверканіемъ катишься ты въ рѣку!...
Приди, о муза благодатна,

Въ вѣнкѣ изъ юныхъ розъ, съ цѣвницею златой;
Склонись задумчиво на пѣнистыя воды,
И, звуки ожививъ, туманный вечеръ пой
На лонѣ дремлющей природы.

Какъ солнца за горой плѣнителенъ закатъ,
Когда поля въ тѣни, а рощи отдаленны
И въ зеркалѣ воды колеблющійся градъ
Багрянымъ блескомъ озаренны;

Когда съ холмовъ златыхъ стада бѣгутъ къ рѣкѣ,
И рева гулъ гремитъ звучнѣе надъ водами,
И, сѣти склавъ, рыбакъ на легкомъ челнокѣ
Плыветъ у брега межъ кустами;

Когда пловцы шумятъ, скликаясь по стругамъ,
И веслами струи согласно разсѣкаютъ,
И, плуги обративъ, по глыбистымъ браздамъ
Съ полей оратаи съѣзжаютъ....

Ужъ вечеръ.... облаковъ померкнули края;
Послѣдній лучъ зари на башняхъ умираетъ,
Послѣдняя въ рѣкѣ блестящая струя
Съ потухшимъ небомъ угасаетъ.

Все тихо: рощи спятъ; въ окрестности покой;
Простершись на травѣ подъ ивой наклоненной,
Внимаю, какъ журчитъ, сливаяся съ рѣкой,
Потокъ, кустами осѣненной.

Какъ слитъ съ прохладою растеній ѳиміамъ!
Какъ сладко въ тишинѣ у брега струй плесканье!
Какъ тихо вѣянье зефира по водамъ,
И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно надъ ручьемъ колышется тростникъ;
Гласъ пѣтела вдали уснувши будитъ селы;
Въ травѣ коростеля я слышу дикій крикъ,
Въ лѣсу стенанье Филомелы . . .

Но что?... Какой вдали мелькнулъ волшебный лучъ?
Восточныхъ облаковъ хребты воспламенились;
Осыпанъ искрами во тьмѣ журчащій ключъ;
Въ рѣкѣ дубравы отразились.

Луны ущербный ликъ встаетъ изъ-за холмовъ...
О тихое небесъ задумчивыхъ свѣтило,
Какъ зыблется твой блескъ на сумракѣ лѣсовъ,
Какъ блѣдно брегъ ты озлатило!

Сижу, задумавшись; въ душѣ моей мечты;
Къ протекшимъ временамъ лечу воспоминаньемъ...
О дней моихъ весна, какъ быстро скрылась ты,
Съ твоимъ блаженствомъ и страданьемъ!

Гдѣ вы, мои друзья, вы, спутники мои!
Уже ли никогда не зрѣть соединенья?
Уже ль иссякнули всѣхъ радостей струи?
О вы, погибши наслажденья!

О братья, о друзья, гдѣ нашъ священный кругъ?
Гдѣ пѣсни пламенны и музамъ и свободѣ?
Гдѣ Вакховы пиры при шумѣ зимнихъ вьюгъ?
Гдѣ клятвы, данныя природѣ,

Хранить съ огнемъ души нетлѣнность братскихъ узъ?
И гдѣ же вы, друзья?... Иль всякъ своей тропою,
Лишенный спутниковъ, влача сомнѣній грузъ,
Разочарованный душею,

Тащиться осужденъ до бездны гробовой?...
Одинъ — минутный цвѣтъ — почилъ, и непробудно,
И гробъ безвременный любовь кропитъ слезой.
Другой.... о небо правосудно?...

А мы.... уже ль дерзнемъ другъ другу чужды быть?
Уже ль красавицъ взоръ, иль почестей исканье,
Иль суетная честь—пріятнымъ въ свѣтѣ слыть
Загладятъ въ сердцѣ вспоминанье

О радостяхъ души, о счастьи юныхъ дней,
И дружбѣ, и любви и музамъ посвященныхъ?
Нѣтъ, нѣтъ! пусть всякъ идетъ во слѣдъ судьбѣ своей,
Но въ сердцѣ любитъ незабвенныхъ...

Мнѣ рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной,
И, взоръ склонивъ на пѣнны воды,

Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать.
О пѣсни, чистый плодъ невинности сердечной!
Блаженъ, кому дано цѣвницей оживлять
Часы сей жизни скоротечной!

Кто, въ тихій утра часъ, когда туманный дымъ
Ложится по полямъ и холмы облачаетъ,
И солнце, восходя, по рощамъ голубымъ
Спокойно блескъ свой разливаетъ,

Спѣшитъ, восторженный, оставя сельскій кровъ,
Въ дубравѣ упредить пернатыхъ пробужденье,
И лиру соглася съ свирѣлью пастуховъ,
Поетъ свѣтила возрожденье!

Такъ, пѣть есть мой удѣлъ.... но долго ль?... Какъ узнать!...
Ахъ! скоро, можетъ быть, съ Минваною унылой
Придетъ сюда Альпинъ въ часъ вечера мечтать
Надъ тихой юноши могилой!

СОНЪ МОГОЛЬЦА.

[БАСНЯ, ИЗЪ ЛЯФОНТЕНА].

Однажды доброму Могольцу снился сонъ,
Ужъ подлинно чудесной:
Вдругъ видитъ, будто онъ,
Какой-то силой неизвѣстной
Въ обитель вознесенъ Всевышняго Царя,

И тамъ, подумайте, находитъ визиря.
Потомъ открылася предъ нимъ и пропасть ада.
Кого жъ, прошу сказать, узналъ онъ въ адской мглѣ?
Дервиша... Да, дервишъ, служитель Орозмада,
Въ котлѣ,
Въ клокочущей смолѣ,
На ужинъ дьяволамъ варился.
Моголецъ въ страхѣ пробудился;
Скорѣй бѣжать за колдуномъ;
Поклоны въ поясъ; бьетъ челомъ:
— Отецъ мой, изъясни чудесное видѣнье.
«Твой сонъ есть Божій гласъ, колдунъ ему въ отвѣтъ,
Визирь въ раю за то, что въ области суетъ,
Средь пышнаго двора, любилъ уединенье.
Дервишу жъ по дѣломъ: не будь онъ суесвятъ;
Не ползай передъ тѣмъ, кто силенъ и богатъ;
Не суйся къ визирямъ ходить на поклоненье.»

Когда бъ, не бывши колдуномъ,
И я прибавить могъ къ словамъ его два слова,
Тогда смиренно васъ молилъ бы объ одномъ:
Друзья, любите сѣнь родительскаго крова!
Гдѣ жъ счастье, какъ не здѣсь, на лонѣ тишины,
Съ забвеніемъ суетъ, съ безпечностью свободы?
О блага чистыя, о сладкій даръ природы!
Гдѣ вы, мои поля, гдѣ вы, любовь весны?
Страна, гдѣ я разцвѣлъ въ тѣни уединенья,
Гдѣ сладость тайная во грудь мою лилась,
О рощи, о друзья, когда увижу васъ?
Когда, покинувъ свѣтъ, опять безъ принужденья
Вкушать мнѣ вашу сѣнь, вашъ сумракъ и покой?
О, кто мнѣ возвратитъ родимыя долины?
Когда, когда и Фебъ и дщери Мнемозины
Придутъ подъ тихій кровъ бесѣдовать со мной?
При нихъ мои часы весельемъ окрыленны;

Тогда постигну ходъ таинственныхъ небесъ
И выспреннихъ свѣтилъ стези неоткровенны.
Когда жъ не мой удѣлъ познанье сихъ чудесъ:
Пусть буду напоенъ лѣсовъ очарованьемъ,
Пускай плѣняюся источниковъ журчаньемъ,
Пусть буду воспѣвать ихъ блескъ и тихій токъ!
Нить жизни для меня совьется не изъ злата,
Мой низокъ будетъ кровъ, постеля не богата;
Но меньше ль бѣдныхъ сонъ и сладокъ и глубокъ,
И меньше ль онъ души невинной услажденье?
Ему преобращу мою пустыню въ храмъ;
Придетъ ли часъ отбыть къ невѣдомымъ брегамъ —
Мой вѣкъ былъ тихій день, а смерть успокоенье.

ИДИЛЛІЯ.

[подражаніе].

Когда она была пастушкою простой,
Цвѣла невинностью, невинностью блистала,
Когда слыла въ селѣ дѣвичьей красотой,
И кудри свѣтлые цвѣтами убирала,
Тогда ей нравились и пѣнистый ручей,
И лугъ, и сѣнь лѣсовъ, и миръ моей долины,
Гдѣ я плѣнялъ ее свирѣлію моей,
Гдѣ я такъ счастливъ былъ присутствіемъ Алины.
Теперь... теперь прости, души моей покой!
Алина гордая столицы украшенье;
Увы! окружена ласкателей толпой,
За лесть ихъ отдала любви боготворенье,
За пышный злата блескъ душистые цвѣты;
Свирѣли тихій звукъ Алину не прельщаетъ;
Алина предпочла блаженству — суеты;
Собою занята, меня въ лицо не знаетъ.

ДРУЖБА.

Скатившись съ горной высоты,
Лежалъ на прахѣ дубъ, перунами разбитый,
А съ нимъ и гибкій плющъ, кругомъ его обвитый...
О дружба, это ты!

1806

ПѢСНЬ БАРДА

НАДЪ ГРОБОМЪ СЛАВЯНЪ ПОБѢДИТЕЛЕЙ. *

«Ударь во звонкій щитъ! стекитесь, ополченны!
Умолкла брань — враги утихли расточенны!
Лишь паръ надъ пепломъ селъ густой;
Лишь волкъ, сокрытый нощи мглой,
Очами блещущій, бѣжитъ на ловъ обильный;
Зажжемъ костеръ дубовъ; изройте ровъ могильный;
Сложите на щиты поверженныхъ во прахъ:
Да холмъ вѣщаетъ здѣсь вѣкамъ о бранныхъ дняхъ,
Да камень здѣсь хранитъ могучихъ слѣдъ священный!»

Гремитъ . . . раздался гулъ въ дубравѣ пробужденной!
Стеклись; вождей и ратныхъ сонмъ;
Глухой полнощи тьма кругомъ;
Предъ ними вѣщій бардъ, вѣнчанный сѣдиною,
И падшихъ страшный рядъ, простертыхъ на щитахъ.
Объяты думою, съ поникнутой главою;
На грозныхъ лицахъ кровь и прахъ;
На копья оперлись; средь нихъ костеръ пылаетъ,

---

* Стихи сіи написаны въ концѣ 1806 г. и относятся къ военнымъ обстоятельствамъ того времени.— В. Ж.

И съ свистомъ горный вѣтръ ихъ кудри воздымаетъ.
И се! воздвигся холмъ, и камень водруженъ;
И дубъ, краса полей, воспитанный вѣками,
Склонилъ главу на дернъ, потокомъ орошенъ;
И се! могущими перстами
Пѣвецъ ударилъ по струнамъ —
Одушевленны забряцали!
Воспѣлъ — дубравы застенали,
И гулъ помчался по горамъ:

«О сладкихъ пѣсней мать, пѣвица битвъ священна,
О бардовъ лира вдохновенна!
Проснись — да оживетъ хвала въ твоихъ струнахъ,
Да тѣни бранныя низринутыхъ во прахъ,
Скитаясь при лунѣ по тучамъ златоруннымъ,
Сойдутъ на мрачный долъ, гдѣ миръ надъ пепломъ ихъ,
Обвороженныя бряцаньемъ тихострунньмъ.
Какъ пали сильные? Какъ сильныхъ громъ утихъ?
Гдѣ вы, сыны побѣдъ? Гдѣ славныхъ воевъ сила?
Отвѣтствуй, мрачная безтрепетныхъ могила!...
Какъ орлій со скалы пустившійся птенецъ,
Впервые возшумѣвъ отважными крылами,
Близъ солнца зря трудовъ и поприща конецъ,
Паритъ, превыспренній, и вдругъ, небесъ громами
Сожженный посреди стремленья къ высотамъ,
Въ гремящихъ тучахъ изчезаетъ....
Такъ палъ съ побѣдой россъ! паденье — страхъ врагамъ!

«О битвы грозный видъ! смотри, перунъ сверкаетъ!
Се, мчатся! грудь на грудь! дружинъ сомкнутыхъ сонмъ!
Средь дымныхъ вихрей бой и громъ;
По шлемамъ звукъ мечей; коней пронзенныхъ ржанье,
И трубъ стозвучный трескъ. Отъ топота копытъ,
Отъ пренія бойцевъ, отъ кликовъ и стенанья
Смятенный воетъ боръ, и долъ гремя дрожитъ.

О страшный видъ попранныхъ боемъ!
Тотъ зыблется въ крови, съ глухимъ кончаясь воемъ;
Тотъ, вихремъ мчась, погибъ безстрашныхъ впереди;
Тотъ шуйцей рану сжавъ, десной изнеможенной
Оторванну хоругвь скрываетъ на груди;
Тотъ страшно возстеналъ, на копья восхищенный,
И, сверженный во прахъ, дымясь, оцѣпенѣлъ...
О мужество славянъ! о витязей предѣлъ!

«Хвала на жертву принесеннымъ
За родшихъ, братій и супругъ;
Хвала отечества хранителямъ священнымъ!
Хвала, хвала тебѣ, о падшій славы другъ!
Пускай безвѣстный погибаетъ,
Сей житель праха — червь душей,
Пусть въ дольномъ mракѣ жизнь годами изчисляетъ...
Безсмертья сынъ, твой рокъ громовой течь стезей;
Пари, блистай, превознесенный;
Погибнешь въ высотѣ — весь міръ твой мавзолей;
Безславный ждетъ, томясь, кончины вялыхъ дней,
До времени во мглѣ могилы погребенный;
Равны концемъ и часъ и вѣкъ;
Разлука съ жизнью мигъ, заутра или нынѣ;
Перуномъ ли угасъ, незримый ли протекъ;
Царемъ, или рабомъ судьбинѣ.

«Блаженъ почившій на громахъ
Въ виду отчизны благодарной,
И въ гробѣ сопротивнымъ страхъ,
И въ гробѣ озаренъ денницей лучезарной;
Блаженъ погибшій въ цвѣтѣ лѣтъ...
О юноша, о ты, безсмертью пріобщенный!
Коль быстро совершенъ твой выспренній полетъ;
Вотъ онъ, низринутый на щитъ окровавленный,
Поникъ геройскою главой;

Надъ нимъ кончины часъ; ужъ взоръ недвижный тмится...
Но къ кровнымъ, но къ друзьямъ, но къ роднѣ святой,
Еще съ лучемъ любви, еще съ тоской стремится;
Не сѣтуй, славы сынъ! оставь сей жизни брегъ;
Ты смерть предупредилъ, на одръ честей возлегъ;
  Ты спутникъ въ гробъ неустрашимыхъ.
Увы! завидна ль часть веригой лѣтъ томимыхъ?
  Герой, одряхшій подъ вѣнкомъ,
Приникшій къ костылю израненнымъ челомъ,
Могущихъ переживъ, оставленный друзьями,
Отвсюду окруженъ возлюбленныхъ гробами,
Усталый ждетъ конца — и смерть ему покой!
Блаженъ, кто славный путь со славой довершаетъ;
Когда вѣнки и честь беретъ во прахъ съ собой,
И, въ лаврахъ посѣдѣвъ, на лаврахъ угасаетъ!

  «Здѣсь, братья, вѣчно мирны вы!
  Почійте сладко, незабвенны!
О вы, ловца пожравъ, въ сѣтяхъ погибши львы!
О спутники побѣдъ, коварствомъ низложенны!
  Безстрашныхъ персть — потомству даръ.
О васъ сей будетъ холмъ бесѣдовать съ вѣками:
Онъ сильнымъ возвѣститъ, какъ пали вы съ громами;
Онъ въ чадахъ вашихъ чадъ родитъ ко славѣ жаръ.

«Здѣсь бардъ грядущихъ лѣтъ, объятъ глубокой думой,
Въ тотъ часъ — какъ всюду мракъ полуночи угрюмой,
Когда безмолвенъ долъ, и мѣсяцъ изъ-за тучъ
Повременно свой ликъ задумчивый являетъ,
И серна, прискакавъ на шумный въ камняхъ ключъ,
Недвижно, робкая, журчанью струй внимаетъ —
  Къ протекшимъ воспаритъ вѣкамъ,
Пробудитъ звономъ струнъ насупленну дубраву,
И, мыслію стремясь великихъ по слѣдамъ,
Изъ персти воззоветъ давно-почившихъ славу.

Здѣсь, въ сумракѣ возсѣвъ,
Пришедъ изъ края дальна,
Краса славянскихъ дѣвъ,
Задумчива, печальна,
Тоску прольетъ въ слезахъ,
И, грудью воспаленной
Припавъ на хладный прахъ,
Могилы миръ священной
Рыданьемъ возмутитъ.
Увы! здѣсь въ сонмѣ падшихъ
Герой прелестный спитъ;
Здѣсь радостей увядшихъ
Ея послѣдній слѣдъ.
Воскреснутъ вспоминанья
О благахъ прежнихъ лѣтъ,
О дняхъ очарованья,
О дняхъ любви святой;
Воскреснетъ часъ разлуки,
Когда летящій въ бой,
Пріемля громы въ руки,
Другъ сердца, сильнымъ страхъ,
Красою образъ Дида,
Съ уныніемъ въ очахъ,
Съ блистаньемъ Свѣтовида,
Сказалъ: прости навѣкъ!
Шеломъ надвинулъ бранный,
Вздохнулъ, какъ вихрь потекъ,
И съ сонмомъ ратныхъ силъ изчезъ въ дали туманной.
Сюда придетъ отчизны сынъ,
Героевъ племя, славянинъ,
Дѣлами предковъ распаленный,
Обыметъ падшихъ гробъ, и вòнметъ гласъ священный,
Къ нему изъ глубины рекущій: будь великъ!
Предстанутъ предъ него протекшихъ ратей бои

И въ молнiйныхъ браздахъ вождей побѣды ликъ!...
Почiйте! мирный сонъ, о братья, о герои!...»

Умолкъ... и струнъ изчезъ въ пустынномъ небѣ звонъ,
И отзывъ по горамъ и дебри усыпились;
Сонмъ бранныхъ скорбью осѣненъ:
Ихъ взоры на курганъ недвижные вперились;
Безгласны, въ грозной тишинѣ;
На лицахъ мщенья жаръ, ихъ груди гнѣвъ спираетъ,
И ярости нѣмой въ зѣницахъ огнь пылаетъ.
Молчатъ... окрестъ покой... надъ ними въ вышинѣ,
Изъ тучъ, влекущихся грядою,
Бросая тихiй блескъ на дебрь, и долъ и лѣсъ,
Луна невидимой стезею
Среди полунощныхъ небесъ
Свершаетъ, мирная, свой токъ уединенный.
Но се! таинственнымъ видѣнiемъ во мглѣ
Пѣвецъ воспрянулъ пораженный;
Сѣдины дыбомъ на челѣ;
Смятенiе въ очахъ и въ членахъ трепетанье;
Какъ вихорь на курганъ онъ съ лирой возлетѣлъ...
Волшебной раздалось бряцанье...
И снова мощный гласъ пророка загремѣлъ:

«Не вы ль, низверженныхъ полунощные лики,
Не вы ли, призраки могущихъ, предо мной?
Они! средь бурныхъ тучъ! сплелись рука съ рукой!
О страшный сонмъ! о страшны клики!
Куда ихъ строгiй взоръ столь грозно устремленъ?
Надъ кѣмъ воздушный мечъ вождя ихъ вознесенъ?
Надъ кѣмъ гремятъ цѣпями?
Внимай! внимай! горѣ пѣснь гибели поютъ.
Отмщенья! крови! вопiютъ,
Сверкая изъ-за тучъ ужасными очами.
Отмщенья, витязи, отмщенья! громъ во длань!

Воздвигнись, духъ славянъ! воздвигнись, месть и брань!
Се ярый исполинъ, побѣдами надменный:
Постигну! поражу! разсыплю ихъ полки!
Имъ рабство — даръ моей руки! —
Гремитъ, на гибель ополченный.

«Друзья, се часъ побѣдъ! славяне, возгремимъ!
Прострите взоръ окрестъ: лишь дебри запустѣлы.
Гдѣ пышный видъ полей, гдѣ радостныя селы,
И гдѣ тевтоновъ мощь, низринувшая Римъ?
Тамъ матерь гладная изсякшими сосцами,
Простертая на прахъ, въ младенца кровь ліетъ;
Тамъ къ пеплу хижины приникшій сѣдинами,
Недугомъ изнуренъ, кончины старецъ ждетъ;
Тамъ чада нищеты — убійство и хищенье;
Тамъ рабства первенецъ — неистовый развратъ.
О ясный миръ семей! о нравовъ оскверненье!
О доблесть прежнихъ лѣтъ! лишь цѣпи тамъ звучатъ;
Лишь хищниковъ бичи подъяты надъ рабами;
Сокрылись Германа послѣдніе сыны;
Сокрылись силъ вожди, парившіе орлами;
Въ пустыняхъ, очеса къ землѣ преклонены,
Надъ прахомъ падшаго отечества рыдаютъ.

«О братья, о сыны возвышенныхъ славянъ,
Воспрянемъ! вамъ перунъ для мщенья свыше данъ.
Отмщенья! подъ ярмомъ народы восклицаютъ,
Да въ прахъ, да въ прахъ падутъ погибели творцы!...
Воззрите вспять... тамъ сонмъ священный,
Тамъ счастья нашихъ дней залоги драгоцѣнны,
Тамъ матери въ слезахъ, тамъ чада и отцы,
Тамъ лавроносная отчизна въ ожиданьѣ.
О витязи! за вами вслѣдъ
Славянскихъ дѣвъ любовь, возлюбленныхъ желанье:
Да боги ихъ души съ трофеями побѣдъ

По браняхъ притекутъ, отмстивъ, непосрамленны.
За вами ихъ мольбы летятъ воспламененны.
Вонмите и супругъ, и чадъ, и юныхъ дѣвъ,
Вонмите, воины, моленье;
Воззрите на отцевъ колѣнопреклоненье;
Во славѣ, посреди могущихъ посѣдѣвъ,
Подъемлютъ къ небесамъ трепещущія длани,
И молятъ: царь судебъ, за нихъ, за нихъ во брани!
О сколь возвышенны спасающіе насъ!
[Въ восторгѣ сердца восклицаютъ
Возлюбленны, узрѣвъ на бой текущихъ васъ].
Какія молніи во взорѣ ихъ блистаютъ!
Коль грозенъ ополченныхъ сонмъ!
О сколь плѣнительны, неся во дланяхъ громъ!
Они ль не полетятъ на крыльяхъ мести къ бою,
Они ль, оставивши всѣ блага за собою?
О незабвенные, о слава нашихъ дней,
Грядите — благодать самихъ небесъ надъ вами;
Враги да будутъ снѣдь мечей;
Да вскорѣ бранными вѣнками
Священныя главы отмстившихъ обовьемъ.
О часъ блаженнѣйшій свиданья!
Летятъ — въ крови, въ пыли, тѣснятся въ отчій домъ!
Благословенья, лобызанья!
Восторгъ души, лишенной словъ!
Супруги, въ Божій храмъ! Встрѣчайте жениховъ
Въ одеждѣ брачной, обрученны!
Да льется слезъ бальзамъ на раны ихъ священны;
Отремъ съ ланитъ геройскихъ прахъ;
Да видомъ не страшатъ, ни грозными бронями
Отцы, на колыбель склоненны надъ сынами.
[illegible], недвижные предъ нами на щитахъ,
Безгласные среди молитвъ и ликованій,
О падшіе друзья, о прахъ полубоговъ,
Примите скорбный даръ и стоновъ и лобзаній

От жен рыдающихъ, отъ родшихъ и сыновъ.
«Могущественный гласъ, мы ль хладны предъ тобою?
Копье во длань! воздвигни щитъ!
Впередъ на огнь и мечь громовою стѣною!
Ужъ горній нашъ орелъ перунами гремитъ;
Ужъ гордо распростеръ крылѣ передъ полками.
Внимайте... сопостатъ съ погибелью течетъ;
Земля трясется подъ конями;
Попру стопою! вопіетъ.
Ударимъ! упредимъ! не россу посрамленье!
Кто смерти предпочесть дерзнетъ порабощенье,
Кто — согражданъ и стыдъ и плѣнъ?
Отъ родины святой бѣглецъ отриновенъ;
Страшись онъ отческія сѣни;
Ему ли осязать родителя колѣни,
Ему ли старца грудь священную лобзать?
Онъ врагъ своихъ друзей, онъ низкій жизни тать.
Нѣтъ, нѣтъ! всей мощью пораженье
Низринемъ, россы, на враговъ!
Не намъ, не намъ стенать подъ бременемъ оковъ!
Не намъ предать и женъ и чадъ на развращенье!
Отчизнѣ ль нашей быть добычей ихъ когтей?
Иль диво намъ карать надменныхъ?
О россъ, о ужасъ дерзновенныхъ!
Пусть смѣютъ испытать, гдѣ мощь руки твоей.
Уснули ль полчища орлины,
Которыхъ громъ возжегъ эвксинскія пучины
И скандинавскаго на прахъ повергнулъ льва?
Явись, сразившая сарматовъ булава!»

Умолкъ.... и сонмы всколебались....
Щитами грянули.... чрезъ холмъ, сквозь дебрь и лѣсъ,
Воспламененные помчались....
И праха черный вихрь вознесся до небесъ.

Бѣлевъ 15 ноября.

1807

—

ИСТИНА И БАСНЯ.

[БАСНЯ, ИЗЪ ФЛОРІАНА].

Однажды Истина нагая,
Оставя кладезь свой на бѣлый вышла свѣтъ.
Богъ съ ней! непригожа, какъ смерть худая,
Лицомъ угрюмая, съ сутулиной отъ лѣтъ.
Стукъ-стукъ у всѣхъ воротъ: «Пустите, ради Бога!
Я Истина, больна, устала, чуть хожу!
Морозно, вѣтрено, иззябла и дрожу!»
—Нѣтъ мѣста, матушка! счастливая дорога!
Вездѣ ей былъ отвѣтъ.
Что дѣлать? на бокъ лечь, пусть снѣгомъ занесетъ!
Присѣла на сугробъ, стучитъ зубами!
Вдругъ Басня, въ золотѣ, облитая парчой,
А правду молвить — мишурой,
Обнизанная жемчугами,
Вся въ камняхъ дорогихъ,
Блистающихъ какъ жаръ, хотя фальшивыхъ,
На санкахъ золотыхъ,
На тройкѣ рысаковъ красивыхъ
Катитъ, и прямо къ ней: «Зачѣмъ ты здѣсь, сестра?
Одна! въ такой морозъ! прогулкамъ не пора!»
— Ты видишь, зябну! люди глухи:
Никто мнѣ не даетъ пріюта ни на часъ.
Я всѣмъ страшна! мы жалкій людъ, старухи!
Какъ будто отъ чумы, всѣ бѣгаютъ отъ насъ!
«А ты вѣдь мнѣ большая,
Не хвастаясь сказать! ну, то ли дѣло я?
Весь міръ моя семья!

И кто жъ виной? За чѣмъ таскаешься нагая?
Тебѣ ль не знать, мой другъ, что маску любитъ свѣтъ?
Изволь-ка выслушать мой сестринскій совѣтъ:
Намъ должно быть дружнѣй и жить не такъ, какъ прежде,
Жить вмѣстѣ; а тебѣ въ моей ходить одеждѣ.
Съ тобой и для меня отворитъ дверь мудрецъ,
Со мною и тебя не выгонитъ глупецъ;
А глупымъ нынче родъ—и родъ весьма обильный!»
Тутъ Истина, умильный
На Басню обративши взоръ,
Къ ней въ сани прыгъ.... летятъ, и слѣду нѣтъ!—Съ тѣхъ поръ
Вездѣ сестрицы неразлучны:
И Басня не глупа, и съ Истиной не скучно!

ЭПИГРАММЫ.

1.

Барма, нашедъ Ѳому чуть жива, на отходѣ,
— Скорѣе! закричалъ, изволь мнѣ долгъ платить!
Ужъ завтраковъ теперь не будешь мнѣ сулить!
«Охъ! братъ, хоть умереть ты дай мнѣ на свободѣ!»
— Вотъ, право, хорошо! хочу я посмотрѣть,
Какъ ты, не заплативъ, изволишь умереть!

2.

Съ повязкой на глазахъ за шалости Ѳемида!—
Ужъ наказаніе! ужъ подлинно обида!
Когда вамъ хочется проказницу унять,
Такъ руки ей связать.

НОВЫЙ СТИХОТВОРЕЦЪ И ДРЕВНОСТЬ.

[переводъ съ французскаго].

Едва лишь что сказать удастся мнѣ счастливо,
Какъ древность заворчитъ съ досадой: «что за диво!
Я тоже до тебя сказала, и давно!»

Смѣшна беззубая! вольно
Ей послѣ не придти къ невѣждѣ!
Тогда бъ сказалъ я то же прежде.

НОВОПОЖАЛОВАННЫЙ.

«Пріятель, отчего присѣлъ?»
— Злодѣй корону на меня надѣлъ!
«Что-жъ, я не вижу въ этомъ зла!»
— Охъ, тяжела!

ПѢСНЯ.

[переводъ съ французскаго].

Когда я былъ любимъ, въ восторгахъ, въ наслажденьѣ,
Какъ сонъ плѣнительный, вся жизнь моя текла;
Но я тобой забытъ—гдѣ счастья привидѣнье?
Ахъ, счастіемъ моимъ любовь твоя была!

Когда я былъ любимъ, тобою вдохновенный,
Я пѣлъ; моя душа хвалой твоей жила!
Но я тобой забытъ—погибъ мой даръ мгновенный!
Ахъ, геніемъ моимъ любовь твоя была!

Когда я былъ любимъ, дары благодѣянья
Въ обитель нищеты рука моя несла!
Но я тобой забытъ—нѣтъ въ сердцѣ состраданья!
Ахъ, благостью моей любовь твоя была!

ОРЕЛЪ И ЖУКЪ.

[БАСНЯ, ИЗЪ ЛЯФОНТЕНА].

Орелъ, пустясь изъ тучъ, на кролика напалъ.
Бѣднякъ, безъ памяти, куда бы пріютиться,

На норку Жука набѣжалъ;
Не норка, щель: ему ли въ ней укрыться?
И лапкѣ мѣста нѣтъ! Нашъ кроликъ такъ и сякъ,
Свернувшися въ кулакъ,
Прилегъ, дрожитъ. Орелъ за нимъ стрѣлою,
И хочетъ драть. Жучокъ приползъ къ его ногамъ:
«Царь птицъ! и я и онъ — ничто передъ тобою!
Но сжалься, пощади! позоръ обоимъ намъ,
Когда въ моей норѣ невинность растерзаешь!
Онъ мой сосѣдъ, мой кумъ! мы старые друзья!
Ты самъ, мой царь, права гостепріимства знаешь;
Смягчись, или пускай погибну съ нимъ и я!»
Орелъ съ улыбкою надменной,
Ни слова не сказавъ, толкнулъ Жучка крыломъ,
Сшибъ съ мѣста, оглушилъ, а кума смявши въ комъ,
Какъ небывалъ! — Жучокъ жестоко оскорбленный,
Въ гнѣздо къ Орлу — и въ мигъ яички всѣ побилъ;
Яички, даръ любви, надежду, утѣшенье!
Хотя бъ одно, хотя бъ одно онъ пощадилъ!
Царь птицъ, узря въ гнѣздѣ такое раззоренье,
Наполнилъ крикомъ лѣсъ;
Стенаетъ;
О ярость! Кто сей врагъ? Кому отмстить?... Не знаетъ!
Напрасно сѣтуетъ: среди пустыхъ небесъ
Отчаяннаго стонъ безплодно изчезаетъ.
Что дѣлать! до весны утѣхи отложить,
Гнѣздо жъ повыше свить.
Пришла весна; въ гнѣздѣ яички; матка сѣла.
Но Жукъ не спитъ, опять къ гнѣзду — яичекъ нѣтъ!
Увы! едва ль взглянуть на нихъ она успѣла!
Страданье выше мѣръ! груститъ! противенъ свѣтъ!
И эхо цѣлый годъ не стихнуло въ дубравѣ!
Отчаянный Орелъ
Къ престолу Зевса полетѣлъ
И мыслитъ: «Кто дерзнетъ къ сѣдящему во славѣ

Съ злодѣйской мыслью приступить?
Днесь будетъ богъ боговъ дѣтей моихъ хранить!
Гдѣ мѣсто безопаснѣй въ мірѣ?
Осмѣльтесь, хищники, подняться къ небесамъ!»
И яица кладетъ на Зевсовой порфирѣ.
Но Жукъ, проворъ и самъ,
На хитрости пустился:
Онъ платье Зевсово закапалъ грязью. Богъ,
Который пятнышка на немъ терпѣть не могъ,
Тряхнулся, яйца хлопъ! Орелъ взбѣсился,
На Зевса окрикъ: «Я сейчасъ съ небесъ долой!
Оставлю и тебя, и громъ, и нектаръ твой!
Въ пустыню спрячусь! Богъ съ тобою!»
Зевсъ струсилъ; звать Жучка; Жучокъ предсталъ;
Чтò было, гдѣ и какъ, Зевесу разсказалъ,
И вышло, что Орелъ одинъ всему виною.
Мирить ихъ: кстати ли! и слышать не хотятъ!
Что жъ сдѣлалъ царь вселенной?
Нарушилъ ходъ вещей, отъ вѣка утвержденной:
Съ тѣхъ поръ, когда орлы на яицахъ сидятъ,
Родъ жучій, вмѣстѣ съ байбаками,
Не видя свѣта, скрытъ подъ снѣжными буграми.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ДЕЛИЛЕВА ДИѲИРАМБА НА БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ.

На лонѣ вѣчности безмолвной,
Въ непомрачаемыхъ лучахъ,
Безсмертіе, порока страхъ
И щитъ невинности безкровной,
Отъ Крона, мощнаго рушителя міровъ,
Добра подвижниковъ спасаетъ,
И преступленье исторгаетъ
Изъ страшной пристани гробовъ!

Такъ, молній Вѣчнаго надменный похититель,
О ты, кичащійся надъ скробной правотой,
Земли ничтожный утѣснитель!
Страшись: безсмертье жребій твой.
А ты, отъ сладостной отчизны отлученный,
О жертва мирная, минутный гость земной,
Ты, странникъ, тайною рукою огражденный,
Страдалецъ, ободрись: безсмертье жребій твой.

СОКОЛЪ И ГОЛУБКА.

[БАСНЯ, ИЗЪ ФЛОРІАНА].

Голубку Соколъ дралъ въ когтяхъ.
«Попалась! ну, теперь оставь свои затѣи!
Плутовка, знаю васъ: ругательницы, змѣи!
Вашъ родъ соколью вѣчный врагъ!
Есть боги мстители!»—Ахъ, я бъ того желала!
Голубка, чуть дыша, измятая стенала.
«Какъ, какъ, отступница! невѣровать богамъ?
Не вѣрить силѣ провидѣнья!
Хотѣлъ тебя пустить; не стоишь; вижу самъ;
Умри! безбожнымъ нѣтъ прощенья!»

ЭПИГРАММЫ.

1.

Для Клима все какъ дважды два!
Горацій, Ксенофонтъ, Бова,
Ляляндъ и Гершель астрономы,
И Мирамондъ * и Мушенброкъ
Ему, какъ носъ его, знакомы.

---

* Старинный русскій романъ Ѳ. Эмина.

О всемъ кричитъ, во всемъ знатокъ.
Судить о музыкѣ начните:
Нашъ Климъ первѣйшій музыкантъ.
О торгѣ рѣчь съ нимъ заведите,
Онъ въ мигъ торгашъ и фабрикантъ.
Чего въ немъ нѣтъ? Онъ метафизикъ,
Платоникъ, коновалъ, маляръ,
Статистикъ, журналистъ, бочаръ,
Хирургусъ, проповѣдникъ, физикъ,
Поэтъ, каретникъ, то и то,
Климъ, словомъ, все, и Климъ—ничто!

2.

Ты драму, Фефилъ, написалъ?
«Да! какъ же удалась! какъ сыграна! не чаешь!
Хотя бы кто нибудь для смѣха просвисталъ!»
И, Фефилъ, Фефилъ! какъ свистать, когда зѣваешь?

3.

Не знаю почему, по дружбѣ или такъ,
Папурѣ вздумалось меня визитомъ мучить!
Папура истинный чудакъ:
Скучаетъ самъ, чтобъ мнѣ наскучить.

4.

Испытанныхъ друзей для новыхъ забывать
Есть—цвѣтъ плоду предпочитать!

МАРТЫШКА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ КИТАЙСКІЯ ТѢНИ.

[БАСНЯ, ИЗЪ ФЛОРІАНА].

Творцы и прозой и стихами,
Которыхъ громкій слогъ пугаетъ весь Парнассъ,
Которые понять себя не властны сами,
Поймите мой разсказъ.

Одинъ фигляръ въ Москвѣ показывалъ Мартышку,
Съ волшебнымъ фонаремъ. На картахъ ли гадать,
Взбираться ль по снуру на крышку,
Или кувыркаться, въ присядку ли плясать
По гибкому канату,
Иль спичкой выпрямясь, подъ шляпою съ перомъ,
На задни лапки ставъ, ружьемъ,
Какъ должно прусскому солдату,
Метать по слову артикулъ:
Потапъ всему гораздъ. Не звѣрь, а утѣшенье!
Однажды въ воскресенье
Хозяинъ, подкуривъ, на улицѣ заснулъ.
Потапкѣ торжество. «Ужъ то-то погуляю!
И я штукарь! и я народъ какъ тѣшить знаю!»
Бѣжитъ, зоветъ гостей:
Индюшекъ, поросятъ, собакъ, котятъ, гусей.
Сошлись. «Сюда! скорѣй скамьи, подушки
Въ закуту господамъ!
Добро пожаловать; у входа ни полушки,
Изъ чести игрище!»—Ужъ гости по мѣстамъ,
Приносится фонарь, всѣ окна затворились,
И свѣчи потушились.
Потапъ, въ суконномъ колпакѣ,
Съ указкою въ рукѣ,
Съ жеманной харею, явился предъ соборомъ;
Пренизкій всѣмъ поклонъ;
Потомъ съ кадушки рѣчь, какъ Цицеронъ:
Заставилъ всѣхъ зѣвать, и хлопать цѣлымъ хоромъ.
Довольный похвалой,
Съ картинкою стекло тотчасъ въ фонарь вставляетъ.
«Смотрите: вотъ луна, вотъ солнце!—возглашаетъ,
Вотъ съ Евою Адамъ, скоты, ковчегъ и Ной!
Вотъ славный царь-горохъ съ морковкою-царицей!
Вотъ журка-долгоносъ обѣдаетъ съ лисицей!
Вотъ небо и земля.... Что, видно ли?» Глядятъ,

Моргають, морщатся, кряхтять.
Напрасно! Нѣть слѣда великолѣпной сцены!
«По чести, котъ шепнулъ, кудрявыхъ много словъ!
Но, Богъ съ нимъ, гдѣ онъ взялъ царей, царицъ, скотовъ?
Зги Божьей не видать! однѣ въ потемкахъ стѣны!»
—Темно, сосѣдушка, скажу и я,
Примолвила свинья.
«Мнѣ видится! вотъ!... вотъ!... я правда близорука!
Но что-то хорошо! Ой старость, то-то скука!
Ужъ было бы о чемъ съ дѣтьми поговорить!»
Индѣйка крякала, хлопъ-хлопъ сквозь сонъ глазами.
А нашъ Потапъ? Кричитъ, гремитъ, стучитъ ногами.
Одно лишь позабылъ... фонарь свой освѣтить!

САФИНА ОДА.

Блаженъ, кто близъ тебя однимъ тобой пылаетъ,
Кто прелестью твоихъ рѣчей обворожёнъ,
Кого твой ищетъ взоръ, улыбка восхищаетъ;
Съ богами онъ сравненъ!

Когда ты предо мной, въ душѣ моей волненье,
Въ крови палящій огнь, въ очахъ померкнулъ свѣтъ,
Въ трепещущей груди и скорбь, и наслажденье;
Ни словъ, ни чувства нѣтъ!

Лежу у милыхъ ногъ, горю огнемъ желанья;
Блаженствомъ страстныя тоски утомлена;
Въ слезахъ, вся трепещу, безъ силы, безъ дыханья,
И жизни лишена!

КЪ ЭДВИНУ.

[М. П. ЮШКОВУ].

О юноша! лети подъ зоной отдаленной
Иныхъ друзей, надеждъ и радостей искать!
Ищи побѣдъ, толпой прелестныхъ окруженный!
Оставь, оставь меня въ печаляхъ увядать:
Ахъ! жить, дѣлясь съ тобой и сердцемъ и судьбою,
Сей жребій сладостный, сей даръ не для меня!...
Но если не совсѣмъ отринута тобою,
Эдвинъ, не позабудь, не позабудь меня!

Когда жъ, быть можетъ, видъ любовницы въ страданьѣ
Нарушитъ тишину, мой другъ, души твоей,
Тогда протекшаго загладь воспоминанье,
Тогда спокой себя, тогда забудь о ней!
Но можетъ быть и то, что въ ужасахъ мученья,
Какъ блага будешь ждать рѣшительнаго дня,
Ждать будешь, но вотще, друзей и услажденья,
Тогда—не позабудь, не позабудь меня!

ССОРА ПЛѢШИВЫХЪ.

[БАСНЯ, ИЗЪ ФЛОРІАНА].

Два кума лысые дорогой шли,
И видятъ, что-то на травѣ блистаетъ.
Ну!—думаютъ—мы кладъ нашли!
«Моя находка!»—Вздоръ!—Ужъ кума кумъ толкаетъ
И въ спину и въ бока!
Увы, послѣдняго сѣдаго хохолка
На гладкихъ лысинахъ не стало!
За что же дѣло стало?
За что свирѣпый бой?—
За гребень роговой!

ЦАПЛЯ.

[БАСНЯ, ИЗЪ ЛЯФОНТЕНА].

Однажды Цапля-долгошея
На парѣ длинныхъ ногъ путемъ-дорогой шла;
Дорога путницу къ потоку привела.
День красный былъ; вода, на солнышкѣ свѣтлѣя,
Казалась въ тишинѣ прозрачнѣйшимъ стекломъ;
Въ ней щука-кумушка за карпомъ-куманькомъ,
У берега рѣзвясь, гонялась.
Что жъ Цапля? Носомъ ихъ?—Ни крошки: зазѣвалась,
Изволитъ отдыхать, глазѣть по сторонамъ
И аппетита дожидаться;
Ея обычай былъ обѣдать по часамъ,
И діэтетики Тиссотовой держаться.
Приходитъ аппетитъ; причудница въ потокъ;
Глядитъ: вдругъ видитъ, линь, виль-виль, со дна поднялся!
То вверхъ на солнышко, то книзу на песокъ!
Сластенѣ этотъ кусъ не сладкимъ показался,
Скривила шею, носомъ щолкъ:
«Мнѣ, Цаплѣ, ѣсть линя! мнѣ челядью такою
Себя кормить? И впрямъ, хорошъ въ нихъ толкъ!
Я и трески клевнуть не удостою!»
Но вотъ и линь уплылъ, пожаловалъ пискарь.
«Пискарь! ну, что за стать! такую удить тварь—
Поганить только носъ! избави Богъ отъ срама!»
Ой ты, разборчивая дама!
Приструнилъ голодъ! Что? Глядишь туда-сюда?
И лягушоночикъ теперь тебѣ ѣда!

Друзья мои, друзья! не будемъ прихотливы!
Кто льстился много взять, тотъ часто все терялъ;
Одною скромностью желаній мы счастливы!
Никто, никто изъ насъ всего не получалъ.

ЭПИГРАММЫ.

1.

О непостижное злорѣчіе уму!
Повѣрю ли тому,
Чтобы, Морковкина, ты волосы чернила?
Я знаю самъ, что ты ихъ черные купила.

2.

Ты сердишься за то, пріятель мой Гарпасъ,
Что сынъ твой по ночамъ сундукъ твой посѣщаетъ!
И философія издревле учитъ насъ,
Что скупость—воровство рождаетъ.

3.

Румянъ французскихъ штукатура,
Шатеръ—не шляпа на плечахъ,
Подъ шалью тощая фигура,
Вихры на лбу и на щекахъ,
Одежды легкой подозрѣнье,
На перстнѣ въ десять кратъ алмазъ—
Все это, смертнымъ въ удивленье,
По свѣту возятъ на показъ
Въ каретѣ модно-золоченой,
И называютъ Альцидоной.

4.

Тримъ счастія искалъ ползкомъ и тихомолкомъ;
Нашелъ—и грудь впередъ, носъ вздернулъ, весь иной!
Кто втерся въ знатный чинъ лисой,
Тотъ въ этомъ чинѣ будетъ волкомъ.

5.

Дидона, какъ тобой рука судьбы играла,
Какихъ любовниковъ тебѣ она дала!
Одинъ скончался—ты бѣжала,
Другой бѣжалъ—ты умерла!

ПРОЩАНЬЕ СТАРИКА.

Прости, мятежное души моей волненье,
Прости, палящій огнь цвѣтущихъ жизни лѣтъ,
Прости, безумное за славою стремленье,
Для васъ въ моей душѣ ни слезъ, ни вздоха нѣтъ!
Мечты разрушены, изчезло привидѣнье!
Но ты, восторгъ души, всѣхъ буйныхъ чувствъ покой,
О сладость тихая, о сердца восхищенье,
Тебя, любовь, тебя теряю со слезой!

МАРТЫШКИ И ЛЕВЪ.

[БАСНЯ, ИЗЪ ФЛОРІАНА].

Мартышки тѣшились лаптой
Вотъ какъ: одна изъ нихъ, сидя на пнѣ, держала
Въ колѣняхъ голову другой;
Та, лапки на спину, зажмурясь, узнавала
Кто билъ. — Хлопъ-хлопъ! «Потапъ, проворнѣй, кто?» —
Мирошка!
«Совралъ!» и всѣ, какъ бѣсы, врозь.
Прыжки, кувырканье впередъ и взадъ и вкось,
Крикъ, хохотъ, пискъ. Одна мяукаетъ какъ кошка,
Другая, ноги вверхъ, повисла на суку,
А третья ну скакать сорокой по песку.
Такаго поискать веселья!
Вдругъ изъ лѣсу на шумъ выходитъ Левъ,
Ученый, смирный принцъ, братъ внучатный царевъ,
Ботанизировалъ по рощѣ отъ бездѣлья.
Мартышкамъ матъ;
Ни пикнуть, струсили, дрожатъ!
«Здѣсь праздникъ!» Левъ сказалъ: что-жъ тихо? Забавляйтесь!

Играйте, дѣтушки, не опасайтесь!
Я добръ; хотите ли и самъ въ игру войду!»
«Ахъ, милостивый князь, какое снисхожденье!
Какъ вашей свѣтлости быть съ нами наряду!
Съ Мартышками играть! вашъ санъ, нашъ долгъ, почтенье...»
«Пустое, что за долгъ! я такъ хочу, смѣлѣй!
Не всѣ ли мы равны? Вы бъ сами тожъ сказали,
Когда бы, такъ какъ я, философовъ читали.
Я, дѣтушки, не чванъ. Вы знатности моей
Не трусьте! Ну, начнемъ!» Мартышки верть глазами,
И вѣря [какъ и всѣ] привѣтника словамъ,
Опять играть; гвоздятъ другъ друга по рукамъ.
Братъ царскій хлопъ! и вдругъ подъ царскими когтями
Изъ лапки брызжетъ кровь ключомъ!
Мартышка—ой!—и прочь, тряся хвостомъ,
Кто билъ, не думавъ, отгадала;
Однако промолчала.
Хохочетъ князь; другія, ротъ скривя,
Туда жъ за бариномъ смѣются,
Хотя отъ смѣха слезы льются,
И задомъ, задомъ, въ лѣсъ! Бѣгутъ и про себя
Бормочутъ: не играй съ большими господами!
Добрѣйшіе изъ нихъ—съ когтями!

КОТЪ И МЫШЬ.

[БАСНЯ, ИЗЪ ЛЯФОНТЕНА].

Случилось такъ, что Котъ Федотка-сыроѣдъ,
Сова Трофимовна-сопунья,
И Мышка-хлѣбница, и Ласточка-прыгунья,
Всѣ плуты, сколько-то не помню лѣтъ,
Не вмѣстѣ, но въ одной дуплистой дряхлой ели,

Пристанище имѣли.
Подмѣтилъ ихъ стрѣлокъ и сѣтку на дупло.
Лишь только ночь отъ дня свой сумракъ отдѣлила
[Въ тотъ часъ, какъ на поляхъ ни темно, ни свѣтло,
Когда, не видя, ждешь небеснаго свѣтила],
Нашъ Котъ изъ норки шасть, и прямо брякъ подъ сѣть.
Бѣда Федотушкѣ! приходитъ умереть!
Копышется, хлопочетъ,
Взмяукался мой Котъ.
А Мышка воръ—какъ тутъ! ей пиръ, въ ладоши бьетъ,
Хохочетъ.
«Сосѣдушка, нельзя ль помочь мнѣ?—изъ сѣтей
Сказалъ умильно узникъ ей:
Богъ добрымъ воздаянье!
Ты жъ, нещечко мое, душа моя, была,
Не знаю почему, всегда мнѣ такъ мила,
Какъ свѣтъ моихъ очей, какъ дневное сіянье!
Я нынче къ завтренѣ спѣшилъ
[Всѣхъ набожныхъ котовъ обыкновенье],
Но знать невѣдѣньемъ предъ Богомъ погрѣшилъ,
Знать окаянному за дѣло искушенье!
По волѣ Вышняго подъ сѣть попалъ!
Но гнѣвный милуетъ; несчастному въ спасенье
Тебя мнѣ Богъ сюда послалъ!
Сосѣдка, помоги!»—«Помочь тебѣ! злодѣю?
Мышатнику! Коту! съ ума ли я сошла!
Избавь его, себѣ на шею.»
«Ахъ, Мышка! — молвилъ Котъ: тебѣ ль хочу я зла?
Напротивъ я съ тобой сей часъ въ союзъ вступаю!
Сова и Ласточка твои враги:
Прикажешь, въ мигъ ихъ уберу!»—«Я знаю,
Что ты сластена Котъ! но словъ побереги,
Меня не обмануть такимъ красивымъ слогомъ!
Глуха я! оставайся съ Богомъ!»
Лишь хлѣбница домой,

А Ласточка ужъ тамъ. Назадъ! На ель взбираться!
Тутъ новая бѣда: столкнулася съ Совой.
Куда дѣваться?
Опять къ Коту; грызть, грызть тенета; удалось!
Благочестивый распутлялся;
Вдругъ ловчій изъ лѣсу съ дубиной показался,
Союзники скорѣй, давай Богъ ноги, врозь!
И тѣмъ все дѣло заключилось.
Потомъ опять Коту увидѣть Мышь случилось.
«Ахъ, другъ мой, дай себя обнять.
Боишься? Постыдись; твой страхъ мнѣ оскорбленье!
Грѣшно союзника врагомъ своимъ считать!
Могу ли позабыть, что ты мое спасенье,
Что ты моя вторая мать?»
«А я могу ль не знать,
Что ты Котище-объѣдало,
Что кошка съ мышкою не ладятъ никогда,
Что благодарности въ васъ духу не бывало,
И что по нуждѣ связь не можетъ быть тверда.»

СУРКИ И КРОТЪ.

[БАСНЯ, ИЗЪ ФЛОРІАНА].

Свои намъ недостатки знать,
И въ недостаткахъ признаваться —
Какъ небо и земля; скорѣй отъ бѣдъ страдать,
Чѣмъ бѣдъ виною называться!
Въ примѣръ вамъ разскажу не басенку, а быль.
Чудна, но справедлива;
Я очевидецъ самъ такаго дива,
И право не хочу пускать въ глаза вамъ пыль!

Однажды на лужокъ, лишь только солнце сѣло,
Проказники Сурки
Сошлись играть въ ѣзду, въ гулючки, въ уголки
И въ жмурки. — Да, и въ жмурки! Это дѣло
Такъ вѣрно, какъ я здѣсь, и вотъ какъ: осокой
Тому, кому ловить, завязывались глазки,
Концы жъ повязки
Подъ морду въ узелокъ; а тамъ — бреди слѣпой!
Слѣпой бредетъ! другіе же бѣситься,
Кувыркаться, скакать кругомъ;
Тотъ подъ носъ шишъ ему, тотъ въ задъ его пинкомъ;
Тотъ на ухо свиститъ, а тотъ предъ нимъ вертится,
Коверкаясь, какъ бѣсъ!
Бѣдняжка, лапки вверхъ хвать-хвать, не тутъ-то было!
И гдѣ поймать такихъ увертливыхъ повѣсъ!
Ловить бы до утра, но счастье пособило.
Возню услышавъ подъ землей,
Изъ норки вылѣзъ Кротъ, монахъ слѣпой;
Туда жъ играть съ Сурками!
Растѣшился, катитъ и прямо брякъ въ силки.
Сурки
Сошлись и говорятъ: «Онъ слѣпъ, а мы съ глазами!
Не лучше ли его....» — И, братцы! что за срамъ!
Ворчитъ надувшись Кротъ: игра игрою!
Я пойманъ! мнѣ ловить, съ повязкой, какъ и вамъ.
«Пожалуй! но съ твоей, пріятель, слѣпотою
Не будетъ ли намъ грѣхъ давить тебя узломъ?»
— О, это ужъ обидно!
Какъ будто и играть невмѣстно мнѣ съ Суркомъ!
Стяни, сударь! еще, еще стяни, мнѣ видно!

ПОХОРОНЫ ЛЬВИЦЫ.

[БАСНЯ, ИЗЪ ЛЯФОНТЕНА].

Въ лѣсу скончалась Львица.
Тотчасъ ко всѣмъ звѣрямъ повѣстка. Дворъ и знать
Стеклись послѣдній долгъ покойницѣ отдать.
Усопшая царица
Лежала посреди пещеры на одрѣ,
Покрытомъ кожею звѣриной;
Въ углу, на олтарѣ
Жгли ладанъ, и Потапъ съ смиренной образиной, —
Потапъ мартышка, вашъ знакомецъ,—въ носъ гнуся,
Съ запинкой, заунывнымъ тономъ,
Молитвы бормоталъ. Всѣ звѣри, принося
Царицѣ скорби дань, къ одру, съ земнымъ поклономъ
По очереди шли и каждый въ лапу чмокъ,
Потомъ поклонъ царю, который надъ женою
Какъ каменный сидя и давъ свободный токъ
Слезамъ, кивалъ лишь молча головою
На всѣ поклонниковъ привѣтствія въ отвѣтъ.
Потомъ и выносъ. Царь вылъ голосомъ, катался
Отъ горя по землѣ, а дворъ за нимъ во слѣдъ
Ревѣлъ, и такъ ревѣлъ, что гуломъ возмущался
Весь дикій и обширный лѣсъ;
Еще жъ свидѣтели съ божбой насъ увѣряли,
Что сусликъ-камергеръ безъ чувствъ упалъ отъ слезъ,
И что лисицу съ часъ мартышки оттирали!
Я дворъ зову страной, гдѣ чудный родъ людей:
Печальны, веселы, привѣтливы, суровы;
По виду пламенны, какъ ледъ въ душѣ своей;
Всегда на все готовы;
Что царь, то и они; народъ хамелеонъ —
Монарха обезьяны;

Ты скажешь, что во всѣхъ единый духъ вселенъ;
Не люди, сущіе органы:
Завелъ—поютъ, забылъ завесть—молчатъ.
И такъ, за гробомъ всѣ и воютъ и мычатъ,
Не плачетъ лишь олень. Причина? Львица съѣла
Жену его и дочь. Онъ смерть ея считалъ
Отмщеніемъ небесъ. Короче, онъ молчалъ.
Тотчасъ къ царю лиса-лестюха подлетѣла,
И шепчетъ, что олень, безсовѣстная тварь,
Смѣялся подъ рукою.
Вамъ скажетъ Соломонъ, каковъ во гнѣвѣ царь!
А какъ былъ царь и левъ, онъ гривою густою
Затрясъ, хвостомъ забилъ,
«Смѣяться, завопилъ,
Тебѣ, червякъ? Тебѣ! надъ ихъ стенаньемъ!
Когтей не посрамлю преступника терзаньемъ;
Къ волкамъ его! къ волкамъ!
Да въ мигъ расторгнется ругатель по частямъ,
Да казнь его смиритъ въ обителяхъ Плутона
Царицы оскорбленной тѣнь!»
Олень,
Который не читалъ пророка Соломона,
Царю въ отвѣтъ:—Не сѣтуй, государь,
Часы стенаній миновались!
Да жертву радости положимъ на олтарь!
Когда въ печальный ходъ всѣ звѣри собирались
И я за ними въ слѣдъ бѣжалъ,
Царица предъ меня въ сіяньи вдругъ предстала;
Хоть былъ я ослѣпленъ, но въ мигъ ее узналъ.
«Олень!—святая мнѣ сказала—
Не плачь, я въ области боговъ
Бесѣдую въ кругу звѣрей преображенныхъ!
Утѣшь со мною разлученныхъ!
Скажи царю, что тамъ вѣнецъ ему готовъ!»
И скрылась.—«Чудо! откровенье!»

Воскликнулъ хоромъ дворъ.
А царь, осклабя взоръ,
Сказалъ: «Оленю въ награжденье
Даемъ два луга, чинъ и лань!»
Не правда ли, что лесть всегда пріятна дань?

ЭЛЬМИНА КЪ ПОРТРЕТУ СВОЕЙ МАТЕРИ,

ПИСАННОМУ ЕЯ ДОЧЕРЬЮ, КОТОРЫХЪ ОНА ВЪ ОДНО ВРЕМЯ ЛИШИЛАСЬ.

Мой жребій прежде былъ ихъ страстно обожать;
Теперь при сладостномъ душѣ изображеньи:
Подобіи одной, другой произведеньи, —
Живу, чтобы по нихъ, погибшихъ унывать.
Священный, милый слѣдъ двухъ сердцу незабвенныхъ,
Послѣдній памятникъ столь ясныхъ жизни лѣтъ!
Питая скорбь объ нихъ, толь быстро похищенныхъ,
Ты счастье замѣнишь, котораго ужъ нѣтъ.

РУШЕ КЪ СВОЕЙ ЖЕНѢ И ДѢТЯМЪ ИЗЪ ТЮРЬМЫ,

ПОСЫЛАЯ КЪ НИМЪ СВОЙ ПОРТРЕТЪ.

[ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО].

О вы, которыя въ душѣ моей хранились!
Хотите ль знать, почто мой скорбный взоръ угасъ?
Когда подъ кистію черты сіи творились,
Я шелъ на эшафотъ, но сердцемъ былъ у васъ.

СТАРИКЪ

КЪ МОЛОДОЙ ПРЕКРАСНОЙ ДѢВУШКѢ.

Какъ сладостно твоимъ присутствіемъ плѣняться,
И какъ опасно мнѣ словамъ твоимъ внимать!
Ахъ, поздно старику надеждой обольщаться,
Но поздно ль, не имѣвъ надежды, обожать?

ЭПИТАФІЯ ЛИРИЧЕСКОМУ ПОЭТУ.

Здѣсь кончилъ вѣкъ Панфилъ, безъ толку одъ пѣвецъ!
Сей грѣшный человѣкъ, прости ему Творецъ,
По смерти жить сбирался,
Но заживо скончался.

КОТЪ и ЗЕРКАЛО.

[БАСНЯ ИЗЪ ФЛОРІАНА].

Невѣжды-мудрецы, которыхъ вѣкъ проходитъ
Въ исканіи такихъ вещей,
Какихъ никто никакъ въ семъ мірѣ не находитъ,
Послѣдуйте Коту и будьте поумнѣй!

На дамскомъ туалетѣ
Сидѣлъ Федотка Котъ,

И чистилъ морду... Вдругъ, глядь въ зеркало: Федотъ
И тамъ. Точь въ точь! сходнѣй двухъ харей нѣтъ на свѣтѣ.
Шерсть дыбомъ, прыгъ къ нему, и мордой щолкъ въ стекло,
Мяукнулъ, фыркнулъ!... «Понимаю!
Стекло прозрачное! онъ тамъ! поймаю!»
Бѣжитъ.... О чудо! — никого.
Задумался: куда бъ такъ скоро провалиться?
Бѣжитъ назадъ! Опять Федотка передъ нимъ!
«Постой, я знаю какъ! ужъ быть тебѣ моимъ!»
Нашъ умница верхомъ на зеркало садится,
Боясь, чтобъ, ходя вкругъ, Кота не упустить,
Или чтобъ тамъ и тутъ въ одну минуту быть!
Припалъ какъ воръ, вертитъ глазами;
Двѣ лапки здѣсь, двѣ лапки тамъ;
Весь вытянутъ, мурчитъ, глядитъ по сторонамъ;
Нагнулся... Вотъ опять хвостъ, лапки, носъ съ усами.
Хвать-хвать! когтями цапъ-царапъ!
Далъ промахъ, сорвался и бухъ на столикъ съ рамы;
Кота же нѣтъ какъ нѣтъ. Тогда, жалѣя лапъ
[Замѣтьте, мудрецы упрямы!]
И вѣдать не хотя, чего нельзя понять,
Федотъ нашъ зеркалу поклонъ отвѣсилъ низкій;
А самъ отправился съ мышами воевать,
Мурлыча про себя: «Не всѣ къ намъ вещи близки!
Что тягостно уму, того не нужно знать!»

КАПЛУНЪ И СОКОЛЪ.

[БАСНЯ, ИЗЪ ЛЯФОНТЕНА].

Привѣты иногда злыхъ умысловъ прикраса.

Одинъ
Московскій гражданинъ,
Пришлецъ изъ Арзамаса,
Матюшка-долгохвостъ, по промыслу Каплунъ,
На кухню долженъ былъ явиться,
И тамъ на очагѣ съ кухмистеромъ судиться.
Вся дворня взбѣгалась: цыпъ-цыпъ! цыпъ-цыпъ!—Шалунъ
Проворно,
Смекнувши что бѣда,
Давай Богъ ноги! «Господа,
Слуга покорной!
По мнѣ хотя весь день извольте горло драть,
Меня вамъ не прельстить учтивыми словами!
Теперь: цыпъ-цыпъ! а тамъ меня щипать,
Да въ печку! да сморчками
Набивши брюхо мнѣ, на столъ меня! а тамъ
И поминай какъ звали!»
Тутъ Соколъ-крутоносъ, котораго считали
По всей окружности примѣромъ всѣмъ бойцамъ,
Который на жерди, со спѣсью соколиной,
Раздувши зобъ, сидѣлъ,
И съ смѣхомъ на гоньбу глядѣлъ,
Сказалъ: «дуракъ, Каплунъ! съ такой какъ ты скотиной
Изъ силы выбился честной народъ!
Тебя зовутъ, а ты, уродъ,
И носъ отворотилъ, оглохъ, ко всѣмъ спиною!
Смотри пожалуй! я тебѣ ль чета? но такъ
Не гордъ! лечу на свистъ! глухарь, дуракъ,
Постой! хозяинъ ждетъ! вся дворня за тобою!»

Каплунъ, кряхтя, пыхтя, совѣтнику въ отвѣтъ:
«Князь-Соколъ, я не глухъ! меня хозяинъ ждетъ?
Но знать хочу, за чѣмъ? а этотъ твой пріятель,
Который въ фартукѣ, какъ воръ съ ножомъ,
Такъ чванится своимъ узорнымъ колпакомъ
Конечно каплуновъ усердный почитатель,
Прогнѣвался, что я не падокъ къ ихъ словамъ!
Но если бъ соколамъ,
Какъ нашей братьи каплунамъ,
На кухнѣ заглянуть случилось
Въ горшокъ, гдѣ бъ въ кипяткѣ ихъ княжество варилось,
Тогда хозяйскій свистъ и ихъ бы не провелъ;
Тогда бъ, какъ скотъ-Каплунъ, черкнулъ и князь-Соколъ!»

ГОЛУБКА И СОРОКА.

[БАСНЯ, ИЗЪ ФЛОРІАНА].

Голубка дворъ объ дворъ съ Сорокою жила
Сокровищемъ, а не сосѣдкой.
Въ гнѣздѣ одной любовь цвѣла;
У той напротивъ день безъ шума рѣдкой,
Битье яицъ, ворчанье, споръ!
Лишь только пьяный мужъ Сороку поколотитъ,
Она тотчасъ летѣть къ сосѣдушкѣ на дворъ,
Щебечетъ, крехчетъ, вопитъ:
— Охъ! горьку, мать моя, пришлось мнѣ чашу пить!
Ужъ видно такъ и вѣкъ прожить!
Далъ Богъ мнѣ муженька! мучитель, окаянной!
Житья нѣтъ! бьетъ меня безпошлинно, безданно,
Ревнивецъ! а какъ самъ — таскаться за совой!
Голубка слушала, качая головой.
«И ты, примолвила, сосѣдка, не святая!»
— То такъ, не безъ грѣха! случается и мнѣ
И лишнее сказать, и спорить, и въ винѣ
Признаться не хотѣть, неправду утверждая;

Но это все пустякъ! «И, нѣтъ! какой пустякъ?
Напротивъ, мой совѣтъ: когда не любишь дракъ,
Исправь себя!» — А въ чемъ прикажете исправить?
Исправь! совѣтница! смѣшна съ своимъ умомъ!
Взялась другихъ учить, собой не смысля править!
Сиди-ка надъ гнѣздомъ! —

СОКОЛЪ и ФИЛОМЕЛА.

[БАСНЯ, ИЗЪ ЛЯФОНТЕНА].

Летѣлъ Соколъ. Всѣ куры всхлопотались
Скликать цыплятъ; бѣгутъ цыпляточки, прижались
Подъ крылья къ маткамъ; ждутъ, чтобы напасть прошла.
Пѣвица Филомела,
Которая въ лѣсу пустынницей жила,
И въ тотъ часъ, на бѣду, къ подружкѣ полетѣла
Въ сосѣдственный лѣсокъ,
Попалась къ Соколу. — Помилуй, умоляетъ:
Уже ли соловьевъ соколій родъ не знаетъ!
Какой въ нихъ вкусъ! одинъ лишь звонкій голосокъ,
И только! вамъ, бойцы, грѣшно насъ пѣвчихъ кушать!
Не лучше ль пѣсенки моей послушать?
Прикажешь ли, спою
Про ласточку, сестру мою...
Какъ я досталася безбожнику Терею...
«Терей! Терей! я дамъ тебѣ Терея, тварь!
Годится ль твой Терей на ужинъ?»—Нѣтъ, онъ царь!
Увы! сему злодѣю
Я вмѣстѣ съ Прогною сестрой
На жертву отдана безжалостно судьбой!
Склони соколій слухъ къ несчастной горемыкѣ!
Гармонія мила чувствительнымъ сердцамъ!
«Конечно! натощакъ и думать о музыкѣ!

Другому пой, я глухъ!» — Я нравлюсь и царямъ!
«Царь дѣло, я другое!
Пусть царь и тѣшится музыкою твоей!
Для насъ, охотниковъ, она пустое,
Желудокъ тощій — безъ ушей!»

СТАРЫЙ КОТЪ И МОЛОДОЙ МЫШОНОКЪ.

[БАСНЯ, ИЗЪ ЛЯФОНТЕНА].

Одинъ неопытный Мышонокъ
У стараго Кота подъ лапою пищалъ,
И такъ его, въ слезахъ, на жалость преклонялъ:
Помилуй, дѣдушка, вѣдь я еще ребенокъ!
Какъ можно крошечкѣ такой, какъ я,
Твоимъ домашнимъ быть въ отягощенье?
Твоя хозяюшка и вся ея семья
Придутъ ли отъ меня, малютки, въ раззоренье?
И въ чемъ же мой обѣдъ? зерно, а много два!
Орѣхъ мнѣ — на недѣлю!
Къ тому жь теперь я худъ! едва, едва
Могу дышать. Вчера оставилъ лишь постелю;
Былъ боленъ. Потерпи, пусти меня пожить!
Пусть дѣточки твои меня изволятъ скушать!
«Молчи, молокососъ, тебѣ ль меня учить?
И мнѣ ли старику такихъ разсказовъ слушать!
Я Котъ и старъ, мой другъ! прощенія не жди,
А лучше безъ хлопотъ, поди
Къ Плутону, милости его отвѣдать!
Моимъ же дѣточкамъ всегда есть что обѣдать.»
Сказалъ, Мышонка цапъ; тотъ пискнулъ и припалъ.
А Котъ, покушавши, ни въ чемъ какъ не бывалъ!

Уже ль разсказъ безъ поученья?
Никакъ, читатель, есть:
Всѣмъ юность льститъ себя, все мыслитъ пріобрѣсть;
А старость иногда не знаетъ сожалѣнья.

КЪ К. М. С....ОЙ.

Протекшихъ радостей уже не возвратить;
Но въ самой скорби есть для сердца наслажденье.
Уже ли все мечта? Напрасно ль слезы лить?
Уже ли наша жизнь есть только привидѣнье,
И трудная стезя къ ничтожеству ведетъ?
Ахъ! нѣтъ, мой милый другъ, не будемъ безнадежны;
Есть пристань вѣрная, есть берегъ безмятежный;
Тамъ все погибшее предъ нами оживетъ;
Незримая рука, простертая надъ нами,
Ведетъ насъ къ одному различными путями!
Блаженство наша цѣль; когда мы къ ней придемъ,
Намъ провидѣніе сей тайны не открыло.
Но рано ль, поздно ли, мы радостно вздохнемъ:
Надеждой не вотще насъ небо одарило.

НАДГРОБІЕ

И. П. И А. И. ТУРГЕНЕВЫМЪ.

Судьба на мѣстѣ семъ разрознила нашъ кругъ:
Здѣсь милый нашъ отецъ, здѣсь нашъ любимый другъ;
Ихъ разлучила смерть, и смерть соединила;
А намъ въ святой завѣтъ святая ихъ могила:
«Ихъ неутраченной любви не измѣнить;
Ту жизнь, гдѣ ихъ ужъ нѣтъ, какъ съ ними, совершить,
Чтобъ быть достойными объ нимъ воспоминанья,
Чтобъ встрѣтить съ торжествомъ великій часъ свиданья.»

ТОСКА ПО МИЛОМЪ.

ПѢСНЯ.

(изъ шиллера: пикколомини, ш. 7).

Дубрава шумитъ;
Сбираются тучи;
На берегъ зыбучій
Склонившись, сидитъ
Въ слезахъ, пригорюнясь, дѣвица-краса;
И полночь и буря мрачатъ небеса;
И черныя волны, вздымаясь, бушуютъ;
И тяжкіе вздохи грудь бѣлу волнуютъ.

«Душа отцвѣла;
Природа уныла;
Любовь измѣнила,
Любовь унесла
Надежду, надежду — мой сладкій удѣлъ.
Куда ты, мой ангелъ, куда улетѣлъ?
Ахъ, полно! я счастьемъ мірскимъ насладилась:
Жила, и любила... и друга лишилась.

«Теките струей
Вы, слезы горючи,
Дубравы дремучи,
Тоскуйте со мной.
Ужъ болѣ не встрѣтить мнѣ радостныхъ дней;
Простилась, простилась я съ жизнью моей:
Мой другъ не воскреснетъ; что было, не будетъ...
И бывшаго — сердце вовѣкъ не забудетъ!

«Ахъ! скоро ль пройдутъ
Унылые годы?
Съ весною — природы
Красы разцвѣтутъ...

Но сладкое счастье не дважды цвѣтетъ.
Пускай же драгое въ слезахъ оживетъ;
Любовь, ты погибла; ты, радость, умчалась;
Одна о минувшемъ тоска мнѣ осталась.

МАЛЬВИНА.

ПѢСНЯ, СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Съ тѣхъ поръ, какъ ты плѣненъ другою,
Мальвина вянетъ въ цвѣтѣ лѣтъ;
Мнѣ свѣтъ прелестенъ былъ тобою;
Теперь — прости, прелестный свѣтъ!
Ахъ! не отринь любви моленья:
Приди.... не сердце мнѣ отдать,
Но взоръ потухшій мой принять
Въ минуту смертнаго томленья.

Спѣши, спѣши! близка кончина;
Смотри, какъ въ часъ послѣдній свой
Твоя терзается Мальвина
Стыдомъ, любовью и тоской;
Не смерти страшной содроганье,
Не тусклый, безотвѣтный взглядъ,
Тебѣ, о милый, возвѣстятъ,
Что жизни кончилось страданье...

Ахъ, нѣтъ!... когда жъ Мальвины муку
Не услаждаетъ твой приходъ,
Когда хладѣющую руку
Она тебѣ не подаетъ,

Когда забытъ мой другъ единый,
Мой взоръ престалъ его искать,
Душа престала обожать:
Тогда — тогда ужъ нѣтъ Мальвины.

КЪ ФИЛАЛЕТУ.

[ПОСЛАНІЕ АЛЕКСАНДРУ ИВАН. ТУРГЕНЕВУ].

Гдѣ ты, далекій другъ? Когда прервемъ разлуку?
Когда прострешь ко мнѣ ласкающую руку?
Когда мнѣ встрѣтить твой душѣ понятный взглядъ,
И сердцемъ отвѣчать на дружбы гласъ священной?...
Гдѣ вы, дни радостей? Придешь ли ты назадъ,
О время прежнее, о время незабвенно?
Или веселіе навѣки отцвѣло,
И счастіе мое съ протекшимъ протекло?...
Какъ часто о часахъ минувшихъ я мечтаю!
Но чаще съ сладостью конецъ воображаю,
Конецъ всему — души покой,
Конецъ желаніямъ, конецъ воспоминаньямъ,
Конецъ боренію и съ жизнью и съ собой....
Ахъ! время, Филалетъ, свершиться ожиданьямъ.
Не знаю.... но, мой другъ, кончины сладкій часъ
Моей любимою мечтою становится;
Унылость тихая въ душѣ моей хранится;
Во всемъ внимаю я знакомый смерти гласъ.
Зоветъ меня.... зоветъ...... куда зоветъ?.... Не знаю;
Но я зовущему съ волненіемъ внимаю;
Я сердцемъ сопряженъ съ сей тайною страной,
Куда насъ всѣхъ влачитъ судьба неодолима;
Томящейся душѣ невидимая зрима —
Повсюду вѣстники могилы предо мной.
Смотрю ли, какъ заря съ закатомъ угасаетъ,

Такъ, мнится, юноша цвѣтущій изчезаетъ;
Внимаю ли рогамъ пастушьимъ за горой,
Иль вѣтра горнаго въ дубравѣ трепетанью,
Иль тихому ручья въ кустарникѣ журчанью,
Смотрю ль въ туманну даль вечернею порой,
Къ клавиру ль преклонясь, гармоніи внимаю —
Во всемъ печальныхъ дней конецъ воображаю.
Иль предвѣщаніе въ уныніи моемъ?
Или судилъ мнѣ рокъ въ весенни жизни годы,
Сокрывшись въ мракѣ гробовомъ,
Покинуть и поля и отческія воды,
И міръ, гдѣ жизнь моя безплодно разцвѣла?...
Скажу ль?... Мнѣ ужасовъ могила не являетъ,
И сердце съ горестнымъ желаньемъ ожидаетъ,
Чтобъ промысла рука обратно то взяла,
Чѣмъ я безрадостно въ семъ мірѣ бременился,
Ту жизнь, въ которой я столь мало насладился,
Которую давно надежда не златитъ.
Къ младенчеству ль душа прискорбная летитъ,
Считаю ль радости минувшаго — какъ мало!
Нѣтъ! счастье къ бытію меня не пріучало;
Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ.
Едва въ душѣ своей для дружбы я созрѣлъ —
И что же!... предо мной увядшаго могила.
Душа, не воспылавъ, свой пламень угасила.
Любовь.... но я въ любви нашелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья,
И невозвратное надеждъ уничтоженье.
Изсякшія души наполню ль пустоту?
Какое счастіе мнѣ въ будущемъ извѣстно?
Грядущее для насъ — протекшимъ лишь прелестно.
Мой другъ, о нѣжный другъ, когда намъ не дано
Въ семъ мірѣ жить для тѣхъ, кѣмъ жизнь для насъ священна,
Кѣмъ добродѣтель намъ и слава драгоцѣнна,
Почто жъ, увы! почто судьбой запрещено

За счастье ихъ отдать намъ жизнь сію безплодну?
Почто [дерзну ль спросить?] отъялъ у насъ Творецъ
Имъ жертвовать собой свободу превосходну?
Съ какимъ бы торжествомъ я встрѣтилъ мой конецъ.
Когда бъ всѣхъ благъ земныхъ, всей жизни приношеньемъ
Я могъ — о сладкій сонъ! — той счастье искупить,
Съ кѣмъ жребій не судилъ мнѣ жизнь мою дѣлить!...
Когда бъ стократными и скорбью и мученьемъ
За каждый мигъ ея блаженства я платилъ,
Тогда бъ, мой другъ, я рай въ семъ мірѣ находилъ,
И дня какъ дара ждалъ, къ страданью пробуждаясь;
Тогда, надеждою отрадною питаясь,
Что каждый жизни мигъ погибшія моей
Есть жертва тайная для блага милыхъ дней,
Я бъ смерти звать не смѣлъ, страшился бы могилы.
О незабвенная, другъ милый, вѣчно милый!
Почто, повергнувшись въ слезахъ къ твоимъ ногамъ,
Почто, лобзая ихъ горящими устами,
Отъ сердца не могу воскликнуть къ небесамъ:
«Все въ жертву за нее! вся жизнь моя предъ вами!»
Почто и небеса не могутъ внять мольбамъ?
О безразсуднаго напрасное моленье!
Гдѣ тотъ, кому дано святое наслажденье,
За милыхъ слезы лить, страдать и погибать?
Ахъ! если бъ мы могли въ сей области изгнанья
Столь восхитительно презрѣнну жизнь кончать,
Кто бъ небо оскорбилъ безуміемъ роптанья!

ГИМНЪ.

[ИЗЪ ПОЭМЫ ТОМПСОНА: «ВРЕМЕНА ГОДА»].

О Богѣ намъ гласитъ временъ круговращенье,
О благости его исполненный имъ годъ.
Творецъ! весна твоей любви изображенье:

Воскреснули поля, цвѣтетъ лазурный сводъ;
Веселые холмы одѣты красотою,
И сердце растворилъ желаній тихій жаръ.
Ты въ лѣтѣ, окруженъ и зноемъ и грозою,
То мирный, благостный, несешь намъ въ зрѣлости даръ,
То намъ благотворишь, сокрытый тучъ громадой.
И въ полдень пламенный, и ночи въ тихій часъ,
Съ дыханіемъ дубравъ, источниковъ съ прохладой,
Не твой ли къ намъ летитъ любови полный гласъ?
Ты въ осень общій пиръ готовишь для творенья;
И въ зиму, гнѣвный Богъ, на бурныхъ облакахъ,
Во ужасъ облеченъ, съ грозой опустошенья,
Паришь, погибельный... какъ дольный гонишь прахъ,
И вьюгу, и метель, и вихорь предъ собою;
Въ развалинахъ земля; природы страшенъ видъ;
И міръ, оцѣпенѣвъ предъ сильнаго рукою,
Хвалебнымъ трепетомъ Творца благовѣститъ.
О таинственный кругъ! какихъ законовъ сила
Сліяла здѣсь красу съ чудесной простотой,
Съ великолѣпіемъ пріятность согласила,
Со тьмою дивный свѣтъ, съ движеніемъ покой,
Съ неизмѣняемымъ единствомъ измѣненье?
Почто жъ ты, человѣкъ, слѣпецъ среди чудесъ?
Признай окрестъ себя руки напечатлѣнье,
Отъ вѣка правящей теченіемъ небесъ
И строемъ мирнымъ сферъ изъ тьмы недостижимой.
Она весной красу низводитъ на поля;
Ей жертва дымъ горы, перунами дробимой;
Предъ нею въ трепетѣ веселія земля.
Воздвигнись, спящій міръ! внуши мой гласъ, созданье!
Да грянетъ наша пѣснь чудеснаго дѣламъ!
Сліянные въ хвалу, сліянны въ обожанье,
Да гимнъ вашъ потрясетъ небесъ огромный храмъ!....
Журчи къ нему любовь подъ тихой сѣнью лѣса,
Порхая по листамъ, душистый вѣтерокъ;

Вы, ели, наклонясь съ сѣдой главы утеса
На свѣтлый, о скалу біющійся потокъ,
Его привѣтствуйте таинственною мглою;
О немъ благовѣсти, крылатыхъ бурей свистъ,
Когда трепещетъ брегъ, терзаемый волною,
И сорванный съ лѣсовъ крутится клубомъ листъ;
Ручей, невидимо журчащій подъ дубравой,
Съ лѣсистой крутизны ревущій водопадъ,
Рѣка, блестящая средь дебрей величаво,
Кристалломъ отразивъ на брегѣ пышный градъ,
И ты, обитель чудъ, бездонная пучина,
Гремите пѣснь тому, чей бурь звучнѣйшій гласъ
Велитъ — и зыбь горой! велитъ — и зыбь равнина!
Вы, злаки, вы, цвѣты, лети къ нему отъ васъ
Хвалебное съ полей, съ луговъ благоуханье:
Онъ далъ вамъ ароматъ, онъ васъ кропитъ росой,
Изъ радужныхъ лучей architecturalъ вамъ одѣянье;
Предъ нимъ утихни, долъ; поникни, боръ, главой,
И жатва трепещи на нивѣ оживленной,
Плѣняя шорохомъ мечтателя своимъ,
Когда онъ, при лунѣ, вдоль рощи осребренной,
Идетъ задумчивый, и тѣнь во слѣдъ за нимъ;
Луна, по облакамъ разлей струи златыя,
Когда и дебрь, и холмъ, и лѣсъ въ туманѣ спятъ;
Созвѣздій ликъ, сіяй средь тверди голубыя,
Когда струнами лиръ превыспреннихъ звучатъ
Воспламененные любовью серафимы;
И ты, свѣтило дня, смиритель бурныхъ тучъ,
Будь щедростію ликъ Творца боготворимый,
Ему живописуй хвалу твой каждый лучъ....
Се громъ!... Владыки гласъ!... безмолвствуй, міръ смятенный.
Внуши.... изъ края въ край по тучамъ гулъ гремитъ,
Разрушена скала, дымится дубъ сраженный,
И гимнъ торжественный чрезъ дебри вдаль паритъ...
Утихъ... красуйся, лугъ!.. привѣтственное пѣнье,

Изникни изъ лѣсовъ; и ты, любовь весны,
Лишь полночь принесетъ пернатымъ усыпленье,
И тихій отъ холма возстанетъ рогъ луны,
Воркуй подъ сѣнію дубравной, Филомела.
А ты, глава земли, творенія краса,
Наслѣдникъ ангеловъ безсмертнаго удѣла,
Сочти безчисленны созданья чудеса,
И въ горнее пари, хвалой воспламененный.
Сердца, сліянны въ пѣснь, летите къ небесамъ,
Да грады возшумятъ, мольбами оглашенны,
Да въ храмахъ съ олтарей возстанетъ ѳиміамъ,
Да грянутъ съ звономъ арфъ и съ ликами органы,
Да въ селахъ, по горамъ, и въ сумракѣ лѣсовъ,
И пастыря свирѣль, и юныхъ дѣвъ тимпаны,
И звучные рога, и шумный гласъ пѣвцовъ
Одинъ составятъ гимнъ и гулъ отгрянетъ: слава!
Будь, каждый звукъ, хвала; будь, каждый холмъ, алтарь;
Будь храмомъ, каждая тѣнистая дубрава,
Гдѣ, мнится, въ тайной мглѣ сокрытъ природы царь
И вѣютъ въ вѣтеркахъ душистыхъ серафимы,
И гдѣ, возведши взоръ на свѣтлый неба сводъ,
Сквозь зыблемую сѣть вѣтвей древесныхъ зримый,
Пѣвецъ въ задумчивомъ восторгѣ слезы льетъ.
А я, животворимъ созданья красотою,
Забуду ли когда хвалебный гласъ мольбы?
О неиспытанный! мой пламень предъ тобою!
Куда бъ ни привела рука твоей судьбы,
Найду ли тишину подъ отческою сѣнью,
Безпечный другъ полей, возлюбленныхъ въ кругу,
Тебя и въ знойный день, покрытый рощи тѣнью,
И въ ночь, задумчивый, потока на брегу,
И въ обиталищахъ страданія забвенныхъ,
Гдѣ бѣдность и недугъ, гдѣ рокъ напечатлѣлъ
Отчаянья клеймо на лицахъ искаженныхъ,
Куда бъ, влекомъ тобой, съ отрадой я летѣлъ,

И въ часъ торжественный полночнаго видѣнья,
Какъ струны, пробудясь, отвѣтствуютъ перстамъ
И духъ воспламененъ восторгомъ пѣснопѣнья,
Тебя велю искать и сердцу и очамъ.
Постигнешь ли меня гоненія рукою,
Тебя жъ благословитъ тоски молящій гласъ;
Тебя же обрѣту подъ грозной жизни мглою.
Ахъ! скоро ль прилетитъ послѣдній, скорбный часъ,
Конца и тишины желанный возвѣститель?
Промчись, печальная невѣдѣнія тѣнь!
Откройся, тайный брегъ, утраченныхъ обитель!
Откройся, мирная, отеческая сѣнь!

КЪ НИНѢ.

(съ англійскаго).

О Нина, о мой другъ! уже ль безъ сожалѣнья
Покинешь для меня и свѣтъ и пышный градъ?
И въ бѣдномъ шалашѣ, обители смиренья,
На сельскій промѣнявъ блестящій свой нарядъ,
Неукрашенная ни златомъ, ни парчею,
Сіяя для пустынь невидимой красою,
Не вспомнишь прежнихъ лѣтъ, какъ въ городѣ цвѣла
И несравненною въ кругу прелестъ слыла?

Уже ль, направя путь въ далекую долину,
Назадъ не обратишь очей своихъ съ тоской?
Готова ль перенесть убожества судьбину,
Зимы жестокій хладъ, палящій лѣта зной?
О ты, рожденная быть прелестью природы!
Уже ль, затворница въ весенни жизни годы,
Не вспомнишь сладкихъ дней, какъ въ городѣ цвѣла
И несравненною въ кругу прелестъ слыла?

Ахъ! будешь ли въ бѣдахъ мнѣ вѣрная подруга?
Опасности со мной дерзнешь ли раздѣлить?
И, въ горькій жизни часъ, прискорбнаго супруга
Усмѣшкою любви придешь ли оживить?
Уже ль, во глубинѣ души тая страданья,
О Нина! въ страшную минуту испытанья,
Не вспомнишь прежнихъ лѣтъ, какъ въ городѣ цвѣла
И несравненною въ кругу прелестъ слыла?

Въ послѣднее любви и радостей мгновенье,
Когда мой Нину взоръ уже не различитъ,
Утѣшитъ ли меня твое благословенье,
И смертную мою постелю усладитъ?
Придешь ли украшать мой тихій гробъ цвѣтами?
Уже ль, простертая на прахъ мой со слезами,
Не вспомнишь прежнихъ лѣтъ, какъ въ городѣ цвѣла
И несравненною къ кругу прелестъ слыла?

1808

СТИХИ,

СОЧИНЕННЫЕ ДЛЯ АЛЬБОМА М. В. П.

Давно унизился поэзіи кредитъ!
И свѣтъ, безсмысленный правдивыхъ музъ ругатель,
Нескладной прозою давно намъ говоритъ:
«Поэтъ — и хитрый лжецъ и ложный предсказатель!»
Филлида, свѣтъ—софистъ! слова его — обманъ!
Дерзаю оправдать поэта важный санъ!

Когда нельстивыми, свободными стихами
Скажу, что милой быть имѣешь рѣдкій даръ,

Что Грацій нѣжными украшена цвѣтами,
Что блескъ твоихъ очей есть чувства тайный жаръ,
Что взглядъ твой — милыя души изображенье,
Что ты не хитростью плѣняешь — простотой,
Что непритворное немногихъ удивленье
Пріятнѣй для тебя блистанья предъ толпой,
Что искренней любви ты знаешь постоянство,
Что прелести твои, опасныя сердцамъ,
Лишь непорочности наружное убранство,
Что хитрою рукой ты жизнь даешь струнамъ,
Что въ танцахъ ты зефиръ, весельемъ окрыленный,
Что въ пѣньи побѣжденъ тобой весны пѣвецъ —
Тогда, гармоніей стиховъ моихъ плѣненный,
Свѣтъ скажетъ: онъ поэтъ! И такъ — поэтъ не лжецъ!

Когда же, предузнавъ сокрытое судьбою
И снявъ съ ея лица магическій покровъ,
Я прорицателемъ предстану предъ тобою,
И смѣло предскажу, по праву всѣхъ пѣвцовъ:
«Достойной счатья быть — твое опредѣленье,
И розы для тебя безъ терна разцвѣтутъ!
Филлида, не страшись Сатурнова стремленья:
Пріятностей души лѣта не унесутъ!
Краса своей семьи, любимая друзьями,
Въ нихъ счатье ты найдешь, ихъ счастьемъ наградишь!
Ты состраданія всесильными слезами
Съ противною судьбой страдальца примиришь!
Безкровный отъ тебя въ тоскѣ не удалится;
И тамъ, гдѣ нищета въ терзаньяхъ жизнь клянетъ,
Приходъ твой съ именемъ Творца благословится!
Какъ сладкій, легкій сонъ, твой мирный вѣкъ пройдетъ!
И въ часъ послѣдняго съ друзьями разставанья,
Когда душа полна лишь скорбію одной,
Лишь упованіемъ на близкое свиданье,
Ты ясный кинешь взоръ на путь минувшій свой

И жизнь благословишь, какъ милость провидѣнья,
Гдѣ все вело къ добру — и радость и тоска,
Гдѣ все Творцемъ любви дано для наслажденья.....
И взоръ тебѣ смежитъ возлюбленныхъ рука,
И меланхоліей задумчивой хранимый
[Какъ розы ароматъ, когда ужъ розы нѣтъ,
Какъ нѣжный блескъ зари, на тихомъ небѣ зримый],
Для нихъ не отцвѣтетъ твой милый, милый слѣдъ!....»
Тогда лишь истины пристрастный порицатель
Дерзнетъ сказать: поэтъ, ты ложный предсказатель!

РАЗСТРОЙКА СЕМЕЙСТВЕННАГО СОГЛАСІЯ.

Жилъ мужъ въ согласіи съ женой,
И въ домѣ ихъ ничто любви не нарушало.
Ребенокъ, моська, котъ, сурокъ и чижъ ручной
Въ такомъ ладу, какого не бывало
И въ самомъ Ноевомъ ковчегѣ никогда.
Но вотъ бѣда!
Случился праздникъ, мужъ хлебнулъ, и въ споръ съ женою!
Чѣмъ кончилось? Онъ далъ возлюбленной толчка!
Жена—сѣчь сына; сынъ—бить моську; моська съ бою —
Душить и мять кота; котъ лапкою—сурка;
Сурокъ перекусилъ чижу съ досады шею!
Нерѣдко цѣлый край одинъ глупецъ смущалъ!
Нерѣдко безъ вины безсильный погибалъ
Во мзду могучему злодѣю!

КЪ НИНѢ.

ПОСЛАНІЕ.

О Нина, о Нина, сей пламень любви
Уже ли съ послѣднимъ дыханьемъ угаснетъ?

Душа, отлетая въ незнаемый край,
Уже ли во прахѣ то чувство покинетъ,
Которымъ равнялась богамъ на землѣ?
Уже ли въ минуту боренья съ кончиной,
Когда ужъ не буду горящей рукой
Въ слезахъ упоенья къ трепещущей груди,
Восторженный, руку твою прижимать,
Когда прекратятся и сердца волненье,
И пламень ланитный, примѣта любви,
И тайныя страсти во взорахъ сіянье,
И тихія вздохи и сладкая скорбь,
И груди безвѣстнымъ желаньемъ стѣсненье,
Уже ли, о Нина, всѣмъ чувствамъ конецъ?
Уже ли ни тѣни земнаго блаженства
Съ собою въ обитель небесъ не возьмемъ?
Ахъ! съ чѣмъ же предстанемъ ко трону любови?
И то, что питало въ насъ пламень души,
Что было въ семъ мірѣ предчувствіемъ неба,
Уже ли то бездна могилы пожретъ?
Ахъ! самое небо мнѣ будетъ изгнаньемъ,
Когда для безсмертья утрачу любовь;
И въ области райской я буду печально
О прежнемъ, погибшемъ блаженствѣ мечтать;
Я съ завистью буду, какъ бѣдный затворникъ
Во мракѣ темницы о нѣжной семьѣ,
О прежнихъ весельяхъ родительской сѣни,
Прискорбный, тоскуетъ, на цѣпи склонясь,
Смотрѣть, унывая, на милую землю.
Что въ вѣчности будетъ замѣной любви?
О! первыя встрѣчи небесная сладость —
Какъ тайныя сердца созданья мечты,
Въ единый сліявшись плѣнительный образъ,
Являются смутнымъ весельемъ душѣ —
Унынія прелесть, волненье надежды,
И радость и трепетъ при встрѣчѣ очей,

Ласкающій голосъ — души восхищенье,
Могущество тихихъ, таинственныхъ словъ,
Присутствія сладость, томленье разлуки,
Уже ль невозвратно васъ съ жизнью терять?
Уже ли, приблизясь къ безмолвному гробу,
Гдѣ хладный на вѣки безчувственный прахъ
Горѣвшаго прежде любовію сердца,
Мы будемъ напрасно и скорбью очей,
И прежде всесильнымъ любви призываньемъ
Въ безчувственномъ прахѣ любовь оживлять?
Уже ль изъ-за гроба отвѣта не будетъ?
Уже ль пережившій одинъ сохранитъ
То чувство, которымъ такъ сладко дѣлился;
А прежній сопутникъ, кѣмъ въ мірѣ онъ жилъ,
Съ которымъ сливался тоской и блаженствомъ,
Изчезнетъ за гробомъ, какъ утренній паръ
Съ лучемъ озлатившимъ его изчезаетъ,
Развѣянный легкимъ зефира крыломъ?...
О Нина, я внемлю таинственный голосъ:
Нѣтъ смерти, вѣщаетъ, для нѣжной любви;
Возлюбленный образъ, съ душой неразлучный,
И въ вѣчность за нею изъ міра летитъ —
Ей спутникъ до сладкой минуты свиданья.
О Нина, быть можетъ, торжественный часъ,
Посланникъ разлуки, уже надо мною;
Ахъ! скоро, быть можетъ, погаснетъ мой взоръ,
Къ тебѣ устремляясь съ послѣднимъ блистаньемъ;
Съ послѣднею лаской утихнетъ мой гласъ
И сердце забудетъ свой сладостный трепетъ —
Не сѣтуй, и вѣрой себя услаждай,
Что чувства нетлѣнны, что духъ мой съ тобою;
О сладость, о смертный, блаженнѣйшій часъ!
Съ тобою, о Нина, тѣснѣйшимъ союзомъ
Онъ страстную душу мою сопряжетъ.
Спокойся, другъ милый, и въ самой разлукѣ

Я буду хранитель невидимый твой,
Невидимый взору, но видимый сердцу;
Въ часы испытанья и мрачной тоски,
Я въ образѣ тихой, небесной надежды,
Бесѣдуя скрытно съ твоею душой,
Въ прискорбную буду вливать утѣшенье;
Подъ сумракомъ ночи, когда понесешь
Отраду въ обитель недуга и скорби,
Я буду твой спутникъ, я буду съ тобой
Дѣлиться священнымъ добра наслажденьемъ;
И въ тихій, священный моленія часъ,
Когда на колѣнахъ, съ блистающимъ взоромъ,
Ты будешь свой пламень къ Творцу возсылать,
Быть можетъ, тоскуя о другѣ погибшемъ,
Я буду молитвы невинной души
Носить въ умиленьи къ небесному трону.
О другъ незабвенный, тебя окруживъ
Невидимой тѣнью, всѣмъ тайнымъ движеньямъ
Души твоей буду въ весельи внимать;
Когда ты, плѣнившись потока журчаньемъ,
Иль блескомъ послѣднимъ угасшаго дня
[Какъ холмы объемлетъ задумчивый сумракъ,
И съ блѣднымъ вечернимъ мерцаньемъ, въ душѣ
О радостяхъ прежнихъ мечта воскресаетъ],
Иль сладостнымъ пѣньемъ вдали соловья,
Иль вѣющимъ съ луга душистымъ зефиромъ,
Несущимъ свирѣли далекія звукъ,
Иль стройнымъ бряцаньемъ полунощной арфы —
Нѣжнѣйшую томность въ душѣ ощутишь,
Исполнишься тихимъ, унылымъ мечтаньемъ,
И, въ міръ сокровенный душею стремясь,
Присутствіе Бога, безсмертья награду,
И съ милымъ свиданье въ безвѣстной странѣ
Яснѣе постигнешь, съ живѣйшею вѣрой,
Съ живѣйшей надеждой отъ сердца вздохнешь...

Знай, Нина, что друга ты голосъ внимаешь,
Что онъ и въ весельи и въ тихой тоскѣ
Съ твоею душею сливается тайно.
Мой другъ, не страшися минуты конца:
Посланникомъ мира, съ лучемъ утѣшенья
Ко смертной постелѣ приникнувъ твоей,
Я буду игрою небесныя арфы
Послѣднюю муку твою услаждать;
Не вопли услышишь грозящія смерти,
Не ужасъ-могилы узришь предъ собой,
Но гласъ восхищенный, поющій свободу,
Но свѣтлый, ведущій къ веселію путь,
И прежняго друга, въ восторгѣ свиданья,
Манящаго ясной улыбкой тебя.
О Нина, о Нина, безсмертье нашъ жребій.

ЛЮДМИЛА.

[РУССКАЯ БАЛЛАДА, ПОДРАЖАНІЕ БЮРГЕРОВОЙ ЛЕНОРѢ].

«Гдѣ ты, милый? Что съ тобою?
Съ чужеземною красою
Знать въ далекой сторонѣ
Измѣнилъ, невѣрный, мнѣ;
Иль безвременно могила
Свѣтлый взоръ твой угасила?»
Такъ Людмила, пріунывъ,
Къ персямъ очи преклонивъ,
На распутіи вздыхала.
«Возвратится ль онъ, мечтала,
Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ
Съ грозной ратію славянъ?»

Пыль туманитъ отдаленье;
Свѣтитъ ратныхъ ополченье;

Топотъ, ржаніе коней;
Трубный трескъ и стукъ мечей;
Прахомъ панцыри покрыты,
Шлемы лаврами обвиты;
Близко, близко ратныхъ строй;
Мчатся шумною толпой
Жены, чада, обрученны....
«Возвратились незабвенны!...»
А Людмила?.... Ждетъ-пождетъ....
«Тамъ дружину онъ ведетъ!»

«Сладкій часъ соединенья!....»
Вотъ проходитъ ополченье;
Миновался ратныхъ строй....
Гдѣ жъ, Людмила, твой герой?
Гдѣ твоя, Людмила, радость?
Ахъ! прости, надежда-сладость!
Все погибло: друга нѣтъ.
Тихо въ теремъ свой идетъ,
Томну голову склонила:
«Разступись, моя могила;
Гробъ, откройся! полно жить;
Дважды сердцу не любить!»

«Что съ тобой, моя Людмила?»
Мать со страхомъ возопила.
«О, спокой тебя Творецъ!»
— Милый другъ! всему конецъ;
Что прошло—невозвратимо;
Небо къ намъ неумолимо;
Царь небесный насъ забылъ....
Мнѣ ль онъ счастья не сулилъ?
Гдѣ жъ обѣтовъ исполненье?
Гдѣ святое провидѣнье?

Нѣтъ, немилостивъ Творецъ;
Все прости, всему конецъ.

«О Людмила, грѣхъ роптанье;
Скорбь — Создателя посланье;
Зла Создатель не творитъ;
Мертвыхъ стонъ не воскреситъ.»
— Ахъ, родная, миновалось!
Сердце вѣрить отказалось!
Я ль, съ надеждой и мольбой,
Предъ иконою святой
Не точила слезъ ручьями?
Нѣтъ, безплодными мольбами
Не призвать минувшихъ дней;
Не цвѣсти душѣ моей.

Рано жизнью насладилась,
Рано жизнь моя затмилась,
Рано прежнихъ лѣтъ краса!
Что взирать на небеса?
Что молить неумолимыхъ?
Возвращу ль невозвратимыхъ?
«Царь небесъ, то скорби гласъ!
Дочь, воспомни смертный часъ;
Кратко жизни сей страданье;
Рай — смиреннымъ воздаянье,
Адъ — бунтующимъ сердцамъ;
Будь послушна небесамъ.»

— Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
Съ милымъ вмѣстѣ — всюду рай;
Съ милымъ розно — райскій край
Безотрадная обитель.
Нѣтъ, забылъ меня Спаситель! —

Такъ Людмила жизнь кляла,
Такъ Творца на судъ звала....
Вотъ ужъ солнце за горами;
Вотъ усыпала звѣздами
Ночь спокойный сводъ небесъ;
Мраченъ долъ и мраченъ лѣсъ.

Вотъ и мѣсяцъ величавой
Всталъ надъ тихою дубравой:
То изъ облака блеснетъ,
То за облако зайдетъ;
Съ горъ простерты длинны тѣни;
И лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И зерцало зыбкихъ водъ,
И небесъ далекій сводъ
Въ свѣтлый сумракъ облеченны...
Спятъ пригорки отдаленны,
Боръ заснулъ, долина спитъ....
Чу!... полночный часъ звучитъ.

Потряслись дубовъ вершины;
Вотъ повѣялъ отъ долины
Перелетный вѣтерокъ....
Скачетъ по̀ полю ѣздокъ:
Борзый конь и ржетъ и пышетъ.
Вдругъ... идутъ... [Людмила слышитъ]
На чугунное крыльцо....
Тихо брякнуло кольцо....
Тихимъ шопотомъ сказали....
[Всѣ въ ней жилки задрожали]
То знакомый голосъ былъ,
То ей милый говорилъ:

— Спитъ иль нѣтъ, моя Людмила?
Помнитъ друга иль забыла?

Весела иль слезы льетъ?
Встань, женихъ тебя зоветъ.
«Ты ль? Откуда въ часъ полночи?
Ахъ! едва прискорбны очи
Не потухнули отъ слезъ.
Знать, тронулся царь небесъ
Бѣдной дѣвицы тоскою?
Точно ль милый предо мною?
Гдѣ же былъ? Какой судьбой
Ты опять въ странѣ родной?»

— Близъ Наревы домъ мой тѣсный.
Только мѣсяцъ поднебесный
Надъ долиною взойдетъ,
Лишь полночный часъ пробьетъ,
Мы коней своихъ сѣдлаемъ,
Темны кельи покидаемъ.
Поздно я пустился въ путь.
Ты моя, моею будь!...
Чу! совы пустынной крики.
Слышишь? Пѣнье, брачны лики.
Слышишь? Борзый конь заржалъ.
Ѣдемъ, ѣдемъ, часъ насталъ.

«Переждемъ хоть время ночи;
Вѣтеръ всталъ отъ полуночи;
Хладно въ полѣ, боръ шумитъ;
Мѣсяцъ тучами закрытъ.»
— Вѣтеръ буйный перестанетъ;
Стихнетъ боръ, луна проглянетъ;
Ѣдемъ, намъ сто верстъ ѣзды.
Слышишь? Конь грызетъ бразды,
Бьетъ копытомъ съ нетерпѣнья.
Мигъ намъ страшенъ замедленья;

Краткій, краткій данъ мнѣ срокъ;
Ѣдемъ, ѣдемъ, путь далекъ.

«Ночь давно ли наступила?
Полночь только что пробила.
Слышишь? Колоколъ гудитъ.»
— Вѣтеръ стихнулъ; боръ молчитъ;
Мѣсяцъ въ водный токъ глядится;
Мигомъ борзый конь домчится.
«Гдѣ жъ, скажи, твой тѣсный домъ?»
— Тамъ, въ Литвѣ, краю чужомъ:
Хладенъ, тихъ, уединенный,
Свѣжимъ дерномъ покровенный;
Саванъ, крестъ и шесть досокъ.
Ѣдемъ, ѣдемъ, путь далекъ. —

Мчатся всадникъ и Людмила.
Робко дѣва обхватила
Друга нѣжною рукой,
Прислонясь къ нему главой.
Скокомъ, летомъ по долинамъ,
По буграмъ и по равнинамъ;
Пышетъ конь, земля дрожитъ;
Брызжутъ искры отъ копытъ;
Пыль катится вслѣдъ клубами;
Скачутъ мимо нихъ рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;
Съ громомъ зыблются мосты.

«Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится;
Мертвый съ дѣвицею мчится;
Путь ихъ къ кельѣ гробовой.
Страшно ль, дѣвица, со мной?»
— Что до мертвыхъ! что до гроба!
Мертвыхъ домъ земли утроба.

«Чу! въ лѣсу потрясся листъ.
Чу! въ глуши раздался свистъ.
Черный воронъ встрепенулся;
Вздрогнулъ конь и отшатнулся;
Вспыхнулъ въ полѣ огонекъ.»
— Близко ль, милый? «Путь далекъ.»

Слышатъ шорохъ тихихъ тѣней:
Въ часъ полуночныхъ видѣній,
Въ дымѣ облака, толпой,
Прахъ оставя гробовой
Съ позднимъ мѣсяца восходомъ,
Легкимъ, свѣтлымъ хороводомъ
Въ цѣпь воздушную свились;
Вотъ за ними понеслись;
Вотъ поютъ воздушны лики,
Будто въ листьяхъ повилики
Вьется легкій вѣтерокъ,
Будто плещетъ ручеекъ.

«Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится;
Мертвый съ дѣвицею мчится;
Путь ихъ къ кельѣ гробовой.
«Страшно ль, дѣвица, со мной?»
— Что до мертвыхъ! что до гроба!
Мертвыхъ домъ земли утроба.
«Конь, мой конь, бѣжитъ песокъ;
Чую ранній вѣтерокъ;
Конь, мой конь, быстрѣе мчися!
Звѣзды утренни зажглися,
Мѣсяцъ въ облакѣ потухъ.
Конь, мой конь, кричитъ пѣтухъ.»

— Близко ль, милый? «Вотъ примчались!»
Слышатъ, сосны зашатались;

Слышатъ, спалъ съ воротъ запоръ;
Борзый конь стрѣлой на дворъ.
Что же, что въ очахъ Людмилы?
Камней рядъ, кресты, могилы,
И среди ихъ Божій храмъ.
Конь несется по гробамъ;
Стѣны звонкій вторятъ топотъ;
И въ травѣ чуть слышный шопотъ,
Какъ усопшихъ тихій гласъ...
Вотъ денница занялась.

Что же чудится Людмилѣ?...
Къ свѣжей конь примчась могилѣ,
Бухъ въ нее и съ сѣдокомъ!
Вдругъ — глухой подземный громъ,
Страшно доски затрещали,
Кости въ кости застучали,
Пыль взвилася, обручъ хлопъ,
Тихо, тихо вскрылся гробъ....
Что же, что въ очахъ Людмилы?....
Ахъ, невѣста, гдѣ твой милый?
Гдѣ вѣнчальный твой вѣнецъ?
Домъ твой — гробъ, женихъ — мертвецъ.

Видитъ, трупъ оцѣпенѣлый,
Прямъ, недвижимъ, посинѣлый,
Длиннымъ саваномъ обвитъ.
Страшенъ милый прежде видъ,
Впалы мертвыя ланиты,
Мутный взоръ полуоткрытый,
Руки сложены крестомъ.
Вдругъ привсталъ... манитъ перстомъ...
«Конченъ путь: ко мнѣ, Людмила,
Намъ постель — темна могила,

Завѣсъ — саванъ гробовой,
Сладко спать въ землѣ сырой.»

Что жъ Людмила?... Каменѣетъ,
Меркнутъ очи, кровь хладѣетъ,
Пала мертвая на прахъ.
Стонъ и вопли въ облакахъ,
Визгъ и скрежетъ подъ землею;
Вдругъ усопшіе толпою
Потянулись изъ могилъ,
Тихій, страшный хоръ завылъ:
«Смертныхъ ропотъ безразсуденъ,
Царь Всевышній правосуденъ,
Твой услышалъ стонъ Творецъ,
Часъ твой билъ, насталъ конецъ.»

НА СМЕРТЬ

ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА КАМЕНСКАГО.*

Еще великій прахъ.... Неизбѣжимый рокъ!
Твоя, твоя рука себя намъ здѣсь явила;
О сколь разительный смиренія урокъ
Сія Каменскаго могила!

Не ты ль, грядущее предъ нимъ окинувъ мглой,
Открылъ его очамъ стезю побѣдъ и чести?
Не ты ль его хранилъ невидимой рукой,
Разящаго перуномъ мести?

Предъ нимъ, за нимъ, окрестъ зіяла смерть и брань;
Сомкнутые мечи на грудь его стремились —

* Гр. Мих. Ѳедот. Каменскій былъ убитъ своимъ крестьяниномъ во время осмотра лѣса въ своемъ имѣніи.

Вотще! твоя надъ нимъ горѣ носилась длань...
Мечи хранимаго страшились.

И мнили мы, что онъ послѣдній встрѣтитъ часъ,
Простертый на щитѣ, въ виду побѣдныхъ строевъ,
И угасающій съ улыбкой вöнметъ гласъ
О немъ рыдающихъ героевъ.

Слѣпцы!... сей славы блескъ лишь бездну украшалъ;
Сей битвы страшный видъ и ратей низложенья,
Лишь гибели мечту очамъ его являлъ
И славной смерти привидѣнье...

Куда жъ твой тайный путь Каменскаго привелъ?
Куда, могущихъ вождь, тобой руководимый,
Онъ быстро посреди побѣдныхъ кликовъ шелъ?...
Увы!... предѣлъ неотразимый!

Въ сей таинственный лѣсъ, гдѣ стражъ твой обиталъ,
Гдѣ рыскалъ въ тишинѣ убійца сокровенный,
Гдѣ избранный тобой добычи грозно ждалъ
Топоръ разбойника презрѣнный... *

---

* Первоначально стихотвореніе это было напечатано съ слѣдующимъ окончаніемъ:

Но будь утѣшенъ, вождь, не скорбный твой удѣлъ —
Онъ удивленіе въ умахъ рождать достоинъ!
Пускай среди полковъ, въ бою, на пеплѣ сёлъ,
Перунами низринутъ воинъ;

Пусть гибнетъ, отъ другихъ концемъ не отличонъ....
Презрѣнной гибелью судьба тебя почтила;
То новый для тебя трофей сооруженъ!
Сія внезапная могила—

Рекла: «будь имъ урокъ и самой смерти слѣдъ
Сего, протекшаго чрезъ міръ стезею правой!»
О вождь, для насъ твой прахъ есть промысла завѣтъ:
Лишь доброю плѣняться славой.

ПѢСНЯ.

Мой другъ, хранитель-ангелъ мой,
О ты, съ которой нѣтъ сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой;
Но гдѣ для страсти выраженья?
Во всѣхъ природы красотахъ
Твой образъ милый я встрѣчаю;
Прелестныхъ вижу—въ ихъ чертахъ
Одну тебя воображаю.

Беру перо — имъ начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лирѣ восхищенной:
Съ тобой, одинъ, вблизи, вдали,
Тебя любить — одна мнѣ радость;
Ты мнѣ всѣ блага на земли;
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.

Приближься, брани сынъ и въ думу погрузись,
На гробъ могущаго склоняя взоръ унылый,
Отъ праха — замысловъ смиренью научись,
Прими ученіе могилы:

«Кончина дней лишь мигъ! убійцы ль топоромъ
Сраженный распростертъ на прахѣ, безъ покрова,
Въ блистающій ли гробъ, средь плесковъ, подъ вѣнцемъ,
Сведемъ съ престола золотаго,

«Коль пользы съ славою въ дѣлахъ не различалъ,
Твоихъ священныхъ дѣлъ не тронетъ разрушенье.
Здѣсь рокъ Каменскому конецъ презрѣнный далъ —
Живымъ лишь только въ устрашенье!»

Такъ ты, мечтающій вращать земли судьбой,
На счастья высотѣ страшись, непобѣдимый!
Пусть сонмы грозныхъ силъ ничто передъ тобой,
Страшись — не дремлетъ врагъ незримый!

Въ пустынѣ, въ шумѣ городскомъ
Одной тебѣ внимать мечтаю;
Твой образъ, забываясь сномъ,
Съ послѣдней мыслію сливаю;
Пріятный звукъ твоихъ рѣчей
Со мной во снѣ не разстается;
Проснусь — и ты въ душѣ моей
Скорѣй, чѣмъ день очамъ коснется.

Ахъ! мнѣ ль разлуку знать съ тобой?
Ты всюду спутникъ мой незримый;
Молчишь — мнѣ взоръ понятенъ твой,
Для всѣхъ другихъ неизъяснимый;
Я въ сердце твой пріемлю гласъ;
Я пью любовь въ твоемъ дыханьѣ....
Восторги, кто постигнетъ васъ?
Тебя, души очарованье!

Тобой и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь,
Тобою чувствую себя,
Въ тебѣ природѣ удивляюсь.
И съ чѣмъ мнѣ жребій мой сравнить?
Чего желать въ толь сладкой долѣ?
Любовь мнѣ жизнь — ахъ! я любить
Еще стократъ желалъ бы болѣ.

1809.

МОЯ БОГИНЯ.

[ПОДРАЖАНІЕ ГЕТЕ].

Какую безсмертную
Вѣнчать предпочтительно
Предъ всѣми богинями
Олимпа надзвѣзднаго?
Не спорю съ питомцами
Разборчивой мудрости,
Учеными, строгими,
Но свѣжей гирляндою
Вѣнчаю веселую,
Крылатую, милую,
Всегда разновидную,
Всегда животворную,
Любимицу Зевсову
Богиню-фантазію.

Ей далъ онъ тѣ вымыслы,
Тѣ сны благотворные,
Которыми въ области
Олимпа надзвѣзднаго,
Съ амврозіей, съ нектаромъ,
Подъ-часъ утѣшается
Отъ скуки безсмертія;
Лелѣя съ усмѣшкою
На персяхъ родительскихъ,
Ее величаетъ онъ
Богинею-радостью.

То въ утреннемъ вѣяньи,
Съ лилейною вѣткою,
Одѣтая ризою,

Сотканной изъ нѣжнаго
Денницы сіянія,
По долу душистому,
По холмамъ муравчатымъ,
По облакамъ утреннимъ
Малиновкой носится;
На ландышъ, на лилію,
На цвѣтъ-незабудочку,
На травку дубравную
Спускается пчелкою;
Устами пчелиными
Впиваяся въ листики,
Пьетъ росу медвяную;
То, кудри съ небрежностью
По вѣтру развѣявши,
Во взорѣ уныніе,
Тоской отуманена,
Глава наклоненная,
Сидитъ на крутой скалѣ,
И смотритъ въ мечтаніи
На море пустынное,
И любитъ прислушивать,
Какъ волны плескаются,
О камни дробимыя;
То внемлетъ, задумавшись,
Какъ вѣтеръ полуночный
Порой подымается,
Шумитъ надъ дубравою
Качаетъ вершинами
Деревъ сѣнолиственныхъ;
То въ сумракѣ вечера
[Когда златорогая
Луна изъ-за облака
Надъ рощею выглянетъ,
И, сливши дрожащій лучъ

Съ вечерними тѣнями,
Одѣнетъ и лѣсъ и долъ
Туманнымъ сіяніемъ]
Играетъ съ Наядами
По гладкой поверхности
Потока дубравнаго,
И струекъ съ журчаніемъ
Мѣшая гармонію
Волшебнаго шопота,
Наводитъ задумчивость,
Дремоту и легкій сонъ;
Иль быстро съ зефирами
По дремлющимъ лиліямъ,
Гвоздикамъ узорчатымъ,
Фіалкамъ и ландышамъ
Порхая, питается
Душистымъ дыханіемъ
Цвѣтовъ, ожемчуженныхъ
Росинками свѣтлыми;
Иль съ сонмами геніевъ,
Воздушною цѣпію
Віясь, развиваяся,
Въ мерцаніи мѣсяца,
Невидимо-видима,
По облакамъ носится,
И, къ рощѣ спустившися,
Играетъ листочками
Осины трепещущей.

Прославимъ создателя
Могущаго, древняго,
Зевеса, пославшаго
Намъ радость-фантазію;
Въ сей жизни, гдѣ радости
Прямыя — лучъ молніи,

Онъ далъ намъ въ ней счастіе,
Всегда неизмѣнное,
Супругу веселую,
Красой вѣчно-юную
И съ нею насъ цѣпію
Сопрягъ нераздѣльною.
«Да будешь, сказалъ онъ ей,
И въ счастьи, и въ горести,
Имъ вѣрная спутница,
Утѣха, прибѣжище.»

Другія творенія,
Съ очами незрящими,
Въ слѣпыхъ наслажденіяхъ,
Съ печалями смутными,
Гнетомыя бременемъ
Нужды непреклонныя,
Начавшись, кончаются
Въ кругу, ограниченномъ
Чертой настоящаго,
Минутною жизнію;
Но мы, отличенные
Зевесовой благостью!...
Онъ далъ намъ сопутницу,
Игривую, нѣжную,
Летунью, искусницу
На милые вымыслы,
Причудницу рѣзвую,
Любимую дщерь свою
Богиню-фантазію!
Ласкайте прелестную;
Кажите вниманіе
Ко всѣмъ ея прихотямъ,
Невиннымъ, младенческимъ!
Пускай почитается

Надъ нами владычицей
И дома хозяйкою;
Чтобъ отчиму старому,
Брюзгливцу суровому,
Разсудку, не вздумалось
Ее переучивать,
Пугать укоризнами
И мучить уроками.

Я знаю сестру ея
Степенную, тихую...
Мой другъ утѣшительный,
Тогда лишь простись со мной,
Когда изъ очей моихъ
Лучъ жизни сокроется;
Тогда лишь покинь меня,
Причина всѣхъ добрыхъ дѣлъ,
Источникъ великаго,
Намъ твердость и мужество
И силу дающая,
Надежда отрадная!

ПѢСНЯ.

[ПОДРАЖАНІЕ НѢМЕЦКОЙ].

Счастливъ тотъ, кому забавы,
Игры, майскіе цвѣты,
Соловей въ тѣни дубравы
И весеннихъ лѣтъ мечты
Въ наслажденье — какъ и прежде;
Кто на радость лишь глядитъ,
Кто, ввѣряяся надеждѣ,
Птичкой вслѣдъ за ней летитъ.

Такъ виляетъ по цвѣточкамъ
Златокрылый мотылекъ;
Лишь къ цвѣтку — прильнулъ къ листочкамъ,
Полетѣлъ — забылъ цвѣтокъ;
Сорвана его лилея —
Онъ летитъ на анемонъ;
Что его — то и милѣе,
Грусть забвеньемъ лечитъ онъ.

Бѣденъ тотъ, кому забавы,
Игры, майскіе цвѣты,
Соловей въ тѣни дубравы
И весеннихъ лѣтъ мечты
Не въ веселье — такъ какъ прежде;
Кто улыбку позабылъ;
Кто, сказавъ «прости» надеждѣ,
Взоръ ко гробу устремилъ.

Для души моей плѣненной
Здѣсь одинъ и былъ цвѣтокъ,
Ароматный, несравненный;
Я — сорвать... но что же рокъ?
«Не тебѣ имъ насладиться;
Не твоимъ ему доцвѣсть!»
Ахъ, жестокій!... чѣмъ же льститься?
Гдѣ подобный въ мірѣ есть?

КАССАНДРА.

БАЛЛАДА, ИЗЪ ШИЛЛЕРА. *

Все въ обители Пріама
Возвѣщало брачный часъ,
Запахъ розъ и ѳиміама,
Гимны дѣвъ и лирный гласъ.
Спитъ гроза минувшей брани,
Щитъ и мечъ и конь забытъ,
Облеченъ въ пурпурны ткани
Съ Поликсеною Пелидъ.

Дѣвы, юноши, четами
По узорчатымъ коврамъ,
Украшонные вѣнками,
Идутъ веселы во храмъ;
Стогны дышутъ ѳиміамомъ;
Въ злато царскій домъ одѣтъ;
Снова счастье надъ Пергамомъ...
Для Кассандры счастья нѣтъ.

Уклонясь отъ лирныхъ звоновъ,
Нелюдима и одна,

* Кассандра дочь Пріама и Гекубы. Аполлонъ одарилъ ее предвѣдѣніемъ. По разрушеніи Трои, досталась она на часть Агамемнона и вмѣстѣ съ нимъ погибла отъ руки Эгиста. Стихотворецъ представилъ ее въ ту самую минуту, когда совершается бракъ Ахилла (названнаго здѣсь Пелидомъ, по отцу его Пелею) съ Поликсеною, младшею дочерью Пріама. Она слышитъ торжественныя пѣсни и въ тоже время предвидитъ ужасный конецъ торжества. Извѣстно, что Ахиллъ, передъ самымъ алтаремъ брачнымъ, умерщвленъ Парисомъ, котораго стрѣла направлена была Аполлономъ.—В. Ж.

Дочь Пріама въ Аполлоновъ
Древній лѣсъ удалена.
Сводомъ лавровъ осѣненна,
Сбросивъ жреческій покровъ,
Провозвѣстница священна
Такъ роптала на боговъ:

«Тамъ шумятъ веселыхъ волны;
Всѣмъ душа оживлена;
Мать, отецъ надеждой полны;
Въ храмъ сестра приведена.
Я одна мечты лишенна;
Ужасъ мнѣ — что радость тамъ;
Вижу, вижу, окрыленна
Мчится гибель на Пергамъ.

«Вижу факелъ — онъ свѣтлѣетъ
Не въ Гименовыхъ рукахъ,
И не жертвы пламя рдѣетъ
На сгущенныхъ облакахъ;
Зрю пировъ уготовленье...
Но... горѣ, по небесамъ,
Слышно бога приближенье,
Предлетящаго бѣдамъ.

«И вотще мое стенанье,
И печаль моя мнѣ стыдъ:
Лишь съ пустынями страданье
Сердце сирое дѣлитъ.
Отъ счастливыхъ отчужденна,
Веселящимся позоръ,
Я тобой всѣхъ благъ лишенна,
О предвѣдѣнія взоръ!

«Что Кассандрѣ даръ вѣщанья
Въ семъ жилищѣ скромныхъ чадъ

Безмятежнаго незнанья,
И блаженныхъ имъ стократъ?
Ахъ! почто она предвидитъ
То, чего не отвратитъ?...
Неизбѣжное пріидетъ,
И грозящее сразитъ.

«И спасу ль ихъ, открывая
Близкій ужасъ ихъ очамъ?
Лишь незнанье — жизнь прямая;
Знанье — смерть прямая намъ.
Фебъ, возьми твой даръ опасной,
Очи мнѣ спѣши затмить;
Тяжко истины ужасной
Смертною скуделью быть...

«Я забыла славить радость,
Ставъ пророчицей твоей.
Слѣпоты погибшей сладость,
Мирный мракъ минувшихъ дней,
Съ вами скрылись наслажденья!
Онъ мнѣ будущее далъ,
Но веселіе мгновенья
Настоящаго отнялъ.

«Никогда покровъ вѣнчальный
Мнѣ главы не осѣнитъ:
Вижу факелъ погребальный;
Вижу, ранній гробъ открытъ.
Я съ родными скучну младость
Всю утратила въ тоскѣ —
Ахъ, могла ль дѣлить ихъ радость,
Видя скорбь ихъ вдалекѣ?

«Ихъ ласкаетъ ожиданье;
Жизнь, любовь передо мной;

Все окрестъ очарованье —
Я одна мертва душой.
Для меня весна напрасна;
Міръ цвѣтущій пустъ и дикъ...
Ахъ сколь жизнь тому ужасна,
Кто во глубь ея проникъ!

«Сладкій жребій Поликсены!
Съ женихомъ рука съ рукой,
Взоръ любовью распаленный,
И гордясь сама собой,
Благъ своихъ не постигаетъ:
Въ сновидѣніяхъ златыхъ,
И безсмертья не желаетъ
За одинъ съ Пелидомъ мигъ.

«И моей любви открылся
Тотъ, кого мы ждемъ душой;
Милый взоръ ко мнѣ стремился
Полный страстною тоской...
Но — для насъ передъ богами
Брачный гимнъ не возгремитъ;
Вижу, грозно между нами
Тѣнь стигійская стоитъ.

«Духи, блѣдною толпою
Покидая мрачный адъ,
Вслѣдъ за мной и предо мною,
Неотступные летятъ;
Въ рѣзвы юношески лики
Вносятъ ужасъ за собой;
Внемля радостные клики,
Внемлю ихъ надгробный вой.

«Тамъ сокрытый блескъ кинжала;
Тамъ убійцы взоръ горитъ;

Тамъ невидимаго жала
Ядъ погибелью грозитъ.
Все предчувствуя и зная,
Въ страшный путь сама иду:
Ты падешь, страна родная;
Я въ чужбинѣ гробъ найду...»

И слова еще звучали....
Вдругъ... шумитъ священный лѣсъ...
И зефиры гласъ примчали:
«Палъ великій Ахиллесъ!»
Машутъ Фуріи зміями,
Боги мчатся къ небесамъ...
И карающій громами
Грозно смотритъ на Пергамъ.

ПЛАЧЪ ЛЮДМИЛЫ.

Ангелъ былъ онъ красотою,
Маемъ кроткій взоръ блисталъ!
Все великою душою
Несравненный превышалъ!

Поцѣлуи — сладость рая,
Слитыхъ пламеней струя,
Горнихъ арфъ игра святая!
Небеса вкушала я!

Взоромъ взоръ, душа душою
Распалялись... все цвѣло!
Міръ сіялъ для насъ весною,
Все намъ радость въ даръ несло!

Непостижное сліянье
Восхищенья и тоски,

Нѣжныхъ ласкъ очарованье,
Огнь сжимающей руки...

Сердца сладостныя муки...
Все прости!... его ужъ нѣтъ!
Ахъ! прерви жъ печаль разлуки,
Смерть, души послѣдній свѣтъ!

СЧАСТІЕ.

[изъ шиллера].

Блаженъ, кто, богами еще до рожденья любимый,
На сладостномъ лонѣ Киприды взлелѣянъ младенцемъ;
Кто очи отъ Феба, отъ Гермеса даръ убѣжденія принялъ,
А силы печать на чело отъ руки громовержца.
Великій, божественный жребій счастливца постигнулъ;
Еще до начала сраженья побѣдой увѣнчанъ;
Любимецъ Хариты плѣняетъ, труда не пріемля.
Великимъ да будетъ, кто собственной силы созданье
Душею превыше и тайныя Парки и рока:
Но счастье и Грацій улыбка не силѣ подвластны.
Высокое прямо съ Олимпа на избранныхъ небомъ нисходитъ;
Какъ сердце любовницы, полное тайныя страсти,
Такъ всѣ громовержца дары неподкупны; единый
Законъ предпочтенья въ жилищахъ Эрота и Зевса;
И боги въ посланіи благъ повинуются сердцу:
Имъ милы безстрашнаго юноши гордая поступь,
И взоръ непреклонный, владычества смѣлаго полный,
И волны власовъ, отѣнившихъ чело и ланиты.
Веселому чувствовать радость; слѣпымъ, а не зрящимъ
Безсмертные въ славѣ чудесной себя открываютъ;
Имъ милъ простоты непорочныя дѣвственный образъ;
И въ скромномъ сосудѣ небесное любитъ скрываться;

Презрѣньемъ надежду кичливой гордыни смиряютъ;
Свободные силѣ и гласу мольбы не подвластны.
Лишь къ избраннымъ—съ неба орлу-громоносцу Кроніонъ
Велитъ ниспускаться, да мчитъ ихъ въ обитель Олимпа;
Свободно въ толпѣ земнородныхъ замѣтивъ любимцевъ,
Лишь имъ на главу налагаетъ рукою пристрастной
То лавръ пѣснопѣвца, то власти державной повязку;
Лишь имъ предлетитъ стрѣлоносный сразитель Пиѳона,
Лишь имъ и Эротъ златокрылый—сердецъ повелитель;
Ихъ судно трезубецъ Нептуна, равняющій бездны,
Ведетъ съ неприступной фортуною Кесаря къ брегу;
Предъ ними смиряется левъ, и дельфинъ изъ пучины
Хребтомъ благотворнымъ ихъ, бурей гонимыхъ, изъемлетъ.
Надъ всѣмъ красота повелитель рожденный; подобіе бога—
Единымъ, спокойнымъ явленьемъ она побѣждаетъ.
Не сѣтуй, что боги счастливца некупленнымъ лавромъ вѣнчаютъ,
Что онъ, отъ меча и стрѣлы покровенный Киприлой,
Исходитъ безвредно изъ битвы, летя насладиться любовью;
И менѣе ль славы Ахиллу, что онъ огражденъ невредимымъ
Щитомъ, искованьемъ Гефестова дивнаго млата,
Что смертный единый все древнее небо въ смятенье приводитъ?
Тѣмъ выше великій, что боги съ великимъ въ союзѣ,
Что, гнѣвомъ его распаляся, любимцу во славу,
Элленовъ избраннѣйшихъ въ бездну Тенара низводятъ.
Пусть будетъ красою краса,—не завидуй, что прелесть ей съ неба,
Какъ лиліямъ пышность, дана безъ заслуги Цитерой;
Пусть будетъ блаженна, плѣняя; плѣняйся—тебѣ наслажденье.
Не сѣтуй, что даръ пѣснопѣнья съ Олимпа на избранныхъ сходитъ,
Что сладкій пѣвецъ вдохновеньемъ невидимой арфы наполненъ;
Скрывающій бога въ душѣ претворенъ и для внемлющихъ въ бога:
Онъ счастливъ собою — ты, имъ наслаждаясь, блаженствуй.
Пускай предъ зерцаломъ Ѳемиды вѣнокъ отдается заслугѣ,

Но радость лишь боги на смертное око низводятъ.
Гдѣ не было чуда, вотще тамъ искать и счастливца.
Все смертное прежде родится, растетъ, созрѣваетъ,
Изъ образа въ образъ ведомое зиждущимъ Крономъ;
Но счастія мы и красы никогда въ созрѣваньи не видимъ:
Отъ вѣка они совершенны во всемъ совершенствѣ созданья;
Не зримъ ни единой земныя Венеры, какъ прежде небесной,
Въ ея сокровенномъ исходѣ изъ тайныхъ обителей моря;
Какъ древле Минерва, въ безсмертный эгидъ и шеломъ
ополченна,
Такъ каждая свѣтлая мысль изъ главы громовержца родится.

КЪ ДЕЛІЮ.

[ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ].

Умѣренъ, Делій, будь въ печали,
И въ счастіи не ослѣпленъ:
На мигъ намъ жизнь безсмертны дали;
Всѣмъ путь къ Тенару проложенъ.
Хотя бъ заботы насъ томили,
Хотя бъ токайское вино
Мы, нѣжася на дернѣ, пили —
Умремъ: такъ Діемъ суждено.
Неси жъ сюда, гдѣ тополь съ ивой
Изъ вѣтвій сплетаютъ кровъ,
Гдѣ вьется ручеекъ игривой
Среди излучистыхъ бреговъ,
Вино, и масти ароматны,
И розы, дышащія мигъ.
О Делій, годы невозвратны:
Играй, пока нить дней твоихъ

У черной Парки подъ перстами;
Ударитъ часъ — всему конецъ;
Тогда прости и лугъ съ стадами,
И твой изъ юныхъ розъ вѣнецъ,
И соловья пріятны трели
Въ лѣсу вечернею порой,
И звукъ пастушеской свирѣли,
И домъ, и садикъ надъ рѣкой,
Гдѣ мы, при факелѣ Діаны,
Вокругъ дерноваго стола,
Стучимъ стаканами въ стаканы
И пьемъ изъ чистаго стекла
Въ винѣ печалей всѣхъ забвенье;
Играй, таковъ есть мой совѣтъ;
Не годы — жизнь, а наслажденье;
Кто счастье зналъ, тотъ жилъ сто лѣтъ;
Пусть быстрымъ, лишь бы свѣтлымъ токомъ,
Промчатся дни чрезъ жизни лугъ:
Пусть смерть зайдетъ къ намъ ненарокомъ,
Какъ добрый, но нежданый другъ.

НА СМЕРТЬ

ОСЕМНАДЦАТИЛѢТНЕЙ ЭРМИНІИ.

(подражаніе).

Едва съ младенчествомъ разсталась,
Едва для жизни разцвѣла,
Какъ непорочность улыбалась
И ангелъ красотой была.
Въ душѣ ея, какъ утро ясной,
Уже рождался чувства жаръ.....

Но жребій сей цвѣтокъ прекрасной
Могилѣ приготовилъ въ даръ.
И дни Творцу она вручила,
И очи свѣтлыя закрыла,
Не сѣтуя на смертный часъ.
Такъ слѣдъ улыбки исчезаетъ;
Такъ за долиной умолкаетъ
Минутный Филомелы гласъ.

КЪ БЛУДОВУ,

ПРИ ОТЪѢЗДѢ ЕГО ВЪ ТУРЕЦКУЮ АРМІЮ.

Веселаго пути
Любезному желаю
Ко древнему Дунаю:
Забудь покой, лети
За русскими орлами;
Но въ полѣ, подъ шатрами,
Друзей воспоминай
И сердцу милый край,
Гдѣ ждетъ тебя, уныла,
Твой другъ, твоя Людмила,
Хранитель-ангелъ твой....
Съ крылатою мечтой
Проникни сокровенно
Въ чертогъ уединенной,
Гдѣ съ вѣрною тоской,
Съ пылающей душой,
Она одна вздыхаетъ,
И промыслъ умоляетъ:
Да будетъ твой покровъ
Въ обители враговъ.
Смотри, какъ томны очи,

Какъ видъ ея унылъ;
Ей бѣлый свѣтъ постылъ;
Одна, во мракѣ ночи,
Сокрылась въ теремъ свой;
Лампаду зажигаетъ,
Письмо твое читаетъ,
И робкою рукой
Отвѣтъ ко другу пишетъ,
Гдѣ въ каждомъ словѣ дышетъ
Души ея печаль.
Лети въ безвѣстну даль;
Твой геній надъ тобою;
Среди опасна бою
Его незримый щитъ
Тебя прiосѣнитъ —
И мимо пролетитъ
Стрѣла ужасной Гелы.
Ахъ, скоро ль твой веселый
Возвратъ утѣшитъ вновь
И дружбу и любовь?....
Для скорби утоленья,
Податель благъ, Зевесъ
Двумъ жителямъ небесъ
Минуты разлученья
Повѣрилъ искони.
«Да будутъ, рекъ, они,
Одинъ — посолъ разлуки,
Свиданія — другой!»
И въ часъ сердечной муки,
Когда рука съ рукой,
Въ тоскѣ безмолвной, други,
Любовники, супруги
Съ послѣднею слезой,
Въ послѣднемъ лобызаньѣ
Послѣднее прощанье

Другъ другу отдаютъ,
Мольбы изъ сердца льютъ,
И тихими стопами,
Съ поникшими главами,
Въ душѣ скрывая стонъ,
Идутъ, осиротѣлы,
Въ свой теремъ опустѣлый,
Сынъ Дія Абеонъ,
Задумчивый, безкрылой,
Съ улыбкою унылой,
Съ отрадой скорбныхъ слезъ,
Спускается съ небесъ,
Ведомый Адеономъ,
Который тихимъ звономъ
Волшебныхъ струнъ своихъ
Льетъ въ сердце securite упованье
На близкое свиданье.
Я вижу обоихъ:
Одинъ съ своей тоскою
И тихою слезою;
Съ надеждою другой.
Прости, мой другъ нелестной!
На долго ль? Неизвѣстно.
Но вѣрую душой
[И вѣра не обманетъ],
Желанный день настанетъ —
Мы свидимся съ тобой.

Или.... увы! незримо
Грядущее для насъ!....
Быть можетъ — въ оный часъ,
Когда ты, невредимо
Свершивъ опасный путь,
Свободою вздохнуть
Придешь въ странѣ родимой

Съ Людмилою своей,
Ты спросишь у друзей:
«Гдѣ скрылся другъ любимой?»
И что жъ тебѣ въ отвѣтъ?
«Его ужъ въ мірѣ нѣтъ....»
Такъ, если въ цвѣтѣ лѣтъ
Меня возьметъ могила,
И участь присудила,
Чтобъ первый я изчезъ
Изъ милаго мнѣ круга,
Друзья, безъ скорбныхъ слезъ
На прахъ взирайте друга.
Гдѣ свѣтлою струей
Плескаетъ въ брегъ зеленый
Извивистый ручей,
Гдѣ сѣнистые клены
Сплетаютъ изъ вѣтвей
Покровъ гостепріимный,
Лобзаясь съ вѣтеркомъ:
Туда — лишь надъ холмомъ
Луна сквозь облакъ дымный
При вечерѣ блеснетъ,
И липа разольетъ
Окрестъ благоуханье —
Сберитесь, о друзья,
Въ мое воспоминанье.
Надъ вами буду я,
Древесъ подъ зыбкой сѣнью,
Невидимою тѣнью
Летать рука съ рукой
Съ утраченнымъ Филономъ,
Тогда вамъ тихимъ звономъ
Покинутая мной
На юномъ кленѣ лира
Пришельцевъ возвѣститъ

Изъ таинственна міра,
И тихо пролетитъ
Задумчивость надъ вами;
Увидите сердцами
Въ незнаемой дали
Отечество желанно,
Пріютъ обѣтованной
Для странниковъ земли.

ПѢСНЬ АРАБА

НАДЪ МОГИЛОЮ КОНЯ.

[ИЗЪ МИЛЬВУА].

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ — на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ.

О путникъ, со мною страданья дѣли:
Царь быстраго бѣга простертъ на земли;
И воздухомъ брани уже онъ не дышетъ;
И грознаго ржанья пустыня не слышитъ;
Въ стремленьи погибель его нагнала;
Вонзенная въ шею дрожала стрѣла,
И кровь благородна струею бѣжала,
И влагу потока струя обагряла.

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ — на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ.

Убійцу сразила моя булава;
На прахъ отдѣленна скатилась глава;
Желѣзо вкусило напитокъ кровавый,
И трупъ истлѣваетъ въ пустынѣ безъ славы....

Но спитъ онъ, со мною летавшій на брань;
Трикраты воззвалъ я: сопутникъ мой, встань!
Воззвалъ... безотвѣтенъ.... угаснула сила....
И бранныя кости одѣла могила.

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ — на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ.

Съ того ненавистнаго, страшнаго дня,
И солнце не свѣтитъ съ небесъ для меня;
Забылъ о побѣдѣ, и въ мышцахъ нѣтъ силы;
Брожу одинокій, задумчивъ, унылый;
Емена доселѣ драгіе края
Уже не отчизна — могила моя;
И мною дорога верблюда забвенна,
И дерево амвры, и куща священна.

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ — на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ.

Въ часъ зноя и жажды скакалъ онъ со мной
Ко древу прохлады, къ струѣ ключевой;
И мавра топтали могучи копыта!
И грудь отъ противныхъ была мнѣ защита;
Мой вѣрный соратникъ въ бою и трудахъ,
Онъ, бодрый, при первыхъ денницы лучахъ,
Стрѣлою, покоренъ велѣнію длани,
Леталъ на свиданья любови и брани.

О другъ! кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Ты спишь — на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ!

Ты видѣлъ и Зару — блаженны часы!
Сокровище сердца и чудо красы;
[illegible] вѣроломны тебя величали,
И нѣжныя длани хребетъ твой ласкали;

Ахъ! Зара, какъ серна стыдлива была:
Какъ юная пальма долины цвѣла;
Но Зара пришельца плѣнилась красою,
И скрылась... ты, спутникъ, остался со мною.

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ — на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ.

О спутникъ! тоскуетъ твой другъ надъ тобой;
Но скоро, покрыты могилой одной,
Мы вкупѣ воздремлемъ въ жилищѣ отрады;
Надъ нами повѣетъ дыханье прохлады;
И скоро, при гласѣ великаго дня,
Изъ пыльнаго гроба исторгнувъ меня,
Величественъ, гордый, съ безсмертной красою,
Ты пламенной солнца помчишься стезею.

КЪ ФИЛОНУ.

[ИЗЪ МАТТИСОНА].

Блаженъ, о Филонъ, кто Харитамъ-богинямъ жертвы приноситъ.
Какъ свѣтлые дни легкокрылаго мая въ блескѣ весеннемъ,
Какъ волны ручья, озаренны улыбкой юнаго утра,
Дни его легкимъ полетомъ летятъ.
И полный фіалъ, освященный устами дѣвъ полногрудыхъ,
И лира, въ кругу окрыляемыхъ пляской Фавновъ звѣняща,
Да будутъ отъ насъ, до нисхода въ предѣлы тайнаго міра,
Граціямъ, дѣвамъ стыдливости, даръ.
И горе тому, кто Харитамъ противенъ! низкія мысли
Его отъ земли не восходятъ къ Олимпу; богъ пѣснопѣнья
И нѣжный Эротъ съ нимъ враждуютъ; напрасно лиру онъ строитъ:
Жизни въ упорныхъ не будетъ струнахъ!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

ПѢСНЯ.

[ИЗЪ ШИЛЛЕРА].

Дней моихъ еще весною
Отчій домъ покинулъ я,
Все забыто было мною —
И семейство и друзья.

Въ ризѣ странника убогой,
Съ дѣтской въ сердцѣ простотой,
Я пошелъ путемъ-дорогой —
Вѣра былъ вожатый мой.

И въ надеждѣ, въ увѣреньѣ,
Путь казался не далекъ.
«Странникъ, слышалось, терпѣнье!
Прямо, прямо на востокъ.

«Ты увидишь храмъ чудесной,
Ты въ святилище войдешь,
Тамъ въ нетлѣнности небесной
Все земное обрѣтешь.»

Утро вечеромъ смѣнялось,
Вечеръ утру уступалъ,
Неизвѣстное скрывалось,
Я искалъ — не обрѣталъ.

Тамъ встрѣчались мнѣ пучины,
Здѣсь высокихъ горъ хребты,
Я взбирался на стремнины,
Чрезъ потоки сталъ мосты.

Вдругъ рѣка передо мною —
Водъ склоненье на востокъ,
Вижу зыблемый струею
Подлѣ берега челнокъ.

Я въ надеждѣ, я въ смятеньи,
Предаю себя волнамъ,
Счастье вижу въ отдаленьи,
Все что мило, мнится, тамъ!

Ахъ! въ безвѣстномъ океанѣ
Очутился мой челнокъ,
Даль по-прежнему въ туманѣ,
Брегъ невидимъ и далекъ.

И во вѣки надо мною
Не сольется, какъ поднесь,
Небо свѣтлое съ землею....
Тамъ не будетъ вѣчно здѣсь.

1810

БАСНЯ.

«Перунъ мой изостри», сказалъ Юпитеръ мщенью:
«Усталъ я миловать! погибель преступленью!»
Но милосердіе, услышавъ приговоръ,
Украдкой остріе перуна притупляетъ.
Съ тѣхъ поръ
Онъ только лишь страшитъ, но рѣдко поражаетъ.

ДВѢНАДЦАТЬ СПЯЩИХЪ ДѢВЪ.

СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ ВЪ ДВУХЪ БАЛЛАДАХЪ.

(изъ романа Шписа).

Опять ты здѣсь, мой благодатный геній
Воздушная подруга юныхъ дней;
Опять съ толпой знакомыхъ привидѣній
Тѣснишься ты, мечта, къ душѣ моей.
Приди жъ, о другъ! дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшею мнѣ жизнію повѣй,
Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкаго вкусить воспоминанья!

Ты образы веселыхъ лѣтъ примчала —
И много милыхъ тѣней возстаетъ;
И то, чѣмъ жизнь столь нѣкогда плѣняла,
Что рокъ, отнявъ, назадъ не отдаетъ,
То все опять душа моя узнала;
Проснулась скорбь, и жалоба зоветъ
Сопутниковъ, съ пути сошедшихъ прежде,
И здѣсь вотще повѣрившихъ надеждѣ.

Къ нимъ не дойдутъ послѣдней пѣсни звуки;
Разсѣянъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣтятъ ихъ простертыя къ нимъ руки;
Прекрасный сонъ ихъ жизни улетѣлъ.
Другихъ умчалъ могущій духъ разлуки;
Счастливый край, ихъ знавшій, опустѣлъ;
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ міра!...
Не имъ поетъ задумчивая лира.

И снова въ томномъ сердцѣ воскресаетъ
Стремленье въ оный таинственный свѣтъ;
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ генія полетъ;

И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ:
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде, оживленнымъ.

1817 г.

БАЛЛАДА ПЕРВАЯ.

ГРОМОБОЙ.

Leicht aufzuritzen ist das Reich der Geister;
Sie liegen wartend unter dünner Decke
Und, leise hörend, stürmen sie herauf.
SCHILLER.

АЛЕКСАНДРѢ АНДРЕЕВНѢ ВОЕЙКОВОЙ.

Моихъ стиховъ желала ты —
Желанье исполняю;
Тебѣ досугъ мой и мечты
И лиру посвящаю.
Вотъ повѣсть прадѣдовскихъ лѣтъ.
Еще жъ одно — желанье:
Цвѣти, мой несравненный цвѣтъ,
Сердецъ очарованье;
Печаль по слуху только знай,
Будь радостію свѣта,
Моихъ стиховъ хоть не читай,
Но другомъ будь поэта.

Надъ пѣнистымъ Днѣпромъ-рѣкой,
Надъ страшною стремниной,
Въ глухую полночь Громобой
Сидѣлъ одинъ съ кручиной.

Окрестъ него дремучій боръ,
Утесы подъ ногами;
Туманенъ видъ полей и горъ,
Туманы надъ водами;
Подернутъ мглою сводъ небесъ;
Въ ущельяхъ вѣтеръ свищетъ;
Ужасно шепчетъ темный лѣсъ,
И волкъ во мракѣ рыщетъ.

Сидитъ съ поникшей головой,
И думаетъ онъ думу:
«Печальный, горькій жребій мой!
Кляну судьбу угрюму;
Дала мнѣ крестъ тяжелый несть;
Всѣмъ людямъ жизнь отрада:
Тѣмъ злато, тѣмъ покой и честь,
А мнѣ — сума награда;
Нѣтъ крова защитить главу
Отъ бури, непогоды....
Усталъ я, въ помощь васъ зову,
Днѣпровски быстры воды!»

Готовъ онъ прянуть съ крутизны....
И вдругъ предъ нимъ явленье:
Изъ темной бора глубины
Выходитъ привидѣнье,
Старикъ съ шершавой бородой,
Съ блестящими глазами,
Въ дугу согнутый надъ клюкой,
Съ хвостомъ, когтьми, рогами,
Идетъ, приблизился, грозитъ
Клюкою Громобою....
И тотъ, какъ вкопанный, стоитъ,
Зря диво предъ собою.

— Куда? Невѣдомый спросилъ.
«Въ волнахъ скончать мученья.»
— Почто жъ, безсмысленный, забылъ
Во мнѣ искать спасенья?
«Кто ты?» воскликнулъ Громобой,
Отъ страха цѣпенѣя.
— Заступникъ, другъ, спаситель твой:
Ты видишь Асмодея.
«Творецъ небесный!» — Удержись!
Въ молитвѣ нѣтъ отрады;
Забудь о Богѣ, мнѣ молись;
Мои вѣрнѣй награды.

— Прими отъ дружбы, Громобой,
Полезное ученье:
Постигнутъ ты судьбы рукой,
И жизнь тебѣ мученье;
Но всѣмъ бѣдамъ найти конецъ
Я способы имѣю;
Къ тебѣ нежалостливъ Творецъ —
Прибѣгни къ Асмодею.
Могу тебѣ я силу дать,
И честь и много злата,
И грудью буду я стоять
За друга и за брата.

— Клянусь.... свидѣтель ада богъ,
Что клятвы не нарушу;
А ты, мой другъ, за то въ залогъ
Свою отдай мнѣ душу. —
Невольно вздрогнулъ Громобой,
По членамъ хладъ стремится:
Земли не взвидѣлъ подъ собой,
Нѣтъ силъ перекреститься.

— О чемъ задумался, глупецъ?
«Страшусь мученій ада.»
— Но рано ль, поздно ль.... наконецъ
Все адъ твоя награда!

— Тебѣ на свѣтѣ жить бѣда;
Покинуть свѣтъ другая;
Останься здѣсь, поди туда,
Вездѣ погибель злая.
Ханжи-причудники твердятъ:
Лукавый бѣсъ опасенъ.
Не вѣрь имъ, бредни! веселъ адъ;
Лишь въ сказкахъ онъ ужасенъ.
Мы жизнь пріятную ведемъ;
Нашъ адъ не хуже рая;
Ты скажешь самъ, ликуя въ немъ:
Лишь въ адѣ жизнь прямая.

— Тебѣ я теремъ пышный дамъ,
И тьму людей на службу;
Къ боярамъ, витязямъ, князьямъ,
Тебя введу я въ дружбу;
Досель красавицъ ты пугалъ —
Придутъ къ тебѣ толпою;
И словомъ, вздумалъ, загадалъ,
И все передъ тобою.
И вотъ въ задатокъ кошелекъ:
Въ немъ вѣчно будетъ злато.
Но десять лѣтъ, не болѣ, срокъ
Тебѣ такъ жить богато.

— Когда жъ послѣдній день отъ глазъ
Изчезнетъ за горою,
Въ послѣдній полуночный часъ
Приду я за тобою. —

Сталъ думу думать Громобой,
Подумалъ, согласился,
И обольстителю душой
За злато поклонился.
Разрѣзавъ руку, написалъ
Онъ кровью обѣщанье;
Лукавый принялъ — и пропалъ,
Сказавши: до свиданья!

И вышелъ въ люди Громобой —
Откуда что взялося!
И счастье на него рѣкой
Съ богатствомъ полилося;
Какъ княжескій разубранъ домъ,
Подвалы полны злата;
Съ заморскимъ выходы виномъ;
И рѣдкостей палата;
Пиры — хоть постъ, хоть мясоѣдъ;
Музыка роговая;
Для всѣхъ — чужихъ, своихъ — обѣдъ,
И чаша круговая.

Возможно все въ его очахъ,
Всему онъ повелитель:
И сильнымъ бичъ, и слабымъ страхъ,
И хищникъ, и грабитель.
Двѣнадцать дѣвъ похитилъ онъ
Изъ отческой ихъ сѣни;
Презрѣлъ невинныхъ жалкій стонъ
И родственниковъ пѣни;
И въ годъ двѣнадцать дочерей
Имѣлъ отъ обольщенныхъ;
И былъ ужъ чуждъ своихъ дѣтей
И крови узъ священныхъ.

Но чадъ оставленныхъ щитомъ
Былъ ангелъ ихъ хранитель:
Онъ далъ имъ пристань — Божій домъ,
Смиренія обитель.
Въ святыхъ стѣнахъ монастыря
Сокрылъ ихъ съ матерями,
Да славятъ вышняго царя
Невинныхъ устъ мольбами.
И горней благодати сѣнь
Была надъ ихъ главою;
Какъ вешній ароматный день,
Цвѣли онѣ красою.

Отъ раннихъ колыбельныхъ лѣтъ
До юности златыя,
Имъ вѣдомъ былъ лишь Божій свѣтъ,
Лишь подвиги благіе;
Отъ сна вставая съ юнымъ днемъ,
Стекалися во храмѣ;
На клиросѣ, предъ алтаремъ,
Кадильницъ въ ѳиміамѣ,
Въ священный литургіи часъ
Ихъ слышалося пѣнье —
И сладкій непорочныхъ гласъ
Внимало Провидѣнье.

И слезы нѣжныхъ матерей
Съ молитвой ихъ сливались,
Когда во храмѣ близъ мощей
Онѣ распростирались.
«О! дай имъ кровъ, небесный царь!
[То было ихъ моленье]
Да будетъ твой святой алтарь
Незлобныхъ душъ спасенье;

Покинулъ ихъ родной отецъ,
Давъ бѣднымъ жизнь постылу;
Но призри ты сиротъ, Творецъ,
И грѣшника помилуй!...»

Но вотъ.... насталъ десятый годъ;
Уже онъ на исходѣ;
И грѣшникъ горьки слезы льетъ:
Всему онъ чуждъ въ природѣ.
Опять украшены весной
Луга, пригорки, долы;
И пахарь веселъ надъ сохой,
И счастья полны селы;
Не зритъ лишь онъ златой весны:
Его померкли взоры;
Въ туманъ для нихъ погребены
Луга, долины, горы.

Денница ль красная взойдетъ,
«Прости [гласитъ], денница!»
Въ дубравѣ ль птичка пропоетъ,
«Прости, весны пѣвица!...
Прости, и мирные лѣса,
И нивы золотыя,
И неба свѣтлая краса,
И радости земныя!»
И вспомнилъ онъ забытыхъ чадъ;
Къ себѣ ихъ призываетъ;
И мнитъ: «онѣ Творца смягчатъ;
Невиннымъ Богъ внимаетъ.»

И вотъ.... насталъ послѣдній день;
Ужъ солнце за горою,
И стелется вечерня тѣнь
Прозрачной пеленою;

Ужъ сумракъ.... смерклось.... вотъ луна
Блеснула изъ-за тучи;
Легла на горы тишина;
Утихъ и лѣсъ дремучій;
Рѣка сравнялась въ берегахъ,
Зажглись свѣтила ночи,
И сонъ глубокій на поляхъ;
И близокъ часъ полночи....

И мучимъ смертною тоской,
У Спасовой иконы
Безъ вѣры ищетъ Громобой
Отъ ада обороны.
И юныхъ чадъ къ себѣ призвалъ —
Сердца ихъ близки раю,
«Увы, молитесь! [вопіялъ]
Молитесь, погибаю!»
Младенца внятенъ небу стонъ:
Невинныя молились;
Но вдругъ.... на нихъ находитъ сонъ...
Замолкли.... усыпились.

И все въ ужасной тишинѣ;
Окрестность какъ могила;
Вотъ... каркнулъ воронъ на стѣнѣ,
Вотъ... стая псовъ завыла;
И вдругъ... протяжно полночь бьетъ;
Нашли на небо тучи,
Рѣка надулась, боръ реветъ,
И мчится прахъ летучій.
Увы!... послѣдній страшный бой
Отгрянулъ за горами....
Гулъ тише.... смолкъ.... и Громобой
Зритъ бѣса предъ очами.

— Ты видѣлъ, рекъ онъ, день изъ глазъ
Сокрылся за горою;
Ты слышалъ, билъ послѣдній часъ;
Пришелъ я за тобою.
«О! дай, молю, хоть малый срокъ;
Терзаюсь, адъ ужасенъ!»
— Свершилось! неизбѣженъ рокъ,
И поздній вопль напрасенъ.
«Минуту!» — Слышишь? Цѣпь звучитъ.
«О страшный часъ! помилуй!»
— И гробъ готовъ, и саванъ сшитъ,
И роютъ ужъ могилу.

— Заутра день взойдетъ во мглѣ;
Подымутся стенанья;
Увидятъ трупъ твой на столѣ,
Недвижный, безъ дыханья:
Кадилъ и свѣчъ въ дыму густомъ,
При тихомъ ликовъ пѣньѣ,
Тебя запрутъ въ подземный домъ
На вѣки въ заточенье;
И страшно заступъ застучитъ
Надъ кровлей гробовою;
И тихо клиръ провозгласитъ:
Усопшій миръ съ тобою!

— И миръ не будетъ твой удѣлъ:
Ты адово стяжанье!
Но время... идутъ... часъ приспѣлъ...
Внимай ихъ завыванье;
Сошлись.... призывный слышу кличъ....
Ихъ челюсти зіяютъ;
Смола клокочетъ.... свищетъ бичъ....
Оковы разжигаютъ.

«Спаситель-царь, вонми слезамъ!»
—Напрасное моленье!
«Увы! позволь хоть сиротамъ
Мнѣ дать благословенье.»

Младенцевъ спящихъ видитъ бѣсъ,
Сверкнули страшно очи!
—Лишить ихъ царствія небесъ,
Предать ихъ адской ночи....
Вотъ слава! мнѣ восплещетъ адъ
И съ гордымъ сатаною.—
И усмиривъ грозящій взглядъ,
Сказалъ онъ Громобою:
—Я внялъ твоей печали гласъ;
Есть средство избавленья;
Покоренъ будь, иль въ адъ сей часъ
На скорби и мученья.

—Предай мнѣ души дочерей
За временну свободу,
И дамъ, по милости своей,
На каждую по году.
«Злодѣй! губить невинныхъ чадъ!»
—Ты медлишь? Приступите!
Низриньте грѣшника во адъ!
На части разорвите!—
И вдругъ отвсюду крикъ и стонъ;
Земля затрепетала;
И грянулъ громъ со всѣхъ сторонъ;
И тьма бѣсовъ предстала.

Чудовищъ адскихъ грозный сонмъ;
Бѣгутъ, гремятъ цѣпями,
И стали грѣшника кругомъ
Съ разверзтыми когтями.

И ницъ повергся Громобой,
Безчувственъ, полумертвый;
И вопитъ: «страшный врагъ, постой!
Постой, готовы жертвы!»
И скрылись всѣ. Онъ будитъ чадъ....
Онъ пишетъ ихъ рукою....
О страхъ! свершилось.... плещетъ адъ
И съ гордымъ сатаною.

Ты казнь отстрочилъ, Громобой,
И дверь сомкнулась ада;
Но жить, погибнувши душой,
Коль страшная отрада!
Влачи унылы дни, злодѣй,
Въ болѣзни ожиданья;
Веселья нѣтъ душѣ твоей,
И нѣтъ ей упованья;
Увы! и красный Божій міръ,
И жизнь ему постылы;
Онъ въ людствѣ дикъ, въ семействѣ сиръ;
Онъ заживѣ снѣдь могилы.

Напрасно вѣетъ вѣтерокъ
Съ душистыя долины,
И свѣтъ луны сребритъ потокъ
Сквозь темны липъ вершины,
И ласточка зари восходъ
Встрѣчаетъ щебетаньемъ,
И роща въ тѣнь свою зоветъ
Листочковъ трепетаньемъ,
И шумъ бѣгущихъ съ поля стадъ
Съ пастушьими рогами
Вечерній мракъ животворятъ,
Теряясь за холмами....

Его доселѣ свѣтлый домъ
Ужъ сумрака обитель.
Угрюмъ, съ нахмуреннымъ лицомъ
Пировъ веселыхъ зритель,
Не пьетъ кипящаго вина
Изъ чаши круговыя....
И страшенъ день, и ночь страшна,
И тѣни гробовыя
Онъ всюду слышитъ грозный вой,
И въ часъ глубокой ночи
Бѣжитъ одра его покой,
И сонъ забыли очи.

И тьмы лѣсовъ страшится онъ:
Тамъ бродитъ привидѣнье;
То чудится полночный звонъ,
То погребально пѣнье;
Страшитъ его и бури свистъ,
И грозныхъ тучъ молчанье,
И съ шорохомъ падущій листъ,
И рощи содроганье.
Прокатится ль по небу громъ,
Блѣднѣетъ, дыбомъ волосъ:
«То мститель, посланъ божествомъ;
То казни страшный голосъ.»

И видъ прелестный юныхъ чадъ
Ему не наслажденье.
Ихъ милый, чувства полный взглядъ,
Спокойствіе, смиренье,
Краса — веселіе очей,
И гласа нѣжны звуки,
И сладость ласковыхъ рѣчей
Его сугубятъ муки.

Какъ роза — благовонный цвѣтъ
Подъ сѣнію надежной,
Онѣ цвѣтутъ: имъ скорби нѣтъ,
Ихъ сердце безмятежно.

А онъ?... Преступникъ.... онъ, въ тоскѣ
На нихъ подъемля очи,
Отверзту видитъ вдалекѣ
Пучину адской ночи.
Онъ плачетъ; онъ судьбу клянетъ;
«О милыя творенья,
Какой васъ лютый жребій ждетъ!
И гдѣ искать спасенья?
Напрасно вамъ дана краса,
Напрасно сердцу милы,
Закрытъ вамъ путь на небеса,
Цвѣтете — для могилы.

«Увы! пора любви придетъ:
Вамъ сердце тайну скажетъ,
Для васъ она украситъ свѣтъ,
Вамъ милаго покажетъ;
И взоръ наполнится тоской,
И тихимъ грудь желаньемъ,
И распаленныя душой,
Влекомы ожиданьемъ,
Для васъ взойдетъ краснѣе день,
И будетъ лугъ душистѣй,
И сладостнѣй дубравы тѣнь,
И птичка голосистѣй.

«И дни блаженства не придутъ;
Страшитесь милой встрѣчи:
Для васъ не брачныя зажгутъ,
А погребальны свѣчи.

Не въ Божій, гимновъ полный храмъ,
Пойдете съ женихами....
Ужасный гробъ готовятъ намъ;
Прокляты небесами.
И нашъ удѣлъ тоска и стонъ
Въ обителяхъ геенны....
О грозный жребія законъ,
О жертвы драгоцѣнны!....»

Но взоръ возвелъ онъ къ небесамъ
Въ душевномъ сокрушеньѣ,
И мнитъ: «самъ Богъ вѣщаетъ намъ —
Въ раскаяньи спасенье!
Возносятся предъ вышній тронъ
Преступниковъ стенанья....»
И домъ свой обращаетъ онъ
Въ обитель покаянья:
Да странникъ тамъ найдетъ покой,
Вдова и сирый друга,
Голодный сладку снѣдь, больной
Спасенье отъ недуга.

Съ утра до ночи у воротъ
Служитель на сторожѣ;
Онъ всѣхъ прохожихъ въ домъ зоветъ:
«Есть хлѣбъ-соль, мягко ложе.»
И вотъ уже изъ всѣхъ краевъ,
Влекомыя молвою,
Идутъ толпы сиротъ и вдовъ
И нищихъ къ Громобою;
И всѣхъ пріемлетъ Громобой,
Всѣмъ дань его готова;
Онъ щедрой злато льетъ рукой
Отъ имени Христова.

И Божій онъ воздвигнулъ домъ,
Подобье свѣтла рая;
Обитель иноковъ при немъ
Является святая;
И въ той обители святой,
Отъ братіи смиренной
Увѣчный, дряхлый и больной,
И скорбью убіенный
Пріемлютъ именемъ Творца
Отраду, изцѣленье:
Да воскрешаемы сердца
Узнаютъ провидѣнье.

И славный мастеръ призванъ былъ
Изъ города чужаго;
Онъ въ храмѣ ликъ изобразилъ
Угодника святаго;
На той иконѣ Громобой
Былъ видимъ съ дочерями;
И на молящихся святой
Взиралъ любви очами.
И день и ночь огонь пылалъ
Предъ образомъ въ лампадѣ:
Въ златомъ вѣнцѣ алмазъ сіялъ,
И перлы на окладѣ.

И въ часъ, когда рѣдѣетъ тѣнь,
Еще дубрава дремлетъ,
И воцаряющійся день
Полнеба лишь объемлетъ,
И въ часъ вечерней тишины,
Когда вездѣ молчанье,
И свѣчи, въ храмѣ возжены,
Льютъ тихое сіянье,

Въ слезахъ раскаянья, съ мольбой,
Предъ образомъ, смиренно
Распростирался Громобой,
Веригой отягченный.....

Но быстро, быстро съ горъ текутъ
Въ долину вешни воды,
И невозвратные бѣгутъ
Дни, мѣсяцы и годы.
Ужъ время съ годомъ десять лѣтъ
Невидимо умчало;
Послѣдняго двухъ третей нѣтъ—
И будто не бывало;
И нѣкій неотступный гласъ
Вѣщаетъ Громобою:
Всему конецъ! твой близокъ часъ!
Погибель надъ тобою!

И вотъ.... недугъ повергнулъ злой
Его на одръ мученья.
Растерзанъ лютою рукой,
Не чая изцѣленья,
Всечасно предъ собой онъ зритъ
Отверзту дверь могилы;
И у возглавія сидитъ
Надъ нимъ призрàкъ унылый.
И нѣтъ ужъ силъ ходить во храмъ
Къ иконѣ чудотворной,
Лишь взоръ стремитъ онъ къ небесамъ,
Молящій, но покорной.

Увы! ужъ и послѣдній день
Край неба озлащаетъ;
Сквозь темную дубравы сѣнь
Блистанье проникаетъ;

Все тихо, весело, свѣтло;
Все нѣгой сладкой дышетъ:
Рѣка прозрачна, какъ стекло;
Едва, едва колышетъ
Листами легкій вѣтерокъ;
Въ поляхъ благоуханье,
Къ цвѣтку прилипнулъ мотылекъ
И пьетъ его дыханье.

Но грѣшникъ сей встрѣчаетъ день
Со стономъ и слезами.
«О рано ты, ночная тѣнь,
Разсталась съ небесами!
Сойдитесь, дѣти, одръ отца
Съ молитвой окружите,
И предъ судилище Творца
Стенанія пошлите.
Ужасенъ намъ сей ночи мракъ;
Взывайте: искупитель,
Смягчи грозящій гнѣва зракъ;
Не будь намъ строгій мститель!»

И страшнаго одра кругомъ,—
Гдѣ блѣденъ, изможденный,
Съ обезображеннымъ челомъ,
Всѣ кости обнаженны,
Брада до чреслъ, власы горой,
Взоръ дикій, впалы очи,
Вопилъ отъ муки Громобой
Съ утра до поздней ночи,—
Стеклися дѣвы; ясный взоръ
На небо устремили,
И въ тихій къ провидѣнью хоръ
Сердца совокупили.

О видъ, угодный небесамъ!
Такъ ангелы спасенья,
Вонмя раскаянья слезамъ,
Съ улыбкой примиренья,
Въ очахъ отрада и покой,
Отъ горняго чертога
Нисходятъ съ милостью святой,
Предшественники Бога,
Къ одру болѣзни въ смертный часъ....
И утомленъ страданьемъ,
Сынъ гроба слышитъ тихій гласъ:
Отыди съ упованьемъ!

И дѣвы, чистыя душой,
Подъемля къ небу руки,
Смиренной мыслили мольбой
Отца спокоить муки;
Но ужасъ близкаго конца
Надъ нимъ уже носился;
Языкъ коснѣющій Творца
Еще молить стремился;
Тоскуя, взоромъ онъ искалъ
Сіянія денницы....
Но взоръ недвижный угасалъ,
Смыкалися зѣницы.

«О дѣти, дѣти, гаснетъ день.»
— Нѣтъ, утро; лишь проснулась
Заря на холмѣ; черна тѣнь
По долу протянулась;
И нивы пусты.... въ высотѣ
Лишь жаворонокъ вьется.
«Увы! заутра въ красотѣ
Опять сей день проснется!

Но мы.... ужъ скрылись отъ земли;
Уже насъ гробъ снѣдаетъ;
И мѣсто, гдѣ поднесь цвѣли,
Насъ болѣ не признаетъ.

«Несчастныя, дерзну ль на васъ
Изречь благословенье?
И въ самой вѣчности для насъ
Погибло примиренье.
Но не сопутствуйте отцу
Съ проклятіемъ въ могилу;
Молитесь, воззовемъ къ Творцу:
Разгнѣванный, помилуй!»
И дѣти, страшныхъ сихъ рѣчей
Не всю объемля силу,
Съ невинной ясностью очей
Воскликнули: помилуй!

«О дѣти, дѣти, ночь близка.»
— Лишь полдень наступаетъ;
Пастухъ у водъ для холодка
Со стадомъ отдыхаетъ,
Молчатъ поля, въ долинѣ сонъ,
Пылаетъ небо знойно.
«Мнѣ чудится надгробный стонъ.»
— Все тихо и спокойно,
Лишь свѣжій вѣтерокъ, порой
Подъемлясь съ поля, дуетъ,
Лишь иволга въ глуши лѣсной
Повременно воркуетъ.

«О дѣти, свѣтлый день угасъ.»
— Ужъ солнце за горою;
Ужъ по закату разлилась
Багряною струею

Заря, и съ пламенныхъ небесъ
Спокойный вечеръ сходитъ,
На заревѣ чернѣетъ лѣсъ,
Въ долинѣ сумракъ бродитъ.
«О вечеръ сумрачный, постой!
Помедли, день прелестной!
Помедли, взоръ не узритъ мой
Тебя ужъ въ поднебесной!...»

«О дѣти, дѣти, ночь близка.»
— Заря ужъ догорѣла,
Въ туманъ одѣлася рѣка,
Окрестность поблѣднѣла,
И на распутіи пылятъ
Стада, спѣша къ селенью.
«Спасите! полночь бьетъ!»—Звонятъ
Въ обители къ моленью,
Отцы поютъ хвалебный гласъ,
Огнями храмъ блистаетъ.
«При нихъ и грѣшникъ въ страшный часъ
Къ тебѣ, Творецъ, взываетъ!....»

«Не тмится ль, дѣти, неба сводъ?
Не мчатся ль черны тучи?
Не вздулъ ли вихорь бурныхъ водъ?
Не вьется ль прахъ летучій?»
— Все тихо.... служба отошла,
Обитель засыпаетъ,
Луна полнеба протекла,
И Божій храмъ сіяетъ
Одинъ съ холма въ окрестной мглѣ;
Луга, поля безмолвны,
Огни потухнули въ селѣ,
И рощи спятъ и волны.—

И всюду тишина была;
И вся природа, мнилось,
Предустрашенная ждала,
Чтобъ чудо совершилось....
И вдругъ.... какъ будто вѣтерокъ
Повѣялъ отъ востока,
Чуть тронулъ дремлющій листокъ.
Чуть тронулъ зыбь потока....
И нѣкій гласъ промчался съ нимъ....
Какъ будто надъ звѣздами
Коснулся арфы серафимъ
Эѳирными перстами.

И тихо, тихо Божій храмъ
Отверзся.... Неизвѣстной
Явился старецъ дѣвъ очамъ;
И ликъ красы небесной,
И кротость благостныхъ очей,
Рождали упованье;
Одѣянъ ризою лучей,
Окрестъ главы сіянье,
Онъ не касался до земли
Въ воздушномъ приближеньѣ....
Предъ нимъ незримыя текли
Надежда и спасенье.

Сердца ихъ ужасъ обуялъ....
«Кто этотъ, въ славѣ зримый?»
Но близъ одра уже стоялъ
Пришлецъ неизъяснимый.
И къ дѣвамъ прикоснулся онъ
Полой своей одежды,
И тихій во мгновенье сонъ
На ихъ простерся вѣжды.

На искаженный старца ликъ
Онъ кинулъ взглядъ укора,
И трепетъ въ грѣшника проникъ
Отъ пламеннаго взора.

«О! кто ты, грозный сынъ небесъ?
Твой взоръ мнѣ наказанье.»
Но страшный строгостью очесъ
Пришлецъ хранитъ молчанье....
«О дай, молю, твой слышать гласъ!
Одно надежды слово!
Идетъ неотразимый часъ!
Событіе готово!»
— Вы ликъ во храмѣ чтили мой,
И въ томъ изображеньѣ
Моя десница надъ тобой
Простерта во спасенье.

«Ахъ! что жъ могущій повелѣлъ?»
— Надѣйся и страшися.
«Увы, какой насъ ждетъ удѣлъ?
Что жребій ихъ?» — Молися. —
И руки положивъ крестомъ
На грудь изнеможенну,
Предъ неиспытаннымъ Творцомъ
Молитву сокрушенну
Умолкшій проліялъ въ слезахъ,
И тяжко грудь дышала,
И въ призывающихъ очахъ
Вся скорбь души сіяла....

Вдругъ началъ тмиться неба сводъ —
Мрачнѣе и мрачнѣе;
За тучей грозною ползетъ
Другая вслѣдъ грознѣе;

И страшно сшиблись надъ главой;
И небо заклубилось;
И вдругъ.... повсюду съ черной мглой
Молчанье воцарилось....
И близокъ часъ полночи былъ....
И ризою святою
Угодникъ спящихъ дѣвъ накрылъ,
Отступника — десною.

И устремленны на востокъ,
Горѣли старца очи....
И вдругъ, сквозь сонъ и мракъ глубокъ,
Въ пучинѣ черной ночи,
Завылъ протяжно вѣщій бой,
Окрестность съ нимъ завыла;
Вдругъ.... страшной молнія струей
Сводъ неба раздвоила,
По тучамъ вихорь пробѣжалъ,
И съ сильнымъ грома трескомъ,
Ревущей бурѣ, бѣсъ предсталъ,
Одѣянъ адскимъ блескомъ.

И змѣи въ пламенныхъ власахъ —
Клубясь, шипятъ и свищутъ;
И радость злобная въ очахъ —
Кругомъ, сверкая, рыщутъ;
И тяжкой цѣпью онъ гремѣлъ —
Увлечь добычу льстился;
Но старца грознаго узрѣлъ —
Утихнулъ и смирился;
И вмигъ гордыни блескъ угасъ;
И, смутенъ, вопрошаетъ:
— Что, мощный врагъ, тебя въ сей часъ
Къ симъ падшимъ призываетъ?

«Я зрѣлъ мольбу ихъ предъ собой.»
— Они мое стяжанье.
«Передъ небеснымъ судіей
Всесильно покаянье.»
— И часъ суда его притекъ:
Ихъ жребій совершися!
«Еще во благости не рекъ
Онъ въ гнѣвѣ: удалися!»
— Онъ правъ—и я владыка имъ.
«Онъ благъ — я ихъ хранитель.»
— Изчезни, адъ неотразимъ.
«Отвѣтствуй, искупитель!»

И громъ съ востока пролетѣлъ,
И бездну тучъ трикраты
Разсѣкъ браздами яркихъ стрѣлъ
Перунъ огнекрылатый,
И небо съ края въ край зажглось,
И застонало въ страхѣ,
И дрогнула земная ось....
И воющій во прахѣ,
Творца грядуща слышитъ бѣсъ;
И молится хранитель....
И сталъ на высотѣ небесъ
Средь молній ангелъ-мститель.

«Гряду! и вѣчный Божій судъ
Несетъ моя десница
Мнѣ казнь и благость предтекутъ....
Во прахъ, чадоубійца!»
О всемогущество словесъ!
Уже отступникъ тлѣнье;
Потухъ послѣдній свѣтъ очесъ,
Въ костяхъ оцѣпенѣнье;

И ликъ кончиной искаженъ,
И сердце охладѣло,
И отъ сомкнувшихся устенъ
Дыханье отлетѣло.

«И праху обладатель адъ,
И гробу отверженье,
Доколь на погубленныхъ чадъ
Не снидетъ искупленье.
И чадамъ непробудный сонъ;
И тотъ, кто чистъ душою,
Кто, ихъ не зрѣвши, распаленъ
Одной изъ нихъ красою,
Придетъ, житейское презрѣвъ,
Въ забвенну ихъ обитель,
Есть обреченный спящихъ дѣвъ
Отъ неба искупитель.

«И будутъ спать: и къ нимъ вѣка
Въ полетѣ не коснутся,
И пройдетъ тлѣнія рука
Ихъ мимо, и проснутся
Съ неизмѣнившейся красой
Для жизни обновленной,
И низойдетъ тогда покой
Къ могилѣ искупленной,
И будетъ миръ въ его костяхъ,
И претворенный въ радость,
Творца постигнувъ въ небесахъ,
Речетъ: Господь есть благость!....»

Ужъ вѣстникъ утра въ высотѣ;
И слышенъ громкій пѣтелъ;
И день въ воздушной красотѣ
Летитъ, какъ радость, свѣтелъ....

Узрѣли дѣвъ, объятыхъ сномъ,
И старца трупъ узрѣли;
И мертвый страшенъ былъ лицомъ!
Глаза, не зря; смотрѣли;
Какъ будто страждущъ, прижималъ
Онъ къ хладнымъ персямъ руки,
И на устахъ его роптaлъ,
Казалось, голосъ муки.

И спящихъ ликъ покоенъ былъ:
Невидимо крылами
Ихъ тихій ангелъ облачилъ,
И райскими мечтами
Чудесный былъ исполненъ сонъ,
И сладкимъ ихъ дыханьемъ
Окрестъ былъ воздухъ растворенъ
Какъ розъ благоуханьемъ,
И разцвѣтали ихъ уста
Улыбкою прелестной,
И ихъ являлась красота,
Въ спокойствіи, небесной.

Но вотъ ужъ гробъ одѣтъ парчой,
Отверзлася могила,
И слышенъ колокола вой,
И теплются кадила;
Идутъ и старъ и младъ во храмъ,
Подъемлется рыданье,
Даютъ безчувственнымъ устамъ
Послѣднее лобзанье;
И грянулъ въ гробъ ужасный млатъ,
И взятъ ужъ гробъ землею,
И ликъ воспѣлъ: усопшій братъ,
На вѣки миръ съ тобою!

И вотъ и старъ и младъ пошли
Обратно въ домъ печали,
Но вдругъ предъ ними изъ земли
Вкругъ дома грозно встали
Гранитны стѣны — верхъ зубчатъ,
Бока одѣты лѣсомъ —
И, сгрянувшись, затворы вратъ
Задвинулись утесомъ.
И вспять погналъ пришельцевъ страхъ,
Бѣгутъ, не озираясь;
«Небесный гнѣвъ на сихъ стѣнахъ!»
Вѣщаютъ, содрогаясь.

И стала та страна съ тѣхъ поръ
Добычей запустѣнья,
Поля покрылъ дремучій боръ,
Разсыпались селенья.
И человѣчій гласъ умолкъ,
Лишь филинъ на утесѣ,
И въ ночь осенню гладный волкъ
Тамъ воютъ въ черномъ лѣсѣ,
Лишь дико межъ сѣдыхъ бреговъ,
Спираема корнями
Изрытыхъ бурею дубовъ,
Рѣка клубитъ волнами.

Гдѣ древле окружала храмъ
Отшельниковъ обитель,
Тамъ грозно свищетъ по стѣнамъ
Змѣя, развалинъ житель;
И гимнъ по сводамъ не гремитъ,
Лишь, вѣющій порою,
Пустынный вѣтеръ шевелитъ
Въ развалинахъ травою;

Лишь, отторгаяся отъ стѣнъ,
Катятся камни съ шумомъ,
И гулъ, на время пробужденъ,
Шумитъ въ лѣсу угрюмомъ.

И на туманистомъ холмѣ
Могильный зрится камень:
Надъ нимъ всегда въ полночной тьмѣ
Сіяетъ блѣдный пламень.
И крестъ поверженный обвитъ
Листами повилики,
На немъ угрюмый вранъ сидитъ,
Могилы сторожъ дикій.
И все какъ мертвое окрестъ,
Ни листъ не шевелится,
Ни звѣрь близъ сихъ не пройдетъ мѣстъ,
Ни птица не промчится.

Но полночь лишь сойдетъ съ небесъ,
Вранъ черный встрепенется,
Зашепчетъ пробужденный лѣсъ,
Могила потрясется;
И видима бродяща тѣнь
Тогда въ пустынѣ ночи:
Какъ блѣдный на туманѣ день,
Ея сіяютъ очи;
То взоръ возводитъ къ небесамъ,
То, съ видомъ тяжкой муки,
Къ непроницаемымъ стѣнамъ,
Моля, подъемлетъ руки.

И въ нѣдрѣ неприступныхъ стѣнъ
Молчаніе могилы,
Окрестъ ихъ, мглою покровенъ,
Сѣдѣетъ лѣсъ унылый:

Тамъ вѣтеръ не шумитъ въ листахъ,
Не слышно водъ журчанья,
Ни благовонія въ цвѣтахъ,
Ни въ травкѣ нѣтъ дыханья.
И дѣвы спятъ; ихъ сонъ глубокъ;
И жребій искупленья,
Безвѣстно, близокъ иль далекъ;
И нѣтъ имъ пробужденья.

Но въ часъ, когда поля заснутъ,
И мглой земля одѣта
[Между торжественныхъ минутъ
Полночи и разсвѣта],
Одна изъ спящихъ возстаетъ
И, странникъ одинокой,
Свой срочный начинаетъ ходъ
Кругомъ стѣны высокой;
И смотритъ вдаль, и ждетъ съ тоской:
«Приди, приди, спаситель!»
Но даль покрыта черной мглой....
Нейдетъ, нейдетъ спаситель!

Когда жъ исполнится луна,
Чреда приходитъ смѣны;
Въ урочный часъ пробуждена,
Одна идетъ на стѣны,
Другая къ ней со стѣнъ идетъ,
Встрѣчается, и руку,
Вздохнувъ, пришелицѣ даетъ
На долгую разлуку;
Потомъ къ почіющимъ сестрамъ,
Задумчива, отходитъ,
А та печальна по стѣнамъ
Одна до смѣны бродитъ.

И скоро ль? Долго ль?... Какъ узнать?
Гдѣ вѣстникъ искупленья?
Гдѣ тотъ, кто властенъ побѣждать
Всѣ ковы обольщенья,
Къ прелестной прилѣпленъ мечтѣ?
Кто могъ бы, чистъ душою,
Небесной вѣренъ красотѣ,
Непобѣдимъ земною,
Все предстоящее презрѣть,
И съ вѣрою смиренной,
Надежды полонъ, вдаль летѣть
Къ наградѣ сокровенной?...

БАЛЛАДА ВТОРАЯ.

ВАДИМЪ.

Du musst glauben du musst wagen
Denn die Götter leih'n kein Pfand:
Nur ein Wunder kann dich tragen
In das schöne Wunderland.
Schiller.

ДМИТРІЮ НИКОЛАЕВИЧУ БЛУДОВУ.

Вотъ повѣсти моей конецъ,
И другу посвященье,
Пѣвцу жъ смиренному вѣнецъ
Будь дружбы одобренье.
Вадимъ мой росъ въ твоихъ глазахъ,
Твой вкусъ былъ мнѣ учитель;
Въ моихъ запутанныхъ стихахъ,
Какъ тайный вождь-хранитель,

Онъ путь мнѣ къ цѣли проложилъ;
Но въ пользу ли услуга!
Не знаю.... Дѣвъ я разбудилъ,
Не усыпить бы друга.

Въ великомъ Новградѣ Вадимъ
Плѣнялъ всѣхъ красотою,
И дерзкимъ мужествомъ своимъ,
И сердца простотою.
Его утѣха—по лѣсамъ
Скитаться за звѣрями;
Ужасный вепрямъ и волкамъ
Разящими стрѣлами,
Въ осенній хладъ и лѣтній зной
Онъ съ вѣрнымъ псомъ на ловлѣ;
Ему постелей мохъ лѣсной,
А сводъ небесный кровлей.

Уже двадцатая весна
Вадимова настала;
И чувства тайнаго полна,
Душа въ немъ унывала,
«Чего искать? Въ какихъ странахъ?
Къ чему стремить желанье?»
Но все—и тишина въ лѣсахъ,
И быстрыхъ водъ журчанье,
И дня мѣняющійся видъ
На облакѣ небесномъ,
Все, все Вадиму говоритъ
О чемъ-то неизвѣстномъ.

Однажды, ловлей утомленъ,
Близъ Волхова на брегѣ,

Онъ погрузился въ легкій сонъ...
Струи въ свободномъ бѣгѣ
Шумѣли, по корнямъ древесъ,
Съ плесканьемъ разливаясь;
Душей весны былъ полонъ лѣсъ;
Листочки, развиваясь,
Дышали жизнью молодой;
Все благовонно было....
И солнце съ тверди голубой
Къ холмамъ ужъ нисходило.

И къ утру видитъ сонъ Вадимъ:
Одѣянъ ризой бѣлой,
Предсталъ чудесный мужъ предъ нимъ —
Во взорѣ лучъ веселой,
Ликъ важный свѣтелъ, станъ высокъ,
На сѣдинахъ блистанье,
Въ рукѣ серебряный звонокъ,
На персяхъ крестъ въ сіяньѣ;
Онъ шелъ, какъ будто бы летѣлъ,
И осѣнивъ перстами,
Благовѣстящими воззрѣлъ
На юношу очами.

«Вадимъ, желанное вдали;
Вѣрь небу, жди смиренно,
Все измѣняетъ на земли,
А небо неизмѣнно;
Стремись, я провожатый твой!»
Сказалъ—и въ то жъ мгновенье
Въ дали явилось голубой
Прелестное видѣнье:
Младая дѣва, ликъ закрытъ
Завѣсою туманной,

И на главѣ ея лежитъ
Вѣнокъ благоуханной.

Вздыхая жалобно, рукой
Манило привидѣнье
Идти Вадима за собой....
И юноша въ смятеньѣ,
Къ ней, сердцемъ вспыхнувъ, полетѣлъ....
Но вдругъ.... призракъ сокрылся,
Вдали звонокъ одинъ гремѣлъ,
И блѣдный лучъ свѣтился;
И вмѣстѣ съ дѣвою пропалъ
Старикъ въ одеждѣ бѣлой....
Вадимъ проснулся: день сіялъ,
А въ вышинѣ.... звенѣло.

Онъ смотритъ вдаль на свѣтлый югъ:
Тамъ ясно все и чисто;
Оттоль черезъ обширный лугъ
Струею серебристой
Катился Волховъ; небеса
Сливались тамъ съ землею;
Туда, за холмы, за лѣса,
Мчалъ облака толпою
Летучій, вешній вѣтерокъ.....
Смятенный, въ ожиданьи,
Онъ смотритъ, слушаетъ.... звонокъ
Умолкъ—и все въ молчаньи.

Три сряду утра тотъ же сонъ;
Душа его въ волненьѣ.
«О, что же ты, взываетъ онъ,
Прекрасное явленье?
Куда зовешь, волшебный гласъ?
Кто ты, пришлецъ священный?

Ахъ! гдѣ она? Увижу ль васъ?
И сердцу откровенный
Предѣлъ откроется ль очамъ?....»
Но тщетно онъ очами
Летитъ къ далекимъ небесамъ....
Туманъ подъ небесами.

И цѣлый міръ его мечтой
Предъ нимъ одушевился.
Востокъ ли свѣжею красой
Денницы золотился,
Ему являлся тамъ покровъ
На образѣ прелестномъ.
Дышалъ ли запахомъ цвѣтокъ,
Въ немъ скорбь о неизвѣстномъ,
Стремленье вдаль, любви тоска,
Томленіе разлуки;
И въ каждомъ шумѣ вѣтерка
Звонка призывны звуки.

И онъ, невластный побѣдить
Могущаго стремленья,
Къ отцу и къ матери просить
Идетъ благословенья.
«Куда? [печальная въ слезахъ
Сказала матерь сыну]
Въ чужихъ испытывать странахъ
Невѣрную судьбину?
Постой, на родинѣ твоей
Домъ отчій безопасный,
Здѣсь сладостна любовь друзей,
Здѣсь дѣвицы прекрасны.»

— Увы! желаннаго здѣсь нѣтъ;
Спокой себя, родная!

Меня отъ васъ въ далекій свѣтъ
Ведетъ рука святая.
И не задремлетъ ни на часъ
Хранитель постоянный.
Но гдѣ онъ? Чей я слышалъ гласъ?
Кто вождь сей безъимянный?
Куда ведетъ? Какой стезей?
Не знаю — и напрасенъ
Въ незнаньи страхъ.... живъ спутникъ мой;
Путь вѣры безопасенъ. —

Надѣвъ на сына крестъ златой,
Отвѣтствуетъ родная:
«Прости, да будетъ надъ тобой
Его любовь святая!»
Снимаетъ со стѣны отецъ
Свои доспѣхи ратны:
«Прости, вотъ мечъ мой кладенецъ,
Мой щитъ и шлемъ булатный.»
Сынъ въ землю матери, отцу;
Цѣлуетъ образъ, плачетъ;
Конь борзый подведенъ къ крыльцу;
Онъ сѣлъ, онъ крикнулъ, скачетъ....

И пыльный по дорогѣ слѣдъ
Поднялъ конь быстроногой;
Но вотъ уже и слѣда нѣтъ,
И пыль слилась съ дорогой....
Вздохнулъ отецъ, со вздохомъ мать
Пошла въ свою свѣтлицу;
Ей долго ночь въ слезахъ встрѣчать,
Въ слезахъ встрѣчать денницу;
Передъ Владычицей зажгла
Съ молитвою лампаду,

Чтобы ему покровъ была,
Чтобъ ей дала отраду.

Вотъ на распутіи Вадимъ.
Весь міръ неизмѣримый
Ему открытъ; за нимъ, предъ нимъ,
Поля необозримы;
Въ чужбинѣ онъ; въ желанный край
Невѣдома дорога.
«Что жъ медлишь? Вѣрь — не выбирай;
Впередъ, во имя Бога;
Куда и какъ привесть меня,
То вождь мой знаетъ болѣ.»
Такъ онъ подумалъ — и коня
Пустилъ бѣжать по волѣ.

И добрый конь какъ будто самъ
Свою дорогу знаетъ,
Онъ все на югъ, онъ по полямъ
Путь новый пробиваетъ,
Потокъ ли встрѣтитъ — и въ потокъ,
Лишь только пѣна прыщетъ,
Ко рву ль примчится — разомъ скокъ,
Лишь только воздухъ свищетъ;
Заглохъ ли лѣсъ — съ нимъ широка
Дорога въ чащѣ лѣса;
Утесъ ли крутъ — онъ сѣдока
Стрѣлой на круть утеса.

Бѣгутъ за днями дни, Вадимъ
Все далѣ, конь послушный
Не устаетъ, и всюду имъ
Въ пути пріемъ радушный;
Ко граду ль случай заведетъ,
Къ селу ль, къ лачужкѣ ль дымной,

Вездѣ пришельцу у воротъ
Привѣтъ гостепріимный,
Вездѣ заботливо даютъ
Хлѣбъ-соль на подкрѣпленье,
На темну ночь святой пріютъ,
На путь благословенье.

Когда жъ застигнетъ мракъ ночной
Въ лѣсу, иль въ полѣ чистомъ,
Нашъ витязь, щитъ подъ головой,
Спитъ на коврѣ росистомъ
Благоуханной муравы;
Надъ нимъ, катясь, сіяютъ
Ночныя звѣзды; вкругъ главы
Младые сны летаютъ;
И конь, не дремля, сторожитъ;
И къ сторонѣ той, мнится,
И звѣрь опасный не бѣжитъ,
И змѣй приползть боится.

И дни бѣгутъ — весна пришла,
И соловьи отпѣли,
И липа въ рощахъ разцвѣла,
И нивы пожелтѣли.
Вадимъ все далѣ; ужъ предъ нимъ
Широкій Днѣпръ сіяетъ;
Онъ ѣдетъ берегомъ крутымъ,
И взоръ его летаетъ
Съ высотъ по злачнымъ берегамъ:
Здѣсь видитъ лугъ цвѣтущій,
Тамъ златоверхій городъ, тамъ
Близъ водъ рыбачьи кущи.

Однажды — вечеръ знойный рдѣлъ
На небѣ, лѣсъ дремучій

Сквозь пламень зарева синѣлъ,
И громовыя тучи
Вслѣдъ за багровою луной
Съ востока поднимались,
И яркой молніи змѣей
Въ ихъ нѣдрѣ извивались,
Вадимъ въѣзжаетъ въ темный лѣсъ;
Тамъ все въ тѣни молчало,
Лишь трепетаніе древесъ
Грозу предвозвѣщало.

И дичь являлася кругомъ;
Чуть небеса сквозь сѣни
Свѣтили гаснущимъ лучемъ;
И дерева, какъ тѣни,
Мелькали въ безднѣ темноты
Съ разверзтыми вѣтвями;
Вадимъ впередъ — хрустятъ кусты
Подъ конскими ногами;
Вездѣ плетень изъ сучьевъ имъ
Дорогу задвигаетъ....
Но ихъ мечемъ крушитъ Вадимъ,
Конь грудью разрываетъ.

И ѣдетъ онъ ужъ цѣлый часъ;
Вдругъ — жалобные крики;
То нѣжный и молящій гласъ,
То яростный и дикій.
Зажглась въ немъ кровь, на вопли онъ
Сквозь чащу вѣтвей рвется;
Конь пышетъ, лѣсъ трещитъ и стонъ
Все ближе раздается;
И вдругъ подъ нимъ въ дичи глухой,
Какъ будто изъ тумана,

Чуть освѣщенная луной,
Открылася поляна.

И что жъ у витязя въ глазахъ?
Шумя между кустами,
Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
Съ дубиной за плечами,
Огромный великанъ бѣжитъ,
И на рукахъ могучихъ
Красавицу младую мчитъ;
Она въ слезахъ горючихъ,
То силится бороться съ нимъ,
То скорбно вопитъ къ Богу....
«Стой!» крикнулъ хищнику Вадимъ,
И заслонилъ дорогу.

Ни слова тотъ на грозну рѣчь;
Какъ бѣшеный отпрянулъ,
Сорвалъ дубину съ крѣпкихъ плечъ,
Взмахнулъ, въ Вадима грянулъ,
И очи вспыхнули, какъ жаръ.....
Конь легкій отшатнулся,
Въ корнистый дубъ пришелъ ударъ,
И дубъ, треща, погнулся;
Вадимъ всей силою меча
Ударилъ въ исполина—
Рука отпала отъ плеча,
И въ прахъ легла дубина.

И хищникъ, рухнувъ, захрипѣлъ
Подъ конскими ногами,
Рванулся встать, оцѣпенѣлъ,
И стихъ, грозя очами;
И смерть молчаньемъ заперла
Уста, вопить отверзты;

И роя землю, замерла
Рука, разинувъ персты.
Спѣшитъ къ похищенной Вадимъ;
Она, какъ листъ, дрожала,
И сѣвши на коня за нимъ,
Въ слезахъ къ нему припала.

«Скажи мнѣ, дѣвица, кто ты?
Кто буйный оскорбитель
Твоей дѣвичьей красоты?
И гдѣ твоя обитель?»
— Князь кіевскій родитель мой;
Градъ Кіевъ недалеко;
Проѣдемъ скоро лѣсъ густой,
Увидимъ брегъ высокой;
Подъ брегомъ тѣмъ кипятъ, шумятъ
Въ скалахъ струи Днѣпровы,
На брегѣ томъ и Кіевъ-градъ,
Озолоченны кровы.

— Я тамъ дни мирные вела,
Не знаяся съ кручиной,
И въ старости отцу была
Утѣхою единой.
Не въ добрый часъ литовскій князь,
Врагъ церкви православной,
Меня узрѣлъ, и распалясь
Душою звѣронравной,
Послалъ къ намъ въ Кіевъ-градъ гонца,
Чтобъ тайною рукою
Меня похитивъ у отца,
Умчалъ въ Литву съ собою.

— Онъ скрылся на Днѣпрѣ-рѣкѣ
Въ лѣсномъ уединеньи,

От Кіева невдалекѣ;
О дерзкомъ замышленьи
Никто и сонный не мечталъ;
Губитель не встрѣчался
Въ лѣсу ни съ кѣмъ; какъ волкъ, онъ ждалъ
Добычи — и дождался.
Я нынче раннею порой
Въ лугъ вышла, полевые
Сбирать цвѣтки; пошли со мной
Подружки молодыя.

— Мы росу брали на цвѣтахъ,
Росою умывались,
И рвали ягоды въ кустахъ,
И громко окликались,
Ужъ солнце жгло съ полунебесъ,
Я шла одна, кустами
Вилась дорожка, темный лѣсъ
Чернѣлъ передъ глазами.
Вдругъ шумъ.... смотрю.... злодѣй за мной;
Страхъ подкосилъ мнѣ ноги;
Онъ сильною меня рукой
Схватилъ — и въ лѣсъ съ дороги.

— Ахъ! что бъ въ удѣлъ досталось мнѣ,
Что было бы со мною,
Когда бъ не ты? Въ чужой странѣ
Изныла бъ сиротою.
Отъ милыхъ ближнихъ вдалекѣ
Живетъ ли сердцу радость?
И въ безутѣшной бы тоскѣ
Моя увяла младость;
И съ горемъ дряхлый мой отецъ
Повлекся бы ко гробу....

Но слабость защитилъ Творецъ,
Сразилъ Всевышній злобу.—

Межъ тѣмъ съ поляны въ гущину
Въѣзжаетъ витязь; тучи,
Толпясь, заволокли луну;
Сталъ душенъ лѣсъ дремучій...
Гроза сбиралась; межъ листовъ
Дождь крупный пробивался,
И шумъ тяжелыхъ облаковъ
Съ ихъ ропотомъ мѣшался....
Вдругъ вихорь набѣжалъ на лѣсъ
И взрылъ деревъ вершины,
И загорѣлися небесъ
Кипящія пучины.

И все взревѣло... дождь рѣкой;
Громъ страшный, трескъ за трескомъ;
И шумъ воды, и вихря вой,
И поминутнымъ блескомъ
Воспламеняющійся лѣсъ;
И встрѣчу, справа, слѣва
Ряды валящихся древесъ;
Конь рвется; въ страхѣ дѣва;
И заслонивъ ее щитомъ,
Вадимъ смятенный ищетъ,
Гдѣ бъ пріютиться... но кругомъ
Все дичь, и буря свищетъ.

И вдругъ ужъ нѣтъ дороги имъ,
Стѣна изъ камней мшистыхъ;
Громъ мчался по бокамъ крутымъ;
Въ разсѣлинахъ лѣсистыхъ
Спираясь, вихорь бушевалъ,
И молніи горѣли,

И въ безднѣ бури груды скалъ
Сверкали и гремѣли.
Вадимъ назадъ.... но вдругъ ударъ!
Ель, треснувъ, запылала;
По вѣтвямъ пробѣжалъ пожаръ,
Окрестность заблистала.

И въ заревѣ открылась имъ
Пещера подъ скалою.
Спѣшитъ къ убѣжищу Вадимъ;
Заботливой рукою
Онъ снялъ сопутницу съ коня,
Сложилъ съ раменъ кольчугу,
Зажегъ костеръ, и близъ огня,
Взявъ на руки подругу,
На броню сѣлъ. Дымясь, сверкалъ
Въ кострѣ огонь трескучій;
Поверхъ пещеры громъ леталъ,
И бунтовали тучи.

И прислонивъ къ груди своей
Вадимъ княжну младую,
Изъ золотыхъ ея кудрей
Жалъ влагу дождевую;
И къ персямъ дѣвственнымъ уста
Прижавъ, ихъ грѣлъ дыханьемъ;
И въ нихъ вливалась теплота;
И съ тихимъ трепетаньемъ
Онѣ касалися устамъ;
И дѣвица молчала;
И къ юноши прильнувъ плечамъ,
Рука ея пылала.

Лазурны очи опустя,
Въ объятіяхъ Вадима,

Она, какъ тихое дитя,
Лежала недвижима;
И что съ невинною душой
Сбылось — не постигала;
Лишь сердце билось, и порой,
Вся вспыхнувъ, трепетала;
Лишь пламень гаснущій сіялъ
Сквозь тѣнь рѣсницъ склоненныхъ,
И вздохъ невольный вылеталъ
Изъ устъ воспламененныхъ.

А витязь?.... Что съ его душой?....
Увы! сихъ взоровъ сладость,
Сихъ чистыхъ, подъ его рукой
Горящихъ персей младость,
И мягкій шелкъ кудрей густыхъ,
По раменамъ разлитыхъ,
И свѣжій блескъ ланитъ младыхъ,
И устъ полуоткрытыхъ
Палящій жаръ, и тихій гласъ,
И милое смятенье,
И ночи таинственной часъ,
И вкругъ уединенье —

Все чувства разжигало въ немъ....
О власть очарованья!
Уже, исполнены огнемъ
Кипящаго лобзанья,
На дѣвственныхъ ея устахъ
Его уста горѣли,
И жарче розы на щекахъ
Дрожащей дѣвы рдѣли;
И все.... но вдругъ смутился онъ,
И въ радостномъ волненьи

Затрепеталъ.... знакомый звонъ
Раздался въ отдаленьи.

И долго, жалобно звенѣлъ
Онъ въ безднѣ поднебесной;
И кто-то, чудилось, летѣлъ
Незримый, но извѣстной;
И взоръ, исполненный тоской,
Мелькалъ сквозь покрывало;
И подъ воздушной пеленой
Печальное вздыхало.....
Но вдругъ сильнѣй потрясся лѣсъ,
И небо зашумѣло....
Вадимъ взглянулъ — призракъ изчезъ;
А въ вышинѣ.... звенѣло.

И вслѣдъ за милою мечтой
Душа его стремится;
Уже, подернувшись золой,
Едва, едва курится
Въ кострѣ огонь; на небесахъ
Нѣтъ тучъ, не слышно рева;
Небрежно на его рукахъ,
Припавъ къ нимъ грудью, дѣва
Младенческій вкушаетъ сонъ,
И тихо, тихо дышетъ;
И близокъ ужъ разсвѣтъ; а онъ
Не видитъ и не слышитъ.

Сталъ вѣять свѣжій вѣтерокъ,
Взошла звѣзда денницы,
И обагрянился востокъ,
И пробудились птицы;
Копытомъ топнувъ, конь заржалъ;
Вадимъ очнулся.— ясно

Все было вкругъ; но сонъ смыкалъ
Глаза княжны прекрасной;
Къ ней тихо прикоснулся онъ;
Вздохнувъ, она одѣла
Власами грудь сквозь тонкій сонъ,
Взглянула — покраснѣла.

И витязь въ шлемѣ и бронѣ
Изъ-подъ скалы съ княжною
Выходитъ. Солнце въ вышинѣ
Горѣло; подъ горою,
Сіяя, пѣну разстилалъ
По камнямъ Днѣпръ широкій;
И лѣсъ кругомъ благоухалъ;
И благовѣстъ далекій
Былъ слышенъ. На коня Вадимъ,
Перекрестясь, садится;
Княжна по-прежнему за нимъ;
И конь по брегу мчится.

Вдругъ путь широкій межъ древесъ:
Ихъ чаща раздалася,
И въ голубой дали небесъ,
Какъ звѣздочка зажглася
Глава Печерская съ крестомъ;
Конь скачетъ быстрымъ скокомъ:
Ужъ въ градѣ онъ, ужъ предъ дворцомъ;
И видятъ: на высокомъ
Крыльцѣ великій князь стоитъ,
Въ очахъ его кручина;
Передъ крыльцомъ народъ кипитъ,
И строится дружина.

И смѣлыхъ вызываетъ онъ
Въ погоню за княжною,

И избавителю свой тронъ
Сулитъ съ ея рукою.
Но топотъ слышенъ въ тишинѣ;
Густая пыль клубится;
И видятъ, съ дѣвой на конѣ
Красивый всадникъ мчится.
Народъ отхлынулъ, какъ волна;
Дружина разступилась,
И на рукахъ отца княжна
При кликахъ очутилась.

Обнявъ Вадима, князь сказалъ:
«Я не нарушу слова;
Въ тебѣ Господь мнѣ сына далъ
Замѣною роднаго.
Я старъ: будь хилыхъ старца дней
Опорой и усладой;
А смѣлой доблести твоей
Будь дочь моя наградой!
Когда жъ наступитъ мой конецъ,
Тогда мою державу
И свѣтлый княжескій вѣнецъ
Наслѣдуй въ честь и славу.»

И громко, громко раздалось
Дружины восклицанье;
И зашумѣло, полилось
По граду ликованье;
Богатый пиръ на весь народъ;
Весь городъ изукрашенъ;
Кипитъ въ заздравныхъ кружкахъ медъ,
Столы трещатъ отъ брашенъ;
Поютъ пѣвцы; колокола
Гудятъ, не умолкая;

И отъ огней потѣшныхъ мгла
Зардѣлася ночная.

Веселье всѣмъ; одинъ Вадимъ
Не веселъ — мысль далеко.
Сердечной думою томимъ,
Безмолвенъ, одинокой,
Ни пѣснямъ, ни привѣтамъ онъ
Не внемлетъ равнодушный;
Онъ ступитъ шагъ — и слышитъ звонъ;
Подыметъ взоръ — воздушный
Призракъ летаетъ передъ нимъ
Въ знакомомъ покрывалѣ;
Преклонитъ слухъ — твердятъ: Вадимъ,
Не забывайся, далѣ!

Идетъ къ Днѣпровымъ берегамъ
Онъ тихими шагами,
И, смутенъ, взоръ склонилъ къ водамъ....
Небесная съ звѣздами
Была въ нихъ твердь отражена;
Вдали, противъ заката,
Всходила полная луна;
Вадимъ глядитъ . . . . межъ злата
Осыпанныхъ луною волнъ
Какъ будто бы чернѣетъ,
Въ зыбяхъ ныряя, легкій челнъ,
За нимъ струя бѣлѣетъ.

Глядитъ Вадимъ.... челнокъ плыветъ....
Натянуто вѣтрило,
Но безъ гребца весло гребетъ,
Безъ кормщика кормило;
Вадимъ къ нему.... къ Вадиму онъ....
Садится .... челнъ помчало....

И вдругъ.... какъ будто съ юга звонъ;
И вдругъ.... все замолчало....
Плыветъ челнокъ, Вадимъ глядитъ:
Сверкая, волны плещутъ,
Лѣсистый брегъ назадъ бѣжитъ,
Ночныя звѣзды блещутъ.

Быстрѣй, быстрѣй въ рѣкѣ волна;
Челнокъ быстрѣй, быстрѣе;
Свѣтлѣе на небѣ луна,
На брегѣ лѣсъ темнѣе.
И далѣ, далѣ....все кругомъ
Молчитъ.... какъ великаны
Скалы нагнулись надъ Днѣпромъ;
И, черенъ, сквозь туманы
Глядится въ рѣку тихій лѣсъ
Съ утесистой стремнины,
И ужъ луна почти небесъ
Дошла до половины.

Сидитъ, задумавшись, Вадимъ;
Вдругъ.... что-то пролетѣло;
И облачко луну, какъ дымъ
Невидимый, одѣло;
Луна померкла; по волнамъ,
По тихимъ сѣнямъ лѣса,
По брегу, по крутымъ скаламъ
Раскинулась завѣса;
Шатнулъ вѣтриломъ вѣтерокъ,
И руль зашевелился;
Ко брегу повернулъ челнокъ,
Доплылъ, остановился.

Вадимъ на брегъ; отъ брега челнъ;
Вѣтрило заиграло;

И вдругъ вдали, съ зыбями волнъ
Смѣшавшись, все пропало.
Въ недоумѣніи Вадимъ;
Кругомъ скалы, какъ тучи;
Безмолвенъ, дикъ, необозримъ,
По камнямъ боръ дремучій
Съ рѣки до брега вышины
Восходитъ; все въ молчаньѣ....
И тускло падаетъ луны
На мглу вершинъ сіянье.

И тихо по скаламъ крутымъ,
Влекомый тайной силой,
На верхъ взбирается Вадимъ,
Онъ смотритъ—все уныло:
Какъ трупы, сосны подъ травой
Обрушенныя тлѣютъ,
На сучьяхъ мохъ виситъ сѣдой,
Разинувшись, чернѣютъ
Разсѣлины дуплистыхъ пней,
И въ нихъ глазами блещетъ
Сова, иль чешуями змѣй,
Ворочаясь, трепещетъ.

И, мнится, жизни въ той странѣ
Отъ вѣка не бывало;
Какъ бы съ созданья въ мертвомъ снѣ
Древа, и не смущало
Ихъ сна ничто: ни вѣтерка
Передъ денницей шопотъ,
Ни легкій шорохъ мотылька,
Ни вепря тяжкій топотъ.
Уже Вадимъ на вышинѣ;
Вдругъ боръ рѣдѣетъ темный;

Раздвинулся.... и при лунѣ
Явился холмъ огромный.

И на вершинѣ древній храмъ;
Блестящими крестами
Увѣнчаны главы, къ дверямъ
Тяжелыми винтами
Огромный пригвожденъ затворъ;
Вкругъ храма переходы,
Столбы, обрушенный заборъ,
Разтреснутые своды
Трапезы, келій рядъ пустыхъ,
И всюду по колѣни
Полынь, и длинныя отъ нихъ
По скату холма тѣни.

Вадимъ подходитъ: не вдали
Могильный видѣнъ камень,
Крестъ наклонился до земли,
И легкій, блѣдный пламень,
Какъ свѣчка, теплится надъ нимъ;
И воронъ, птица ночи,
На немъ, какъ призракъ, недвижимъ
Сидитъ, унылы очи
Вперивъ на мѣсяцъ. Вдругъ, крыломъ
Взмахнувъ, онъ пробудился,
Взвился... и на небѣ пустомъ,
Трикраты крикнувъ, скрылся.

Объялъ Вадима тайный страхъ;
Глядитъ въ недоумѣньѣ —
И дивное тогда въ глазахъ
Вадимовыхъ явленье:
Онъ видитъ, нѣкто приподнялъ
Изсохшими руками

Могильный камень, блѣденъ всталъ,
Туманными очами
Блеснулъ, возвелъ ихъ къ небесамъ,
Какъ будто бы моляся,
Пошелъ, стучаться началъ въ храмъ....
Но дверь не отперлася.

Вздохнувъ, повлекся далѣ онъ,
И тихій подъ стопами
Былъ слышенъ шумъ, и долго, стонъ
Пуская межъ стѣнами,
Между обломками столбовъ,
Какъ блѣдный дымъ, мелькала
Бредуща тѣнь.... вдругъ межъ кустовъ
Вдали она пропала.
Тамъ, боромъ покровенъ, утесъ
Вздымался, крутъ и страшенъ,
И при лунѣ изъ-за древесъ
Являлись кровы башенъ.

Вадимъ туда: уединенъ
На грудѣ скалъ мохнатыхъ,
Надъ чернымъ боромъ, обнесенъ
Оградой стѣнъ зубчатыхъ,
Стоитъ тамъ за́мокъ, тихъ, какъ сна
Безмолвное жилище,
И вся окрестъ его страна
Угрюма, какъ кладбище;
И башни по угламъ стоятъ,
Какъ призраки, сѣдыя,
И сгромоздилися у вратъ
Скалы сторожевыя.

Душа Вадимова полна
Смятеннымъ ожиданьемъ,

И свѣтитъ сумрачнымъ луна
Сквозь облако сіяньемъ.
Но вдругъ.... слетѣлъ съ луны туманъ,
И боръ засеребрился,
И зàмокъ весь, какъ великанъ,
Надъ боромъ освѣтился;
И отъ востока вѣтерокъ
Подулъ передразсвѣтный,
И чу!.... изъ-за стѣны звонокъ
Послышался привѣтный.

И что жъ онъ видитъ?.... По стѣнѣ,
Какъ тѣнь уединенна,
Съ восточной къ западной странѣ,
Туманнымъ облеченна
Покровомъ, дѣвица идетъ;
На встрѣчу къ ней другая;
И та, приблизясь, подаетъ
Ей руку, и вздыхая,
Путь одинокій вдоль стѣны
На западъ продолжаетъ;
Другая жъ, къ зàмку съ вышины
Спустившись, изчезаетъ.

И за идущею во слѣдъ
Вадимъ летитъ очами;
Ужъ ясенъ молодой разсвѣтъ
Встаетъ межъ облаками;
Ужъ загорается востокъ....
Она все далѣ, далѣ;
И тихо ранній вѣтерокъ
Играетъ въ покрывалѣ;
Идетъ — глаза опущены,
Глава на грудь склонилась;

Пришла на поворотъ стѣны,
Поворотила, скрылась.

Стоитъ, какъ вкопанный, Вадимъ;
Душа въ немъ замираетъ:
Какъ будто ликъ свой передъ нимъ
Судьба разоблачаетъ.
Блѣднѣе тусклая луна,
Свѣтлѣй востокъ багровый;
И озаряется стѣна,
И ярко блещутъ кровы;
Къ восточной обратясь странѣ,
Ждетъ витязь.... вдругъ вспылала
Въ немъ кровь.... глядитъ.... тамъ на стѣнѣ
Идущая предстала.

Идетъ; на темный смотритъ боръ;
Какъ будто ждетъ въ волненьи;
Какъ бы чего-то ищетъ взоръ
Въ пустынномъ отдаленьи....
Вдругъ солнце въ пламени лучей
На краѣ неба стало....
И витязь въ блескѣ передъ ней!
Какъ облакъ покрывало
Слетѣло съ юнаго чела,
Ихъ встрѣтилися взоры,
И пала отъ воротъ скала,
И раздались ихъ створы.

Стремится на ограду онъ;
Идетъ она съ ограды;
Сошлись.... о вѣщій, вѣрный сонъ!
О часъ святой награды!
Свершилось! все—и раннихъ лѣтъ
Прекрасныя желанья,

И озаряющія свѣтъ
Младой души мечтанья,
И все, чего мы здѣсь не зримъ,
Что вѣрѣ лишь открыто,
Все вдругъ явилось передъ нимъ,
Въ единый образъ слито!

Глядятъ на небо, слезы льютъ,
Восторгомъ словъ лишенны....
И вдругъ изъ терема идутъ
Къ нимъ дѣвы пробужденны:
Какъ звѣзды блещутъ очеса,
На ясныхъ лицахъ радость,
И искупленія краса,
И новой жизни младость.
О сладкій воскресенья часъ!
Имъ мнилось, міръ рождался!
Вдругъ.... звучно благовѣста гласъ
Въ тиши небесъ раздался.

И что жъ? Храмъ Божій отворенъ,
Тамъ слышится моленье.
Они туда, храмъ освѣщенъ,
Въ кадильницахъ куренье,
Передъ угодникомъ горитъ,
Какъ въ древни дни, лампада,
И благодатное бѣжитъ
Сіяніе отъ взгляда,
И нѣкто, свѣтелъ, въ алтарѣ
Простертъ передъ потиромъ,
И возглашается горѣ
Хвала незримымъ клиромъ.

Молясь, съ подругой сталъ Вадимъ
Предъ царскими дверями,

И вдругъ.... святой налой предъ нимъ,
Главы ихъ подъ вѣнцами,
Въ рукахъ ихъ свѣчи зажжены,
И кольца обручальны
На персты ихъ возложены,
И слышенъ гимнъ вѣнчальный....
И вдругъ.... все тихо! гимнъ молчитъ,
Безмолвны своды храма,
Одинъ лишь, таинственъ, блеститъ
Алтарь средь ѳиміама.

И въ семъ молчаньи кто-то къ нимъ
Привѣтный подлетаетъ,
Ихъ кличетъ именемъ роднымъ,
Ихъ нѣжно отзываетъ....
Куда же?.... О священный видъ!
Могила передъ ними,
И въ ней спокойно, дернъ покрытъ
Цвѣтами молодыми,
И дышетъ вѣтерокъ окрестъ,
Какъ духъ безплотный вѣя,
И обвиваетъ свѣтлый крестъ
Прекрасная лилея.

Они упали ницъ въ слезахъ,
Ихъ сердце вѣсти ждало,
И трепетомъ священный прахъ
Могилы вопрошало....
И было все для нихъ отвѣтъ:
И холмъ помолодѣлый,
И луга обновленный цвѣтъ,
И бѣгъ рѣки веселый,
И воскрешенны древеса
Съ вершинами живыми,

И какъ безсмертье, небеса
Спокойныя надъ ними....

Промчались вѣки вслѣдъ вѣкамъ....
Гдѣ зàмокъ? Гдѣ обитель?
Гдѣ чудомъ освященный храмъ?....
Все скрылось.... лишь хранитель
Давно-минувшаго, живетъ
На прахѣ ихъ преданье.
Есть мѣсто.... тамъ игривыхъ водъ
Плѣнительно сверканье,
Тамъ вѣчно зеленъ пышный лѣсъ,
Тамъ сладокъ вѣтра шопотъ,
И съ тихимъ говоромъ древесъ
Волны сліянный ропотъ.

На мѣстѣономъ, такъ гласитъ
Правдивое преданье,
Былъ пепелъ инокинь сокрытъ:
Въ постѣ и покаяньѣ
При гробѣ грѣшника-отца
Онѣ кончины ждали,
И примиреннаго Творца
Въ молитвахъ прославляли....
И улетѣла къ небесамъ
Съ земли ихъ жизнь святая,
Какъ улетаетъ ѳиміамъ
Съ кадилъ, благоухая.

На мѣстѣ ономъ, въ свѣтлый часъ
Земли преображенья,
Когда, послышавъ утра гласъ,
Съ звѣздою пробужденья,
Востока ангелъ въ тишинѣ
На край небесъ взлетаетъ,

И по туманной вышинѣ
Зарю распростираетъ,
Когда и холмъ и лугъ и лѣсъ,
Все оживленнымъ зрится,
И предъ святилищемъ небесъ,
Какъ жертва, все дымится,

Бываютъ тайны чудеса,
Невиданныя взоромъ;
Отшельницъ слышны голоса,
Горѣ хвалебнымъ хоромъ
Поютъ, сквозь занавѣсъ зари
Блистаетъ крестъ, сліянны
Изъ свѣта зрятся алтари,
И яркими вѣнчанны
Звѣздами, дѣвы предстоятъ
Съ молитвой ихъ святынѣ,
И серафимовъ тьмы кипятъ
Въ пылающей пучинѣ.

ЦВѢТОКЪ.

[РОМАНСЪ, СЪ ФРАНЦУЗСКАГО].

Минутная краса полей,
Цвѣтокъ увядшій, одинокой,
Лишенъ ты прелести своей
Рукою осени жестокой.

Увы! намъ тотъ же данъ удѣлъ,
И тотъ же рокъ насъ угнетаетъ:
Съ тебя листочикъ облетѣлъ —
Отъ насъ веселье отлетаетъ.

Отъемлетъ каждый день у насъ
Или мечту, иль наслажденье,
И каждый разрушаетъ часъ
Драгое сердцу заблужденье.

Смотри.... очарованья нѣтъ;
Звѣзда надежды угасаетъ....
Увы! кто скажетъ, жизнь иль цвѣтъ
Быстрѣе въ мірѣ изчезаетъ?

ЖАЛОБА.

[РОМАНСЪ, ИЗЪ ШИЛЛЕРА].

Надъ прозрачными водами
Сидя, рвалъ Усладъ вѣнокъ,
И шумящими волнами
Уносилъ цвѣты потокъ.
«Такъ бѣгутъ лѣта младыя
Невозвратною струей;
Такъ всѣ радости земныя—
Цвѣтъ увядшій полевой.

«Ахъ! безвременной тоскою
Умерщвленъ мой милый цвѣтъ.
Все воскреснуло съ весною,
Обновился Божій свѣтъ,
Я смотрю — и холмъ веселой
И поля омрачены;
Для души осиротѣлой
Нѣтъ цвѣтущія весны.

«Что въ природѣ, озаренной
Красотою майскихъ дней?

Есть одна во всей вселенной—
Къ ней душа, и мысль объ ней;
Къ ней стремлю, забывшись, руки;
Милый призракъ прочь летитъ.
Кто жъ мои услышитъ муки,
Жажду сердца утолитъ?»

ЖЕЛАНІЕ.

[РОМАНСЪ, ИЗЪ ШИЛЛЕРА].

Озарися, долъ туманный;
Разступися, innerHTML мракъ густой;
Гдѣ найду исходъ желанный?
Гдѣ воскресну я душой?
Испещренные цвѣтами,
Красны холмы вижу тамъ....
Ахъ! зачѣмъ я не съ крылами?
Полетѣлъ бы я къ холмамъ.

Тамъ поютъ согласны лиры,
Тамъ обитель тишины,
Мчатъ ко мнѣ оттоль зефиры
Благовонія весны,
Тамъ блестятъ плоды златые
На сѣнистыхъ деревахъ,
Тамъ не слышны вихри злые
На пригоркахъ, на лугахъ.

О предѣлъ очарованья!
Какъ прелестна тамъ весна,
Какъ отъ юныхъ розъ дыханья
Тамъ душа оживлена!

Полечу туда.... напрасно!
Нѣтъ путей къ симъ берегамъ:
Предо мной потокъ ужасной
Грозно мчится по скаламъ.

Лодку вижу.... гдѣ жъ вожатый?
Ѣдемъ!... будь, что суждено!...
Паруса ея крылаты
И весло оживлено.
Вѣрь тому, что сердце скажетъ;
Нѣтъ залоговъ отъ небесъ!
Намъ лишь чудо путь укажетъ
Въ сей волшебный край чудесъ.

ПѢВЕЦЪ.

Въ тѣни деревъ, надъ чистыми водами,
Дерновый холмъ вы видите ль, друзья?
Чуть слышно тамъ плескаетъ въ брегъ струя,
Чуть вѣтерокъ тамъ дышетъ межъ листами,
    На вѣткахъ лира и вѣнецъ....
    Увы, друзья! сей холмъ — могила,
    Здѣсь прахъ пѣвца земля сокрыла.
        Бѣдный пѣвецъ!

Онъ сердцемъ простъ, онъ нѣженъ былъ душою,
Но въ мірѣ онъ минутный странникъ былъ:
Едва разцвѣлъ — и жизнь ужъ разлюбилъ,
И ждалъ конца съ волненьемъ и тоскою;
    И рано встрѣтилъ онъ конецъ,
    Заснулъ желаннымъ сномъ могилы....
    Твой вѣкъ былъ мигъ, но мигъ унылый,
        Бѣдный пѣвецъ!

Онъ дружбу пѣлъ, давъ другу нѣжну руку,
Но вѣрный другъ во цвѣтѣ лѣтъ угасъ;
Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ;
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку;
Теперь всему, всему конецъ,
Твоя душа покой вкусила,
Ты спишь, тиха твоя могила,
Бѣдный пѣвецъ!

Здѣсь у ручья, вечернею порою,
Прощальну пѣснь онъ заунывно пѣлъ:
«О красный міръ, гдѣ я вотще разцвѣлъ,
Прости на вѣкъ! съ обманутой душою
Я счастья ждалъ — мечтамъ конецъ,
Погибло все, умолкни лира,
Скорѣй, скорѣй въ обитель мира,
Бѣдный пѣвецъ!

«Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья?
Блаженство знать, къ нему летѣть душой,
Но пропасть зрѣть межъ нимъ и межъ собой,
Желать всякъ часъ и трепетать желанья....
О пристань горестныхъ сердецъ,
Могила, вѣрный путь къ покою,
Когда же будетъ взятъ тобою
Бѣдный пѣвецъ?»

И нѣтъ пѣвца!... его не слышно лиры....
Его слѣды изчезли въ сихъ мѣстахъ,
И скорбно все въ долинѣ, на холмахъ,
И все молчитъ.... лишь тихіе зефиры,
Колебля вянущій вѣнецъ,
Порою вѣютъ надъ могилой,
И лира вторитъ имъ уныло:
Бѣдный пѣвецъ!

———

КЪ НЕЙ.

[МАРЬѢ АНДР. ПРОТАСОВОЙ].

Имя гдѣ для тебя?
Не сильно смертныхъ искусство
Выразить прелесть твою!

Лиры нѣтъ для тебя!
Что пѣсни? Отзывъ невѣрный
Поздней молвы объ тебѣ?

Если бъ сердце могло быть
Имъ слышно, каждое чувство
Было бы гимномъ тебѣ.

Прелесть жизни твоей,
Сей образъ чистый, священный,
Въ сердцѣ, какъ тайну ношу.

Я могу лишь любить,
Сказать же какъ ты любима,
Можетъ лишь вѣчность одна!

ЭПИМЕСИДЪ.

[ИЗЪ ПАРНИ].

«О жребій смертнаго унылый!
—Твой путь, Зевесъ ему сказалъ,
Отъ колыбели до могилы
Между пучинъ и грозныхъ скалъ! —
Его уноситъ быстро время,

Врага въ прошедшемъ видитъ онъ,
Влачить заботъ и скуки бремя
Онъ въ настоящемъ осужденъ;
А счастья будущаго сонъ
Все далѣ, далѣ улетаетъ,
И въ гробѣ съ жизнью изчезаетъ,
И пусть случайно оживитъ
Онъ сердце радостью мгновенной —
То въ безднѣ лучъ уединенной:
Онъ только бездну озаритъ.
О ты, который самовластно
Даришь насъ жизнію ужасной,
Зевесъ, къ тебѣ взываю я:
Пошли мнѣ даръ небытія!»

Въ странѣ, забвенной отъ природы,
Гдѣ мертвый разрушенья видъ,
Гдѣ съ ревомъ бьютъ въ утесы воды,
Такъ говорилъ Эпимесидъ.
Угрюмый, страшныхъ мыслей полный,
Онъ пробѣгалъ очами волны,
Онъ въ бездну броситься готовъ....
И грянулъ гласъ изъ облаковъ:
«Ты лжешь, хулитель провидѣнья,
Богамъ любезенъ человѣкъ,
И благъ источникъ наслажденья;
Отринь, слѣпецъ, что въ буйствѣ рекъ,
И не гнѣви творца роптаньемъ.»
Эпимесидъ простерся въ прахъ.
Покорный, съ тихимъ упованьемъ,
Съ благословеньемъ на устахъ,
Идетъ онъ съ берега крутова.
Два мѣсяца не протекли —
На берегъ онъ проходитъ снова.
«О небеса! вы отвели

Меня отъ страшной сей пучины;
Хвала вамъ! тайный перстъ судьбины
Уже мнѣ друга указалъ.
О, сколь безумно я роптал!
Не дремлютъ очи провидѣнья:
И часто посреди волненья
Оно являетъ пристань намъ;
Мы живы подъ его рукою,
И смертный не къ однѣмъ бѣдамъ
Приходитъ трудною стезею.»
Умолкъ — и видитъ: не вдали
Цвѣтетъ у брега миртъ зеленый,
На брата юнаго склоненный,
И бури вѣтви ихъ сплели.
Подъ тѣнью ихъ онъ воздвигаетъ
Ликъ дружбы, въ честь благихъ богамъ.

Проходитъ годъ — опять онъ тамъ;
Во взорахъ счастіе пылаетъ;
Гименовъ на челѣ вѣнокъ.
«И я винилъ въ безумствѣ рокъ!
И я терялъ къ безсмертнымъ вѣру!
Они послали мнѣ Гликеру;
Люблю, о сладкій жизни даръ!
О, какъ мнѣ весь передъ богами
Излить благодаренья жаръ?»
Онъ палъ на землю со слезами;
Потомъ подъ юными древами,
Гдѣ дружбы ликъ священный былъ,
Любви алтарь соорудилъ.

Свершился годъ — съ лучемъ Авроры
Опять пришелъ онъ на утесъ,
И свѣтлые сіяли взоры
Святымъ спокойствіемъ небесъ.

«Хвала вамъ, боги, вашей властью
Узналъ въ любви и въ дружбѣ я
Всѣ наслажденья бытія;
Но вы открыли путь ко счастью.
Проклятье дерзостнымъ хуламъ,
Произнесеннымъ въ изступленьѣ!
Нашъ въ мірѣ путь одно мгновенье,
Но можемъ быть равны богамъ.»
И онъ воздвигъ на брегѣ храмъ,
Гдѣ все плѣняло простотою:
Столбы, обитые корою,
Помостъ изъ дерна и цвѣтовъ,
И скромный изъ соломы кровъ,
Подъ той же дружественной сѣнью
Гдѣ былъ алтарь сооруженъ....
И на простомъ фронтонѣ онъ
Изобразилъ: благотворенью.

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ.

[БАЛЛАДА, ИЗЪ ШИЛЛЕРА].

На Посидоновъ пиръ весёлый, *
Куда стекались чада Гелы
Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
Шелъ Ивикъ, скромный другъ боговъ.
Ему съ крылатою мечтою
Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ:

* Подъ словомъ «Посидоновъ пиръ» разумѣются здѣсь «игры истмійскія», которыя отправляемы были на перешейкѣ (истмѣ) коринескомъ, въ честь Посидона (Нептуна). Побѣдители получали сосновые вѣнцы. Гела, Элла, Эллада — имена древней Греціи. В. Ж.

И съ лирой, съ легкою клюкою,
Шелъ, вдохновенный, къ Истму онъ.

Уже его открыли взоры
Вдали Акрокориноъ и горы,
Сліянны съ синевой небесъ.
Онъ входитъ въ Посидоновъ лѣсъ....
Все тихо: листъ не колыхнется,
Лишь журавлей по вышинѣ
Шумящая станица вьется
Въ страны полуденны къ веснѣ.

«О спутники, вашъ рой крылатый,
Досель мой вѣрный провожатый,
Будь добрымъ знаменіемъ мнѣ!
Сказавъ: прости! родной странѣ,
Чужаго брега посѣтитель,
Ищу пріюта, какъ и вы;
Да отвратитъ Зевесъ-хранитель
Бѣду отъ странничей главы.»

И съ твердой вѣрою въ Зевеса
Онъ въ глубину вступаетъ лѣса;
Идетъ заглохшею тропой....
И зритъ убійцъ передъ собой.
Готовъ сразиться онъ съ врагами;
Но часъ судьбы его приспѣлъ:
Знакомый съ лирными струнами,
Напрячь онъ лука не умѣлъ.

Къ богамъ и къ людямъ онъ взываетъ....
Лишь эхо стоны повторяетъ —
Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ.
«И такъ погибну въ цвѣтѣ лѣтъ,

Истлѣю здѣсь безъ погребенья
И не оплаканъ отъ друзей;
И симъ врагамъ не будетъ мщенья,
Ни отъ боговъ, ни отъ людей.»

И онъ боролся ужъ съ кончиной....
Вдругъ.... шумъ отъ стаи журавлиной....
Онъ слышитъ [взоръ уже угасъ]
Ихъ жалобно-стенящій гласъ.
«Вы, журавли подъ небесами,
Я васъ въ свидѣтели зову!
Да грянетъ, привлеченный вами,
Зевесовъ громъ на ихъ главу!»

И трупъ узрѣли обнаженный:
Рукой убійцы искаженны
Черты прекраснаго лица.
Коринѳскій другъ узналъ пѣвца.
«И ты ль недвижимъ предо мною?
И на главу твою, пѣвецъ,
Я мнилъ торжественной рукою
Сосновый положить вѣнецъ.»

И внемлютъ гости Посидона,
Что палъ наперсникъ Аполлона....
Вся Грецiя поражена!
Для всѣхъ сердецъ печаль одна,
И съ дикимъ ревомъ изступленья
Пританов окружилъ народъ,
И вопитъ: «старцы, мщенья, мщенья!
Злодѣямъ казнь, ихъ сгибни родъ!»

Но гдѣ ихъ слѣдъ? Кому примѣтно
Лицо врага въ толпѣ несмѣтной

Притекшихъ въ Посидоновъ храмъ?
Они ругаются богамъ;
И кто жъ — разбойникъ ли презрѣнный,
Иль тайный врагъ ударъ нанесъ?
Лишь Геліосъ то зрѣлъ священный, *
Все озаряющій съ небесъ.

Съ подъятой, можетъ быть, главою,
Между шумящею толпою,
Злодѣй сокрытъ въ сей самый часъ,
И хладно внемлетъ скорби гласъ;
Иль въ капищѣ, склонивъ колѣни,
Жжетъ ладанъ гнусною рукой;
Или тѣснится на ступени
Амфитеатра за толпой,

Гдѣ, устремивъ на сцену взоры
[Чуть могутъ ихъ сдержать подпоры],
Пришедъ изъ ближнихъ, дальнихъ странъ,
Шумя, какъ смутный океанъ,
Надъ рядомъ рядъ, сидятъ народы,
И движутся, какъ въ бурю лѣсъ,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небесъ.

И кто сочтетъ разноплеменныхъ,
Симъ торжествомъ соединенныхъ?
Пришли отвсюду: отъ Аѳинъ,
Отъ древней Спарты, отъ Микинъ,
Съ предѣловъ Азіи далекой,
Съ Эгейскихъ водъ, съ Ѳракійскихъ горъ....

---

* Геліосъ имя солнца у грековъ. В. Ж.

И сѣли въ тишинѣ глубокой,
И тихо выступаетъ хоръ. *

По древнему обряду, важно,
Походкой мѣрной и протяжной,
Священнымъ страхомъ окруженъ,
Обходитъ вкругъ театра онъ.
Не шествуютъ такъ персти чада;
Не здѣсь ихъ колыбель была.
Ихъ стана дивная громада
Предѣлъ земнаго перешла.

Идутъ съ понившими главами,
И движутъ тощими руками
Свѣчи, отъ коихъ темный свѣтъ;
И въ ихъ ланитахъ крови нѣтъ,
Ихъ мертвы лица, очи впалы,
И свитыя межъ ихъ власовъ
Эхидны движатъ съ свистомъ жалы,
Являя страшный рядъ зубовъ.

И стали вкругъ, сверкая взоромъ,
И гимнъ запѣли дикимъ хоромъ,
Въ сердца вонзающій боязнь;
И въ немъ преступникъ слышитъ: казнь!
Гроза души, ума смутитель,
Эринній страшный хоръ гремитъ;
И, цѣпенѣя, внемлетъ зритель;
И лира, онѣмѣвъ, молчитъ:

«Блаженъ, кто незнакомъ съ виною,
Кто чистъ младенчески душою!

* Хоръ Эвменидъ (Эринній, Фурій). Сіи богини, дщери Нощи и Ахерона, открывали тайныя преступленія, преслѣдовали виновныхъ и мстили имъ на землѣ и въ адѣ. В. Ж.

Мы не дерзнемъ ему во слѣдъ;
Ему чужда дорога бѣдъ....
Но вамъ, убійцы, горе, горе!
Какъ тѣнь, за вами всюду мы,
Съ грозою мщенія во взорѣ,
Ужасныя созданья тьмы.

«Не мните скрыться — мы съ крылами;
Вы въ лѣсъ, вы въ бездну — мы за вами;
И спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ.
Вамъ покаянье не защита;
Вашъ стонъ, вашъ плачъ — веселье намъ;
Терзать васъ будемъ до Коцита,
Но не покинемъ васъ и тамъ.»

И пѣснь ужасныхъ замолчала,
И надъ внимавшими лежала,
Богинь присутствіемъ полна,
Какъ надъ могилой, тишина.
И тихой, мѣрною стопою
Онѣ обратно потекли,
Склонивъ главы, рука, съ рукою,
И скрылись медленно вдали.

И зритель, зыблемый сомнѣньемъ
Межъ истиной и заблужденьемъ,
Со страхомъ мнитъ о силѣ той,
Которая, во мглѣ густой
Скрываяся, неизбѣжима,
Вьетъ нити роковыхъ сѣтей,
Во глубинѣ лишь сердца зрима
Но скрыта отъ дневныхъ лучей.

И все, и все еще въ молчаньѣ....
Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:

«Парѳеній, слышишь?.... Крикъ вдали,
То Ивиковы журавли!....»
И небо вдругъ покрылось тьмою;
И воздухъ весь отъ крылъ шумитъ;
И видятъ.... черной полосою
Станица журавлей летитъ.

«Что? Ивикъ!....» Все поколебалось —
И имя Ивика помчалось
Изъ устъ въ уста.... шумитъ народъ,
Какъ бурная пучина водъ.
«Нашъ добрый Ивикъ! нашъ сраженный
Врагомъ незнаемымъ поэтъ!....
Что, что въ семъ словѣ сокровенно?
И что сихъ журавлей полетъ!»

И всѣмъ сердцамъ въ одно мгновенье,
Какъ будто свыше откровенье,
Блеснула мысль: «убійца тутъ;
То Эвменидъ ужасныхъ судъ;
Отмщенье за пѣвца готово;
Себѣ преступникъ измѣнилъ.
Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово,
И тотъ, кѣмъ онъ внимаемъ былъ!»

И блѣденъ, трепетенъ, смятенный,
Незапной рѣчью обличенный,
Исторгнутъ изъ толпы злодѣй:
Передъ сѣдалище судей
Онъ привлеченъ съ своимъ клевретомъ;
Смущенный видъ, склоненный взоръ,
И тщетный плачъ былъ ихъ отвѣтомъ;
И смерть была имъ приговоръ.

УЗНИКЪ КЪ МОТЫЛЬКУ,

ВЛЕТѢВШЕМУ ВЪ ЕГО ТЕМНИЦУ.

[ИЗЪ МЕСТРА].

Откуда ты, эѳира житель?
Скажи, нежданный гость небесъ,
Какой зефиръ тебя занёсъ
Въ мою печальную обитель?
Увы! денницы милый свѣтъ
До сводовъ сихъ не достигаетъ;
Въ сей безднѣ ужасъ обитаетъ;
Веселья здѣсь и слѣда нѣтъ.

Сколь сладостно твое явленье!
Знать, милый гость мой, съ высоты
Страдальца вздохъ услышалъ ты —
Тебя примчало сожалѣнье;
Увы! убитая тоской
Душа весь міръ въ тебѣ узрѣла,
Надежда ясная влетѣла
Въ темницу къ узнику съ тобой.

Скажи жъ, любимый другъ природы,
Все тѣ же ль неба красоты?
По прежнему ль въ лугахъ цвѣты?
Душисты ль рощи? Ясны ль воды?
По прежнему ль въ тиши ночной
Поетъ дубравная пѣвица?
Увы! скажи мнѣ, гдѣ денница?
Скажи, что сдѣлалось съ весной?

Дай вѣсть услышать о свободѣ;
Слыхалъ ли пѣснь ея въ горахъ?

Ее видалъ ли на лугахъ
Въ одушевленномъ хороводѣ?
Ахъ! зрѣлъ ли милую страну,
Гдѣ я былъ счастливъ въ прежни годы?
Все та же ль тамъ краса природы?
Все такъ ли тамъ, какъ встарину?

Весна сихъ сводовъ не видала:
Ты не найдешь на нихъ цвѣтка;
На нихъ затворниковъ рука
Страданій повѣсть начертала;
Не долетаетъ къ симъ стѣнамъ
Зефира легкое дыханье:
Ты внемлешь здѣсь одно стенанье;
Ты здѣсь порхаешь по цѣпямъ.

Лети жъ, лети къ свободѣ въ поле;
Оставь сей бездны глубину;
Спѣши прожить твою весну —
Другой весны не будетъ болѣ;
Спѣши, творенія краса!
Тебя зовутъ луга шелковы:
Тамъ прихоти — твои оковы;
Твоя темница — небеса.

Будь веселъ, гость мой легкокрылой,
Рѣзвяся въ полѣ по цвѣтамъ....
Быть можетъ, двухъ младенцевъ тамъ
Ты встрѣтишь съ матерью унылой.
Ахъ! если бъ могъ ты усладить
Ихъ муку радости словами;
Сказать: онъ живъ! онъ дышетъ вами!
Но.... ты не можешь говорить.

Увы! хоть крыльями златыми
Моихъ младенцевъ ты прельсти;

По травкѣ тихо полети.
Какъ бы хотѣлъ быть пойманъ ими;
Тебѣ помчатся вслѣдъ они,
Добычи милыя желая;
Ты ихъ, съ цвѣтка на цвѣтъ порхая,
Къ моей темницѣ примани.

Забавъ ихъ зритель равнодушной,
Пойдетъ за ними вслѣдъ ихъ мать —
Ты будешь путь ихъ услаждать
Своею рѣзвостью воздушной.
Любовь ихъ мой послѣдній щитъ:
Они страдальцу провидѣнье;
Сиротъ священное моленье
Тюремныхъ стражей побѣдитъ.

Падутъ желѣзные затворы —
Дѣтей, супругу, небеса,
Родимый край, холмы, лѣса
Опять мои увидятъ взоры....
Но что?.... Я цѣпью загремѣлъ;
Сокрылся призракъ-обольститель;
Вспорхнулъ эѳирный посѣтитель....
Постой!.... но онъ ужъ улетѣлъ.

МЕЧТЫ.

[ПѢСНЯ, ИЗЪ ШИЛЛЕРА].

Зачѣмъ такъ рано измѣнила?
Съ мечтами, радостью, тоской,
Куда полетъ свой устремила?
Неумолимая, постой!

О дней моихъ весна златая,
Постой.... тебѣ возврата нѣтъ....
Летитъ, молитвѣ не внимая;
И все за ней помчалось вслѣдъ.

О, гдѣ ты, лучъ, путеводитель
Веселыхъ юношескихъ дней?
Гдѣ ты, надежда, обольститель
Неопытной души моей?
Ужь нѣтъ ея, сей вѣры милой
Къ твореньямъ пламенной мечты....
Добыча истинѣ унылой—
Призраковъ прежнихъ красоты.

Какъ древле рукъ своихъ созданье
Боготворилъ Пигмаліонъ —
И мраморъ внялъ любви стенанье,
И мертвый былъ одушевленъ,
Такъ пламенно объята мною
Природа хладная была;
И полная моей душою,
Она подвиглась, ожила.

И юноши дѣля желанье,
Нѣмая обрѣла языкъ:
Мнѣ отвѣчала на лобзанье,
И сердца гласъ въ нее проникъ.
Тогда и древо жизнь пріяло,
И чувство ощутилъ ручей,
И мертвое отзывомъ стало.
Пылающей души моей.

И неестественнымъ стремленьемъ
Весь міръ въ мою тѣснился грудь;

Картиной, звукомъ, выраженьемъ,
Во все я жизнь хотѣлъ вдохнуть;
И въ нѣжномъ сѣмени сокрытый,
Сколь пышнымъ мнѣ казался свѣтъ....
Но, ахъ, сколь мало въ немъ развито!
И малое — сколь бѣдный цвѣтъ!

Какъ бодро, слѣдомъ за мечтою
Волшебнымъ очарованъ сномъ,
Заботъ не связанный уздою,
Я жизни полетѣлъ путемъ.
Желанье было — исполненье;
Успѣхъ отвагу пламенилъ:
Ни высота, ни отдаленье
Не ужасали смѣлыхъ крылъ.

И быстро жизни колесница
Стезею младости текла;
Ее воздушная станица
Веселыхъ призраковъ влекла;
Любовь съ прелестными дарами,
Съ алмазнымъ счастіе ключемъ,
И слава съ звѣздными вѣнцами,
И съ яркимъ истина лучемъ.

Но ахъ!... еще съ полудороги,
Наскучивъ рѣзвою игрой,
Вожди отстали быстроноги....
За роемъ вслѣдъ умчался рой.
Украдкой счастіе сокрылось;
Измѣной знаніе ушло;
Сомнѣнья тучей обложилось
Священной истины чело.

Я зрѣлъ, какъ дерзкою рукою
Презрѣнный славу похищалъ;

И быстро съ быстрою весною
Прелестный цвѣтъ любви увялъ.
И все пустынно, тихо стало
Окрестъ меня и предо мной!
Едва надежды лишь сіяло
Свѣтило надъ моей тропой.

Но кто жъ изъ сей толпы крылатой
Одинъ съ любовью мнѣ во слѣдъ,
Мой до могилы провожатой,
Участникъ радостей и бѣдъ?....
Ты, узъ житейскихъ облегчитель,
Въ душевномъ мракѣ милый свѣтъ,
Ты, дружба, сердца изцѣлитель,
Мой добрый геній съ юныхъ лѣтъ.

И ты, товарищъ мой любимый,
Души хранитель, какъ она,
Другъ вѣрный, трудъ неутомимый,
Кому святая власть дана:
Всегда творить, не разрушая,
Мирить печальнаго съ судьбой,
И силу въ сердцѣ водворяя,
Беречь въ немъ ясность и покой.

НАДПИСЬ КЪ СОЛНЕЧНЫМЪ ЧАСАМЪ

ВЪ САДУ И. И. ДМИТРІЕВА.

И часъ, и день, и жизнь мелькаютъ быстрой тѣнью!
Прошла моя весна, съ минутной красотой;
Прости любовь! конецъ мечтамъ и заблужденью!
Лишь дружба мирная съ улыбкой предо мной!...

1811

—

СВѢТЛАНА.

БАЛЛАДА.

А. А. ВОЕЙКОВОЙ.

Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой,
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана,
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
«Что, подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко,
Слушай пѣсни круговой,
Вынь себѣ колечко.
Пой, красавица:—кузнецъ,
Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
Скуй кольцо златое:
Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,

Обручаться тѣмъ кольцомъ
При святомъ налоѣ.»

— Какъ могу, подружки, пѣть?
Милый другъ далеко;
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой.
Годъ промчался — вѣсти нѣтъ,
Онъ ко мнѣ не пишетъ;
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,
Имъ лишь сердце дышетъ....
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангелъ-утѣшитель. —

Вотъ, въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою;
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою;
Два прибора на столѣ.
«Загадай, Свѣтлана:
Въ чистомъ зеркала стеклѣ
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой —
Стукнетъ въ двери милый твой
Легкою рукою,
Упадетъ съ дверей запоръ,
Сядетъ онъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою.»

Вотъ красавица одна,
Къ зеркалу садится,

Съ тайной робостью она
Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ, кругомъ
Мертвое молчанье,
Свѣчка трепетнымъ огнемъ
Чуть ліетъ сіянье....
Робость въ ней волнуетъ грудь,
Страшно ей назадъ взглянуть,
Страхъ туманитъ очи....
Съ трескомъ пыхнулъ огонекъ,
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстникъ полуночи.

Подпершися локоткомъ,
Чуть Свѣтлана дышетъ....
Вотъ.... легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами,
Кто-то, чудилось, блеститъ
Яркими глазами....
Занялся отъ страха духъ.....
Вдругъ въ ея влетаетъ слухъ
Тихій, легкій шопотъ:
«Я съ тобой моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышанъ ропотъ!»

Оглянулась.... милый къ ней
Простираетъ руки.
«Радость, свѣтъ моихъ очей,
Нѣтъ для насъ разлуки.
Ѣдемъ! попъ ужъ въ церкви ждетъ
Съ дьякономъ, дьячками,

Хоръ вѣнчальну пѣснь поетъ,
Храмъ блеститъ свѣчами.»
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкій дворъ,
Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
Повода шелковы.

Сѣли.... кони съ мѣста въ разъ,
Пышутъ дымъ ноздрями,
Отъ копытъ ихъ поднялась
Вьюга надъ санями.
Скачутъ.... пусто все вокругъ,
Степь въ очахъ Свѣтланы,
На лунѣ туманный кругъ,
Чуть блестятъ поляны;
Сердце вѣщее дрожитъ,
Робко дѣва говоритъ:
«Что ты смолкнулъ, милый?»
Ни полслова ей въ отвѣтъ,
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
Блѣденъ и унылый.

Кони мчатся по буграмъ,
Топчутъ снѣгъ глубокій....
Вотъ, въ сторонкѣ Божій храмъ
Видѣнъ одинокій;
Двери вихорь отворилъ,
Тьма людей во храмѣ,
Яркій свѣтъ паникадилъ
Тускнетъ въ ѳиміамѣ,
На срединѣ черный гробъ,
И гласитъ протяжно попъ:
«Буди взятъ могилой!»

Пуще дѣвица дрожитъ,
Кони мимо, другъ молчитъ
Блѣденъ и унылой.

Вдругъ метелица кругомъ,
Снѣгъ валитъ клоками,
Черный вранъ свистя крыломъ,
Вьется надъ санями;
Воронъ каркаетъ: печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
Подымая гривы;
Брезжетъ въ полѣ огонекъ,
Видѣнъ мирный уголокъ,
Хижинка подъ снѣгомъ.
Кони борзые быстрѣй;
Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчалися.... и вмигъ
Изъ очей пропали:
Кони, сани и женихъ
Будто не бывали.
Одинокая, въ потьмахъ,
Брошена отъ друга
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ,
Вкругъ метель и вьюга.
Возвратиться — слѣду нѣтъ....
Видѣнъ ей въ избушкѣ свѣтъ:
Вотъ перекрестилась,
Въ дверь съ молитвою стучитъ....
Дверь шатнулася.... скрипитъ....
Тихо растворилась.

Что жъ?.... въ избушкѣ гробъ, накрытъ
Бѣлою запоной,

Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ,
Свѣчка предъ иконой....
Ахъ! Свѣтлана, что съ тобой?
Въ чью зашла обитель?
Страшенъ хижины пустой
Безотвѣтный житель.
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ,
Предъ иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилась,
И съ крестомъ своимъ въ рукѣ,
Подъ святыми въ уголкѣ
Робко притаилась.

Все утихло.... вьюги нѣтъ....
Слабо свѣчка тлится,
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
То опять затмится....
Все въ глубокомъ мертвомъ снѣ,
Страшное молчанье....
Чу, Свѣтлана!... въ тишинѣ
Легкое журчанье....
Вотъ, глядитъ: къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ,
Обнялъ ихъ крылами.

Смолкло все опять кругомъ.....
Вотъ, Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелится....
Сорвался покровъ, мертвецъ
[Ликъ мрачнѣе ночи]

Видѣнъ весь — на лбу вѣнецъ,
Затворенны очи.
Вдругъ... въ устахъ сомкнутыхъ стонъ...
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣлы....
Что же дѣвица?.... Дрожитъ....
Гибель близко.... но не спитъ
Голубочекъ бѣлый.

Встрепенулся, развернулъ
Легкія онъ крылы,
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ....
Всей лишенный силы,
Простонавъ, заскрежеталъ
Страшно онъ зубами,
И на дѣву засверкалъ
Грозными очами....
Снова блѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ
Смерть изобразилась....
Глядь, Свѣтлана.... о Творецъ!
Милый другъ ея — мертвецъ,
Ахъ!.... и пробудилась.

Гдѣ жъ?.... У зеркала, одна
Посреди свѣтлицы;
Въ тонкій занавѣсъ окна
Свѣтитъ лучъ денницы;
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ.... Свѣтланинъ духъ
Смутенъ сновидѣньемъ.
«Ахъ! ужасный, грозный сонъ;
Не добро вѣщаетъ онъ —
Горькую судьбину;

Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что сулишь душѣ моей,
Радость иль кручину?»

Сѣла [тяжко ноетъ грудь]
Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
Видѣнъ сквозь тумана:
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
Паръ алѣетъ тонкій....
Чу!.... вдали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкій;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ какъ будто на крылахъ,
Санки кони рьяны;
Ближе, вотъ ужъ у воротъ;
Статный гость къ крыльцу идетъ....
Кто?.... Женихъ Свѣтланы.

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
Прорицатель муки?
Другъ съ тобой; все тотъ же онъ
Въ опытѣ разлуки;
Та жъ любовь въ его очахъ,
Тѣ жъ пріятны взоры;
Тѣ жъ на сладостныхъ устахъ
Милы разговоры.
Отворяйся жъ, Божій храмъ;
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрные обѣты;
Соберитесь, старъ и младъ,
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ
Пойте: многи — лѣты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу,

Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу.
Взоромъ счастливый твоимъ,
Не хочу и славы;
Слава—насъ учили—дымъ,
Свѣтъ—судья лукавый.
Вотъ баллады толкъ моей:
«Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ провидѣнье,
Благъ зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ;
Счастье—пробужденье.»

О! не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана....
Будь, Создатель, ей покровъ!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь
Къ ней да не коснется;
Въ ней душа какъ ясный день;
Ахъ! да пронесется
Мимо—бѣдствія рука;
Какъ пріятный ручейка
Блескъ на лонѣ луга,
Будь вся жизнь ея свѣтла,
Будь веселость, какъ была,
Дней ея подруга.

ДОБРАЯ МАТЬ.

Богъ въ міръ ее послалъ,
Себѣ на прославленье.
«Будь скорбнымъ провидѣнье!»
Создавъ ее, сказалъ:

«Кто, счастія лишенъ,
Назвалъ его мечтою,
Да будетъ здѣсь тобою
Съ надеждой примиренъ.»

Угрюмый нелюдимъ,
Людей возненавидя,
И міръ подвластный видя
Порокамъ лишь однимъ,
Узнавъ ее, людей
Въ жару души прощаетъ,
И снова обрѣтаетъ
Онъ добродѣтель въ ней.

Что жъ Богъ въ награду далъ
Сихъ доблестей чудесныхъ?
Двухъ ангеловъ прелестныхъ
Онъ съ неба къ ней послалъ,
Чтобъ въ сей юдоли слезъ
Ее не покидали,
И на землѣ являли
Ей радости небесъ.

ПЛОВЕЦЪ.

Вихремъ бѣдствія гонимый,
Безъ кормила и весла,
Въ океанъ неисходимый
Буря челнъ мой занесла.
Въ тучахъ звѣздочка свѣтилась,
Не скрывайся! я взывалъ,
Непреклонная сокрылась,
Якорь былъ — и тотъ пропалъ.

Все одѣлось черной мглою,
Всколыхалися валы,
Бездны въ мракѣ предо мною,
Вкругъ ужасныя скалы.
«Нѣтъ надежды на спасенье!»
Я роптал, унывъ душой....
О безумецъ! провидѣнье
Было тайный кормщикъ твой.

Невидимою рукою,
Сквозь ревущіе валы,
Сквозь одѣты бездны мглою
И грозящія скалы,
Мощный велъ меня хранитель.
Вдругъ — все тихо! мракъ изчезъ,
Вижу райскую обитель....
Въ ней трехъ ангеловъ небесъ.

О спаситель-провидѣнье!
Скорбный ропотъ мой утихъ,
На колѣнахъ, въ восхищеньѣ,
Я смотрю на образъ ихъ.
О! кто прелесть ихъ опишетъ?
Кто ихъ силу надъ душой?
Все окрестъ ихъ небомъ дышетъ
И невинностью святой.

Неиспытанная радость,
Ими жить, для нихъ дышать;
Ихъ рѣчей, ихъ взоровъ сладость
Въ душу, въ сердце принимать.
О судьба! одно желанье:
Дай всѣ блага имъ вкусить;
Пусть имъ радость — мнѣ страданье;
Но.... не дай ихъ пережить.

ПРОСТИ.

Друзья! прости — словцо святое!
Оно не значитъ розно жить;
Напротивъ — неразлучнѣй быть
Воспоминаніемъ и старой дружбой вдвое!

Сказавъ «прости» моимъ друзьямъ,
Себя отъ нихъ не отдѣляю,
Въ одномъ лишь словѣ заключаю
И благодарность къ нимъ, и вѣру къ ихъ сердцамъ!

Прости — надежды милый гласъ,
Предвозвѣщающій свиданье!
Въ минуту скорби — упованье
На восхитительный вознагражденья часъ!

Того ужаснаго прости,
Которое жестокой силой
Творитъ чужимъ, что было мило,
Не дай намъ никогда, Творецъ, произнести!

Прости — святое завѣщанье
Быть вмѣстѣ даже и въ дали,
Залогъ бродящихъ на земли
Путями разными — на вѣрное свиданье.

Никто: «прости и жизнь и свѣтъ!»
Сказать не можетъ безъ волненья,
Но то лишь знакъ переселенья
Въ тотъ край, гдѣ о прости ужъ и помина нѣтъ.

1812

—

ПИРШЕСТВО АЛЕКСАНДРА,

ИЛИ СИЛА ГАРМОНІИ.

[ИЗЪ ДРАЙДЕНА].

По страшной битвѣ той, гдѣ царь Персиды палъ,
Оставя рать, вѣнецъ и жизнь въ кровавомъ полѣ,
Возвышенъ возсѣдалъ,
Въ сіяньи не престолѣ,
Красою богъ, Филипповъ сынъ.
Кругомъ вождей и ратныхъ чинъ;
Вѣнцами розъ главы увиты:
Вѣнецъ есть даръ тебѣ, сынъ брани знаменитый!
Таиса близъ царя сидитъ,
Любовь очей, востока диво;
Какъ роза юный цвѣтъ ланитъ,
И полонъ страсти взоръ стыдливой.
Блаженная чета!
Величіе съ красою!
Лишь бранному герою,
Лишь смѣлому въ бояхъ наградой красота!

И зрѣлся Тимотей среди поющихъ клира;
Летали персты по струнамъ,
Какъ вихорь, мощный звонъ стремился къ небесамъ,
Звучала радостію лира.

Отъ Зевса пѣснь ведетъ пѣвецъ:
О власть любви! Боговъ отецъ,
Свои покинувъ громы, съ трона,
Подъ дивнымъ образомъ дракона,
Нисходитъ въ миръ, дугами вьетъ

Огнечешуйчатый хребетъ,
Въ немъ страсти пышетъ вожделѣнье;
Къ Олимпіи летитъ, къ грудямъ ея приникъ,
Обвилъ трикраты станъ — и вотъ Зевесовъ ликъ!
Вотъ новый царь землѣ! Зевесово рожденье!

И строй внимающихъ восторгомъ распаленъ;
Кличъ шумный: царь нашъ богъ! И старъ и младъ воспрянулъ.
И звучно: царь нашъ богъ! по сводамъ отзывъ грянулъ.
Царь славой упоенъ;
Зритъ звѣзды подъ стопою;
И мыслитъ — онъ Зевесъ;
И движетъ онъ главою,
И мнитъ — подвигнулъ сводъ небесъ.

Хвалою Бахуса воспламенились струны:
Грядетъ, грядетъ веселый богъ,
Всегда прекрасный, вѣчно-юный;
Звучи, кимвалъ; раздайся, рогъ;
Нашъ Бахусъ свѣтлый, сановитый;
Какъ пурпуръ, пламенны ланиты;
Звучи, труба! грядетъ, грядетъ!
Изъ кубковъ пѣна съ шумомъ бьетъ;
Кипитъ въ ней пламень сладострастный.
Пей, воинъ! даръ тебѣ сосудъ.
О Вакха даръ безцѣнный!
Виномъ воспламененный,
Забудь, сынъ брани, бранный трудъ.

И царь, волнуемъ струнъ игрою,
Въ мечтахъ сзываетъ рати къ бою;
Трикраты врагъ сраженный имъ сраженъ;
Трикраты плѣнный брошенъ въ плѣнъ.

Пѣвецъ зритъ гнѣва пробужденье
Въ сверканіи очей, во пламени ланитъ,
И небу и землѣ грозящу ярость зритъ....
Онъ струны укротилъ; ихъ заунывно пѣнье;
Едва ласкаетъ слухъ задумчивый ихъ гласъ,
И жалость на струнахъ смиренныхъ родилась.
Онъ Дарія поетъ: царь добрый! царь великій!
Кто равенъ съ нимъ?.... Но рокъ свой грозный судъ послалъ;
Онъ палъ, онъ страшно палъ;
Нѣтъ Дарія-владыки.
Въ кипящей зыблется крови,
Отъ всѣхъ забытъ въ ужасной долѣ,
Нѣтъ въ мирѣ для него любви,
Хладѣетъ на песчаномъ полѣ;
Гдѣ другъ — глаза ему смежить
И прахомъ сирую главу его покрыть?

Сидѣлъ герой съ поникшими очами;
Онъ мыслію прискорбной пробѣгалъ
Стези судьбы, играющей царями;
За вздохомъ вздохъ изъ груди вылеталъ,
И пролилась печаль его слезами.

И дивный пѣснопѣвецъ зритъ,
Что жаръ любви уже горитъ
Въ душѣ, вкусившей сожалѣнья,
И пѣснь взыгралъ онъ наслажденья:
Проснись, лидійскій брачный гласъ;
Проникни душу, пламень сладкой;
О витязь! жизнь крылатый часъ;
Мы радость ловимъ здѣсь украдкой;
Летучей пѣны клубъ златой,
Надутый пышно и пустой —
Вотъ честь, надменныхъ душъ забава;
Народамъ казнь — героямъ слава.

Спѣши быть счастливъ, богъ земной;
Таиса, цвѣтъ любви, съ тобой;
Къ тебѣ ласкается очами;
Въ груди желанья тайный жаръ;
И дышетъ страсть ея устами.
Вкуси любовь — безсмертныхъ даръ!

Возсталъ отъ сонма кличъ и своды возстенали:
«Хвала и честь любви! пѣвцу хвала и честь!»
И полонъ сладостной печали,
Очей не можетъ царь задумчивыхъ отвесть
Отъ дѣвы, страстью распаленной;
Блаженъ своей тоской; что взглядъ, то нѣжный вздохъ;
Горитъ и гаснетъ взоръ, желаньемъ напоенный,
И, томный, палъ на грудь Таисы полубогъ.

Но струны грянули подъ сильными перстами;
Ихъ страшный звонъ, какъ съ трескомъ падшій громъ;
Звучнѣй, звучнѣй; поднялся царь; кругомъ
Онъ бродитъ смутными очами;
Разрушенъ нѣги сладкій сонъ;
Изчезла прелесть вожделѣнья,
И слухъ его разитъ тяжелый, дикій стонъ:
Сынъ брани, мщенья! мщенья!
Покорствуй гнѣву Эвменидъ;
Се дѣвы казни! страшный видъ!
Смотри! смотри! межъ волосами
Ихъ змѣи страшныя шипятъ,
Сверкаютъ грозными очами,
Зіяютъ, жалами блестятъ....
Но что? Тамъ блѣдныхъ тѣней лики;
Воздушный полкъ на облакахъ;
Несутся; свѣточи въ рукахъ;
Ихъ грозенъ видъ; ихъ взоры дики;
То воины твои.... сраженнымъ въ битвѣ нѣтъ

Послѣдней дани погребенья;
Пустынный вранъ ихъ трупы рветъ,
И воютъ: мщенья! мщенья!
Бѣжитъ отъ ихъ огней пожаръ по небесамъ;
Бѣдой на Персеполь ихъ гнѣвны очи блещутъ;
Туда погибель мещутъ;
Къ мечамъ! бойницы въ прахъ! огню и домъ и храмъ!....

И сонмы всколебались къ брани;
На щитъ и мечъ упали длани;
И царь — погибельный свѣтильникъ воспалилъ.
О горе, Персеполь! грядетъ владыка силъ;
Таиса, вождь герою,
Елена новая, зажжетъ другую Трою.

Такъ древней лиры гласъ — когда еще молчалъ
Органа мѣхъ чудесный —
Перстамъ послушный, оживлялъ
Въ душѣ восторгъ, и гнѣвъ, и чувства жаръ прелестный.
Но днесь другую жизнь гармоніи дала
Сесилія, творецъ органа.
Безсмертнымъ вымысломъ художница слила
Протяжность съ быстротой, звонъ лиры, громъ тимпана
И пѣнье нѣжныхъ флейтъ. О древнихъ лѣтъ пѣвецъ,
Клади къ ея стопамъ заслугъ твоихъ вѣнецъ....
Но нѣтъ! вы равны вдохновеньемъ!
Имъ смертный къ небу вознесенъ;
На землю ангелъ низведенъ
Ея чудеснымъ сладкопѣньемъ.

КЪ БАТЮШКОВУ.

[въ маѣ 1812].

Сынъ нѣги и веселья,
По музѣ мнѣ родной,
Пріятность новоселья
Лечу вкусить съ тобой;
Отдамъ поклонъ пенату,
А милому собрату
Въ подарокъ пукъ стиховъ.
Увей же скромну хату
Вѣнками изъ цвѣтовъ,
Узорнымъ покрываломъ
Свой шаткій столъ одѣнь,
Вооружись фіаломъ,
Шампанскаго напѣнь,
И стукнемъ въ чашу чашей,
И выпьемъ все до дна:
Будь вѣрной музѣ нашей
Дань перваго вина.

Вхожу въ твою обитель:
Здѣсь веселъ ты съ собой,
И лѣни другъ покой
Дверей твоихъ хранитель.
Все ясно вкругъ меня;
Закатъ румяный дня
Живѣе здѣсь играетъ
На зелени луговъ,
И чище отражаетъ
Здѣсь виды береговъ
Источникъ тихоструйный;
Здѣсь кротокъ вихорь буйный;
Пріятнѣй сѣнь листовъ

Зефиры здѣсь колышутъ,
И слаще нѣгой дышутъ;
Укромный домикъ твой *
Не златомъ—чистотой
И свѣтлостью плѣняетъ;
Въ окно твое влетаетъ
Цвѣтовъ пріятный духъ;
Террасъ предъ нимъ дерновый
Узорный полукругъ;
Тамъ ландыши перловы,
Тамъ розовы кусты,
Тюльпанъ, нарцисъ душистой,
И тубероза — чистой
Эмблема красоты,
Съ роскошнымъ анемономъ.
Едва примѣтнымъ склономъ
Твой сходитъ садъ къ рѣкѣ;
Шумитъ не вдалекѣ
Тамъ мельница смиренна:
Съ колесъ жемчужна пѣна
И брызговъ дымъ сѣдой;
Мелькаетъ надъ рѣкой
Веселая купальня,
И гость изъ края дальня
Уютный домикъ свой
Тамъ швабскій гусь спесивой
На островѣ подъ ивой,
Межъ дикою крапивой
Безпечно заложилъ.

Такъ! здѣсь пріютъ поэта:
Душа моя согрѣта

---

* Не видавши твоего дома, я описалъ свой. В. Ж.

Вліяньемъ горнихъ силъ,
И вся ничтожность свѣта
Въ глазахъ моихъ, какъ сонъ....
Незримый Аполлонъ
Промчался надо мною;
Ликуй, мой другъ-поэтъ!
Довольнѣе судьбою
Поэтовъ подъ луною
И не было и нѣтъ.
Ихъ жизнь очарованье!
Ты помнишь ли преданье?
Разбить въ удѣлы свѣтъ
Преемникъ древній Крона
Задумалъ искони.
«Дѣлитесь!» съ горня трона
Богъ людямъ рекъ. Они
Взроилися, какъ пчелы,
Шумящи по лугамъ—
И всѣ уже удѣлы
Земные по рукамъ.
Смиренный земледѣлецъ
Взялъ трудъ и сельный плодъ,
Могущество—владѣлецъ;
Купецъ равнину водъ
Наморщилъ подъ рулями;
Взялъ откупъ арендарь,
А пастырь—душъ алтарь
И силу надъ умами.
«Будь каждый при своемъ
[Рекъ царь земли и ада];
Вы сѣйте, добры чада;
Мнѣ жертвуйте плодомъ.»
Но вотъ... съ земли предѣла
Приходитъ и поэтъ;
Увы! ему удѣла

Нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ;
Къ Зевесу онъ съ мольбою:
Отецъ и властелинъ,
За что забытъ тобою
Любимѣйшій твой сынъ?
«Не я виной забвенья.
Когда я міръ дѣлилъ,
Въ страну воображенья
Зачѣмъ ты уходилъ?»
Увы! я былъ съ тобою
[Въ слезахъ сказалъ пѣвецъ];
Величествомъ, красою
Небесъ твоихъ, отецъ,
Мои питались взоры;
Тамъ пѣли дивны хоры;
Я сердце возносилъ
Къ дѣламъ твоимъ чудеснымъ.....
Но, ахъ, плѣненъ небеснымъ,
Земное позабылъ.
«Мой сынъ, удѣлы взяты;
Мнѣ жаль твоей утраты,
Но рай передъ тобой;
Согласенъ ли со мной
Дѣлиться небесами?
Блаженствуя съ богами,
Ты презришь міръ земной.»
Съ тѣхъ поръ необожатель
Подсолнечныхъ суетъ
Сталъ вѣрный обитатель
Страны духовъ поэтъ,
Страны неоткровенной:
Туда непосвященной
Толпѣ дороги нѣтъ;
Тамъ чудотворны боги
Веселые чертоги

Сліяли изъ лучей,
Въ мерцающей долинѣ,
Любимицѣ своей
Фантазіи-богинѣ;
Ея — природа мать;
Безпечно ей играть
Даетъ она собою;
Но, радуясь игрою,
Велитъ ее хранить
Тремъ чадамъ первороднымъ,
Чтобъ прихотямъ свободнымъ
Ее не заманить
Въ туманы заблужденій:
То съ пламенникомъ геній,
Наука съ свиткомъ музъ,
И съ легкою уздою
Очами зоркій вкусъ,
Съ веселою сестрою
Согласные, они
Тамъ нѣжными перстами
Віютъ златые дни,
Все ихъ горитъ лучами,
Во все духъ жизни влитъ:
Въ потокѣ тамъ журчитъ
Гармонія Наяды;
Хранимъ Сильваномъ лѣсъ;
Грудь юныя Дріады
Подъ коркою древесъ
Незримая пылаетъ;
Зефиръ струи ласкаетъ
И вьется вкругъ лилей;
Нарцисъ глядитъ въ ручей;
Среди прозрачной пѣны
Летучихъ облаковъ
Мелькаетъ рогъ Селены,

И въ сумракѣ лѣсовъ
Тоскуетъ Филомела.
Хранятъ сего удѣла
Магическій покой
Невинность—геній милой
Съ безпечностью—сестрой,
И ихъ улыбки силой
Ни скукою унылой,
Ни мрачной суетой,
Ни алчностью угрюмой,
Ни мести грозной думой,
Ни зависти тоской
Тамъ свѣтлость не мрачится;
Тамъ ясная таится,
Веселью вѣрный другъ,
Гордынею забыта,
Посредственность-Харита,
И ихъ согласный кругъ
Одушевляемъ славой—
Не той богиней бѣдъ,
Которая кровавой
Кладетъ вѣнецъ побѣдъ
Въ дымящіяся длани
Свирѣпостію брани,
Но милою, живой,
Небесною сестрой
Небесныя надежды;
Чужда порока, врагъ
Безумца и невѣжды,
Ея жилища прагъ
Ужасенъ недостойнымъ;
Но тѣмъ душамъ спокойнымъ,
Гдѣ чувство въ простотѣ
Какъ тихій день сіяетъ,
Въ могущей красотѣ

Она себя являетъ,
И, въ нихъ воспламенивъ
Къ великому порывъ,
Къ прекрасному стремленье,
Ко благу страстный жаръ,
Имъ оставляетъ въ даръ:
Собою наслажденье.

Мой другъ! и ты пѣвецъ,
И твой участокъ лира,
И ты въ мечтахъ жилецъ
Незнаемаго міра....
Въ мечтахъ? Почто жъ въ мечтахъ?
Почто мы не съ крылами,
И вольны лишь мечтами,
А наяву въ цѣпяхъ?
Почто сей тяжкій прахъ
Съ себя не можемъ сринуть,
И міръ совсѣмъ покинуть,
И намъ дороги нѣтъ
Изъ мрачнаго изгнанья
Въ страну очарованья?
Увы, мой другъ!... Поэтъ,
Призраками богатый,
Безпечностью дитя,
Онъ могъ бы жить, шутя;
Но горькія утраты
Живутъ и для него.
Хотя передъ слѣпою
Богинею покою
Не тратитъ своего;
Хотя одной молвою,
Смотря на свѣтъ тайкомъ,
Въ своемъ углу знакомъ
Съ безславіемъ тщеславныхъ,

Съ печалями забавныхъ
Фигляровъ-остряковъ.
И съ мукою льстецовъ,
Предъ тронами ползущихъ
И съ бѣшенствомъ падущихъ
Въ изрытый ими ровъ;
Но тѣ живѣйши раны,
Которыя, какъ враны
Вгрызаясь въ глубь сердецъ,
Въ нихъ радость истребляютъ
И жизнь ихъ пожираютъ,
Ихъ знаетъ и пѣвецъ!
Какими, другъ, мечтами
Сберечь души покой,
Когда передъ глазами,
Подъ дланью роковой,
Погибнетъ то, что мило?
И схваченный могилой
Изчезнетъ предъ тобой
Души твоей родной?
А ты, осиротѣлой,
Дорогой опустѣлой
Ко гробу осужденъ
Одинъ, снѣдая слезы,
Тащить свои желѣзы?
И много ли замѣнъ
Намъ дастъ мечта крылата
Тогда, какъ безъ возврата
Блаженство улетитъ,
Съ блаженствомъ упованье,
И въ сердцѣ замолчитъ
Унывшее желанье;
И ты, какъ палачемъ
Преступникъ раздробленный,
И къ плахѣ пригвожденный,

Въ безсиліи своемъ
Еще быть долженъ зритель,
Какъ жребій-истребитель
Все то, чѣмъ ты дышалъ,
Что, сердцемъ увлеченной,
Въ надеждѣ восхищенной,
Своимъ ужъ называлъ,
Другому — на пожранье
Отдастъ въ твоихъ глазахъ....
Тебѣ жъ одно терзанье
Надъ гробомъ милыхъ благъ?

Но полно!... Муза съ нами...
Безсмертными богами
Не всѣмъ, мой другъ, она
Въ сопутницы дана.
Кто слышалъ въ часъ рожденья
Небесной дѣвы гласъ,
Въ комъ искра вдохновенья
Съ огнемъ души зажглась:
Тотъ вѣрный отъ судьбины
Найдетъ здѣсь уголокъ.
Въ покрыты мглой пучины
Замчался мой челнокъ....
Но свѣтитъ для унылой
Еще души моей
Поэзіи свѣтило.
Хоть прелестью лучей
Бунтующихъ зыбей
Оно не усмирило....
Но мгла озарена,
Но сладостнымъ сіяньемъ,
Какъ тайнымъ упованьемъ,
Душа ободрена,
И милая мелькаетъ

Въ дали моей мечта....
Доколь мой другъ плѣняетъ
Добро и красота,
Доколь огнемъ священнымъ
Душа еще полна,
И дверь растворена
Предъ взоромъ откровеннымъ
Въ святой природы храмъ,
Доколь Хариты намъ
Веселыя послушны,
Дотоль еще къ бѣдамъ
Быть можемъ равнодушны.
О добрый геній мой,
Послѣднихъ благъ спаситель
И жребія смиритель,
Да свѣтитъ надо мной,
Во мглѣ путеводитель,
Твой, муза, милый свѣтъ!

А ты, мой другъ-поэтъ,
Храни твой даръ безцѣнный;
То Весты огнь священный;
Пока онъ не угасъ —
Мы живы, невредимы,
И рокъ неумолимый
Свой громъ неотразимый
Бросаетъ мимо насъ.
Но пламень сей лишь въ ясной
Душѣ неугасимъ.
Когда любовью страстной
Лишь то боготворимъ,
Что благо, что прекрасно,
Когда отъ нашихъ лиръ
Ліются жизни звуки,
Чарующія муки,

Сердцамъ дающи миръ;
Когда мы пѣснопѣньемъ
Несчастнаго дружимъ
Съ сокрытымъ провидѣньемъ,
Жаръ славы пламенимъ
Въ душѣ, летящей къ благу,
Стезю къ убогихъ прагу
Являемъ богачамъ,
Не льстимъ земнымъ богамъ,
И дочери стыдливой
Заботливая мать
Гармоніи игривой
Сама велитъ внимать:
Тогда и дарованье
Во благо намъ самимъ,
И мы не посрамимъ
Поэтовъ достоянья.
О другъ, служенье музъ
Должно быть ихъ достойно:
Лишь съ добрымъ ихъ союзъ.
Сліявъ въ душѣ спокойной
Младенца чистоту
Съ величіемъ свободы,
Боготворя природы
Простую красоту,
Лишь благамъ неизмѣннымъ,
Пѣвецъ-любимецъ мой,
Доступенъ будь душой;
Когда къ дверямъ смиреннымъ
Обители твоей
Придетъ, съ толпою фей
Желаній прихотливыхъ,
Фортуна — врагъ счастливыхъ:
Ты двери на замокъ;
Пускай толпа стучится;

Содомъ сей въ уголокъ
Поэта не вмѣстится,
Не вытѣснивъ Харитъ.
Но если залетитъ
Веселій рой вертляный —
Дверь настежъ, милый другъ.
Пускай въ ихъ шумный кругъ
Войдутъ: и Вакхъ румяный,
Украшенный вѣнкомъ,
Съ состарѣвшимъ виномъ,
Съ наслѣдственною кружкой,
И шутка съ погремушкой,
И пляски шумный хоръ —
Имъ радъ досугъ шутливый;
Они осклабятъ взоръ
Работы молчаливой.
Задумчивость подъ часъ
Впускай въ пріютъ укромный;
Ея чуть слышный гласъ
И взоръ пріятно-томный
Переливаютъ въ насъ
Покой и услажденье;
Она уединенье
Собой животворитъ;
Она за дальни горы
Насъ къ милому стремитъ —
И радостные взоры,
Согласные съ душой,
За синевой туманной
Встрѣчаются съ желанной
Возлюбленныхъ мечтой;
Ея волшебной силой
Въ гармоніи унылой
Осенняго листка,
И въ тихомъ вѣтерка

Вдоль рощи трепетаньи,
И въ легкомъ содроганьи
Дремавшія волны,
Какъ будто съ вышины,
Спускается пріятной
Минувшаго привѣтъ,
И то, что невозвратно,
Чего на вѣки нѣтъ,
Опять животворится,
И тихо вѣютъ, мнится,
Надъ нашей головой
Воздушною толпой
Жильцы духовной сѣни,
Невозвратимыхъ тѣни!
Но, другъ мой, приготовь
Въ обители смиренной
Ты теремъ отдѣленной:
Имѣть постой безсмѣнной
И дружба и любовь
Привыкли у поэта;
Лишась блестящихъ свѣта
Отличій и даровъ,
Ему необходимо,
Подъ свой пустынный кровъ
Все то, что имъ любимо,
Собрать въ единый кругъ;
Съ кѣмъ милая и другъ.
Тотъ въ уголъ свой забвенный
Обширныя вселенны
Всю прелесть умѣстилъ;
Онъ міръ свой оградилъ
Заборомъ огорода,
И вдаль за суетой
Не слѣдуетъ мечтой.
Посредственность, свобода,

Животворящій трудъ,
Веселіе досуга
Близъ милыя и друга,
И пѣнистый сосудъ
Въ часъ вечера пріятной.
Подъ липой ароматной
Съ забвеніемъ суетъ,
Вотъ все.... но, другъ-поэтъ,
Любовь — святой хранитель,
Иль грозный истребитель
Душевной чистоты.
Отвергни сладострастья
Погибельны мечты,
И не восторговъ — счастья
Въ прямой ищи любви;
Восторговъ изступленье —
Минутное забвенье;
Отринь ихъ, разорви
Лаисъ коварныхъ узы;
Друзья стыдливыхъ — музы;
Во храмъ священный ихъ
Прелестницъ записныхъ
Толпа войти страшится....
И что, мой другъ, сравнится
Съ невинною красой?
При ней цвѣтемъ душой!
Она, какъ ангелъ милой,
Одной явленья силой,
Могущая собой,
Вливаетъ въ сердце радость.
О скромныхъ взоровъ сладость,
Движеній тишина,
Стыдливое молчанье,
Гдѣ вся душа слышна;
Рѣчей очарованье,

Безпечность простоты,
И прелесть безъ искусства,
Которая для чувства
Прекраснѣй красоты!
Ихъ несказанной властью
Блаженнѣйшею страстью
Душа растворена,
Вкушаетъ сладость рая;
Земное отвергая,
Небеснаго полна.

О другъ, доколѣ младость
Съ мечтами не ушла,
И жизнь не отцвѣла,
Спѣши любови сладость
Невинную вкусить.
Увы! пора любить
Умчится невозвратно;
Тогда всему конецъ;
Но буйностью развратной
Испорченныхъ сердецъ,
Мой другъ, да не сквернится
Твой непорочный жаръ:
Любовь есть неба даръ,
Въ ней жизни цвѣтъ хранится;
Кто любитъ, тотъ душой,
Какъ день весенній, ясенъ,
Его любви мечтой
Весь міръ предъ нимъ прекрасенъ...
Ахъ! въ мірѣ семъ — она!....
Ея святымъ полна
Присутствіемъ природа;
Съ денницею со свода
Небесъ она летитъ,
Предвѣстникъ наслажденья,

И въ смутномъ пробужденья
Блаженствѣ, говоритъ:
«Я въ мірѣ! я съ тобою!»
Въ тотъ часъ, какъ тишиною
Земля облечена,
Въ молчаніи вселенной
Одна обвороженной
Душѣ она слышна;
Къ устамъ твоимъ она
Касается дыханьемъ;
Ты слышишь съ содроганьемъ
Знакомый звукъ рѣчей,
Задумчивыхъ очей
Встрѣчаешь взоръ пріятный,
И запахъ ароматный
Плѣнительныхъ кудрей
Во грудь твою ліется,
И мыслишь: ангелъ вьется
Незримый надъ тобой.
При ней — задумчивъ, сладкой
Исполненный тоской,
Ты робокъ, лишь украдкой
Стремишь къ ней томный взоръ:
Въ немъ сердце вылетаетъ;
Не смѣлъ твой разговоръ,
Твой умъ не обрѣтаетъ
Ни мыслей, ни рѣчей;
Задумчивость, молчанье,
И страстное мечтанье —
Языкъ души твоей;
Забыты всѣ желанья;
Безъ чувства, безъ вниманья
Къ тому, что предъ тобой,
Ты одинокъ съ толпой;
Она! — въ семъ словѣ миломъ

Вселенная твоя;
Съ ней розно — лишь въ унылом
Мечтаньи бытія
Ты чувство заключаешь;
Всечасно улетаешь
Душою къ тѣмъ краямъ,
Гдѣ ангелъ твой прелестной;
Твое блаженство тамъ
За синевой небесной,
Въ туманной сей дали —
Тамъ все, что на земли
И мило и священно,
Вся жизнь, весь жребій твой,
Какъ призракъ оживленной,
Мелькаетъ предъ тобой.
Живешь воспоминаньемъ:
Его очарованьемъ
Преображенный свѣтъ
Одинъ вездѣ являетъ
Душѣ твоей предметъ.
Заря ли угасаетъ,
Летитъ ли вѣтерокъ
Отъ дремлющія рощи,
Или покровомъ нощи
Одѣянный потокъ
Въ водахъ являетъ тѣни
Недвижныхъ береговъ,
И тихихъ рощей сѣни,
И темный рядъ холмовъ —
Она передъ тобою;
Съ природы красотою,
Со всѣмъ въ душѣ слита
Любимая мечта.
Когда воспламененной
Ты мыслію летишь

Къ правителю вселенной,
Или обѣтъ творишь—
Забыть стезю порока,
При всѣхъ измѣнахъ рока
Быть добрымъ и прямымъ,
И слѣдовать святымъ
Урокамъ и велѣньямъ
И тайнымъ утѣшеньямъ
Лишь совѣсти одной;
Когда, разсудка властью
Торжествовавъ надъ страстью,
Ты выше сталъ душой,
Иль сиротѣ, убитой
Страданіемъ, сокрытой
Благотворилъ рукой —
Кто, кто тогда съ тобой?
Кто чувствъ своихъ свидѣтель?
Она!.... твой другъ, твоя
Невинность, добродѣтель!
Лишь счастіемъ ея
Ты счастье измѣряешь,
Лишь въ немъ соединяешь
Всѣ блага бытія.
Любовь — себя забвенье!
Ты молишь провидѣнье,
Чтобъ никогда тоской
Взоръ милый не затмился,
Чтобъ грозный — лишь съ тобой
Судъ рока совершился.
Лить слезы, жертвой быть
За ту, кѣмъ сердце жило,
Погибнувъ, жизни милой
Спокойствіе купить —
Вотъ жребій драгоцѣнный!
О другъ, тогда для насъ

И бѣдствія священны.
И пусть тотъ лучъ угасъ,
Которымъ украшался
Путь жизни предъ тобой,
Пускай на вѣкъ съ мечтой
Блаженства ты разстался —
Своихъ лишенный благъ,
Ты живъ блаженствомъ милой:
Какъ тихое свѣтило,
Оно въ твоихъ глазахъ
Межъ тучами играетъ,
И духъ не унываетъ
При сладостныхъ лучахъ.

Прости жъ, поэтъ безцѣнной,
Пускай живутъ съ тобой,
Въ обители смиренной,
Посредственность, покой,
И музы, и хариты,
И лары домовиты;
Ты къ нимъ любовь питай,
Строй лиру для забавы,
И мимоходомъ славы
Жилище посѣщай,
И благодать святая
Ея съ тобою будь!
Но, съ музами играя,
Ты друга не забудь,
Который, отстранившись
Отъ всѣхъ земныхъ хлопотъ,
И матери заботъ
Фортунѣ поклонившись,
Куда глаза глядятъ,
Идетъ своей тропою
Безпечно за судьбою.

Хотя и не богатъ
Онъ милостями счастья,
Но муза отъ ненастья
Дала ему пріютъ;
Туда не забредутъ
Ни хитрости разврата,
Ни свѣта суеты;
Не зная нищеты,
Не знаетъ онъ и злата;
Мечты — его народъ;
Сбираетъ съ нихъ доходъ
Фантазія крылата.
Что ждетъ его вдали,
О томъ онъ забываетъ;
Давно не довѣряетъ
Онъ счастью на земли.
Но, другъ, куда бъ судьбою
Онъ ни былъ приведенъ,
Всегда, вездѣ душою
Онъ будетъ прилѣпленъ
Лишь къ жизни непорочной;
Таковъ къ друзьямъ заочно,
Каковъ и на глазахъ —
Для нихъ стихи кропаетъ,
И быть такимъ желаетъ,
Какимъ въ своихъ стихахъ
Себя изображаетъ.

ПѢВЕЦЪ

ВО СТАНѢ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ. *

ПѢВЕЦЪ.

На полѣ бранномъ тишина,
Огни между шатрами;
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами.
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! руку въ руку
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.
Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О всемогущее вино,
Веселіе героя!

ВОИНЫ.

Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя....
О всемогущее вино,
Веселіе героя!

ПѢВЕЦЪ.

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже могучихъ нѣтъ;
Ужъ нѣтъ вождей побѣды;
Ихъ домы вихорь разметалъ,
Ихъ гробы срыли плуги,
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги,

* Авторъ писалъ эти стихи послѣ отдачи Москвы, передъ сраженіемъ при Тарутинѣ, находясь въ московскомъ ополченіи.—В.Ж.

Но духъ отцевъ воскресъ въ сынахъ,
Ихъ поприще предъ нами....
Мы тамъ найдемъ ихъ славный прахъ
Съ ихъ славными дѣлами.

Смотрите, въ грозной красотѣ,
Воздушными полками,
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами....
О Святославъ, бичъ древнихъ лѣтъ,
Се твой полетъ орлиной.
«Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!»*
Гремитъ передъ дружиной.
И ты, невѣрныхъ страхъ, Донской,
Съ четой двухъ соименныхъ,**
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменныхъ.

И ты, нашъ Петръ, въ толпѣ вождей.
Внимайте кличъ: Полтава!***

---

* Древнія лѣтописи сохранили намъ краткую, но сильную рѣчь великаго князя Святослава Игоревича къ его воинамъ, на походѣ противъ грековъ. «Не посрамимъ земли русскія,» сказалъ онъ, «ляжемъ здѣсь костьми, мертвіи бо срама не имутъ!» Воины, одушевленные словами и примѣромъ вождя, устремились на многочисленнаго непріятеля и одержали побѣду.—Д. Дашковъ.

** Великій князь Димитрій Іоанновичъ, избавитель Россіи отъ постыднаго рабства. Со времени несчастнаго сраженія при Калкѣ [1223], татары господствовали надъ князьями россійскими, свергая ихъ по произволенію съ престола и налагая тяжкія дани. Димитрій отмстилъ за сіи поруганія, предводительствуя самъ соединенными русскими силами, истребилъ на берегу Дона несмѣтное воинство Мамая. Онъ положилъ первое основаніе могуществу Россіи, утвержденному потомъ великою четою соименныхъ (Іоаннами III и IV) и вознесенному на высочайшую степень Петромъ и августѣйшими его преемниками.—Д.

*** Сраженіе при Полтавѣ рѣшило навсегда участь Россіи. Обыкновенныя послѣдствія войны суть всеобщее опустошеніе и

Орды пришельца снѣдь мечей,
И міръ взываетъ: слава!
Давно ль, о хищникъ, пожиралъ
Ты взоромъ наши грады?
Бѣги! твой конь и всадникъ палъ,
Твой слѣдъ — костей громады;
Бѣги! и стыдъ и страхъ сокрой
Въ лѣсу съ твоимъ сарматомъ,
Отчизны врагъ сопутникъ твой,
Злодѣй владыкѣ братомъ.

Но кто сей рьяный великанъ,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящій вражій станъ
Вперилъ онъ страшны очи;
Его завидя въ облакахъ,
Шумящимъ, смутнымъ роемъ,
На снѣжныхъ Альповъ высотахъ
Взлетѣли тѣни съ воемъ;
Блѣднѣетъ галлъ, дрожитъ сарматъ
Въ шатрахъ отъ гнѣвныхъ взоровъ....
О горе! горе супостатъ!
То грозный нашъ Суворовъ! *

грабительства; но сей знаменитый день былъ виною благополучія многихъ милліоновъ, увѣнчавъ труды, подъятые Великимъ Петромъ для преобразованія своего отечества. Дерзкій Карлъ, ворвавшійся въ предѣлы россійскіе съ непобѣдимымъ воинствомъ, едва могъ спастися бѣгствомъ съ немногими спутниками, въ числѣ коихъ былъ измѣнникъ Мазепа, названный здѣсь братомъ владыки [Карла XII].—Д.

* Кому изъ современниковъ нашихъ неизвѣстны подвиги россійскаго Аннибала, преодолѣвшаго самую природу на вершинахъ альпійскихъ? Потомство будетъ съ удивленіемъ читать въ лѣтописяхъ безпристрастной исторіи дѣла вождя побѣды, грозы оттомановъ и сарматовъ, избавителя Италіи. Онъ скончалъ славные дни свои, но духъ его еще предводитъ полками нашими и вливаетъ новое мужество въ сердца воиновъ.—Д.

Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ,
Хвала вамъ, чада славы!
Дружиной смѣлой вамъ во слѣдъ
Бѣжимъ на пиръ кровавый;
Да мчится вашъ побѣдный строй
Предъ нашими орлами;
Да сѣетъ, намъ предтеча въ бой,
Погибель надъ врагами.
Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный мститель!
За гибель — гибель, брань — за брань,
И казнь тебѣ, губитель!

ВОИНЫ.

Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный мститель!
За гибель — гибель, брань — за брань,
И казнь тебѣ, губитель!

ПѢВЕЦЪ.

Отчизнѣ кубокъ сей друзья! *
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,

---

* Воздавъ должную хвалу почившимъ героямъ, пѣвецъ посвящаетъ сей кубокъ любви къ отечеству, столь славно ознаменовавшей народъ россійскій, при нашествіи свирѣпаго непріятеля. Всѣ состоянія стремились наперерывъ показать приверженность свою къ вѣрѣ и престолу; дворянство образовало страшную рать изъ миролюбивыхъ земледѣльцевъ и радостно проливало кровь свою, предводительствуя ими на полѣ чести; духовенство возсылало теплыя мольбы ко Всевышнему о спасеніи благочестиваго царства и вмѣстѣ съ купечествомъ спѣшило жертвовать имуществомъ своимъ общей пользѣ. Повсюду хищный врагъ встрѣчалъ непреодолимыя препятствія, и гибельный для него конецъ войны доказалъ вселенной, сколь силенъ народъ, исполненный пламенной любви къ государю и отечеству.—Д.

Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Тамъ все — тамъ родшихъ милый домъ,
Тамъ наши жены, чада;
О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ,
Мы жизни ихъ ограда;
Тамъ дѣвы — прелесть нашихъ дней,
И сонмъ друзей безцѣнный,
И царскій тронъ, и прахъ царей,
И предковъ прахъ священный.
За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы!
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцевъ могилы!

ВОИНЫ.

За нихъ, за нихъ всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы!
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцевъ могилы.

ПѢВЕЦЪ.

Тебѣ сей кубокъ, русскій царь!
Цвѣти твоя держава;
Священный тронъ твой — намъ алтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ—слава.
Не измѣнимъ; мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью;
О царь, здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
Къ тебѣ горимъ любовью;

Нашъ каждый ратникъ славянинъ;
Всѣ долгу здѣсь послушны;
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ
И чуждъ имъ малодушный.

ВОИНЫ.

Не измѣнимъ; мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью;
О царь, здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
Къ тебѣ горимъ любовью.

ПѢВЕЦЪ.

Сей кубокъ ратнымъ и вождямъ!
Въ шатрахъ, на полѣ чести,
И жизнь, и смерть, все пополамъ;
Тамъ дружество безъ лести,
Рѣшимость, правда, простота,
И нравовъ непритворство,
И смѣлость, бранныхъ красота,
И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды низкихъ узъ;
Къ вѣнцамъ стезею правой!
Опасность твердый нашъ союзъ;
Одной пылаемъ славой.

Тотъ нашъ, кто первый въ бой летитъ,
На гибель супостата,
Кто слабость падшаго щадитъ,
И грозно мститъ за брата;
Онъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ;
Онъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
Въ средину шумной брани;
Ему веселье битвы гласъ,
Спокоенъ подъ громами!
Онъ свой послѣдній видитъ часъ
Безстрашными очами.

Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь,*
Герой подъ сѣдинами!
Какъ юный ратникъ, вихрь, и дождь,
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
О сколь съ израненымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ!
О диво! се орелъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины....**
Могучій вождь главу склонилъ;
Ура! кричатъ дружины.

Лети ко прадѣдамъ, орелъ,
Пророкомъ славной мести!

---

* Имя князя Смоленскаго, спасителя России, пребудетъ всегда незабвеннымъ для истинныхъ патріотовъ. Въ то печальное время, когда враги гнѣздились въ древней столицѣ, угрожая разрушить послѣдній оплотъ вольности Европы, мудрый вождь не унывалъ духомъ и готовилъ достойную казнь гордынѣ ихъ. Съ быстротою молніи перелетѣлъ онъ отъ береговъ Москвы до Эльбы, расточивъ сонмища иноплеменныхъ и устлавъ путь свой безчисленными ихъ трупами. Орлиный взоръ его измѣрялъ уже берега Рейна, когда жестокая смерть, которой онъ столько разъ подвергалъ себя во браня, сразила его на одрѣ болѣзни, посреди блистательнаго поприща; но благодарное отечество, почтившее героя довѣренностію своею, сохранитъ на вѣки память его вмѣстѣ съ безсмертною памятію Пожарскаго; а мужественные воины, сражавшіеся подъ его знаменами, съ гордостію нѣкогда скажутъ юнымъ товарищамъ и дѣтямъ своимъ: «и мы были его сподвижниками, и мы мстили за Москву, обращенную въ пепелъ неистовою злобою!»—Д.

** У древнихъ парящій орелъ почитаемъ былъ предвѣстникомъ побѣды; знаменіе сіе не обмануло и насъ на достопамятномъ бородинскомъ полѣ. Когда россійскій вождь устроивалъ полки свои, орелъ пролетѣлъ надъ нимъ при радостныхъ кликахъ воиновъ и былъ вѣрнымъ предтечею погибели враговъ нашихъ. — Д.

Мы тверды: вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести;
Съ нимъ опытъ, сынъ труда и лѣтъ;
Онъ бодръ и съ сѣдиною;
Ему знакомъ побѣды слѣдъ....
Довѣренность къ герою!
Нѣтъ, други, нѣтъ! не предана
Москва на расхищенье;
Тамъ стѣны.... въ россахъ вся она;
Мы здѣсь — и Богъ нашъ мщенье.

Хвала сподвижникамъ-вождямъ;
Ермоловъ, витязь юный,
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ,
И страхъ твои перуны.
Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала! передъ рядами
Онъ первый. грудь противъ мечей
Съ отважными сынами.
Нашъ Милорадовичъ, хвала!
Гдѣ онъ промчался съ бранью,
Тамъ, мнится, смерть сама прошла
Съ губительною дланью.

Нашъ Витгенштеинъ, вождь-герой,
Петрополя спаситель,
Хвала!.... Онъ щитъ странѣ родной,
Онъ хищныхъ истребитель.
О сколь величественный видъ,
Когда передъ рядами,
Одинъ, склонясь на твердый щитъ,
Онъ грозными очами
Блюдетъ противниковъ полки,
Имъ гибель устрояетъ,

И вдругъ.... движеніемъ руки
Ихъ сонмы разсыпаетъ.

Хвала тебѣ, славянъ любовь,
Нашъ Коновницынъ смѣлый!....
Ничто ему толпы враговъ,
Ничто мечи и стрѣлы;
Предъ нимъ, за нимъ перунъ гремитъ,
И пышетъ пламень боя....
Онъ веселъ, онъ на гибель зритъ
Съ спокойствіемъ героя;
Себя забылъ.... однимъ врагамъ
Готовитъ истребленье;
Примѣръ и ратнымъ и вождямъ,
И смѣлымъ удивленье.

Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту—мостъ изчезъ;
Лишь къ селамъ—пышутъ селы.

Хвала, нашъ Несторъ-Бенигсонъ!
И вождь и мужъ совѣта,
Блюдетъ враговъ не дремля онъ,
Какъ змѣй орелъ съ полета.
Хвала, нашъ Остерманъ-герой,
Въ часъ битвы ратникъ смѣлый!

И Тормасовъ, летящій въ бой,
Какъ юноша веселый!
И Багговутъ, среди громовъ,
Средь копій безмятежный! *
И Дохтуровъ, гроза враговъ,
Къ побѣдѣ вождь надежный!

Нашъ твердый Воронцовъ, хвала!
О други, сколь смутилась
Вся рать славянъ, когда стрѣла
Въ безстрашнаго вонзилась;
Когда полмертвъ, окровавленъ,
Съ потухшими очами,
Онъ на щитѣ былъ изнесенъ
За ратный строй друзьями.
Смотрите.... язвой роковой
Къ постелѣ пригвожденный,
Онъ страждетъ, братскою толпой
Увѣчныхъ окруженный.

Ему возглавье бранный щитъ;
Незыблемый въ мученьѣ,
Онъ съ яснымъ взоромъ говоритъ:
«Друзья, бѣдамъ презрѣнье!»
И въ ихъ сердцахъ героя рѣчь
Веселье пробуждаетъ,
И оживясь до полы мечъ
Рука ихъ обнажаетъ.
Спѣши жъ, о витязь нашъ, воспрянь;
Ужъ ангелъ истребленья
Горѣ подъялъ ужасну длань,
И близокъ часъ отмщенья.

* Стихи сіи сочинены прежде тарутинскаго сраженія. Багговутъ былъ первою его жертвою [6 октября 1812].

Хвала, Щербатовъ, вождь младой!
Среди грозы военной,
Друзья, онъ сѣтуетъ душой
О тратѣ незабвенной.
О витязь, ободрись.... она
Твой спутникъ невидимый,
И ею свыше знамена
Дружинъ твоихъ хранимы.
Любви и скорби — оживить
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувшихъ возмутить
Покой ея могилы.

Хвала, нашъ Паленъ, чести сынъ!
Какъ бурею носимый,
Вездѣ впреди своихъ дружинъ
Разитъ, неотразимый.
Нашъ смѣлый Строгоновъ, хвала!
Онъ жаждетъ чистой славы;
Она изъ мира увлекла
Его на путь кровавый....
О храбрыхъ сонмъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!

Хвала безтрепетныхъ вождямъ!*
На коняхъ окриленныхъ
По доламъ скачутъ, по горамъ,
Во слѣдъ враговъ смятенныхъ;
Днемъ мчатся строй на строй, въ ночи
Страшатъ какъ привидѣнья,

* Вождями безтрепетныхъ названы здѣсь партизаны, которые въ прошедшую войну, особенно въ кампанію 1812, много способствовали къ истребленію непріятеля.

Блистаютъ смертью ихъ мечи,
От стрѣлъ ихъ нѣтъ спасенья,
По всѣмъ разсыпаны путямъ,
Невидимы и зримы,
Сломили здѣсь, сражаютъ тамъ,
И всюду невредимы.

Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракѣ ночи;
Какъ тѣнь, прокрался вкругъ шатровъ,
Все зрѣли быстры очи....
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
День свѣтлый не проглянулъ—
А онъ ужъ витязь на конѣ,
Уже съ дружиной грянулъ!
Сеславинъ — гдѣ ни пролетитъ
Съ крылатыми полками,
Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ, и щитъ,
И усланъ путь врагами.

Давыдовъ, пламенный боецъ,
Онъ вихремъ въ бой кровавый;
Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы.
Кудашевъ скокомъ черезъ ровъ
И летомъ на стремнину;
Бросаетъ взглядомъ Чернышовъ
На мечъ и громъ дружину;
Орловъ — отважностью орелъ;
И мчитъ грозу ударовъ,
Сквозь дымъ и огнь, по грудамъ тѣлъ,
Въ среду враговъ Кайсаровъ.

ВОИНЫ.

Вожди славянъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье,

Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!

ПѢВЕЦЪ.

Друзья, кипящій кубокъ сей
Вождямъ, сраженнымъ въ боѣ.
Уже не придутъ въ сонмъ друзей,
Не станутъ въ ратномъ строѣ,
Ужъ для врага ихъ грозный ликъ
Не будетъ вѣстникъ мщенья,
И не помчитъ ихъ мощный кликъ
Дружину въ пылъ сраженья;
Ихъ празденъ мечъ, безмолвенъ щитъ,
Ихъ ратники унылы;
И сиръ могучихъ конь стоитъ
Близъ тихой ихъ могилы.

Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ — главу на щитъ склонилъ
И стиснулъ мечъ во длани;
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила;
Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесь его могила.*
И тихъ его послѣдній часъ:
Съ молитвою священной
О милой матери, угасъ
Герой нашъ незабвенный.

А ты Кутайсовъ, вождь младой....**
Гдѣ прелести? Гдѣ младость?

---

* Кульневъ убитъ въ 30 верст. отъ мѣстечка Люцина, гдѣ жила его мать и гдѣ провелъ онъ свое младенчество.

** Кутайсовъ убитъ подъ Бородинымъ. Въ немъ погибла одна изъ блистательнѣйшихъ надеждъ нашей арміи. Съ великими дарованіями

Увы! онъ видомъ и душой
Прекрасенъ былъ какъ радость;
Въ бронѣ ли, грозный, выступалъ,
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударялъ,
Одушевлялись струны....
О горе! вѣрный конь бѣжитъ
Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ....
И нѣтъ на немъ героя.

И гдѣ же твой, о витязь, прахъ?
Какою взятъ могилой?...
Пойдетъ прекрасная въ слезахъ
Искать, гдѣ пепелъ милой....
Тамъ чище ранняя роса,
Тамъ зелень ароматнѣй,
И сладостнѣй цвѣтовъ краса,
И свѣтлый день пріятнѣй,
И тихій духъ твой прилетитъ
Изъ таинственной сѣни,
И трепетъ сердца возвѣститъ
Ей близость дружней тѣни.

И ты.... и ты, Багратіонъ?*
Вотще друзей молитвы,
Вотще ихъ плачъ.... во гробѣ онъ,
Добыча лютой битвы.

воина соединялъ онъ умъ пріятный и прекрасный характеръ нравственный. Онъ любилъ словесность и въ свободное время писалъ стихи.—Послѣ бородинскаго сраженія увидѣли его лошадь, обагренную кровію, бѣгущую безъ сѣдока и долго не могли отыскать его тѣла.

* Багратіонъ умеръ отъ раны, полученной въ сраженіи подъ Бородинымъ. Армія нѣсколько времени надѣялась на его выздоровленіе, но судьба рѣшила иначе.

Еще дружинъ надежда въ немъ;
Все мнитъ: съ одра возстанетъ;
И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:
«Увы, намъ! скоро грянетъ.»
А онъ... на вѣки взоръ смежилъ,
Рѣшитель бранныхъ споровъ;
Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ,
Къ тебѣ, отецъ-Суворовъ!*

И честь вамъ, падшіе друзья!
Ликуйте въ горней сѣни;
Тамъ ваша вѣрная семья —
Вождей минувшихъ тѣни.
Хвала вамъ будетъ оживлять
И позднихъ лѣтъ бесѣды.
«Отъ нихъ учитесь умирать!»
Такъ скажутъ внукамъ дѣды;
При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ,
И водрузитъ тамъ знамя.

ВОИНЫ.

При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ,
И водрузитъ тамъ знамя.

---

* По миѳологіи сѣверныхъ народовъ, витязи, сраженные во браняхъ, переселялись въ Валгаллу, къ отцу своему Одену. Стихотворецъ замѣнилъ здѣсь баснословнаго Одена безсмертнымъ Суворовымъ, наставникомъ покойнаго князя Багратіона въ воинскомъ искусствѣ. Герой Италійскій съ отеческою нѣжностью пріемлетъ въ жилища небесныя вождей, запечатлѣвшихъ кровію своею одержанныя побѣды; Кульневъ, Кутайсовъ, Багратіонъ возносятся къ нему со славою и радостно взираютъ на храбрыхъ своихъ сподвижниковъ, карающихъ дерзновенныхъ галловъ.—Д.

ПѢВЕЦЪ.

Сей кубокъ мщенью! други, въ строй!
И къ небу грозны длани!
Сразить иль пасть! нашъ роковой
Обѣтъ предъ Богомъ брани.
Вотще, о врагъ, изъ тьмы племенъ
Ты зиждешь ополченья:
Они бѣгутъ твоихъ знаменъ,
И жаждутъ низложенья.
Сокровищъ нѣтъ у насъ въ домахъ,
Тамъ стрѣлы и кольчуги;
Мы села въ пепелъ, грады въ прахъ,
Въ мечи — серпы и плуги.

Злодѣй! онъ лестью приманилъ
Къ Москвѣ свои дружины,
Онъ низкимъ миромъ намъ грозилъ
Съ кремлевскія вершины.
«Пойду по стогнамъ съ торжествомъ!
Пойду... и все восплещетъ!
И въ прахъ падутъ съ своимъ царемъ!....»
Пришелъ.... и самъ трепещетъ;
Подвигло мщеніе Москву:
Вспылала предъ врагами,
И грянулась на ихъ главу
Губящими стѣнами.

Веди жъ своихъ царей-рабовъ
Съ ихъ стаей въ область хлада;
Пробей тропу среди снѣговъ
Во срѣтеніе глада....
Зима, союзникъ нашъ, гряди!
Имъ запертъ путь возвратный;
Пустыни въ пеплѣ позади;
Предъ ними сонмы ратны.

Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности, иль мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
За правыхъ провидѣнье!

ВОИНЫ.

Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности, иль мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
За правыхъ провидѣнье?

ПѢВЕЦЪ.

Святому братству сей фіалъ
Отъ вѣрныхъ братій круга!
Блаженъ, кому Создатель далъ
Усладу жизни, друга;
Съ нимъ счастье вдвое, въ скорбный часъ
Онъ сердцу утѣшенье,
Онъ наша совѣсть, онъ для насъ
Второе провидѣнье.
О! будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами;
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить и пасть друзьями.

ВОИНЫ.

О! будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами;
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить и пасть друзьями.

ПѢВЕЦЪ.

Любви сей полный кубокъ въ даръ!
Среди борьбы кровавой,
Друзья, святой питайте жаръ:
Любовь одно со славой.
Кому здѣсь жребій удѣленъ
Знать тайну страсти милой,

Кто сердцемъ сердцу обрученъ,
Тотъ смѣло, съ бодрой силой
На все великое летитъ,
Нѣтъ страха, нѣтъ преграды,
Чего, чего не совершитъ
Для сладостной награды?

Ахъ! мысль о той, кто все для насъ,
Намъ спутникъ неизмѣнный;
Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
Зримъ образъ незабвенный;
Она на бранныхъ знаменахъ,
Она въ пылу сраженья;
И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ
Веселыхъ сновидѣнья.
Отвѣдай, врагъ, исторгнуть щитъ,
Рукою данный милой;
Святой обѣтъ на немъ горитъ:
«Твоя и за могилой!»

О сладость тайныя мечты!
Тамъ, тамъ за синей далью
Твой ангелъ, дѣва красоты,
Одна съ своей печалью,
Груститъ, о другѣ слезы льетъ,
Душа ея въ молитвѣ,
Боится вѣсти, вѣсти ждетъ:
«Увы! не палъ ли въ битвѣ?»
И мыслитъ: «скоро ль, дружній гласъ,
Твои мнѣ слышать звуки?
Лети, лети, свиданья часъ,
Смѣнить тоску разлуки.»

Друзья! блаженнѣйшая часть:
Любезныхъ быть спасеньемъ,

Когда жъ предѣлъ нашъ въ битвѣ пасть —
Погибнемъ съ наслажденьемъ;
Святое имя призовемъ
Въ минуту смертной муки;
Кѣмъ мы дышали въ мірѣ семъ,
Съ той нѣтъ и тамъ разлуки:
Туда душа перенесетъ
Любовь и образъ милой....
О други, смерть не все возьметъ;
Есть жизнь и за могилой.

ВОИНЫ.

Въ тотъ міръ душа перенесетъ
Любовь и образъ милой....
О други, смерть не все возьметъ;
Есть жизнь и за могилой.

ПѢВЕЦЪ.

Сей кубокъ чистымъ музамъ въ даръ!
Друзья, онѣ въ героя
Вливаютъ бодрость, славы жаръ,
И месть, и жажду боя,
Гремятъ ихъ лиры—старъ и младъ
Одѣлись въ бранны латы:
Ничто имъ стрѣлъ свистящихъ градъ,
Ничто твердынь раскаты.
Пѣвцы—сотрудники вождямъ;
Ихъ пѣсни—жизнь побѣдамъ,
И внуки, внемля ихъ струнамъ,
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

О радость древнихъ лѣтъ, Боянъ! *
Ты, арфой ополченный,

* Авторъ соглашается здѣсь со мнѣніемъ нѣкоторыхъ писателей, пріемлющихъ Бояна за великаго стихотворца, который процвѣталъ во мрачныя времена исторіи нашей, и подобно греч. Тиртею, возбуждалъ пѣснями своими мужество славянскихъ воиновъ.—Д.

Леталъ предъ строями славянъ
И гимнъ гремѣлъ священный.
Петру возникъ среди снѣговъ
Пѣвецъ податель славы;
Честь Задунайскому — Петровъ;
О, камскія дубравы,
Гордитесь, вашъ Державинъ сынъ;
Готовь свои перуны,
Суворовъ, чудо-исполинъ —
Державинъ грянетъ въ струны!

О старецъ! да услышимъ твой
Днесь голосъ лебединый;
Не тщетной славы предъ тобой,
Но мщенія дружины;
Простерли не къ добычамъ длань,
Бѣгутъ не за вѣнками —
Ихъ подвигъ святъ: то правыхъ брань
Съ злодѣйскими ордами.
Пришло разрушить ихъ мечамъ
Племенъ порабощенье;
Самимъ губителя рабамъ
Побѣды ихъ — спасенье.

Такъ, братья, чадамъ музъ хвала!...
Но я пѣвецъ вашъ юный....
Увы! почто судьба дала
Незвучныя мнѣ струны?
Доселѣ тихимъ лишь полямъ
Моя играла лира....
Вдругъ жребій выпалъ: къ знаменамъ!
Прости, и сладость мира,
И отчій край, и кругъ друзей,
И трудъ уединенный,
И все.... я тамъ, гдѣ стукъ мечей,
Гдѣ ужасы военны.

Но буду ль ваши пѣть дѣла
И хищныхъ истребленье?
Быть можетъ, ждетъ меня стрѣла,
И мнѣ удѣлъ — паденье.
Но что жъ... на вѣки ль смертный часъ
Мой слѣдъ изгладитъ въ мірѣ?
Останется привычный гласъ
Въ осиротѣвшей лирѣ.
Пускай губителя во прахъ
Низринетъ месть кровава —
Родится жизнь въ ея струнахъ,
И звучно грянутъ: слава!

ВОИНЫ.

Хвала возвышеннымъ пѣвцамъ!
Ихъ пѣсни — жизнь побѣдамъ;
И внуки, внемля ихъ струнамъ,
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

ПѢВЕЦЪ.

Подымемъ чашу!... Богу силъ!
О братья, на колѣна!
Онъ искони благословилъ
Славянскія знамена.
Безсильнымъ щитъ его законъ,
И гибнущимъ спаситель;
Всегда союзникъ правыхъ онъ
И гордыхъ истребитель.
О братья, взоры къ небесамъ!
Тамъ жизни сей награда!
Оттоль отецъ незримый намъ
Гласитъ: мужайтесь, чада!

Безсмертье — тихій, свѣтлый брегъ;
Нашъ путь — къ нему стремленье.
Покойся, кто свой кончилъ бѣгъ!
Вы, странники, терпѣнье!

Блаженъ, кого постигнулъ бой!
Пусть долго, съ жизнью хилой,
Старикъ трепещущей ногой
Влачится надъ могилой;
Сынъ брани мигомъ ношу въ прахъ
Съ могучихъ плечъ свергаетъ,
И, бодръ, на молнiйныхъ крылахъ
Въ мiръ лучшiй улетаетъ.

А мы?.... Довѣренность къ Творцу!
Что бъ ни было—незримый
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно вслѣдъ!
Прочь низкое, прочь злоба!
Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ
До самой двери гроба;
Въ высокой долѣ простота;
Нежадность въ наслажденьѣ;
Въ союзѣ съ равнымъ правота;
Въ могуществѣ смиренье.

Обѣтамъ вѣчность, чести честь,
Покорность правой власти;
Для дружбы все, что въ мiрѣ есть;
Любви весь пламень страсти;
Утѣха скорби, просьбѣ дань,
Погибели спасенье,
Могущему пороку брань,
Безсильному презрѣнье;
Неправдѣ грозный правды гласъ,
Заслугѣ воздаянье,
Спокойствiе въ послѣднiй часъ,
При гробѣ denjenigen упованье.

О! будь же, русскій Богъ, намъ щитъ!
Прострешь твою десницу —
И мститель-громъ твой раздробитъ
Коня и колесницу.
Какъ воскъ передъ лицемъ огня,
Растаетъ врагъ предъ нами....
О страхъ карающаго дня!
Бродя окрестъ очами,
Речетъ пришлецъ: «враговъ я зрѣлъ:
«И мнилъ—земли имъ мало;
«И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
«Протекъ—враговъ не стало!»

ВОИНЫ.

Речетъ пришлецъ: «враговъ я зрѣлъ;
«И мнилъ—земли имъ мало;
«И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
«Протекъ—враговъ не стало!»

ПѢВЕЦЪ.

Но свѣтлыхъ облаковъ гряда
Ужъ утро возвѣщаетъ;
Уже восточная звѣзда
Надъ холмами играетъ;
Рѣдѣетъ сумракъ; сквозь туманъ
Проглянули равнины,
И дальній лѣсъ, и тихій станъ,
И спящія дружины.
О други, скоро!... день грядетъ...
Недвижны рати бурны...
Но... рокъ ужъ жребіи беретъ
Изъ таинственной урны.

О новый день, когда твой свѣтъ
Изчезнетъ за холмами,
Сколь многихъ взоръ нашъ не найдетъ
Межъ нашими рядами!...

И онъ блеснулъ!... Чу!... вѣстовой
Перунъ по холмамъ грянулъ;
Внимайте, въ полѣ шумъ глухой!
Смотрите, станъ воспрянулъ!
И кони ржутъ, грызя бразды,
И строй сомкнулся съ строемъ,
И вождь летитъ передъ ряды,
И пышетъ ратникъ боемъ.

Друзья, прощанью кубокъ сей!
И смѣло въ бой кровавой
Подъ вихорь стрѣлъ, на рядъ мечей,
За смертью, иль за славой!...
О вы, которыхъ и вдали
Боготворимъ сердцами,
Вамъ, вамъ всѣ блага на земли!
Щитъ промысла надъ вами!...
Всевышній царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: здѣсь вѣрныя любви,
Тамъ сладкаго свиданья!

ВОИНЫ.

Всевышній царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: здѣсь вѣрныя любви,
Тамъ сладкаго свиданья!

ВОЖДЮ ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

ПИСАНО ПОСЛѢ СРАЖЕНІЯ ПОДЪ КРАСНЫМЪ.

О вождь славянъ, дерзнутъ ли робки струны
Тебѣ хвалу въ сей славный часъ бряцать?
Вездѣ гремятъ отмщенія перуны,
И мчится врагъ, стыдомъ покрытый, вспять,
И съ россомъ міръ тебѣ рукоплескаетъ....
Кто пѣнью струнъ средь плесковъ сихъ внимаетъ?
Но какъ молчать? Я сердцемъ славянинъ;
Я зрѣлъ, какъ ты, впреди своихъ дружинъ,
Въ кругу вождей, сопутствуемъ громами,
Какъ Божій гнѣвъ, шелъ грозно за врагами.
Со всѣхъ сторонъ дымились небеса;
Окрестъ земля отъ громовъ колебалась....
Сколь мысль моя тогда воспламенялась!
Сколь дивная являлась мнѣ краса!
О старецъ-вождь, я мнилъ, что надъ тобою
Тогда самъ рокъ невидимый летѣлъ;
Что былъ сокрытъ вселенныя предѣлъ
Въ твоей главѣ, вѣнчанной сѣдиною.

Законъ судьбы для насъ неизъяснимъ.
Надменный сей не ею ль былъ хранимъ!
Вотще пески ливійскіе пылали —
Онъ путь открылъ среди песчаныхъ волнъ;
Вотще враги пучину осаждали —
Его промчалъ безвредно легкій чолнъ;
Ступилъ на брегъ—въ рукѣ его корона;
Ужъ хищный взоръ съ похищеннаго трона
Вселенную въ неволю оковалъ;
Ужъ онъ царей-рабовъ своихъ созвалъ....
И возстаютъ могущіе тевтоны,
Достойные Арминія сыны;

Неаполь, Римъ сбираютъ легіоны;
Богемецъ, венгръ, саксонъ ополчены;
И стали въ строй измѣнники сарматы;
Имъ нѣтъ числа; дружины ихъ крылаты;
И нордъ и югъ потокъ сей наводнилъ!
Вождю во слѣдъ, а вождь ихъ за звѣздою,
Идутъ, летятъ—ужъ все подъ ихъ стопою,
Ужъ россъ главу подъ низкій миръ склонилъ....
О замыслы! о неба судъ ужасной!
О хищный врагъ!.... и трудъ толикихъ лѣтъ,
И трупами устланный путь побѣдъ,
И мощь, и злость, и козни все напрасно!
Здѣсь грозная судьба его ждала;
Она успѣхъ на то ему дала,
Чтобъ старецъ нашъ славнѣй его низринулъ.
Хвала, нашъ вождь! едва дружины двинулъ —
Ужъ хищныхъ рать стремглавъ бѣжитъ назадъ;
Ихъ гонитъ страхъ, за ними мчится гладъ,
И щитъ и мечъ бросаютъ съ знаменами,
Вездѣ пути покрыты ихъ костями,
Ихъ волны жрутъ, ихъ губитъ огнь и хладъ,
Вотще свой взоръ подъемлютъ ко спасенью...
Не узрятъ ихъ отечески поля,
Обречены въ добычу истребленью,
И будетъ гробъ имъ русская земля.
И скрылася, нашъ старецъ, предъ тобою
Сія звѣзда, сей грозный вождь къ бѣдамъ;
Посолъ судьбы явился ты полкамъ —
И предъ твоей священной сѣдиною
Безумная гордыня пала въ прахъ.
Лети, неси за ними смерть и страхъ;
Еще ударъ—и всей землѣ свобода,
И нѣтъ слѣдовъ великаго народа!
О сколь тебѣ завидный жребій данъ!
Еще вдали трепещетъ оттоманъ—

А ты ужъ здѣсь, ужъ родины спаситель,
Уже погналъ, какъ геній-истребитель,
Кичливыя разбойниковъ орды,
И рядъ побѣдъ—полковъ твоихъ слѣды,
И самый врагъ, неволею гнетомый,
Твоихъ орловъ благословляетъ громы:
Ты жизнь ему побѣдами даришь...
Когда жъ, свершивъ погибельное мщенье,
Свои полки отчизнѣ возвратишь,
Сколь славное тебѣ успокоенье!...
Уже въ мечтахъ я вижу твой возвратъ;
Передъ тобой вѣнцы, трофеи брани;
Во срѣтенье бѣгутъ и старъ и младъ,
Къ тебѣ ихъ взоръ, къ тебѣ подъемлютъ длани;
«Вотъ онъ! вотъ онъ! сей грозный вождь, нашъ щитъ;
Сколь величавъ, грядущій предъ полками!
Усѣйте путь спасителя цвѣтами!
Да каждый храмъ мольбой о немъ гремитъ!
Да слышитъ онъ вездѣ благословенье!»
Когда жъ, сложивъ съ главы своей шеломъ,
И мечъ съ бедра, ты возвратишься въ домъ,
Да вкусишь тамъ покоя наслажденье
Предъ славными трофеями побѣдъ—
Сколь будетъ токъ твоихъ преклонныхъ лѣтъ
Въ сей тишинѣ величественъ и ясенъ!
О, дней благихъ закатъ всегда прекрасенъ!
Съ веселіемъ водя окрестъ свой взоръ,
Ты будешь зрѣть ликующія нивы,
И скачущи стада по скатамъ горъ,
И хижины оратая счастливы,
И скажешь: мной дана имъ тишина.
И старецъ, въ гробъ ступившій ужъ ногою,
Тебя въ семьѣ воспомянувъ съ мольбою,
Въ семействѣ скажетъ: имъ сбережена
Мнѣ мирная въ отечествѣ могила.

И скажетъ мать, любуясь на дѣтей:
Его рука мнѣ милыхъ сохранила.
На пиршествахъ, въ спокойствіи семей,
Предъ алтаремъ, въ обители царей,
Вездѣ, о вождь, тебѣ благословенье;
Тебя предастъ потомству пѣснопѣнье.

ПѢСНЯ

ВЪ ВЕСЕЛЫЙ ЧАСЪ.

Вотъ вамъ совѣтъ, мои друзья,
Осушимъ, идя въ бой, стаканы!
Съ однимъ не пьяный слажу я,
Съ десяткомъ уберуся пьяный?

ХОРЪ.

Полнѣй стаканы! пейте въ ладъ!
Такъ пили наши дѣды!
Тебѣ погибель, супостатъ,
А намъ вѣнецъ побѣды!

Такъ! чудеса вино творитъ.
Кто пьянъ, тому вселенной мало,
Въ умѣ онъ — самъ всего дрожитъ,
Сошелъ съ ума — все задрожало!

ХОРЪ.

Полнѣй стаканы! пейте въ ладъ!
Такъ пили наши дѣды!
Тебѣ погибель, супостатъ,
А намъ вѣнецъ побѣды!

Не воинъ тотъ въ моихъ глазахъ,
Кому бутылка не по нраву;
Онъ видитъ лишь въ сраженьи страхъ;
А пьяный въ немъ лишь видитъ славу!

ХОРЪ.

Полнѣй стаканы! пейте въ ладъ!
Такъ пили наши дѣды!
Тебѣ погибель супостатъ,
А намъ вѣнецъ побѣды!

Друзья, вселенная красна!
Но ежели разсудимъ строго,
Найдемъ, что мало въ ней вина,
И что воды ужъ слишкомъ много!

ХОРЪ.

Полнѣй стаканы! пейте въ ладъ!
Такъ пили наши дѣды!
Тебѣ погибель, супостатъ,
А намъ вѣнецъ побѣды!

Такъ! если Богъ не сотворилъ
Стихіей влагу драгоцѣнну,
Онъ осторожно поступилъ —
Мы осушили бы вселенну!

ХОРЪ.

Полнѣй стаканы! пейте въ ладъ!
Такъ пили наши дѣды!
Тебѣ погибель супостатъ,
А намъ вѣнецъ побѣды!

———

1813

—

АДЕЛЬСТАНЪ.

[БАЛЛАДА, ИЗЪ САУТИ].

День багрянилъ, померкая,
Скатъ лѣсистыхъ береговъ;
Реинъ, въ заревѣ сіяя,
Пышенъ текъ между холмовъ.

Онъ летучей влагой пѣны
Замокъ Алленъ орошалъ;
Терема, зубчаты стѣны,
Онъ въ потокѣ отражалъ.

Дѣвы красныя толпою,
Изъ растворчатыхъ воротъ,
Вышли на берегъ — игрою
Встрѣтить мѣсяца восходъ.

Вдругъ плыветъ, къ ладьѣ прикованъ,
Бѣлый лебедь по рѣкѣ;
Спитъ, какъ будто очарованъ,
Юный рыцарь въ челнокѣ.

Алымъ парусомъ играетъ
Легкокрылый вѣтерокъ,
И ко брегу приплываетъ
Съ спящимъ рыцаремъ челнокъ.

Бѣлый лебедь встрепенулся,
Распустилъ крылѣ свои;
Дивный плаватель проснулся —
И выходитъ изъ ладьи.

И по Реину обратно,
Съ очарованной ладьей,
Поплылъ тихо лебедь статной
И сокрылся изъ очей.

Рыцарь въ замокъ Алленъ входитъ:
Все въ немъ прелесть—взоръ и станъ;
Въ изумленье всѣхъ приводитъ
Красотою Адельстанъ.

Межъ красавицами Лора
Въ замкѣ Алленѣ была
Видомъ ангельскимъ для взора,
Для души — душой мила.

Графы, герцоги толпою,
Къ ней стеклись изъ дальнихъ странъ—
Но умомъ и красотою
Всѣхъ былъ краше Адельстанъ.

Онъ у всѣхъ залогъ побѣды
На турнирахъ похищалъ,
Онъ вечернія бесѣды
Всѣхъ милѣе оживлялъ.

И привѣтны разговоры,
И пріятный блескъ очей
Влили нѣжность въ сердце Лоры —
Милый сталъ супругомъ ей.

Изчезаетъ сновидѣнье...
Вслѣдъ за днями мчатся дни;
Ихъ въ сердечномъ упоеньѣ
И не чувствуютъ они.

Лишь случается порою,
Что на воды взоръ склонивъ,
Рыцарь бродитъ надъ рѣкою,
Одинокъ и молчаливъ.

Но при взглядѣ нѣжной Лоры
Возвращается покой;
Оживаютъ тусклы взоры
Съ оживленною душой.

Невидимкой пролетаетъ
Быстро время — наконецъ,
Улыбаясь, возвѣщаетъ
Другу Лора: ты отецъ!

Но безмолвно и уныло
На младенца смотритъ онъ.
Ахъ! — онъ мыслитъ — ангелъ милой
Для чего ты въ свѣтъ рожденъ?

И когда обрядъ крещенья
Патеръ долженъ былъ свершить,
Чтобъ водою искупленья
Душу юную омыть —

Какъ преступникъ передъ казнью,
Адельстанъ затрепеталъ,
Взоръ наполнился боязнью,
Хладъ по членамъ пробѣжалъ.

Запинаясь умоляетъ
День обряда отложить.
«Силъ недугъ меня лишаетъ
Съ вами радость раздѣлить!»

Солнце спряталось за гору,
Окропился лугъ росой;
Онъ зоветъ съ собою Лору
Встрѣтить мѣсяцъ надъ рѣкой.

«Нашъ младенецъ будетъ съ нами:
При дыханьѣ вѣтерка,
Тихоструйными волнами
Усыпитъ его рѣка.»

И пошли рука съ рукою...
День на холмахъ догоралъ;
Молча, сумраченъ душою,
Рыцарь сына лобызалъ.

Вотъ ужъ поздно, солнце сѣло,
Отуманился потокъ,
Черенъ берегъ опустѣлой,
Холодѣетъ вѣтерокъ.

Рыцарь все молчитъ, печаленъ;
Все идетъ вдоль по рѣкѣ;
Лорѣ страшно; замокъ Алленъ
Съ часъ какъ скрылся вдалекѣ.

— Поздно, милый! ужъ сѣдѣетъ
Мгла сырая надъ рѣкой,
Съ водъ холодный вѣтеръ вѣетъ,
И дрожитъ младенецъ мой.

«Тише! тише! Пусть сѣдѣетъ
Мгла сырая надъ рѣкой,
Грудь моя младенца грѣетъ,
Сладко спитъ младенецъ мой.»

— Поздно, милый! по неволѣ
Страхъ въ мою тѣснится грудь;
Мѣсяцъ блѣденъ, сыро въ полѣ;
Дологъ намъ до замка путь. —

Но молчитъ, какъ очарованъ,
Рыцарь, глядя на рѣку....
Лебедь тамъ плыветъ, прикованъ
Легкой цѣпью къ челноку.

Лебедь къ берегу—и съ сыномъ
Рыцарь сѣсть въ челнокъ спѣшитъ;
Лора вслѣдъ за паладиномъ;
Обомлѣла и дрожитъ.

И, осанясь, лебедь статной
Легкой цѣпію повлекъ
Вдоль по Реину обратно
Очарованный челнокъ.

Небо въ Реинѣ дрожало,
И луна изъ дымныхъ тучъ
На ладью сквозь парусъ алой
Проливала томный лучъ.

И плывутъ они безмолвны;
За кормой струя бѣжитъ,
Тихо плещутъ въ лодку волны,
Парусъ вздулся и шумитъ.

И на берегѣ молчанье,
И на мѣсяцѣ туманъ;
Лора въ робкомъ ожиданьѣ,
Въ смутной думѣ Адельстанъ.

Вотъ ужъ ночи половина.
Вдругъ.... младенецъ сталъ кричать.
— Адельстанъ, отдай мнѣ сына!
Возопила въ страхѣ мать.

«Тише, тише! онъ съ тобою.
Скоро.... ахъ, кто дастъ мнѣ силъ!
Я ужасною цѣною
За блаженство заплатилъ.

«Спи, невинное творенье,
Мучитъ душу голосъ твой;
Спи дитя, еще мгновенье,
И на вѣкъ тебѣ покой.»

Лодка къ брегу—рыцарь съ сыномъ
Выдти на берегъ спѣшитъ;
Лора вслѣдъ за паладиномъ,
Пуще млѣетъ и дрожитъ.

Страшенъ берегъ обнаженный;
Нѣтъ ни жила, ни древесъ;
Черенъ, дикъ, уединенный,
Въ сторонѣ стоитъ утесъ.

И пещера подъ скалою—
Въ ней не зрѣло око дна;
И чернѣетъ предъ луною
Страшнымъ мракомъ глубина.

Сердце Лоры замираетъ;
Смотритъ робко на утесъ.
Звучно къ безднѣ восклицаетъ
Паладинъ: «я дань принесъ.»

Въ безднѣ звуки отразились;
Отзывъ грянулъ вдоль рѣки;
Вдругъ.... изъ бездны появились
Двѣ огромныя руки.

Къ нимъ приблизилъ рыцарь сына....
Цѣпенѣющая мать,
Возопивъ, у паладина
Жертву бросилась отнять,

И воскликнула: Спаситель!...
Гласъ достигнулъ къ небесамъ:
Живъ младенецъ, а губитель
Ниспровергнутъ въ бездну самъ.

Страшно, страшно застонало
Въ грозныхъ сжавшихся когтяхъ....
Вдругъ все пусто, тихо стало
Въ глубинѣ и на скалахъ.

АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ

ТУРГЕНЕВУ,

ВЪ ОТВѢТЪ НА ЕГО ПИСЬМО.

Другъ, отчего печаленъ голосъ твой?
Отвѣтствуй, братъ, рѣши мое сомнѣнье.
Иль онъ твоей судьбы изображенье?
Иль счастіе простилось и съ тобой?
Съ стѣсненіемъ письмо твое читаю;
Увы! на немъ унынія печать;
Чего не смѣлъ ты ясно мнѣ сказать,
То все, мой другъ, я чувствомъ понимаю.
Такъ, и на твой досталося удѣлъ!
Разрушенъ міръ фантазіи прелестной;

Ты въ наготѣ, другъ милый, жизнь узрѣлъ;
Что въ безднѣ сей таилось, все извѣстно—
И для тебя ужъ здѣсь обмана нѣтъ.
И испытавъ сколь сей измѣнчивъ свѣтъ,
Съ плѣнительнымъ простившись ожиданьемъ,
На прошлы дни ты обращаешь взглядъ,
И безъ надеждъ живешь воспоминаньемъ.

О, не бывать минувшему назадъ!
Сколь весело промчалися тѣ годы,
Когда мы всѣ, товарищи-друзья,
Дѣлили жизнь на лонѣ у свободы!
Безпечные, мы въ чувствѣ бытія,
Что было, есть и будетъ, заключали,
Грядущее надеждой украшали —
И радостнымъ оно являлось намъ.
Гдѣ время то, когда по вечерамъ
Въ веселый кругъ насъ музы собирали!
Нѣтъ и слѣдовъ; изчезло все—и садъ,
И ветхій домъ, гдѣ мы въ осенній хладъ
Святой союзъ любви торжествовали
И звономъ чашъ шумъ вѣтровъ заглушали.
Гдѣ время то, когда нашъ милый братъ
Былъ съ нами, былъ всѣхъ радостей душою?
Не онъ ли насъ пріятной остротою
И нѣжностью сердечной привлекалъ!
Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ!
Сколь былъ онъ простъ, нескрытенъ въ разговорѣ,
Какъ для друзей всю душу обнажалъ,
Какъ взоръ его во глубь сердецъ вникалъ!
Высокій духъ пылалъ въ семъ быстромъ взорѣ.
Бывало, онъ, съ отцемъ рука съ рукой,
Входилъ въ нашъ кругъ—и радость съ нимъ являлась:
Старикъ при немъ былъ юноша живой,
Его сѣдинъ свобода не чуждалась....

О нѣтъ! онъ былъ милѣйшій намъ собратъ,
Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами,
Отъ сердца даръ его былъ каждый взглядъ,
И онъ друзей не рознилъ съ сыновьями....
Увы! ихъ нѣтъ.... мы жъ каждый по тропамъ
Незнаемымъ за счастьемъ полетѣли.
Намъ прошепталъ какой-то голосъ: тамъ!
Но что? и гдѣ? и кто вожатый къ цѣли?
Вдали сіялъ плѣнительный призракъ —
Насъ тайное къ нему стремленье мчало,
Но опытъ вругъ накинулъ покрывало
На нашу даль—и тамъ одинъ лишь мракъ.
И вѣрою къ грядущему убоги,
Задумчиво глядимъ съ полудороги
На спутниковъ, отставшихъ назади,
На милую фантазію съ мечтами....
Измѣнница! на вѣкъ простилась съ нами,
А все еще твердитъ свое: иди!
Куда идти? Что ждетъ насъ въ отдаленьѣ?
Чему еще на свѣтѣ вѣру дать?
И можно ль, другъ, желаніе питать,
Когда для насъ столь бѣдно исполненье
Мы разными дорогами пошли:
Но что жъ, куда онѣ насъ привели?
Все къ одному, что счастье—заблужденье.
Сравни, сравни себя съ самимъ собой!
Гдѣ прежній ты, цвѣтущій, жизни полный?
Бывало все—и солнце за горой,
И запахъ липъ, и чуть шумящи волны,
И шорохъ нивъ, струимыхъ вѣтеркомъ,
И темный лѣсъ, склоненный надъ ручьемъ,
И пастыря въ долинѣ пѣснь простая —
Веселіемъ всю душу растворяя,
Съ прелестною сливалося мечтой:
Вся жизни даль являлась предъ тобой;

И ты, восторгъ предчувствіемъ считая,
Въ событіе надежду обращалъ.
Природа та жъ.... но гдѣ очарованье?
Ахъ! съ нами, другъ, и прежній міръ пропалъ;
Предъ опытомъ умолкло упованье;
Что въ оны дни будило радость въ насъ,
То въ насъ теперь унылость пробуждаетъ;
Во всемъ, во всемъ прискорбный слышенъ гласъ,
Что ничего намъ жизнь не обѣщаетъ.
И мы еще, мой другъ, во цвѣтѣ лѣтъ.
О, бѣденъ, кто себя переживетъ,
Предъ кѣмъ сей міръ, столь нѣкогда веселый,
Какъ отчій домъ, ужасно опустѣлый:
Тамъ встарину все жило, все цвѣло,
Тамъ онъ игралъ младенцемъ въ колыбели;
Но время все оттуда унесло,
И съ милыми веселья улетѣли;
Онъ ихъ зоветъ... ему отвѣта нѣтъ;
Въ его глазахъ развалины унылы;
Одинъ его минувшей жизни слѣдъ:
Утраченныхъ безмолвныя могилы.

Неси жъ туда, гдѣ нашъ отецъ и братъ
Спокойнымъ сномъ въ пріютѣ гроба спятъ,
Вѣнки изъ розъ, вино и ароматы;
Воздвигнемъ, другъ, тамъ памятникъ простой
Ихъ бытія... и скорбной нашей траты.
Одинъ изчезъ изъ области земной
Въ объятіяхъ веселыя надежды
Увы! онъ зрѣлъ лишь юный жизни цвѣтъ;
Съ усиліемъ его смыкались вѣжды;
Онъ сѣтовалъ, на вѣкъ теряя свѣтъ,
Гдѣ милаго столь много оставалось,
Что бытіе такъ рано прекращалось,
Но онъ и въ гробъ мечтой сопровожденъ.

Другой.... старикъ.... сколь былъ онъ изумленъ
Тогда, какъ смерть, ошибкою ужасной,
Не надъ его одряхшей головой,
Надъ юностью обрушилась прекрасной!
Онъ не роападъ; но съ тихою тоской
Смотрѣлъ на прахъ покоя и могилы —
Увы, тамъ ждалъ его сопутникъ милый!
Онъ мыслію, безмолвный предъ судьбой,
Взывалъ къ Творцу: да пройдетъ чаша мимо!
Она прошла.... и мы въ сей край незримой
Летимъ душой за милыми во слѣдъ;
Но къ намъ отъ нихъ желанной вѣсти нѣтъ,
Лишь тайное живетъ въ насъ ожиданье....
Когда жъ? Когда?.... Другъ милый, упованье!
Гробами ихъ рубежъ означенъ тотъ,
За коимъ насъ свободы геній ждетъ
Съ спокойствіемъ, безчувствіемъ, забвеньемъ.
Пришедъ туда, о другъ, съ какимъ презрѣньемъ
Мы бросимъ взоръ на жизнь, на гнусный свѣтъ,
Гдѣ милое одинъ минутный цвѣтъ,
Гдѣ доброму слѣдовъ ко счастью нѣтъ,
Гдѣ мнѣніе надъ совѣстью властитель,
Гдѣ все, мой другъ, иль жертва иль губитель!...
Дай руку, братъ! какъ знать, куда нашъ путь
Насъ приведетъ, и скоро ль онъ свершится,
И что еще во мглѣ судьбы таится?
Но дружба намъ звѣздой отрады будь!
О прочемъ здѣсь останемся безпечны;
Намъ счастья нѣтъ: за то и мы — не вѣчны.

—

Примѣчаніе. Сіе посланіе посвящено воспоминаніямъ молодости; двухъ друзей, украшавшихъ ее, нѣтъ уже на свѣтѣ:

Одинъ изчезъ изъ области земной
Въ объятіяхъ веселыя надежды.

Андрей Ивановичъ Тургеневъ. Онъ умеръ въ полномъ цвѣтѣ жизни. Умъ необыкновенно проницательный, острый и ясный; чистое, исполненное любви къ прекрасному сердце. Въ семъ посланіи изображенъ онъ такимъ, каковъ былъ.

Гдѣ время то, когда нашъ милый братъ
Былъ съ нами, былъ всѣхъ радостей душою?
Не онъ ли насъ пріятной остротою
И нѣжностью сердечной привлекалъ!
Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ!
Сколь былъ онъ простъ, нескрытенъ въ разговорѣ,
Какъ для друзей всю душу обнажалъ,
Какъ взоръ его во глубь сердецъ вникалъ!
Высокій духъ пылалъ въ семъ быстромъ взорѣ.

Наружность его отвѣчала его характеру: быстрый взоръ, казалось, ясно читалъ въ каждомъ сердцѣ; но этотъ взоръ никого не приводилъ въ замѣшательство—въ немъ сіяла кроткая, непритворная, доброжелательная душа. И разговоръ его былъ таковъ же: не возможно было имѣть болѣе остроты и ни чья острота не имѣла въ себѣ столь много привлекательнаго, ибо она была непринужденная, не оскорбляла самолюбія, соединялась съ нѣжностію сердечною и была самымъ пріятнымъ ея выраженіемъ. «Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ?» есть самое вѣрное изображеніе той дружбы, которую питали къ нему его товарищи: этимъ однимъ, общимъ для всѣхъ нихъ чувствомъ, тѣснѣе были они соединены и между собою. Онъ точно былъ для нихъ душею всѣхъ радостей. И теперь съ живымъ объ немъ воспоминаніемъ всегда возобновляется сладкое чувство прежней молодой жизни, а вмѣстѣ съ этимъ чувствомъ и все что было лучшаго въ этомъ лучшемъ времени. Жизнь его можно назвать прекрасною неисполнившеюся надеждою: въ немъ созрѣвало все, что составляетъ прямое достоинство человѣка, но это все безплодно погибло для здѣшняго свѣта.

Другой... старикъ... сколь былъ онъ изумленъ
Тогда, какъ смерть, ошибкою ужасной,
Не надъ его одряхшей головой,
Надъ юностью обрушилась прекрасной!

Иванъ Петровичъ Тургеневъ. Онъ имѣлъ несчастіе пережить милаго сына и эта потеря, кажется, была отчасти причиною собственной, преждевременной смерти его: онъ умеръ не въ дряхлыхъ лѣтахъ отъ паралича, лишенный памяти, языка, руки и ноги. Любовь его къ дѣтямъ была товариществомъ зрѣлаго опытнаго мужа

съ юношами, привязанными къ нему свободною довѣренностію, сходствомъ мыслей и чувствъ и самою нѣжною благодарностію:

Его сѣдинъ свобода не чуждалась...
О нѣтъ! онъ былъ милѣйшій намъ собратъ,
Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами,
Отъ сердца даръ его былъ каждый взглядъ,
И онъ друзей не рознилъ съ сыновьями.

Это изображеніе самое вѣрное. Нельзя безъ сладкаго чувства вспомнить объ этомъ старцѣ. Онъ былъ живой юноша въ кругу молодыхъ людей, изъ которыхъ каждый готовъ былъ сказать ему все, что имѣлъ на сердцѣ, будучи привлеченъ его прямодушіемъ, отеческимъ участіемъ, веселостію, простотою. Тяжелая болѣзнь мало по малу его уничтожала.

Онъ мыслію, безмолвный предъ судьбой
Взывалъ къ Творцу: да пройдетъ чаша мимо!
Она прошла...

И отецъ и сынъ покоятся вмѣстѣ. Они погребены на кладбищѣ Невскаго монастыря. Одинъ камень покрываетъ ихъ могилы. В. Ж.

ЭЛИЗІУМЪ.

[ПѢСНЯ, ИЗЪ МАТТИСОНА].

Роща, гдѣ податель мира
Добрый геній смерти спитъ,
Гдѣ румяный блескъ эѳира
Съ тѣнью зыбкихъ сѣней слитъ,
Гдѣ источника журчанье
Какъ далекій отзывъ лиръ,
Гдѣ печаль, забывъ роптанье,
Обрѣтаетъ сладкій миръ:

Съ тайнымъ трепетомъ, смятенна,
Въ упоеніи боговъ,
Для безсмертья возрожденна,
Сбросивъ пепельный покровъ,

Входитъ въ сумракъ твой Психея;
Неприкованна къ землѣ,
Юной жизнью пламенѣя,
Развила она крылѣ.

Полетѣла въ тихомъ свѣтѣ,
Съ обновленною красой.
Въ долъ туманный, къ тайной Летѣ;
Мнилось, легкою рукой
Геній влекъ ее незримый;
Видитъ мирные луга;
Видитъ Летою кропимы
Очарованны брега.

Въ ней надежда, ожиданье;
Наклонилася къ водамъ,
Усмиряющимъ страданье....
Ликъ простерся по струямъ;
Такъ безоблаченъ играетъ
Въ морѣ мѣсяцъ молодой,
Такъ въ источникѣ сверкаетъ
Факелъ Геспера златой.

Лишь фіалъ воды забвенья
Поднесла къ устамъ она —
Дней минувшихъ привидѣнья
Скрылись легкой тѣнью сна.
Заблистала, полетѣла
Къ очарованнымъ холмамъ,
Гдѣ журчатъ, какъ Филомела,
Свѣтлы воды по цвѣтамъ.

Все въ торжественномъ молчаньѣ.
Притаились вѣтерки;

Лавровъ стихло трепетанье;
Спятъ на розахъ мотыльки.
Такъ молчало все творенье—
Море, воздухъ, берегъ дикъ,
Зря пѣнистыхъ водъ рожденье
Анадіомены ликъ.

Всюду яркій блескъ Авроры!
Никогда такой красой
Не сіяли рощи, горы,
Обновленныя весной;
Мирты съ зыбкими листами
Тонутъ въ пурпурныхъ лучахъ;
Розы свѣтлыми звѣздами
Отразилися въ водахъ.

Такъ волшебный лучъ Селены
Въ лѣсъ Карійскій проникалъ,
Гдѣ ловитвой утомленный
Сладко другъ Діаны спалъ;
Какъ струи лѣнивый ропотъ,
Какъ воздушной арфы звонъ,
Разливался въ лѣсѣ шопотъ:
Пробудись, Эндиміонъ!

ПУСТЫННИКЪ.

[БАЛЛАДА, ИЗЪ ГОЛЬДСМИТА].

«Веди меня, пустыни житель,
Святой анахоретъ;
Близка желанная обитель;
Привѣтный вижу свѣтъ.

«Усталъ я; тьма кругомъ густая;
Запалъ въ глуши мой слѣдъ;
Безбрежнѣй, мнится, степь пустая,
Чѣмъ далѣ я впередъ.»

— Мой сынъ [въ отвѣтъ пустыни житель],
Ты призракомъ прельщенъ:
Опасенъ твой путеводитель —
Надъ бездной свѣтитъ онъ.

Здѣсь чадамъ нищеты бездомнымъ
Отверста дверь моя,
И скудныхъ благъ удѣломъ скромнымъ
Дѣлюсь отъ сердца я.

Войди въ гостепріимну келью;
Мой сынъ, передъ тобой
И брашно съ жосткою постелью,
И сладкій мой покой.

Есть стадо.... но безвинныхъ кровью
Руки я не багрилъ:
Меня Творецъ своей любовью
Щадить ихъ научилъ.

Обѣдъ снимаю непорочный
Съ пригорковъ и полей;
Деревья плодъ даютъ мнѣ сочный,
Питье даетъ ручей.

Войди жъ въ мой домъ, заботъ тамъ чужды;
Нѣтъ блага въ суетѣ:
Намъ малыя даны здѣсь нужды;
На малый мигъ и тѣ. —

Какъ свѣжая роса денницы,
Былъ сладокъ сей привѣтъ;
И робкій гость, склоня зѣницы,
Идетъ за старцемъ вслѣдъ.

Въ дичи глухой, непроходимой,
Его таился кровъ—
Пріютъ для сироты гонимой,
Для странника покровъ.

Не пышны въ хижинѣ уборы,
Тамъ бѣдность и покой;
И скрыпнули дверей растворы
Предъ мирною четой.

И старецъ зритъ гостепріимной,
Что гость его унылъ,
И свѣтлый огонекъ онъ въ дымной
Печуркѣ разложилъ.

Плоды и зелень предлагаетъ
Съ приправой добрыхъ словъ;
Бесѣдой скуку озлащаетъ
Медлительныхъ часовъ.

Кружится рѣзвый котъ предъ ними,
Въ углу кричитъ сверчокъ,
Трещитъ межъ листьями сухими
Блестящій огонекъ.

Но молчаливъ пришлецъ угрюмый,
Печаль въ его чертахъ,
Душа полна прискорбной думы,
И слезы на глазахъ.

Ему пустынникъ отвѣчаетъ
Сердечною тоской.
— О юный странникъ, что смущаетъ
Такъ рано твой покой?

Иль быть убогимъ и бездомнымъ
Творецъ тебѣ судилъ?
Иль преданъ другомъ вѣроломнымъ?
Или вотще любилъ?

Увы! спокой себя, презрѣнны
Утѣхи благъ земныхъ;
А тотъ, кто плачетъ, ихъ лишенный,
Еще презрѣннѣй ихъ.

Приманчивъ дружбы взоръ лукавой;
Но, ахъ, какъ тѣнь во слѣдъ
Она за счастіемъ, за славой,
И прочь отъ хилыхъ бѣдъ.

Любовь.... любовь Прелестъ игрою,
Отрава сладкихъ словъ,
Незрима въ мірѣ, лишь порою
Живетъ у голубковъ.

Но, другъ, ты робостью стыдливой
Свой нѣжный полъ открылъ.—
И очи странникъ торопливой,
Краснѣя, опустилъ.

Краса сквозь легкій проникаетъ
Стыдливости покровъ,
Такъ утро тихое сіяетъ
Сквозь завѣсъ облаковъ.

Трепещутъ перси, взоръ склоненный,
Какъ роза цвѣтъ ланитъ....
И дѣву-прелесть изумленный
Отшельникъ въ гостѣ зритъ.

«Простишь ли, старецъ, дерзновенье,
Что робкою стопой
Вошла въ твое уединенье,
Гдѣ Богъ одинъ съ тобой!

«Любовь надеждъ моихъ губитель,
Моихъ виновникъ бѣдъ:
Ищу покоя, но мучитель —
Тоска за мною вслѣдъ.

«Отецъ мой знатностію, славой
И пышностью гремѣлъ,
Я дней его была забавой,
Онъ все во мнѣ имѣлъ.

«И рыцари стеклись толпою:
Мнѣ предлагали въ даръ
Тѣ чистый, сходный съ ихъ душою,
А тѣ притворный жаръ.

«И каждый лестью вѣроломной
Привлечь меня мечталъ....
Но въ ихъ толпѣ Эдвинъ былъ скромной;
Эдвинъ, любя, молчалъ.

«Ему съ смиренной нищетою
Судьба одно дала:
Плѣнять высокою душою,
И та моей была.

«Роса на розѣ, цвѣтъ душистой
Фіалки полевой,
Едва сравниться могутъ съ чистой
Эдвиновой душой.

«Но цвѣтъ съ небесною росою
Живутъ единый мигъ:
Онъ одаренъ былъ ихъ красою
Я — легкостію ихъ.

«Я гордой, хладною казалась,
Но милъ онъ втайнѣ былъ;
Увы! любя, я восхищалась,
Когда онъ слезы лилъ.

«Несчастный! онъ не снесъ презрѣнья;
Въ пустыню онъ помчалъ
Свою любовь, свои мученья,
И тамъ въ слезахъ увялъ.

«Но я виновна, мнѣ страданье,
Мнѣ увядать въ слезахъ,
Мнѣ будь пустыня та изгнанье,
Гдѣ скрытъ Эдвиновъ прахъ.

«Надъ тихою его могилой
Конецъ свой встрѣчу я,
И приношеньемъ тѣни милой
Пусть будетъ жизнь моя.»

— Мальвина! старецъ восклицаетъ,
И палъ къ ея ногамъ....
О чудо! ихъ Эдвинъ лобзаетъ,
Эдвинъ предъ нею самъ.

— Другъ незабвенный, другъ единой!
Опять на вѣкъ я твой!
Полна душа моя Мальвиной,
И здѣсь дышалъ тобой.

Забудь о прошломъ, нѣтъ разлуки,
Самъ Богъ вѣщаетъ намъ:
Все въ жизни, радости и муки,
Отнынѣ пополамъ.

Ахъ! будь и самый часъ кончины
Для двухъ сердецъ одинъ:
Да съ милой жизнію Мальвины
Угаснетъ и Эдвинъ!—

КЪ АЛ. ИВ. ТУРГЕНЕВУ,

ВЪ ОТВѢТЪ НА СТИХИ, ПРИСЛАННЫЕ ИМЪ ВМѢСТО ПИСЬМА:

«Nei giorni tuoi felici
Ricordati di me!»

Въ день счастья вспомнить о тебѣ?
На что такое, другъ, желанье?
На что намъ повѣрять судьбѣ
Священное воспоминанье?
Когда бъ любовь къ тебѣ моя
Моимъ лишь счастьемъ измѣрялась,
И имъ лишь въ сердцѣ оживлялась,
Сколь бѣденъ ею былъ бы я!
Нѣтъ, нѣтъ, мой братъ, мой другъ-хранитель,
Воспоминаніемъ инымъ
Плачу тебѣ! я вѣчно съ нимъ;
Оно мой вѣрный утѣшитель!

Во дни печали — ты со мной;
И ободряемый тобой,
Еще я жизнь не презираю;
О, что бы ни было.... я знаю,
Гдѣ мнѣ прибѣжище обрѣсть,
Куда любовь свою принесть,
И гдѣ любовь не измѣнится,
И гдѣ нѣжнѣйшее хранится
Участіе въ судьбѣ моей.
Дождусь иль нѣтъ счастливыхъ дней
О томъ, мой милый другъ, ни слова!
Какимъ бы я ни шелъ путемъ,
Все ты мнѣ спутникомъ-вождемъ;
Со мной до камня гробоваго,
Не измѣняяся, иди;
Одна мольба: не упреди!

ПѢСНЯ.

[ПОДРАЖАНІЕ НѢМЕЦКОЙ].

О милый другъ, теперь съ тобою радость!
А я одинъ—и мой печаленъ путь;
Живи, вкушай невинной жизни сладость,
Въ душѣ не измѣнись, достойна счастья будь....
Но не отринь, въ толпѣ плѣняемыхъ тобою,
Ты друга прежняго, увядшаго душою;
Веселья ихъ дѣли—ему отрадой будь;
Его, мой другъ, не позабудь.

О милый другъ, намъ рокъ велѣлъ разлуку:
Дни, мѣсяцы и годы пролетятъ,
Вотще къ тебѣ простру отъ сердца руку —

Ни голосъ твой, ни взоръ меня не усладятъ.
Но и вдали моя душа съ твоей согласна;
Любовь ни времени, ни мѣсту не подвластна;
Всегда, вездѣ ты мой хранитель-ангелъ будь;
Меня, мой другъ, не позабудь.

О милый другъ, пусть будетъ прахъ холодный
То сердце, гдѣ любовь къ тебѣ жила:
Есть лучшій міръ, тамъ мы любить свободны,
Туда моя душа ужъ все перенесла,
Туда всечасное влечетъ меня желанье,
Тамъ свидимся опять, тамъ наше воздаянье;
Сей вѣрой сладкою полна въ разлукѣ будь —
Меня, мой другъ, не позабудь.

УЕДИНЕНІЕ.

[ОТРЫВОКЪ].

Дружись съ уединеньемъ!
Изнѣженъ наслажденьемъ,
Сынъ свѣта, незнакомъ
Съ симъ добрымъ божествомъ,
Ни труженикъ унылый,
Безмолвный рабъ могилы,
Презрѣвшій Божій свѣтъ
Степной анахоретъ.
Ужаснымъ привидѣньемъ
Предъ ихъ воображеньемъ
Является оно:
Какъ тьмой облечено,
Одеждою печальной,

И къ урнѣ погребальной
Приникшее челомъ,
И въ сумракѣ кругомъ,
Объятъ безмолвной думой,
Совѣтъ его угрюмой:
Съ толпой видѣній страхъ,
Унылое молчанье,
И мрачное мечтанье
Съ безуміемъ въ очахъ,
И душъ холодныхъ мука,
Губитель жизни скука.....
О, видъ совсѣмъ иной
Для тѣхъ оно пріемлетъ,
Кто зову сердца внемлетъ,
И съ мирною душой,
Младенецъ простотой,
Вслѣдъ промысла стремится,
Ни свѣта, ни людей
Угрюмо не дичится,
Но счастья жизни сей
Отъ нихъ не ожидаетъ,
А въ сердцѣ заключаетъ
Прямой источникъ благъ.
Съ улыбкой на устахъ,
На дружественномъ лонѣ
Подруги-тишины,
Въ сіяніи весны,
Простертое на тронѣ
Изъ лилій молодыхъ,
Какъ райское видѣнье,
Себя являетъ ихъ
Очамъ уединенье.
Вблизи подъ сѣнью миртъ
Кружится рой Харитъ,
И пляску соглашаетъ

Съ струнами Аонидъ;
Смотря на нихъ, смягчаетъ
Наука строгій видъ;
При ней сынъ размышленья
Съ веселымъ взглядомъ трудъ—
Въ рукѣ его сосудъ
Счастливаго забвенья
Сразившихъ душу бѣдъ,
И радостей минувшихъ,
И сердце обманувшихъ
Разрушенныхъ надеждъ;
Тамъ зрится отдыхъ ясный,
Труда веселый другъ,
И сладостный досугъ,
И три сестры, прекрасны,
Какъ юная весна:
Вчера-воспоминанье,
И нынѣ-тишина,
И завтра-упованье;
Сидятъ рука съ рукой,
Та съ розой молодой,
Та съ розой облетѣлой;
А та, мечтой веселой
Стремяся къ небесамъ,
Въ ихъ тайну проникаетъ,
И радуясь, сливаетъ
Невѣдомое намъ
Въ магическое — тамъ!

СИРОТКА.

РОМАНСЪ.*

Едва она узрѣла свѣтъ,
Ужъ ей печаль знакома стала;
Веселье спутникъ дѣтскихъ лѣтъ,
А ей судьба въ немъ отказала.
Въ семьѣ томилась сиротой;
Ее грядущее страшило....
Но провидѣніе хранило
Младенца тайною рукой.

О ты, святое провидѣнье,
Въ твоемъ владѣньи нѣтъ сиротъ!
Боязнь и ропотъ — заблужденье;
Всегда къ добру твой путь ведетъ.

Среди неистовыхъ враговъ
Сиротка матерью забыта;
Сгорѣлъ ея родимый кровъ,
И ей невинность не защита;
Но бѣдный съ нищенской клюкой
Ей Богомъ посланъ во спасенье...
На краѣ бездны провидѣнье
Сдружило слабость съ нищетой.

О промыслъ, спутникъ невидимый
И сиротства и нищеты,

* Трогательное происшествіе подало поводъ написать эти стихи. Одна забывчивая мать оставила своихъ дѣтей [трехъ дочерей] въ Москвѣ, при нашествіи непріятеля. Малютки спасены жалостію посторонняго, бѣднаго человѣка. Одна изъ дѣвочекъ была принята въ семейство Анны Ив. Плещеевой, которая пеклась объ ней съ материнскою нѣжностію и не розмила ея ни въ чемъ съ собственными дѣтьми своими. Другія двѣ были возвращены матери.—В. Ж.

Сколь часто путь непостижимый
Къ спасенью избираешь ты!

И породнившися судьбой,
Сиротка и старикъ убогой,
Безъ трепета, рука съ рукой,
Пошли погибельной дорогой:
Дорога бѣдныхъ привела
Въ гостепріимную обитель...
Имъ былъ Всевышній предводитель,
Ихъ милость въ пристани ждала.

О ты, святое провидѣнье,
Сколь намъ твой безопасенъ слѣдъ!
Творишь изъ гибели спасенье,
Ведешь къ добру стезею бѣдъ.

Играй, дитя, гроза прошла,
Ужасный громъ ударилъ мимо,
Тебя мать добрая нашла
На мѣсто матери родимой:
Дорога жизни предъ тобой
Цвѣтами счастія покрыта...
Молись же, чтобъ Творецъ защита
Былъ той, кто здѣсь хранитель твой.

Услышь младенца, провидѣнье,
Прими ее подъ щитъ любви:
Она чужихъ дѣтей спасенье —
Ея дѣтей благослови.

ПѢСНЯ МАТЕРИ

НАДЪ КОЛЫБЕЛЬЮ СЫНА.

[ИЗЪ БЕРКЕНЯ].

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Уже ль страдать и намъ съ тобой?
Ахъ, тяжко и одно страданье!

Когда отецъ твой обольстилъ
Меня любви своей мечтою,
Какъ ты, плѣнялъ онъ красотою,
Какъ ты, онъ простъ, невиненъ былъ!
Ввѣрялось сердце безъ защиты,
Но онъ невѣренъ, мы забыты.

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Уже ль страдать и намъ съ тобой?
Ахъ, тяжко и одно страданье!

Когда покинетъ легкій сонъ,
Утѣшь меня улыбкой милой;
Увы, такой же сладкой силой
Повелѣвалъ душѣ и онъ.
Но сколь онъ зналъ, къ моей напасти,
Что все его покорно власти!

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Уже ль страдать и намъ съ тобой?
Ахъ, тяжко и одно страданье!

Мое онъ сердце распалилъ,
Чтобы сразить его измѣной;

Почто жъ своею перемѣной
Онъ и его не измѣнилъ?
Моя тоска неутомима;
Люблю, хотя и нелюбима.

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Уже ль страдать и намъ съ тобой?
Ахъ тяжко и одно страданье!

Его краса въ твоихъ чертахъ;
Открытый видъ, живые взоры;
Его услышу разговоры
Я скоро на твоихъ устахъ!
Но, ахъ, красой очарователь,
Мой сынъ, не будь какъ онъ предатель!

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Уже ль страдать и намъ съ тобой?
Ахъ, тяжко и одно страданье!

Въ слезахъ у люльки я твоей,
А ты съ улыбкой почиваешь.
О дай, Творецъ, да не узнаешь
Печаль подобную моей.
Отъ милыхъ горе нестерпимо;
Да пройдетъ страшный жребій мимо.

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Уже ль страдать и намъ съ тобой?
Ахъ, тяжко и одно страданье!

На вѣкъ для насъ пустыня свѣтъ,
Къ надеждѣ намъ пути закрыты;

Когда единственнымъ забыты,
Намъ сердца здѣсь роднаго нѣтъ.
Не намъ веселіе земное;
Во всей природѣ мы лишь двое!

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Уже ль страдать и намъ съ тобой?
Ахъ, тяжко и одно страданье!

Пойдемъ, мой сынъ, путемъ однимъ,
Двѣ жертвы рока злополучны.
О, будемъ въ мірѣ неразлучны,
Сноснѣй страданіе двоимъ!
Я нѣжныхъ лѣтъ твоихъ хранитель,
Ты мнѣ на старость утѣшитель!

Засни, дитя! спи, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Уже ль страдать и намъ съ тобой?
Ахъ, тяжко и одно страданье!

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА

КЪ ИВ. ИВ. ДМИТРІЕВУ.*

И такъ—ея ужъ нѣтъ,
Сей пристани спокойной,
Гдѣ добрый нашъ поэтъ
Игралъ на лирѣ стройной,
И счастія достойный,

* Эти стихи вѣроятно были написаны послѣ московскаго пожара въ 1812 году. Дмитріевъ имѣлъ тогда свой домъ у Харитоніѧ въ Огородникахъ.

Пройдя стезю честей,
Мечталъ закатомъ дней
Веселымъ насладиться
И съ жизнію проститься,
Какъ ясный майскій день
Прощается съ природой.
Исчезла мирна сѣнь!
Съ харитами, свободой,
Въ семъ тихомъ уголкѣ
Веселость обитала,
И съ сердцемъ на рукѣ*
Тамъ дружба угощала
Друзей по вечерамъ!
Но время все умчало,
И здѣсь—на вѣки тамъ!
Какъ весело бывало,
Когда своимъ друзьямъ,
Подъ липою вѣтвистой
Съ коньякомъ чай душистой
Хозяинъ разливалъ,
И кругъ нашъ оживлялъ
Веселымъ, острымъ словомъ!
О, дерево друзей!
Сколь часто темнымъ кровомъ
Развѣсистыхъ вѣтвей
Ты добрыхъ осѣняло;
Сколь часто ты внимало
Веселымъ мудрецамъ,
Кудрявыхъ одъ разборамъ,
Шутливымъ, важнымъ спорамъ,
И Пушкина ** стихамъ!....

* Стихъ И. И. Дмитріева: «Гдѣ сердце на рукѣ, гдѣ разумъ не язвитъ.»

** В. Л. Пушкинъ, дядя А. С. Пушкина.

Сколь часто прохлажденный
Сей тѣнью Карамзинъ,
Нашъ Ливій-славянинъ,
Какъ будто вдохновенный,
Предъ нами разрывалъ
Завѣсу лѣтъ минувшихъ,
И смертнымъ сномъ заснувшихъ
Героевъ вызывалъ
Изъ гроба передъ нами!
Съ подъятыми перстами,
Со пламенемъ въ очахъ,
Подъ сѣрымъ уберрокомъ
И въ пыльныхъ сапогахъ,
Казался онъ пророкомъ,
Открывшимъ въ небесахъ
Всѣ тайны ихъ священны!
И нашъ мудрецъ смиренный,
Козлятевъ незабвенный, *
Оратору внималъ,
Съ улыбкой одобрялъ,
И взоромъ выражалъ
Въ молчаньи всѣ движенья
Души своей простой!
Онъ кончилъ путь земной!
Но какъ безъ восхищенья
О добромъ говорить?
О, можно ли забыть
Сей взоръ пріятный, ясной,
Органъ души прекрасной,
Сей тихій, скромный видъ,
Сердечную учтивость,
И старческихъ ланитъ

* Генералъ-маіоръ Ѳедоръ Ильичъ Козлятевъ былъ извѣстенъ своею благотворительностью.

Прелестную стыдливость,
И простоту рѣчей!.....
Покой сихъ мирныхъ дней
Смиренье ограждало;
Ничто ихъ не смущало
Сердечной чистоты;
Страдальца, сироты
Молящее стенанье
Внималъ онъ со слезой,
Онъ скрытною рукой
Благотворилъ въ молчаньи!....
Увы! его ужъ нѣтъ,
И милой жизни слѣдъ
Хранитъ воспоминанье!
Но что жъ? Очарованье
Сихъ дружескихъ бесѣдъ
Погибло ль безъ возврата?....
Пожаръ не пощадилъ
Ни добраго Сократа,
Которому грозилъ
Амуръ въ тѣни акацій,
Ни скромной урны грацій,
Ни тѣсной люльки той,
Гдѣ эгоистъ спокойный,
Подъ тѣнью въ полдень знойный,
Съ подругою мечтой
Дѣлилъ уединенье.
Все грозною рукой
Постигло разрушенье! . . .
. . . .

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ.*

Мой слабый даръ царица ободряетъ;
Владычица, въ сіяніи вѣнца,
Съ улыбкой слухъ отъ гимновъ преклоняетъ
Къ гармоніи безвѣстнаго пѣвца....
Могу ль желать славнѣйшія награды?
Когда сей врагъ къ намъ брань и гибель несъ,
И русскіе воспламенялись грады,
Я съ трепетомъ зрѣлъ ангела небесъ,
Въ сей страшной мглѣ открывшаго пучину
Надменному успѣхомъ исполину;
Я старца зрѣлъ, избраннаго царемъ;
Я зрѣлъ славянъ, летящихъ за вождемъ
На огнь и мечъ, и въ каждомъ взорѣ мщенье —
И геніемъ мнѣ было восхищенье,
И я предрекъ губителю паденье,
И все сбылось — губитель гордый палъ!...
Но, ахъ, почто мнѣ жребій низпослалъ
Столь бѣдный даръ?... Внимаемый царицей,
Отважно бъ я на лирѣ возгремѣлъ,
Какъ месть и громъ несущій нашъ орелъ
Ударилъ слѣдъ за робкою станицей
Постигнутыхъ смятеніемъ враговъ,
Какъ подъ его обширными крылами
Спасенные народы отъ оковъ
Съ возникшими изъ низости царями
Воздвигнули свободы знамена,

---

* Ея императорскому величеству угодно было, чтобъ авторъ, жившій тогда въ деревнѣ, доставилъ ей списокъ Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ. Исполняя волю государыни, онъ осмѣлился къ желаемому списку присоединить это посланіе. — В. Ж.

Или забывъ побѣдные перуны,
Твоей хвалой воспламенилъ бы струны;
Ахъ, сей хвалой душа моя полна!
И гдѣ предметъ славнѣе для поэта?
Царица, мать, супруга, дочь царей,
Краса царицъ, веселіе полсвѣта....
О, кто найдетъ языкъ, приличный ей?
Почто лишенъ я силы вдохновенья?
Тогда бъ дерзнулъ я лирою моей
Тебя воспѣть, въ красѣ благотворенья
Сѣдящую безъ царскаго вѣнца
Въ кругу сихъ дѣвъ, питомицъ провидѣнья.
Прелестный видъ! ихъ чистыя сердца
Безъ робости открыты предъ тобою;
Тебя хотятъ младенческой игрою
И рѣзвостью невинной утѣшать;
Царицы нѣтъ — онѣ ласкаютъ мать;
Объ ней ихъ мысль, объ ней ихъ разговоры,
Объ ней одной мольбы ихъ предъ Творцомъ,
Одну ее съ небеснымъ божествомъ
При алтарѣ поютъ ихъ сладки хоры.
Или мечтой стремясь тебѣ во слѣдъ,
Дерзнулъ бы я вступить въ сей домъ спасенья,
Туда, гдѣ ты, какъ ангелъ утѣшенья,
Льешь сладкую отраду въ чашу бѣдъ.
О, кто въ сей храмъ войдетъ безъ умиленья?
Какъ божество невидимое, ты
Тамъ колыбель забвенной сироты
Спасительной рукою оградила;
Въ часъ бытія отверзлась имъ могила —
Ты приговоръ судьбы перервала,
И въ образѣ небесныя надежды
Другую жизнь отверженнымъ дала.
Едва на міръ открыли слабы вѣжды,
Ужъ съ творческимъ сліянный образъ твой

Въ младенческихъ сердцахъ запечатлѣли;
Безъ трепета отъ тихой колыбели
Они идутъ въ путь жизни за тобой.
И въ бурю бѣдъ ты мощный имъ хранитель.
Вотще окрестъ ихъ сѣни брань кипитъ —
На ихъ главы ты свой простерла щитъ,
И задрожалъ свирѣпый истребитель
Предъ мирною невинностью дѣтей,
И не дерзнулъ пожаръ внести злодѣй
Въ священную сиротъ твоихъ обитель.
И днесь — когда отвсюду славы громъ,
Когда, сраженъ полуночнымъ орломъ,
Бѣжитъ въ стыдѣ народовъ притѣснитель —
О, сколь предметъ высокій для пѣвца!
Владыки мать въ величествѣ царицы
И съ ней народъ, молящіе Творца,
Да подъ щитомъ всесильныя десницы
Дастъ миръ землѣ полсвѣта властелинъ.
Такъ, къ небесамъ дойдутъ твои молитвы;
Придетъ, придетъ, свершивъ за правду битвы,
Защитникъ царствъ, любовь царей, твой сынъ,
Съ вѣнчанными побѣдою полками.
О славный день, о радостный возвратъ!
Уже я зрю священный Петроградъ,
Встрѣчающій спасителя громами;
Грядетъ, грядетъ, предшествуемъ орлами,
Плѣняющій величествомъ, красой!
И близъ него нашъ старецъ, вождь судьбины,
И имъ во слѣдъ вождей блестящій строй,
И грозныя славянскія дружины.
И ты спѣшишь съ супругою младой,
Въ кругу дѣтей, во срѣтенье желанныхъ....
Блаженный часъ! въ виду героевъ бранныхъ,
Прославленной склоняется главой
Владыка-сынъ предъ матерью-царицей,

Да славу ихъ любовь благословитъ —
И вкупѣ съ нимъ спасенный міръ лежитъ
Передъ твоей священною десницей.

ТЕОНЪ И ЭСХИНЪ.

Эсхинъ возвращался къ пенатамъ своимъ,
Къ брегамъ благовоннымъ Алфея.
Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ—
Но счастье, какъ тѣнь, убѣгало.

И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ—
Лишь сердце они изнурили;
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ, увяла душа,
Въ ней скука смѣнила надежду.

Ужъ взоромъ его тихоструйный Алфей
Въ цвѣтущихъ брегахъ открывался;
Предъ нимъ оживились минувшіе дни,
Давно улетѣвшая младость.....

Все тѣ жъ берега и поля и холмы,
И то же прекрасное небо;
Но гдѣ жъ озарявшая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ надежда?

Жилища Теонова ищетъ Эсхинъ.
Теонъ при домашнихъ пенатахъ,
Въ желаніяхъ скромный, безъ пышныхъ надеждъ,
Остался на брегѣ Алфея.

Близъ мѣста, гдѣ въ море втекаетъ Алфей,
Подъ сѣнью оливъ и платановъ,

Смиренную хижину видитъ Эсхинъ—
То было жилище Теона.

Съ безоблачныхъ солнце сходило небесъ,
И тихое море горѣло;
На хижину сыпался розовый блескъ,
И мирты окрестны алѣли.

Изъ бѣлаго мрамора гробъ не вдали,
Обсаженный миртами, зрѣлся;
Душистыя розы и гибкій ясминъ
Вѣтвями надъ нимъ сплетались.

На прагѣ сидѣлъ въ размышленьи Теонъ,
Смотря на багряное море—
Вдругъ видитъ Эсхина, и вмигъ узнаетъ
Сопутника юныя жизни.

«Да благостно взглянетъ хранитель-Зевесъ
На мирный возвратъ твой къ пенатамъ!»
Съ блистающимъ радостью взоромъ Теонъ
Сказалъ, обнимая Эсхина.

И взглядъ на него любопытный вперилъ—
Лицо его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотритъ Эсхинъ—
Взоръ друга прискорбенъ, но ясенъ.

— Когда я съ тобой разлучался, Теонъ,
Надежда сулила мнѣ счастье;
Но опытъ иное мнѣ въ жизни явилъ:
Надежда лукавый предатель.

Скажи, о Теонъ, твой задумчивый взглядъ
Не ту же ль судьбу возвѣщаетъ?

Уже ль и тебя посѣтила печаль
При мирныхъ домашнихъ пенатахъ?—

Теонъ указалъ, воздыхая, на гробъ.....
«Эсхинъ, вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь—
Но съ нею печаль неразлучна.

«О, нѣтъ! не ропщу на Зевесовъ законъ:
И жизнь и вселенна прекрасны.
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство.

«Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей—

«Вотъ счастье! о другъ мой, оно не мечта.
Эсхинъ, я любилъ и былъ счастливъ;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.

«При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья;
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной, возвышенной цѣли.

«Увы! я любилъ.... и ея уже нѣтъ!
Но счастье, вдвоемъ столь живое,
На вѣки ль исчезло? И прежніе дни
Вотще ли столь были прелестны?

«О, нѣтъ! никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ;
Для сердца прошедшее вѣчно.

Страданье въ разлукѣ есть та же любовь;
Надъ сердцемъ утрата безсильна.

«И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды:
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ,
Погибшее намъ возвратится?

«Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ....
Ахъ! свѣтъ, гдѣ она предо мною цвѣла —
Онъ тотъ же, все ею онъ полонъ.

«По той же дорогѣ стремлюся одинъ,
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ —
Сихъ узъ не разрушитъ могила.

«Сей мыслью высокой украшена жизнь;
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
На полное славы творенье.

«Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни;
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
Какъ небо сіяньемъ Авроры.

«Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна;
При мысли великой, что я — человѣкъ,
Всегда возвышаюсь душею.

«А этотъ безмолвный, таинственный гробъ....
О другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,

Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ.

«Сей гробъ, затворенная къ счастію дверь,
Отворится.... жду и надѣюсь.
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.

«О другъ мой, искавъ измѣняющихъ благъ,
Искавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои —
Ты жизнь презирать научился.

«Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и свѣтъ;
Дай руку; близъ вѣрнаго друга
Съ природой и жизнью опять примирись;
О, вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна.

«Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ,
Все въ жизни къ великому средство,
И горесть и радость—все къ цѣли одной;
Хвала жизнодавцу-Зевесу!»

БАРОНУ ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ

ЧЕРКАСОВУ.

Мой опытный старикъ Теонъ
Сказалъ: «прекрасенъ свѣтъ!» стоя съ душой унылой
Передъ безмолвною могилой;
Узнавъ несчастіе, все вѣрилъ жизни онъ.
А ты, мой милый другъ, лишь къ жизни приступаешь
И свѣтъ сей по однимъ лишь обѣщаньямъ знаешь
Надежды молодой!

Ахъ, вѣрь имъ! Съ ясною твоею, другъ, душой
Что бъ ни случилось здѣсь, все путь твой будетъ ясенъ;
Кто другъ прекрасному, тому сей свѣтъ прекрасенъ;
Я за тебя порукою тебѣ!
Ты добръ—и такъ дана быть счастливымъ свобода!
Оставь проказничать судьбѣ;
Тебя не выдастъ ей заступница природа.

12 декабря, 1813.

1814

ПИСЬМО КЪ ***.

Я самъ, мой другъ, не понимаю,
Какъ можно рѣдко такъ писать
Къ друзьямъ, которыхъ обожаю,
Которымъ все бы радъ отдать!...
Подруга дѣтскихъ лѣтъ, съ тобою
Бываю сердцемъ завсегда
И говорить люблю мечтою...
Но говорить перомъ—бѣда!
День почтовой есть день мученья!
Для моего воображенья
Враги — чернилица съ перомъ!
Сидѣть согнувшись за столомъ
И чтобъ открыть души движенья,
Перо въ чернила помакать,
Написанное жъ засыпать
Скорѣй пескомъ для сбереженья —
Все это, признаюсь, мнѣ адъ!
Что ясно выражаетъ взглядъ
Иль голоса простые звуки,
То на бумагѣ, не впопадъ,
Для услажденія разлуки,

Должны въ опредѣленный день
Мы выражать перомъ!... А лѣнь,
А мрачное расположенье,
А сердца тяжкое стѣсненье
Всегда ль даютъ свободу намъ
То мертвымъ повѣрять строкамъ,
Что въ глубинѣ души таится?
Неволи мысль моя страшится;
Я авторъ—но писать лѣнивъ!
За то всегда, всегда болтливъ,
Когда твои воображаю
Столь драгоцѣнныя черты,
И самъ себѣ изображаю,
Сколь нѣжно мной любима ты.
Всегда, всегда разгорячаешь
Ты пламенной своей душой
И сердце и разсудокъ мой!
О сколь ты даромъ обладаешь
Быть милой для твоихъ друзей!
Когда письмо твое читаю
Себя я лучше ощущаю,
Довольный участью своей,
И будущихъ картина дней
Передо мной животворится,
И хоть на мигъ единый мнится,
Что въ жизни все имѣю я:
Любовь друзей — судьба моя.
Храни, о другъ мой неизмѣнный,
Сей для меня залогъ священный!
Пиши — когда же долго нѣтъ
Письма отъ твоего поэта,
Все вѣрь, что другъ тебѣ поэтъ,
И жди съ терпѣніемъ отвѣта!

4 января, 1814.

КЪ ВОЕЙКОВУ.

ПОСЛАНІЕ. *

Добро пожаловать пѣвецъ,
Товарищъ-другъ, хотя и льстецъ,
Въ смиренную обитель брата;
Поставь въ мой уголъ посохъ свой,
И умиленною мольбой
Почти домашняго пената.
Садись—вотъ кубокъ, въ честь друзьямъ,
И сладкому воспоминанью,
И благотворному свиданью,
И насъ хранившимъ небесамъ!

Ты былъ подъ знаменами славы;
Ты видѣлъ, другъ, слѣды кровавы
На Русь нахлынувшихъ враговъ,
Ихъ казнь, и ужасъ ихъ побѣга;
Ты, строя свой бивакъ изъ снѣга,
Себя смиренью научалъ,
И хлѣбъ водою запивая,
«Хвала, умѣренность златая!»
Съ пѣвцомъ тибурскимъ восклицалъ.
Ты видѣлъ Азіи предѣлы;
Ты зрѣлъ ордынцевъ лютыхъ край,
И лишь обломки обгорѣлы
Тамъ, гдѣ стоялъ Шери-Сарай,
Батыя древняя обитель.

---

* А. Ѳ. Воейковъ, извѣстный нашъ стихотворецъ, объѣздивъ нѣкоторыя южныя провинціи Россіи, посѣтилъ автора, жившаго въ деревнѣ [въ концѣ 1813]. Онъ написалъ нѣсколько стиховъ въ похвалу поэмы его Владиміръ, существующей въ одномъ только воображеніи.—В. Ж.

Задумчивый развалинъ зритель,
Во дняхъ минувшихъ созерцалъ
Ты настоящаго картину,
И въ нихъ ужасную судьбину
Батыя новыхъ дней читалъ.
Въ Сарептѣ зрѣлище иное:
Тамъ братство христіанъ простое
Безстрастіемъ ограждено
Отъ вредныхъ сердцу заблужденій,
Отъ милыхъ сердцу наслажденій.
Тамъ вѣчно то же и одно;
Всему свой часъ: труду, бездѣлью;
И легкокрылому веселью
Порядокъ крылья тамъ сковалъ.
Тамъ, видя счастіе въ покоѣ,
Ты всѣ восторги отдавалъ
За нестраданіе святое;
Ты зрѣлъ, какъ въ тишинѣ семей,
Хранимы сердцемъ матерей,
Тамъ дѣвы простотой счастливы;
А юноши трудолюбивы
Отъ бурныхъ спасены страстей
Рукой занятія цѣлебной;
Ты зрѣлъ, какъ вшедши въ Божій храмъ,
Они смиренно къ небесамъ
Возводятъ взоръ съ мольбой хвалебной,
И служатъ сердцемъ божеству,
Отринувъ мракъ предразсужденья....
Что уподобимъ торжеству,
Которымъ чудо искупленья
Они въ восторгѣ вѣры чтутъ?...
Все тихо.... полночь.... нѣтъ движенья....
И въ трепетѣ благоговѣнья
Всѣ братья той минуты ждутъ,
Когда имъ звонъ-благовѣститель

Провозгласитъ: воскресъ Спаситель!....
И вдругъ... во мглѣ.... средь тишины,
Какъ будто съ горней вышины
Съ трубою ангелъ-пробудитель,
Нисходитъ гласъ.... алтарь горитъ,
И братья пали на колѣни,
И гимнъ торжественный гремитъ,
И се... идутъ въ усопшихъ сѣни.
О, сердце трогающій видъ!
Подъ тѣнью тополей, вѣтвистыхъ
Березъ, дубовъ и шелковицъ,
Между тюльпановъ, розъ душистыхъ,
Ряды являются гробницъ:
Здѣсь старцевъ, тамъ дѣтей могила,
Тамъ юношей, тамъ дѣвъ младыхъ —
И вѣра подлѣ пепла ихъ
Надежды факелъ воспалила....
Идутъ къ возлюбленнымъ гробамъ
Съ отрадной вѣстью воскресенья;
И все—отверстый, свѣтлый храмъ,
Гдѣ, мнится, тайна искупленья
Свершается въ сей самый часъ,
Торжественный поющихъ гласъ,
И братій на гробахъ лобзанье
[Принесшихъ имъ воспоминанье
И жертву умиленныхъ слезъ],
И тихое гробовъ молчанье,
И соприсутственныхъ небесъ
Незримое съ землей сліянье—
Все живо, полно божества...
И вѣрныхъ братій торжества
Свидѣтели, изъ тайной сѣни
Исходятъ дружескія тѣни,
И ихъ преображенный видъ
На сладку пѣснь: воскресъ Спаситель!

Сердцамъ во истину! гласитъ.
И самый гробъ ихъ говоритъ:
Воскреснемъ! живъ нашъ Искупитель!

И сей оставивши предѣлъ,
Ты зрѣлъ, какъ Терекъ въ быстромъ бѣгѣ
Межъ виноградниковъ шумѣлъ,
Гдѣ часто, притаясь на брегѣ,
Чеченецъ иль черкесъ сидѣлъ
Подъ буркой, съ гибельнымъ арканомъ;
И вдалекѣ передъ тобой,
Одѣты голубымъ туманомъ,
Гора вздымалась надъ горой,
И въ сонмѣ ихъ гигантъ сѣдой,
Какъ туча, Эльборусъ двуглавой.
Ужасною и величавой
Тамъ все блистаетъ красотой:
Утесовъ мшистыя громады,
Бѣгущи съ ревомъ водопады
Во мракъ пучинъ съ гранитныхъ скалъ;
Лѣса, которыхъ сна отъ вѣка
Ни стукъ сѣкиръ, ни человѣка
Веселый гласъ не возмущалъ,
Въ которыхъ сумрачныя сѣни
Еще лучъ дневный не проникъ,
Гдѣ изрѣдка одни олени,
Орла послышавъ грозный крикъ,
Тѣснясь въ толпу, шумятъ вѣтвями,
И козы легкими ногами
Перебѣгаютъ по скаламъ.
Тамъ все является очамъ
Великолѣпіе творенья!
Но тамъ, среди уединенья
Долинъ, таящихся въ горахъ,
Гнѣздятся и балкаръ, и бахъ,

И абазехъ, и камукинецъ,
И карбулакъ, и абазинецъ
И чечереецъ, и шапсугъ;
Пищаль, кольчуга, сабля, лукъ,
И конь-соратникъ быстроногій
Ихъ и сокровища и боги;
Какъ серны скачутъ по горамъ,
Бросаютъ смерть изъ-за утеса;
Или по топкимъ берегамъ,
Въ травѣ высокой, въ чащѣ лѣса
Разсыпавшись, добычи ждутъ.
Скалы — свободы ихъ пріютъ;
Но дни въ аулахъ ихъ бредутъ
На костыляхъ угрюмой лѣни,
Тамъ жизнь ихъ—сонъ, стѣснясь въ кружокъ,
И въ братскій съ табакомъ горшокъ
Вонзивши чубуки, какъ тѣни
Въ дыму клубящемся сидятъ
И объ убійствахъ говорятъ,
Иль хвалятъ мѣткія пищали,
Изъ коихъ дѣды ихъ стрѣляли;
Иль сабли на кремняхъ острятъ,
Готовясь на убійства новы.

Ты видѣлъ Дона берега;
Ты зрѣлъ, какъ онъ поилъ шелковы
Необозримые луга,
Одушевленны табунами;
Ты зрѣлъ, какъ тихими водами
Межъ виноградными садами
Онъ, зеленѣя, протекалъ,
И ясной влагой отражалъ
Брега, покрытые стадами,
Ряды стѣснившихся струговъ,
И на склоненіи холмовъ

Донскихъ богатырей станицы;
Ты часто слушалъ, какъ пѣвицы
Родимый прославляютъ Донъ,
Спокойствіе станицъ счастливыхъ,
Вождей и коней ихъ ретивыхъ.
Съ смиреньемъ отдалъ ты поклонъ
Жилищу вихря-атамана,
И изъ завѣтнаго стакана
Его здоровье на Цымлѣ
Пилъ, окруженный стариками,
И витязи подъ сѣдинами
Соотчичамъ въ чужой землѣ
Ура! кричали за тобою.

Теперь ты случая рукою
Въ обитель брата приведенъ,
Съ нимъ вспомнишь призраки златые
Невозвратимыхъ тѣхъ временъ,
Когда мы — гости молодые
У милой жизни на пиру —
Изъ полной чаши радость пили,
И с ч а с т ь е н а ш е! говорили
Въ своемъ пророческомъ жару....
Мой другъ, пророчество прелестно!
Когда же сбудется оно?
Еще вдали и неизвѣстно
Все то, что намъ здѣсь суждено....
А время мчится безъ возврата,
И жизнь-измѣнница за нимъ;
Одинъ уходитъ за другимъ;
Другъ, оглянись.... еще нѣтъ брата!
Часъ отъ часу пустѣе свѣтъ;
Пустѣй дорога передъ нами.

Но такъ и быть!... здѣсь твой поэтъ
Съ смиренной музою, съ друзьями,

Въ смиренномъ уголкѣ живетъ,
И у моря погоды ждетъ.
И ты, мой другъ, чтобы мечтою
Грядущее развеселить,
Спѣшишь волшебныхъ струнъ игрою
Въ немъ спящій геній пробудить;
И очарованный тобою,
Какъ за прозрачной пеленою,
Я вижу древни чудеса:
Вотъ наше солнышко-краса
Владиміръ князь съ богатырями,
Вотъ Днѣпръ кипитъ между скалами,
Вотъ златоверхій Кіевъ градъ,
И басурмановъ тьмы, какъ пруги,
Вокругъ зубчатыхъ стѣнъ кипятъ,
Сверкаютъ шлемы и кольчуги;
Отъ кликовъ, топота коней,
Отъ стука палицъ, свиста пращей
Далеко слышенъ гулъ дрожащій;
Вотъ, дивной облеченъ броней,
Добрыня богатырь могучій
И конь его Златокопытъ;
Чрезъ степи и лѣса дремучи
Не скачетъ витязь, а летитъ,
Громя Зилантовъ и Полкановъ,
И вѣдьмъ, и чудъ, и великановъ;
И втайнѣ дѣвица-краса
За дальни степи и лѣса
Во слѣдъ ему летитъ душою;
Склоняся на руку главою,
На путь изъ терема глядитъ,
И такъ въ раздумьи говоритъ:
«О вѣтеръ, вѣтеръ, что ты вьешься?
Ты не отъ милаго несешься,
Ты не принесъ веселья мнѣ;

Играй съ косаткой въ вышинѣ,
По поднебесью съ облаками,
По синю морю съ кораблями —
Стрѣлу пернатую отвѣй
Отъ друга-радости моей.»
Краса-дѣвица ноетъ, плачетъ;
А другъ по доламъ, холмамъ скачетъ,
Летя за тридевять земель.
Ему сыра земля постель,
Возглавье щитъ, ночлегъ дубрава;
Тамъ бьется съ Бабою-Ягой,
Тамъ изъ ручья съ живой водой,
Подъ стражей змѣя шестиглава,
Кувшиномъ черпаетъ златымъ;
Тамъ машетъ дубомъ передъ нимъ
Косматый людоѣдъ Дубыня,
Тамъ заслоняетъ путь Горыня,
И вотъ внезапно занесенъ
Въ жилище чародѣевъ онъ:
Предъ нимъ чернѣетъ лѣсъ ужасный,
Сіяетъ блескъ вдали прекрасный,
Чѣмъ ближе онъ — тѣмъ далѣ свѣтъ;
То тяжкій филина полетъ,
То врановъ раздается рокотъ,
То слышится русалки хохотъ,
То вдругъ изъ-за сѣдаго пня
Выходитъ лѣшій козлоногій;
И вдругъ стоятъ предъ нимъ чертоги,
Какъ будто слиты изъ огня —
Дворецъ волшебный Царь-дѣвицы;
Красою бѣлыя колпицы,
Двѣнадцать дѣвъ къ нему идутъ
И пѣснь привѣтствія поютъ,
И онъ.... Но что? Куда мечтами
Я залетѣлъ тебѣ во слѣдъ —

Ты чародей, а не поэтъ,
Ты всемогущими струнами
Мой падшій геній оживилъ....
И кто, скажи мнѣ, научилъ
Тебя предречь осмью стихами
Въ сей книгѣ съ бѣлыми листами
Весь сокровенный жребій мой?
Признаться ли?... Смотрю съ тоской,
Съ волненіемъ непобѣдимымъ
На бѣлые сіи листы,
И мнится, перстомъ невидимымъ
Свои невидимы черты
На нихъ судьба ужъ написала.
Что бъ ни было.... сей даръ тебѣ
Отнынѣ дружба завѣщала;
Она твоя.... молись судьбѣ,
Чтобъ въ ней наполнились страницы.
Когда, мой другъ, тебѣ я самъ
Ее въ веселый часъ подамъ —
И ты прочтешь въ ней небылицы,
За быль разсказанныя мной,
То знай, что счастливъ жребій мой,
Что подъ надзоромъ провидѣнья,
Питаясь жизнью въ тишинѣ,
Вблизи всего, что мило мнѣ,
Я на крылахъ воображенья,
Веселый здѣсь, въ тотъ міръ леталъ,
И что меня не покидалъ
Мой вѣрный ангелъ вдохновенья....
Но, другъ, быть можетъ.... какъ узнать?...
Она останется пустая,
И нѣкогда рука чужая
Тебѣ должна ее отдать
Въ святой залогъ воспоминанья,
Увы! и въ знакъ, что жизни сей

Милѣйшія души моей
Не совершилися желанья!
Прими ее.... и пожалѣй.

29 января, 1814.

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Ты унываешь о дняхъ, невозвратно протекшихъ,
Горестной мыслью, тоской безнадежной ихъ призывая —
Будь настоящее твой утѣшительный геній!
Вѣря ему, свой день проводи безмятежно!
Легкимъ полетомъ несутся дни быстрыя жизни!
Только успѣемъ достигнуть до полныя зрѣлости мыслей
Только увидимъ достойную цѣль предъ очами —
Все ужъ для насъ и прошло, какъ мечта сновидѣнья,
Призракъ фантазіи, то представляющій взору
Лугъ, испещренный цвѣтами, веселые холмы, долины;
То пролетающій въ мрачной одеждѣ печали
Дикую степь, лѣса и ужасныя бездны.
Слѣдуй же мудрымъ! Всегда неизмѣнной душею,
Что посылаетъ судьба, принимай и не сѣтуй! Безумно,
Скорбью безплодной о благѣ на вѣки погибшемъ,
То отвергать, что намъ предлагаетъ минута!

---

* *
*

«Богатство, слава, честь безумцамъ драгоцѣнны!»
Страшусь ихъ прелестей, блистающихъ оковъ!
Вотъ всѣ сокровища душѣ моей священны:
«Любовь, сердечный миръ и безмятежный кровъ!»

Толпы искателей, мечтами ослѣпленны,
За счастіемъ бѣгутъ, но счастья нѣтъ для нихъ!

Блаженнѣе стократъ я въ горестяхъ моихъ.
«Богатство, слава, честь безумцамъ драгоцѣнны!»

Мнѣ тихій уголъ мой отъ бурь и бѣдъ покровъ!
Мірскія радости какъ тѣни пролетаютъ,
Намъ счастья не даютъ, но горе оставляютъ!
«Страшусь ихъ прелестей, блистающихъ оковъ!»

Дѣлить съ тобою жизнь, Эльвира, другъ безцѣнный,
Любовь, судьбу мою въ глазахъ твоихъ читать,
Бывъ счастливымъ вчера, на утро счастья ждать:
«Вотъ всѣ сокровища душѣ моей священны!»

Какъ чистый ручеекъ, сокрытый межъ цвѣтовъ,
Такъ жизнь моя пускай безвѣстно протекаетъ!
Чего желать тому, кто вами обладаетъ:
«Любовь, сердечный миръ и безмятежный кровъ?...»

ВАРВИКЪ.

[БАЛЛАДА, ИЗЪ САУТИ].

Никто не зрѣлъ, какъ ночью бросилъ въ волны
Эдвина злой Варвикъ;
И слышали одни брега безмолвны
Младенца жалкій крикъ.

Отъ подданныхъ погибшаго губитель
Владыкой признанъ былъ,
И въ Ирлингфоръ уже, какъ повелитель,
Торжественно вступилъ.

Стоялъ среди цвѣтущія равнины
Старинный Ирлингфоръ,
И пышныя съ высотъ его картины
Повсюду видѣлъ взоръ.

Авонъ, шумя подъ древними стѣнами,
Ихъ пѣной орошалъ,
И низкій брегъ съ лѣсистыми холмами
Въ струяхъ его дрожалъ.

Тамъ пламенѣлъ береговъ на тихомъ склонѣ
Закатъ сквозь рѣдкій лѣсъ,
И трепеталъ во дремлющемъ Авонѣ
Съ звѣздами сводъ небесъ.

Вдали, вблизи разсыпанныя села
Дымились по утрамъ;
Отъ рѣзвыхъ стадъ равнина вся шумѣла,
И вторилъ лѣсъ рогамъ.

Спѣшилъ, съ пути прохожій совратяся,
На Ирлингфоръ взглянуть,
И красотой картинъ его плѣняся,
Онъ забывалъ свой путь.

Одинъ Варвикъ былъ чуждъ красамъ природы:
Вотще въ его глазахъ
Цвѣтутъ лѣса, віяся блещутъ воды,
И радость на лугахъ.

И устремить, трепещущій, не смѣетъ
Онъ взора на Авонъ:
Оттоль зефиръ во слухъ убійцы вѣетъ
Эдвиновъ жалкій стонъ.

И въ тишинѣ безмолвной полуночи
Все тотъ же слышенъ крикъ,
И чудятся блистающія очи,
И блѣдный, странный ликъ.

Вотще Варвикъ съ родныхъ бреговъ уходитъ —
Пріюта въ мірѣ нѣтъ:
Страшилищемъ ужаснымъ совѣсть бродитъ
Вездѣ за нимъ во слѣдъ.

И онъ пришелъ опять въ свою обитель;
А сладостный покой,
И бѣдности веселый посѣтитель,
Въ дому его чужой.

Часы стоятъ окованы тоскою,
А мѣсяцы бѣгутъ....
Бѣгутъ—и день убійства за собою
Невидимо несутъ.

Онъ наступилъ; со страхомъ провожаетъ
Варвикъ ночную тѣнь.
Дрожи [ему гласъ совѣсти вѣщаетъ],
Эдвиновъ смертный день!

Ужасный день: отъ молній небо блещетъ;
Отвсюду вихрей стонъ;
Дождь ливмя льетъ; волнами съ воемъ плещетъ
Разлившійся Авонъ.

Вотще Варвикъ, среди веселій шума,
Цѣдитъ въ бокалъ вино—
Съ нимъ за столомъ садится рядомъ дума:
Питье отравлено.

Тоскующій и грозный призракъ бродитъ
Въ толпѣ его гостей;
Вездѣ предъ нимъ: съ лица его не сводитъ
Пронзительныхъ очей.

И день угасъ.... Варвикъ спѣшитъ на ложе....
Но и въ тиши ночной,
И на одрѣ уединенномъ тоже;
Тамъ сонъ, а не покой.

И мнитъ онъ зрѣть пришельца изъ могилы,
Тѣнь брата предъ собой;
Въ чертахъ болѣзнь, ликъ блѣдный, взоръ унылый,
И голосъ гробовой.

Таковъ онъ былъ, когда встрѣчалъ кончину;
И тотъ же слышенъ гласъ,
Какимъ молилъ онъ быть отцемъ Эдвину
Варвика въ смертный часъ.

«Варвикъ, Варвикъ, свершилъ ли данно слово?
Исполненъ ли обѣтъ?
Варвикъ, Варвикъ, возмездіе готово;
Готовъ ли твой отвѣтъ?»

Воспрянулъ онъ... гласъ смолкнулъ... разъяренно
Одинъ во мглѣ ночной
Ревѣлъ Авонъ — но для души смятенной
Былъ сладокъ бури вой.

Но вдругъ — и въявь, средь шума и волненья,
Раздался смутный крикъ:
«Спѣши, Варвикъ, спастись отъ потопленья;
Бѣги, бѣги, Варвикъ!»

И къ берегу онъ мчится — подъ стѣною
Уже Авонъ кипитъ;
Глухая ночь, одѣто небо мглою,
И мѣсяцъ въ тучахъ скрытъ.

И молитъ онъ съ подъятыми руками:
«Спаси, спаси, Творецъ!»
И вдругъ—мелькнулъ челнокъ между волнами,
И въ челнокѣ пловецъ.

Варвикъ зоветъ, Варвикъ манитъ рукою —
Не внемля шума волнъ,
Пловецъ сидитъ спокойно надъ кормою,
И правитъ къ брегу чолнъ.

И съ трепетомъ Варвикъ въ челнокъ садится —
Стрѣлой помчался онъ....
Молчитъ пловецъ.... молчитъ Варвикъ.... вотъ, мнится,
Имъ слышенъ тяжкій стонъ.

На спутника уставилъ кормщикъ очи:
«Не слышался ли крикъ?»
— Нѣтъ, просвисталъ въ твой парусъ вѣтеръ ночи,
Смутясь, сказалъ Варвикъ.

— Правь, кормщикъ, правь, не скоро челнъ домчится,
Гроза со всѣхъ сторонъ. —
Умолкнули.... плывутъ.... вотъ снова мнится
Имъ слышать тяжкій стонъ.

«Младенца крикъ! онъ борется съ волною;
На помощь онъ зоветъ.»
—Правь, кормщикъ, правь, рѣка покрыта мглою;
Кто тамъ его найдетъ?

«Варвикъ, Варвикъ, часъ смертный зрѣть ужасно!
Ужасно умирать!
Варвикъ, Варвикъ, младенцу ли напрасно
Тебя на помощь звать?

«Во мглѣ ночной онъ бьется межъ водами;
Облитъ онъ хладомъ волнъ;
Еще его не видимъ мы очами;
Но онъ... нашъ видитъ челнъ!»

И снова крикъ слабѣющій, дрожащій,
И близко челнока....
Вдругъ въ высотѣ рогъ мѣсяца блестящій
Прорѣзалъ облака;

И съ яркими сліялася лучами,
Какъ дымъ прозрачный, мгла;
Зрятъ на скалѣ дитя между волнами,
И тонетъ ужъ скала.

Пловецъ гребетъ, челнокъ летитъ стрѣлою,
Въ смятеніи Варвикъ,
И озаренъ младенца ликъ луною,
И страшно блѣденъ ликъ.

Варвикъ дрожитъ — и руку, страха полный,
Къ младенцу протянулъ...
И со скалы спрыгнувъ младенецъ въ волны,
Къ его рукѣ прильнулъ.

И вмигъ.... дитя, челнокъ, пловецъ незримы;
Въ рукахъ его мертвецъ:
Эдвиновъ трупъ, холодный, недвижимый,
Тяжелый какъ свинецъ.

Утихло все — и небеса и волны:
Изчезъ въ водахъ Варвикъ;
Лишь слышали одни брега безмолвны
Убійцы страшный крикъ.

КЪ Кн. ВЯЗЕМСКОМУ и В. Л. ПУШКИНУ.

Друзья, тотъ стихотворецъ-горе,
Въ комъ безъ похвалъ восторга нѣтъ.
Хотѣть, чтобъ насъ хвалилъ весь свѣтъ,
Не тоже ли, что выпить море?
Презрѣнью бросимъ тотъ вѣнецъ,
Который всѣмъ дается свѣтомъ;
Иная слава намъ предметомъ,
Иной награды ждетъ пѣвецъ.
Почто на Фебовъ даръ священный
Такъ безразсудно клеветать?
Могу ль повѣрить, чтобъ страдать
Пѣвецъ, отъ музы вдохновенный,
Былъ долженъ болѣ, чѣмъ глупецъ,
Земли безчувственный жилецъ,
Съ глухой и вялою душою,
Чѣмъ добровольной слѣпотою
Убившій все, чѣмъ красенъ свѣтъ,
Завистникъ генія и славы?
Нѣтъ, жалобы твои неправы,
Другъ Пушкинъ! счастливъ, кто поэтъ;
Его блаженство прямо съ неба;
Онъ имъ не дѣлится съ толпой:
Его судьи лишь чада Феба;
Ему ли съ пламенной душой
Плоды святаго вдохновенья
Къ ногамъ холодныхъ повергать,
И на колѣнахъ ожидать
Отъ недостойныхъ одобренья?
Одинъ среди песковъ Мемнонъ,
Сидя съ возвышенной главою,
Молчитъ — лишь гордою стопою
Касается ко праху онъ;

Но лишь денницы появленье
Вдали востокъ воспламенитъ —
Въ восторгѣ мраморъ пѣснь гласитъ.
Таковъ поэтъ, друзья! презрѣнье
Въ пыли тащимся душамъ!
Оставимъ ихъ попрать стопамъ,
А взоры устремимъ къ востоку.
Смотрите: неподвластный року,
И находя въ себѣ самомъ
Покой, и честь, и наслажденья,
Мужъ праведный прямымъ путемъ
Идетъ, и терпитъ ли гоненья,
Избавленъ ли отъ нихъ судьбой —
Онъ сходенъ тамъ и тутъ съ собой;
Онъ благъ безъ примѣси не проситъ —
Нѣтъ, въ лучшій міръ онъ переноситъ
Надежды лучшія свои.
Такъ и поэтъ, друзья мои.
Поэзія есть добродѣтель;
Нашъ геній лучшій намъ свидѣтель;
Здѣсь славы чистой не найдемъ —
На что жъ искать? Перенесемъ
Свои надежды въ міръ потомства....
Увы! Димитрія творецъ*
Не отличилъ простыхъ сердецъ
Отъ хитрыхъ, полныхъ вѣроломства.
Зачѣмъ онъ свой сплетать вѣнецъ
Давалъ завистникамъ съ друзьями?
Пусть дружба нѣжными перстами
Изъ лавровъ сей вѣнецъ свила —
Въ нихъ зависть тернія вплела;
И торжествуетъ: растерзали

---

* В. А. Озеровъ.

Ихъ иглы славное чело —
Простымъ сердцамъ смертельно зло:
Пѣвецъ угаснулъ отъ печали.
Ахъ! если бъ могъ достигнуть гласъ
Участія и удивленья
Къ душѣ, не снесшей оскорбленья,
И усладить ее на часъ!
Чувствительность его сразила;
Чувствительность, которой сила
Моины душу создала,
Пѣвцу погибелью была.
Потомство грозное, отмщенья!...
А намъ, друзья, изъ отдаленья
Разсудокъ опытный велитъ
Смотрѣть на сцену, гдѣ гремитъ
Хвала—гулъ шумный и невнятный;
Подалѣ отъ толпы судей!
Пока мы не смѣшались съ ней,
Свобода другъ намъ благодатный;
Мы независимо, въ тиши
Уютнаго уединенья,
Богаты ясностью души,
Поемъ для музъ, для наслажденья,
Для сердца вѣрнаго друзей;
Для насъ всѣ обольщенья славы!
Рука завистниковъ-судей
Душеубійственной отравы
Въ ея сосудъ не подольетъ,
И злобы крикъ къ намъ не дойдетъ.
Страшись къ той славѣ прикоснуться,
Которою прельщаетъ свѣтъ—
Обвитый розами скелетъ;
Любуйся издали, поэтъ,
Чтобы вблизи не ужаснуться.

Внимай избраннымъ судіямъ:
Ихъ приговоръ зерцало намъ,
Ихъ одобренье намъ награда,
А порицаніе ограда
Отъ убивающія даръ
Надменной мысли — совершенства.
Хвала воспламеняетъ жаръ;
Но намъ не въ ней искать блаженства —
Въ трудѣ..... О благотворный трудъ,
Души печальныя цѣлитель
И счастія животворитель!
Что предъ тобой ничтожный судъ
Толпы, въ рѣшеніяхъ пристрастной,
И вѣтреной, и разногласной?
И тотъ же Карамзинъ, друзья,
Разимый злобой, несраженный,
И сладкимъ лишь трудомъ блаженный,
Для насъ примѣръ и судія.
Спросите: для одной ли славы
Онъ вопрошаетъ у вѣковъ,
Какъ были, какъ прошли державы,
И чадамъ подвиги отцовъ
На прахѣ древности являетъ?
Нѣтъ! онъ о славѣ забываетъ
Въ минуту славнаго труда;
Онъ беззаботно ждетъ суда
Отъ современниковъ правдивыхъ,
Не замѣчая и лица
Завистниковъ несправедливыхъ.
И имъ не разорвать вѣнца,
Который взяло дарованье;
Ихъ злоба—имъ однимъ страданье.
Но пусть и очаруютъ свѣтъ,
Собою счастливый поэтъ,

Твори, будь твердъ, ихъ зданья ломки,
А за тебя дадутъ отвѣтъ
Необольстимые потомки.

АЛИНА И АЛЬСИМЪ.

[БАЛЛАДА, ИЗЪ МОНКРИФА].

Зачѣмъ, зачѣмъ вы разорвали
Союзъ сердецъ?
Вамъ розно быть! вы имъ сказали—
Всему конецъ.
Что пользы въ платье золотое
Себя рядить?
Богатство на землѣ прямое
Одно: любить.

Когда случится, жизни въ цвѣтѣ,
Сказать душой
Ему: ты будь моя на свѣтѣ;
А ей: ты мой;
И вдругъ придется для другаго
Любовь забыть —
Что жребія страшнѣй такого?
И льзя ли жить?

Алина матери призналась:
«Мнѣ милъ Альсимъ;
Давно я втайнѣ помѣнялась
Душою съ нимъ;
Давно люблю ему сказала;
Дай счастье намъ.»
— Нѣтъ, дочь моя, за генерала
Тебя отдамъ. —

И въ монастырь святой Ирины
Отвозитъ дочь.
Тоска-печаль въ душѣ Алины
И день и ночь.
Три года длилося изгнанье;
Не усладилъ
Ни разу другъ ея страданье,
Но все онъ милъ.

Однажды.... о! какъ свѣтъ коваренъ!...
Сказала мать:
«Любовникъ твой неблагодаренъ!»
И ей читать
Она даетъ письмо Альсима.
Его черты:
Прости, другая мной любима,
Свободна ты.

Готово все: женихъ приходитъ;
Идутъ во храмъ;
Вокругъ налоя ихъ обводитъ
Священникъ тамъ.
Увы, Алина, что съ тобою?
Кто твой супругъ?
Ты сердца не дала съ рукою —
Въ немъ прежній другъ.

Какъ смирный агнецъ на закланье,
Вся убрана;
Вокругъ веселье, ликованье,
Она грустна.
Алмазы, платья, ожерелья
Ей мать даритъ:
Напрасно.... прежняго веселья
Не возвратитъ.

Но какъ же дни свои смиренно
Ведетъ она!
Вся жизнь семьѣ уединенной
Посвящена.
Алины сердце покорилось
Судьбѣ своей;
Супругу жъ то, что сохранилось
Отъ сердца ей.

Но все, по-прежнему, печали
Душа полна;
И что бы взоры ни встрѣчали —
Все мысль одна.
Такъ безутѣшная томила
Пять лѣтъ себя,
Все упрекая, что любила,
И все любя.

Разлуки жизнь воспоминанье;
Имъ полонъ свѣтъ;
Хотѣть прогнать его—страданье,
А пользы нѣтъ.
Все по неволѣ улетаемъ
Къ мечтѣ своей;
Твердя: забудь! напоминаемъ
Душѣ объ ней.

Однажды, пріунывъ, Алина
Сидѣла; вдругъ
Купца къ ней вводитъ армянина
Ея супругъ.
«Вотъ цѣпи, дорогія шали,
Жемчугъ, кораллъ;
Они лекарство отъ печали:
Я такъ слыхалъ.

«На что намъ деньги? На веселье.
Кому ихъ жаль?
Купи, что хочешь: ожерелье,
Цѣпочку, шаль,
Или жемчугъ у армянина;
Вотъ кошелекъ.
Я скоро возвращусь, Алина;
Прости, дружокъ.»

Товары передъ ней открывши,
Купецъ молчитъ;
Алина, голову склонивши,
Какъ не глядитъ.
Онъ, взоръ потупя, разбираетъ
Жемчугъ, алмазъ;
Подноситъ, молча, но вздыхаетъ
Онъ каждый разъ.

Блистала красота младая
Въ его чертахъ;
Но блѣденъ, борода густая,
Печаль въ глазахъ.
Мила для взора живость цвѣта,
Знакъ юныхъ дней;
Но блѣдный цвѣтъ, тоски примѣта,
Еще милѣй.

Она не видитъ, не внимаетъ —
Мысль далеко.
Но часто, часто онъ вздыхаетъ,
И глубоко.
Что [мыслитъ] онъ такой унылый;
Чѣмъ огорченъ?
Ахъ! если потерялъ, что мило,
Какъ жалокъ онъ!

«Скажи, что сдѣлалось съ тобою?
　　О чемъ печаль?
Не отъ любви ль?... Ахъ, всей душою
　　Тебя мнѣ жаль.»
— Что пользы? Горя намъ словами
　　Не утолить,
И невозвратнаго слезами
　　Не возвратить.

— Одно сокровище безцѣнно
　　Я въ мірѣ зналъ;
Подобнаго Творецъ вселенной
　　Не создавалъ.
И я одно имѣлъ въ предметѣ:
　　Имъ обладать.
За то бы радъ былъ все на свѣтѣ —
　　И жизнь отдать.

— Какъ было сладко любоваться
　　Имъ въ день сто разъ!
И въ мысляхъ я не могъ разстаться
　　Съ нимъ ни на часъ.
Но року вздумалось лихому
　　Мнѣ повредить,
И счастіе мое другому
　　Съ нимъ подарить.

—Всѣхъ въ жизни радостей лишенный,
　　Съ моей тоской
Я побѣжалъ, какъ осужденный,
　　На край земной:
Но, ахъ! отъ сердца то, что мило,
　　Кто оторветъ?
Что разъ оно здѣсь полюбило,
　　Съ тѣмъ и умретъ.

«Скажи же, что твоя утрата?
Златой бокалъ?»
— О нѣтъ, оно милѣе злата.
«Рубинъ, кораллъ?»
— Не тяжко потерять ихъ. «Что же?
Царевъ алмазъ?»
— Нѣтъ, нѣтъ, алмазовъ всѣхъ дороже
Оно сто разъ.

—Съ тѣхъ поръ, какъ я все то, что льстило,
Въ немъ погубилъ,
Я самъ, на память, образъ милой
Изобразилъ.
И на черты его прелестны
Смотрю въ слезахъ:
Мои всѣ блага поднебесны
Въ его чертахъ.—

Алина слушала уныло
Его разсказъ.
«Могу ль на этотъ образъ милой
Взглянуть хоть разъ?»
Алинѣ, молча, какъ убитый,
Онъ подаетъ
Парчею досканецъ обвитый,
Самъ слезы льетъ.

Алина робкою рукою
Парчу сняла;
Дощечка съ надписью златою;
Она прочла:
«Здѣсь все, что я осиротѣлой
Моимъ зову;
Что мнѣ отъ счастья уцѣлѣло;
Все, чѣмъ живу.»

Дощечку съ трепетомъ раскрыла—
И что же тамъ?
Что новое судьба явила
Ея очамъ?
Дрожитъ, дыханье прекратилось....
Какой предметъ!
И въ комъ бы сердце не смутилось?...
Ея портретъ.

— Алина, пробудись, другъ милой;
Съ тобою я.
Ничто души не измѣнило;
Она твоя.
Въ послѣдній разъ: люблю Алину,
Пришелъ сказать;
Тебя покинувъ, жизнь покину,
Чтобъ не страдать.—

Алина съ горемъ и тоскою
Ему въ отвѣтъ:
«Альсимъ, я вѣрной быть женою
Дала обѣтъ.
Хоть долгъ и тяжкой и постылой,
Все покорись;
А ты—не умирай, другъ милой,
Но.... удались.»

Алинѣ руку на прощанье
Онъ подаетъ.
Она беретъ ее въ молчаньѣ
И къ сердцу жметъ.
Вдругъ входитъ мужъ; какъ въ изступленьѣ
Онъ задрожалъ,
И имъ во грудь въ одно мгновенье
Вонзилъ кинжалъ.

Альсима нѣтъ; Алина дышетъ:
Невинна я!
[Такъ говоритъ] Всевышній слышитъ
Насъ Судія.
За что жъ рука твоя пронзила
Алинѣ грудь?
Но Богъ съ тобой, я все простила,
Ты все забудь.»

Убійца съ той поры томится
И ночь и день:
Повсюду вслѣдъ за нимъ влачится
Алины тѣнь;
Обагрена кровавымъ токомъ
Вся грудь ея;
И говоритъ ему съ упрекомъ:
Невинна я.

АББАДОНА.

[ИЗЪ «МЕССІАДЫ» КЛОПШТОКА].

Сумраченъ, тихъ, одинокъ на ступеняхъ подземнаго трона
Зрѣлся отъ всѣхъ удаленъ серафимъ Аббадона. Печальной
Мыслью бродилъ онъ въ минувшемъ: грозно вдали передъ взоромъ,
Смутнымъ, потухшимъ отъ тяжкія, тайныя скорби, являлись
Мука на мукѣ, темная вѣчности бездна. Онъ вспомнилъ
Прежнее время, когда онъ, невинный, былъ другъ Абдіила,
Свѣтлое дѣло свершившаго въ день возмущенья предъ Богомъ:
Къ трону Владыки одинъ Абдіилъ, непрельщенъ, возвратился.

Другомъ влекомый, ужъ былъ далеко отъ враговъ Аббадона;
Вдругъ Сатана ихъ настигъ, въ колесницѣ гремя и блистая;
Звучно торжественнымъ кликомъ зовущихъ грянуло небо;
Съ шумомъ помчалися рати мечтой божества упоенныхъ—
Ахъ! Аббадона, бурей безумцевъ отъ друга оторванъ,
Мчится, не внемля прискорбной, грозящей любви Абдіила;
Тьмой божества отуманенный, взоровъ молящихъ не видитъ;
Другъ позабытъ; въ торжествѣ къ полкамъ Сатаны онъ примчался....
Мраченъ, въ себя погруженъ, пробѣгалъ онъ въ мысляхъ всю повѣсть
Прежней, невинныя младости; мыслилъ объ утрѣ созданья.
Вкупѣ и вдругъ сотворилъ ихъ Создатель. Въ восторгѣ рожденья
Всѣ вопрошали другъ друга: «скажи, серафимъ, братъ небесный,
Кто ты? Откуда, прекрасный? Давно ль существуешь и зрѣлъ ли
Прежде меня? О, повѣдай, что мыслишь? Намъ вмѣстѣ безсмертье!»
Вдругъ изъ дали свѣтозарной на нихъ благодатью слетѣла
Божія слава; узрѣли все небо, шумящее сонмомъ
Новосозданныхъ для жизни; къ Вѣчному облако свѣта
Ихъ вознесло, и завидѣвъ Творца, возгласили: Создатель!—
Мысли о прошломъ тѣснились въ душѣ Аббадоны, и слезы,
Горькія слезы бѣжали потокомъ по впалымъ ланитамъ.
Съ трепетомъ внялъ онъ хулы Сатаны и воздвигся, нахмуренъ;
Тяжко вздохнулъ онъ трикраты — такъ въ битвѣ кровавой другъ друга
Братья сразившіе тяжко въ томленьи кончины вздыхаютъ.
Мрачнымъ взоромъ окинувъ совѣтъ Сатаны, онъ воскликнулъ:
«Будь на меня вся неистовыхъ злоба—вѣщать вамъ дерзаю!
Такъ, я дерзаю вѣщать вамъ, чтобъ Вѣчнаго судъ не сразилъ насъ
Равною казнію! Горе тебѣ, Сатана-возмутитель!

Я ненавижу тебя, ненавижу, убійца! Во вѣки
Требуй Онъ, нашъ судія, отъ тебя развращенныхъ тобою,
Нѣкогда чистыхъ наслѣдниковъ славы! Да вѣчное «горе!»
Грозно гремитъ на тебя въ семъ совѣтѣ духовъ погубленныхъ!
Горе тебѣ, Сатана! Я въ безумствѣ твоемъ не участникъ!
Нѣтъ, не участникъ въ твоихъ замышленьяхъ возстать на Мессію!
Бога-Мессію сразить!... О, ничтожный, о комъ говоришь ты!
Онъ Всемогущій, а ты пресмыкаешься въ прахѣ, безсильный,
Гордый невольникъ.... Пошлетъ ли смертному Богъ искупленье,
Тлѣна ль оковы расторгнуть помыслитъ — тебѣ ль съ Нимъ бороться!
Ты ль растерзаешь безсмертное тѣло Мессіи? Забылъ ли,
Кто Онъ? Не ты ль опаленъ всемогущими громами гнѣва?
Иль на челѣ твоемъ мало ужасныхъ слѣдовъ отверженья?
Иль Вседержитель добычею будетъ безумства безсильныхъ?
Мы, заманившіе въ смерть человѣка.... о горе мнѣ, горе!
Я вашъ сообщникъ!... Дерзнемъ ли возстать на подателя жизни?
Сына Его громовержца хотимъ умертвить—о безумство!
Сами хотимъ въ слѣпотѣ истребить ко спасенью дорогу!
Нѣкогда духи блаженные, сами на вѣки надежду
Прежняго счастія, мукъ утоленія мчимся разрушить!
Знай же: сколь вѣрно, что мы ощущаемъ съ сугубымъ страданьемъ
Муку паденья, когда ты въ сей безднѣ изгнанья и ночи
Гордо о славѣ твердишь намъ, столь вѣрно и то, что сраженный
Ты со стыдомъ на челѣ отъ Мессіи въ свой адъ возвратишься.»
Бѣшенъ, кипя нетерпѣньемъ, внималъ Сатана Аббадонѣ;
Хочетъ съ престола въ него онъ ударить огромной скалою—
Гнѣвъ обезсилилъ подъятую грозно съ камнемъ десницу!
Топнулъ, яряся, ногой и трикраты отъ бѣшенства вздрогнулъ;
Молча воздвигшись, трикраты сверкнулъ онъ въ глаза Аббадоны

Пламеннымъ взоромъ, и взоръ былъ отъ бѣшенства ярокъ и мраченъ,
Но презирать былъ не властенъ. Ему предстоялъ Аббадона
Тихій, безстрашный, съ унылымъ лицомъ. Вдругъ воспрянулъ свирѣпый
Адрамелехъ, Божества, Сатаны и людей ненавистникъ.
«Въ вихряхъ и буряхъ тебѣ я хочу отвѣчать, малодушный!
Гряну грозою отвѣтъ!» сказалъ онъ. «Ты ли ругаться
Смѣешь богами? Ты ли, презрѣннѣйшій въ сонмѣ безплотныхъ,
Въ прахѣ своемъ Сатану и меня оскорблять замышляешь?
Нѣтъ тебѣ казни, казнь твоя—мыслей безсильныхъ ничтожность.
Рабъ, удались; удались, малодушный; прочь отъ могущихъ;
Прочь отъ жилища царей; исчезай непримѣтный въ пучинѣ;
Тамъ да создаетъ тебѣ царство мученія твой Вседержитель;
Тамъ проклинай безконечность, или ничтожности алчный,
Въ низкомъ безсиліи, рабски предъ небомъ глухимъ пресмыкайся!
Ты же, отважный, средь самаго неба нарекшійся Богомъ,
Грозно въ кипѣніи гнѣва на брань полетѣвшій съ могущимъ,
Ты, обреченный въ грядущемъ несмѣтныхъ міровъ повелитель,
О Сатана, полетимъ! да узрятъ насъ въ могуществѣ духи;
Да поразитъ ихъ, какъ буря, помысловъ нашихъ отважность!
Всѣ лавиринѳы коварства предъ нами: пути ихъ мы знаемъ;
Въ мракѣ ихъ—смерть; не найдетъ Онъ изъ бѣдственной тьмы ихъ исхода.
Если жъ, наставленный небомъ, разрушитъ Онъ хитрые ковы—
Пламенны бури пошлемъ и Его не минуетъ погибель.
Горе, земля, мы грядемъ, ополченные смертью и адомъ;
Горе безумнымъ, кто насъ отразить на землѣ возмечтаетъ!»
Адрамелехъ замолчалъ и смутилось, какъ буря, собранье;
Страшно отъ топота ногъ ихъ вся бездна дрожала; какъ будто
Съ громомъ утесъ за утесомъ валился; съ кликомъ и воемъ,
Гордые славой грядущихъ побѣдъ, всѣ воздвиглися; дикій

Шумъ голосовъ поднялся, и отгрянулъ съ востока на западъ:
Всѣ заревѣли: «погибни, Мессія!» Отвѣка созданье
Столь ненавистнаго дѣла не зрѣло. Съ Адрамелехомъ
Съ трона пошелъ Сатана, и ступени, какъ мѣдныя горы,
Тяжко подъ ними звенѣли; съ крикомъ, зовущимъ къ побѣдѣ,
Кинулись смутной толпой во врата растворенныя ада.
Издали, медленно, слѣдомъ за ними, летѣлъ Аббадона;
Видѣть хотѣлъ онъ конецъ необузданно-страшнаго дѣла.
Вдругъ, нерѣшимой стопою онъ къ ангеламъ, стражамъ Эдема,
Робко подходитъ.... Кто же тебѣ предстоитъ, Аббадона?
Онъ, Абдіилъ непреклонный, нѣкогда другъ твой.... а нынѣ?...
Взоры потупивъ, вздохнулъ Аббадона. То удалиться,
То подойти онъ желаетъ; то въ сиротствѣ, безнадежный,
Онъ въ безпредѣльное броситься хочетъ. Долго стоялъ онъ
Трепетенъ, грустенъ; вдругъ, ободрясь, приступилъ къ Абдіилу;
Сильно билось въ немъ сердце; тихія слезы катились,
Ангеламъ токмо знакомыя слезы, по блѣднымъ ланитамъ;
Тяжкими вздохами грудь воздымалась; медленный трепетъ,
Смертнымъ и въ самомъ бореньи съ концемъ неиспытанный, мучилъ
Въ робкомъ его приближеньи.... Но, ахъ! Абдіиловы взоры,
Ясны и тихи, неотвратимо смотрѣли на славу
Вѣчнаго Бога; его жъ Абдіилъ не замѣтилъ. Какъ прелесть
Перваго утра, какъ младость первой весны мірозданья,
Такъ серафимъ блисталъ, но блисталъ онъ не для Аббадоны.
Онъ отлетѣлъ, и одинъ, посреди опустѣвшаго неба,
Такъ невнимаемымъ гласомъ взывалъ издали къ Абдіилу:
«О Абдіилъ, мой братъ, иль на вѣки меня ты отринулъ?
Такъ, на вѣки я розно съ возлюбленнымъ.... страшная вѣчность!
Плачь обо мнѣ, все твореніе; плачьте вы, первенцы свѣта;
Онъ не возлюбитъ уже никогда Аббадоны, о плачьте!
Вѣчно не быть мнѣ любимымъ; увяньте вы, тайныя сѣни,
Гдѣ мы бесѣдой о Богѣ, о дружбѣ нѣжно сливались;

Вы, потоки небесъ, близъ которыхъ, сладко объемлясь,
Мы воспѣвали чистою пѣснію Божію славу,
Ахъ! замолчите, изсякните: нѣтъ для меня Абдіила;
Нѣтъ, и на вѣки не будетъ. Адъ мой, жилище мученья,
Вѣчная ночь, унывайте вмѣстѣ со мною; на вѣки
Нѣтъ Абдіила! вѣчно мнѣ милаго брата не будетъ!»
Такъ тосковалъ Аббадона, стоя передъ входомъ въ созданье.
Строемъ катилися звѣзды. Блескъ и крылатые громы
Встрѣчу ему Оріоновъ летящихъ его устрашили;
Цѣлые вѣки не зрѣлъ онъ, тоской одинокой томимый,
Свѣтлыхъ міровъ; погруженъ въ созерцанье, печально сказалъ онъ:
«Сладостный входъ въ небеса для чего загражденъ Аббадонѣ?
О, для чего не могу я опять залетѣть на отчизну,
Къ свѣтлымъ мірамъ Вседержителя, вѣчно покинуть
Область изгнанья? Вы, солнцы, прекрасныя чада созданья,
Въ оный торжественный часъ, какъ, блистая, изъ мощной десницы
Вы полетѣли по юному небу—я былъ васъ прекраснѣй.
Нынѣ стою, помраченный, отверженный, сирый изгнанникъ,
Грустный, среди красоты мірозданья. О небо родное,
Видя тебя, содрогаюсь: тамъ потерялъ я блаженство;
Тамъ, отказавшись отъ Бога, сталъ грѣшникъ. О миръ непорочный,
Милый товарищъ мой въ свѣтлой долинѣ спокойствія, гдѣ ты?
Тщетно! одно лишь смятенье при видѣ небесныя славы
Мнѣ судія отъ блаженства оставилъ—печальный остатокъ!
Ахъ для чего я къ Нему не дерзну возгласить: мой Создатель?
Радостно бъ нѣжное имя отца уступилъ непорочнымъ;
Пусть неизгнанные въ чистомъ восторгѣ: отецъ, восклицаютъ.
О судія непреклонный, преступникъ молить не дерзаетъ,
Чтобъ хоть единымъ Ты взоромъ его посѣтилъ въ сей пучинѣ.
Мрачныя, полныя ужаса мысли, и ты, безнадежность,

Грозный мучитель, свирѣпствуй!... Почто я живу? О ничтожность!
Или тебя не узнать?... Проклинаю сей день ненавистный,
Зрѣвшій Создателя въ шествіи свѣтломъ съ предѣловъ востока,
Слышавшій слово Создателя: буди! слышавшій голосъ
Новыхъ безсмертныхъ, вѣщавшихъ: и братъ нашъ возлюбленный созданъ.
Вѣчность, почто родила ты сей день? Почто онъ былъ ясенъ,
Мрачностью не былъ той ночи подобенъ, которою Вѣчный,
Въ гнѣвѣ своемъ несказанномъ, себя облекаетъ? Почто онъ
Не былъ, проклятый Создателемъ, весь обнаженъ отъ созданій?...
Что говорю?.... О хулитель, кого предъ очами созданья
Ты порицаешь? Вы, солнцы, меня опалите; вы, звѣзды,
Грянътесь ко мнѣ на главу, и укройте меня отъ престола
Вѣчныя правды и мщенья. О Ты, судія непреклонный,
Или надежды вѣчность Твоя для меня не скрываетъ?
О судія, Ты Создатель, Отецъ.... что сказалъ я, безумецъ!
Мнѣ ль призывать Іегову, Его нарицать именами,
Страшными грѣшнику? Ихъ лишь даруетъ одинъ примиритель;
Ахъ, улетимъ! ужъ воздвиглись Его всемогущіе громы
Страшно ударить въ меня.... улетимъ.... но куда?.... гдѣ отрада?»
Быстро ударился онъ въ глубину безпредѣльныя бездны...
Громко кричалъ онъ: сожги, уничтожь меня, огнь разрушитель!
Крикъ въ безпредѣльномъ исчезъ.... и огнь не притекъ разрушитель.
Смутный онъ снова помчался къ мірамъ, и приникъ утомленный
Къ новому пышно-блестящему солнцу. Оттолѣ на бездны
Скорбно смотрѣлъ онъ. Тамъ звѣзды кипѣли, какъ свѣтлое море;
Вдругъ налетѣла на солнце заблудшая въ безднѣ планета;
Часъ ей настаяъ разрушенья... она ужъ дымилась и рдѣла...
Къ ней полетѣлъ Аббадона, разрушиться вкупѣ надѣясь....
Дымомъ она разлетѣлась, но, ахъ!... не погибъ Аббадона!

БИБЛІЯ.

[изъ Фонтана].

Кто сердца не питалъ, кто не былъ восхищенъ
Сей книгой, отъ небесъ евреямъ вдохновенной!
Ея божественнымъ огнемъ воспламененъ,
Полночный нашъ Давидъ на лирѣ обновленной
Пророческую пѣснь псалтыри пробуждалъ —
И сѣверъ дивному пѣвцу рукоплескалъ.
Тамъ, тамъ, гдѣ цвѣлъ Эдемъ, на брегѣ Іордана,
На гордыхъ высотахъ сѣнистаго Ливана
Живетъ восторгъ; туда, туда спѣши, пѣвецъ;
Тамъ міръ въ младенчествѣ предстанетъ предъ тобою,
И мощный, мыслію сопутствуемъ одною,
Въ чудесномъ торжествѣ творенія Творецъ....
И слова дивнаго прекрасное рожденье —
Се первый человѣкъ; вкусилъ минутный сонъ —
Подругу сладкое даруетъ пробужденье.
Уже съ невинностью блаженство тратитъ онъ.
Повержень праведникъ — о грозный Богъ! о мщенье!
Потоки хлынули.... земли преступной нѣтъ;
Одинъ, путеводимъ Предвѣчнаго очами,
Возносится ковчегъ надъ бурными валами,
И въ немъ съ надеждою таится юный свѣтъ.
Вы, пастыри, вожди племенъ благословенныхъ,
Іаковъ, Авраамъ, восторженный мой взглядъ
Васъ любитъ обрѣтать, могущихъ и смиренныхъ,
Въ родительскихъ шатрахъ, среди шумящихъ стадъ;
Сколь вашей простоты величіе плѣняетъ,
Сколь на востокѣ намъ вашъ славный слѣдъ сіяетъ!...
Не ты ли, тихій гробъ Рахили предо мной?
Но сынъ ея зоветъ меня ко брегу Нила;
Напрасно злобы сѣть невинному грозила;
Живъ Богъ — и онъ спасенъ. О! сладкія съ тобой,

Прекрасный юноша, мы слезы проливали.
И нѣтъ тебя.... увы! на чуждыхъ берегахъ
Сыны Израиля въ гоненіи, въ цѣпяхъ
Скорбятъ.... но небеса склонились къ ихъ печали;
Кто ты, спокойное дитя средь шумныхъ волнъ?
Онъ, онъ, евреевъ щитъ, ихъ плѣна разрушитель!
Спѣши, о дочь царей, спасай чудесный челнъ;
Да не дерзнетъ къ нему приблизиться губитель—
Въ сей колыбели скрытъ Израиля предѣлъ.
Раздвинься, море... пой, Израиль, искупленье!
Синай, не ты ли день завѣта въ страхѣ зрѣлъ,
Не на твою ль главу, дрожащую въ смятеньѣ,
Гремящимъ облакомъ Егова низлетѣлъ?
Скажу ль — и дивный столпъ, въ день мрачный, въ ночь горящій,
И изумленную пустыню отъ чудесъ,
И солнце, ставшее незапно средь небесъ,
И Руѳь, и отъ руки Сампсона храмъ дрожащій,
И дѣву юную, которая въ слезахъ,
Среди младыхъ подругъ, на отческихъ горахъ,
О жизни сѣтуя, два мѣсяца бродила?...
Но что? Рука судей Израиль утомила;
Неблагодарнымъ въ казнь—царей послалъ Творецъ;
Саулъ помазанъ—палъ—и пастырю вѣнецъ;
Отъ племени его народовъ Искупитель;
И воину-царю наслѣдникъ царь-мудрецъ.
Гдѣ вы, левиты? Ждетъ божественный строитель;
Стеклись ... о торжество! храмъ вѣчный заложенъ.
Но что? Ужъ десяти во градѣ нѣтъ колѣнъ!...
Падите, идолы! разсыпьтесь въ прахъ, божницы!
Въ блистаньи Илія на небо воспарилъ!...
Иду подъ вашу сѣнь, Товія, Рагуилъ...
Се мужи промысла, Предвѣчнаго зѣницы;
Грядущія лѣта какъ прошлыя для нихъ —
И въ часъ показанный народы исчезаютъ.

Увы! Сидонъ, навѣкъ подъ пепломъ ты утихъ!...
Какіе вопли токъ Эвфрата возмущаютъ?
Ты, плакавшій въ плѣну, на вражескихъ брегахъ,
Іуда, ободрись; восходитъ день спасенья!
Смотри: сія рука, разитель преступленья,
Тирану пишетъ казнь, другимъ тиранамъ въ страхъ.
Сіонъ, восторжествуй свиданье съ племенами;
Се Эздра, Маккавей съ могущими сынами;
И се Младенецъ-Богъ Мессія въ пеленахъ.

КЪ КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Намъ славитъ древность Амфіона!
Отъ струнъ его могущихъ звона
Воздвигся городъ самъ собой....
Правдоподобно, хоть и чудно.
Что древнему поэту трудно?
А нынче?... Нынче вѣкъ иной;
И въ наши бѣдственныя лѣты
Не только лирами поэты
Не строятъ новыхъ городовъ,
Но сами часто безъ домовъ,
Богатымъ платятъ пѣснопѣньемъ
За скудный уголъ чердака,
И грѣются воображеньемъ
Въ виду пустаго камелька.
О Амфіонъ, благоговѣю!
Но, признаюсь, не сожалѣю,
Что даръ твой: говорить стѣнамъ,
Въ наслѣдство не достался намъ.
Славнѣе говорить сердцамъ,
И пробуждать въ нихъ чувства пламень,
Чѣмъ оживлять бездушный камень,
И зданья лирой громоздить.

Съ тобой хочу я говорить,
Мой другъ и братъ по Аполлону;
Склонись къ знакомой лиры звону;
Одинъ въ насъ пламенѣетъ жаръ;
Но мой удѣлъ на свѣтѣ—струны,
А твой: и сладкихъ пѣсней даръ
И пышные дары фортуны.
Послушай повѣсти моей
[Здѣсь истина безъ украшенья]:
Былъ пастырь, образецъ смиренья;
Отъ самыхъ юношескихъ дней
Святаго алтаря служитель,
Онъ чистой жизнью оправдалъ
Все то, чѣмъ вѣрныхъ умилялъ
Въ Христовомъ храмѣ, какъ учитель.
Прихожанъ бѣдныхъ тѣсный міръ
Былъ подвиговъ его свидѣтель;
Невидимую добродѣтель
Его лишь тотъ, кто нагъ иль сиръ,
Иль обреченъ былъ униженью,
Вдругъ узнавалъ по облегченью
Тяжелыя судьбы своей.
Ему науки были чужды—
И нѣтъ въ излишнемъ знаньи нужды;
Онъ рѣдкую между людей
Въ простой душѣ носилъ науку:
Страдальцу гибнущему руку
Въ благое время подавать.
Не зналъ онъ гордаго искусства
Умы витійствомъ поражать
И приводить въ волненье чувства;
Но, другъ, спроси у сироты:
Когда въ одеждѣ нищеты,
Потупя взоры торопливо,

Она стояла передъ нимъ
Съ безмолвнымъ бѣдствіемъ своимъ,
Умѣлъ ли онъ краснорѣчиво
Въ ней сердце къ жизни оживлять,
И міръ, ей страшный, украшать
Надеждою на провидѣнье?
Спроси, умѣлъ ли въ страшный часъ,
Когда лишь смерти слышенъ гласъ,
Лишь смерти слышно приближенье,
Онъ съ робкой говорить душой,
И скрывъ предъ нею міръ земной,
Являть предъ нею міръ небесный?
Какъ часто въ уголъ неизвѣстный,
Гдѣ нищій съ гладною семьей
Отъ свѣта и стыда скрывался,
Онъ неожиданный являлся
Съ святымъ даяньемъ богачей,
Растроганныхъ его мольбою!...
Мой милый другъ, его ужъ нѣтъ;
Судьба незапною рукою
Его въ другой умчала свѣтъ,
Не давъ свершить здѣсь полдороги;
Вдовы жъ наслѣдство: одръ убогій,
На коемъ жизнь окончилъ онъ,
Да пепелъ хижины сгорѣлой,
Да плачъ семьи осиротѣлой...
Скажи, вотще ль ихъ жалкій стонъ?
О нѣтъ! онъ, землю покидая,
За чадъ своихъ не трепеталъ,
Вѣрнѣй онъ въ часъ послѣдній зналъ,
Что ихъ найдетъ рука святая
Неизмѣняющаго намъ;
Онъ добрымъ завѣщалъ сердцамъ
Сиротъ оставленныхъ спасенье.

Сиротъ въ семействѣ Бога нѣтъ;
Исполнимъ добраго завѣтъ,
И оправдаемъ провидѣнье.

КЪ КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ,

ОТВѢТЪ НА ЕГО ПОСЛАНІЕ КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Ты, Вяземскій, хитрецъ, хотя ты и поэтъ!
Проблему, что въ тебѣ ни крошки дара нѣтъ,
Ты вздумалъ доказать посланьемъ,
Въ которомъ на бѣду стихъ каждый заклейменъ
Высокимъ дарованьемъ.
Притворство въ сторону! знай, другъ, что осужденъ
Ты своенравными богами
На свѣтѣ жить и умереть съ стихами,
Такъ точно, какъ орелъ надъ тучами летать,
Какъ благородный конь кипѣть предъ знаменами,
Какъ роза на лугу весной благоухать.
Сноси жъ безъ ропота боговъ опредѣленье,
Не мысли почитать успѣхъ за обольщенье
И содрогаться отъ похвалъ:
Хвала друзей поэту вдохновенье,
Хвала невѣждъ бряцающій кимвалъ.
Страшися, мой пѣвецъ, не смѣлости, но лѣни.
Подъ маской робости не скроешь ты свой даръ;
И тлѣющій въ твоей груди священный жаръ
Сильнѣе, чѣмъ друзей и похвалы и пени.
Пиши, когда писать внушаетъ Аполлонъ;
Къ святилищу, гдѣ скрытъ его незримый тронъ,
Извѣстно намъ, ведутъ безчисленны дороги;
Прямая же одна;
И только тѣхъ очамъ она, мой другъ, видна,
Которыхъ колыбель парнасскимъ лавромъ боги

Благоволили въ часъ рожденья осѣнить.
На славномъ семъ пути пѣвца встрѣчаетъ геній;
И, веселъ посреди божественныхъ явленій,
Онъ съ беззаботностью младенческой идетъ,
Куда рукой неодолимой,
Невидимый толпѣ, его лишь сердцу зримый,
Крылатый проводникъ влечетъ.
Блаженъ, когда ступивъ на путь, онъ за собою
Покинулъ гордости угрюмой суеты
И славолюбія убійственны мечты.
Тогда съ свободною и ясною душою
Наслѣдіе свое, великолѣпный свѣтъ,
Онъ быстро на крылахъ могучихъ облетаетъ
И вдохновенный восклицаетъ,
Повсюду зря красу и благо: я поэтъ!
Но горе, горе тѣмъ, на коихъ Эвмениды,
За преступленья ихъ отцовъ,
Наслали Фурію стиховъ;
Для нихъ страшилища и Фебъ и Аониды,
И визгъ карающихъ свистковъ
Во снѣ и на яву ихъ робкій слухъ терзаетъ.
Ихъ жребій — пѣть на зло суровыхъ къ нимъ судей;
Чѣмъ громозвучнѣй смѣхъ, тѣмъ струны ихъ звучнѣй,
И лира наконецъ къ перстамъ ихъ прирастаетъ;
До Леты гонитъ ихъ свирѣпый Аполлонъ,
Но и забвенія рѣка ихъ не спасаетъ,
И на брегу ея сквозь тяжкій смерти сонъ
Ихъ тѣни борются съ безплодными свистками.
Но, другъ, не для тебя сей бѣдственный удѣлъ;
Природой наученъ, ты вѣрный путь обрѣлъ.
Летай не робкими перстами
По очарованнымъ струнамъ,
И Музы не страшись! Въ нерукотворный храмъ
Стезей цвѣтущею, но скрытою отъ свѣта,
Она ведетъ поэта.

Лишь бы любовью красоты
И славой чистою душа въ насъ пламенѣла,
Лишь бы, минутное отринувъ, въ высоты
Она къ безсмертному летѣла —
И Муза счастія богиней будетъ намъ.
Пускай слѣпцы ползутъ по праху къ похваламъ,
Вѣнцовъ презрѣнныхъ ищутъ въ прахѣ,
И, славу позабывъ, блѣднѣютъ въ низкомъ страхѣ,
Чтобы прелестница-хвала,
Какъ облако, изъ ихъ объятій не ушла.
Имъ вѣчно не узнать тѣхъ чистыхъ наслажденій,
Которыя даетъ намъ безкорыстный геній,
Природы властелинъ,
Парящій посреди безбрежнаго пучинъ,
Красы верховной созерцатель,
И въ чудномъ мірѣ семъ чудеснаго создатель.
Мой другъ, святыхъ добра законовъ толкователь,
Поэтъ на свѣтѣ семъ — всѣхъ добрыхъ семьянинъ,
И сладкою мечтой потомства оживленной....
О, нѣтъ! потомство не мечта!
Не мни, чтобъ для меня въ дали его священной
Однихъ лишь почестей блистала суета;
Пускай правдивый судъ потомствомъ раздается —
Ему внимать нашъ прахъ во гробѣ не проснется,
И не достигнетъ онъ къ безчувственнымъ костямъ.
Потомство говоритъ, мой другъ, однимъ гробамъ;
Хвалы жъ его въ гробахъ почіющимъ не внятны,
Но въ жизни мысль объ немъ намъ спутникъ благодатный.
Надежда сердцемъ жить въ вѣкахъ,
Надежда сладкая, она не заблужденье!
Пускай покроетъ лиру прахъ,
Въ семъ прахѣ не умолкнетъ пѣнье
Души безсмертной полныхъ струнъ;
Нашъ геній будетъ, вѣчно юнъ,
Неутомимыми крылами

Парить надъ дряхлыми племенъ и царствъ гробами;
И будетъ пламень, въ насъ горѣвшій, согрѣвать
Жаръ славы, благости и смѣлыхъ помышленій
Въ сердцахъ грядущихъ поколѣній;
Сихъ узъ ни Кронъ, ни смерть не властны разорвать;
Пускай, пускай придетъ пустынный вѣтръ свистать
Надъ нашею съ землей сравнявшейся могилой —
Что̀ счастіемъ для насъ въ минутной жизни было,
То будетъ счастіемъ для близкихъ намъ сердецъ
И долго послѣ насъ; грядущихъ лѣтъ пѣвецъ
Отъ лиры воспылаетъ нашей;
Внимая умиленно ей,
Страдалецъ подойдетъ смѣлѣй
Къ своей ужасной, горькой чашѣ,
И волю промысла, смирясь, благословитъ;
Сынъ славы закипитъ,
Ее послышавъ, бранью,
И праздный мечъ сожметъ нетерпѣливой дланью....
Давно въ развалинахъ сабинскій уголокъ,
И вѣки ужъ надъ нимъ толпою пролетѣли,
Но струны Флакковы еще не онѣмѣли;
И, мнится, не забылъ ихъ звука тотъ потокъ
Съ одушевленными струями,
Еще шумящій тамъ, гдѣ дружными вѣтвями
Въ кудрявые вѣнцы сплелися древеса.
Тамъ подъ вечеръ, когда невидимо роса
Съ роскошной свѣжестью на землю упадаетъ,
И мирты спящія Селена осребряетъ,
Дріадъ стыдливыхъ хороводъ
Кружится по цвѣтамъ, и тѣнь ихъ пролетаетъ
По зыбкому зерцалу водъ;
Нерѣдко въ тихій часъ, какъ солнце на закатѣ
Ліетъ румяный блескъ на море вдалекѣ,
И мирты темныя дрожатъ при вѣтеркѣ,
На яркомъ отражаясь златѣ —

Вдругъ разливается какъ будто тихій звонъ,
И вѣтерокъ, и струй журчанье утихаетъ,
Какъ бы незримый Аполлонъ
Полетомъ легкимъ пролетаетъ,
И путникъ, погруженъ въ унылость, слышитъ гласъ:
«О смертный, жизнь стрѣлою мчится;
Лови, лови летящій часъ;
Онъ, улетѣвъ, не возратится!»

ЭЛЬВИНА И ЭДВИНЪ.

[БАЛЛАДА, ПОДРАЖАНІЕ МАЛЛЕТУ].

Въ излучинѣ долины сокровенной,
Тамъ, гдѣ блеститъ подъ рощею потокъ,
Стояла хижина, смиренной
Покоя уголокъ.

Эльвина тамъ красавица таилась —
Въ ней зрѣла мать подпору дряхлыхъ дней,
И только объ одномъ молилась:
«Всѣ блага жизни ей!»

Какъ лилія была чиста душою,
И пламенѣлъ румянецъ на щекахъ —
Такъ разливается весною
Денница въ облакахъ.

Всѣхъ юношей Эльвина восхищала;
Для всѣхъ подругъ красой была страшна,
И, чудо прелестей, не знала
Объ нихъ одна она.

Пришелъ Эдвинъ. Безъ всякаго искусства
Эдвинова плѣняла красота:
Въ очахъ веселыхъ пламень чувства,
А въ сердцѣ простота.

И заключенъ святой союзъ сердцами:
Душѣ легко въ родной душѣ читать;
Легко, что сказано очами,
Устами досказать.

О! сладко жить, когда душа въ покоѣ,
И съ тѣмъ, кто милъ, начавъ, кончаешь день;
Вдвоемъ и радости всѣ вдвое....
Но, ахъ! онѣ какъ тѣнь.

Лишь золото любилъ отецъ Эдвина;
Для жалости онъ сердца не имѣлъ;
Эльвинѣ же дала судьбина
Одну красу въ удѣлъ.

Съ холодностью смотрѣлъ старикъ суровой
На ихъ любовь — на счастье двухъ сердецъ.
«Разстаньтесь!» роковое слово
Сказалъ онъ наконецъ.

Увы, Эдвинъ! Въ какой борьбѣ въ немъ страсти!
И ни одной нѣтъ силы побѣдить....
Какъ не признать отцовской власти?
Но какъ же не любить?

Прелестный видъ, плѣнительныя рѣчи,
Восторгъ любви — все было только сонъ;
Онъ розно съ ней, онъ съ ней и встрѣчи
Бояться осужденъ.

Лишь по утрамъ, чтобъ видѣть слѣдъ Эльвины,
Онъ изъ кустовъ смотрѣлъ, когда она
Шла по излучинѣ долины,
Печальна и одна.

Или, когда являя мѣсяцъ роги,
Туманный свѣтъ на рощи наводилъ,
Онъ, грустенъ, вдоль большой дороги
До полночи бродилъ.

Задумчивый, онъ часто по кладбищу
При склонѣ дня ходилъ среди крестовъ:
Его тоскѣ давало пищу
Спокойствіе гробовъ.

Знать гробъ ему предчувствіе сулило!
Уже ланитъ румяный цвѣтъ пропалъ;
Ихъ горе блѣдностью покрыло....
Несчастный увядалъ.

Й не спасутъ его младыя лѣты;
Вотще въ слезахъ надъ нимъ его отецъ;
Вотще и вопли и обѣты!...
Всему, всему конецъ.

И молитъ онъ: «друзья, изъ сожалѣнья....
Хотя бы разъ мнѣ на нее взглянуть....
Ахъ! дайте, дайте отъ мученья
При ней мнѣ отдохнуть.»

Она пришла, но взоръ любви всесильный
Уже тебя, Эдвинъ, не воскреситъ;
Уже готовъ покровъ могильный,
И гробъ уже открытъ.

Смотри, смотри, несчастная Эльвина,
Какъ измѣнилъ его послѣдній часъ;
Ни тѣни прежняго Эдвина,
Ликъ блѣдный, слабый гласъ.

Въ знакъ вѣрности онъ подаетъ ей руку,
И на нее взоръ томный устремилъ;
Какъ сильно вѣчную разлуку
Сей взоръ изобразилъ.

И въ тьмѣ ночной, покинувши Эдвина,
Домой одна вблизи кладбища шла,
Души не чувствуя, Эльвина;
Кругомъ густѣла мгла.

Отъ сѣвера подъемлясь, вѣтеръ хладной
Качалъ, свистя во мракѣ, дерева,
И выла на стѣнѣ оградной
Полночная сова.

И вся душа въ Эльвинѣ замирала,
И взоръ ея во всемъ его встрѣчалъ,
Казалось — тѣнь его летала,
Казалось — онъ стоналъ.

Но.... вотъ и въявь ужъ слышится Эльвинѣ:
Вдали провылъ уныло тяжкій звонъ;
Какъ смерти голосъ, по долинѣ
Промчавшись, стихнулъ онъ

И къ матери безъ памяти вбѣжала —
Блѣдна, и свѣтъ въ очахъ ея темнѣлъ.
«Прости, все кончилось! [сказала]
Мой ангелъ улетѣлъ!

«Благослови.... зовутъ.... иду къ Эдвину...
Но для тебя мнѣ жаль покинуть свѣтъ.»
Умолкла.... мать зоветъ Эльвину...
Эльвины больше нѣтъ.

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

[ВЪ АЛЬБОМЪ В. А. АЗБУКИНУ].

Любовь, надежда и терпѣнье:
На жизнь порядочный запасъ.
Впередъ безъ страха; въ добрый часъ;
За все порука провидѣнье.

Блаженъ, кому любовь во слѣдъ;
Она веселье въ жизнь вливаетъ,
И счастья радугу являетъ
На самой грозной тучѣ бѣдъ.

Пока заря не возсіяла —
Бездушенъ, хладенъ, тихъ Мемнонъ;
Заря взошла — и дышетъ онъ,
И радость въ мраморѣ взыграла.

Таковъ любви волшебный свѣтъ,
Великихъ чувствъ животворитель,
Къ дѣламъ возвышеннымъ стремитель;
Любви нѣтъ въ сердцѣ — жизни нѣтъ!

Надежда съ чашею отрады
Намъ добрый спутникъ — вѣрь, но знай,
Что не земля, а небо рай;
Вѣрнѣй быть добрымъ безъ награды.

Когда жъ надежда улетитъ —
Взгляни на тихое терпѣнье,
Оно утѣхи обольщенье
Прямою силой замѣнитъ.

Лишь бы, сокровище святое,
Доброта сохранилась намъ;
Достоинъ будь — а небесамъ
Оставь на волю остальное.

БАЛЛАДА,

ВЪ КОТОРОЙ ОПИСЫВАЕТСЯ, КАКЪ ОДНА СТАРУШКА ѢХАЛА НА ЧЕРНОМЪ КОНѢ ВДВОЕМЪ, И КТО СИДѢЛЪ ВПЕРЕДИ.

[ПОДРАЖАНІЕ САУТИ].

На кровлѣ воронъ дико прокричалъ:
Старушка слышитъ и блѣднѣетъ.
Понятно ей, что воронъ тотъ сказалъ;
Слегла въ постель, дрожитъ, хладѣетъ.

И вопитъ скорбно: «гдѣ мой сынъ чернецъ?
Ему сказать мнѣ слово дайте;
Увы! я гибну; близокъ мой конецъ;
Скорѣй, скорѣй! не опоздайте!»

И къ матери идетъ чернецъ святой,
Ея услышать покаянье;
И тайные Дары несетъ съ собой,
Чтобъ утолить ея страданье.

Но лишь пришелъ къ одру съ Дарами онъ,
Старушка въ трепетѣ завыла;

Какъ смерти крикъ, ея протяжный стонъ...
«Не приближайся!» возопила.

«Не подноси ко мнѣ святыхъ Даровъ;
Уже не въ пользу покаянье...»
Былъ страшенъ видъ ея сѣдыхъ власовъ
И страшно груди колыханье.

Дары святые сынъ отнесъ назадъ
И къ страждущей приходитъ снова.
Кругомъ бродилъ ея потухшій взглядъ;
Языкъ искалъ, нѣмѣя, слова.

«Вся жизнь моя въ грѣхахъ погребена;
Меня отвергнулъ Искупитель;
Твоя жъ душа молитвой спасена,
Ты будь души моей спаситель.

«Здѣсь вмѣсто дня была мнѣ ночи мгла;
Я кровь младенцевъ проливала,
Власы невѣстъ въ огнѣ волшебномъ жгла,
И кости мертвыхъ похищала.

«И казнь лукавый обольститель мой
Ужъ мнѣ готовитъ въ адской злобѣ;
И я, смутивъ чужихъ гробовъ покой,
Въ своемъ не успокоюсь гробѣ.

«Ахъ! не забудь моихъ послѣднихъ словъ:
Мой трупъ, обвитый пеленою,
Мой гробъ, мой черный гробовой покровъ
Ты окропи святой водою.

«Чтобъ изъ свинца мой крѣпкій гробъ былъ слитъ,
Семью окованъ обручами,

Во храмъ внесенъ, предъ алтаремъ прибитъ
Къ помосту крѣпкими цѣпями.

«И цѣпи окропи святой водой...
Чтобы священники соборомъ
И день и ночь стояли надо мной
И пѣли панихиду хоромъ;

«Чтобъ пятьдесятъ на крылосахъ дьячковъ
За ними въ черныхъ рясахъ пѣли;
Чтобъ день и ночь свѣчи у образовъ
Изъ воска яраго горѣли;

«Чтобы звучнѣй во всѣ колокола
Съ молитвой день и ночь звонили;
Чтобъ заперта во храмѣ дверь была;
Чтобъ дьяконы предъ ней кадили;

«Чтобъ крѣпокъ былъ запоръ церковныхъ вратъ;
Чтобы съ полуночнаго бдѣнья
Онъ ни на мигъ съ растворовъ не былъ снятъ
До солнечнаго восхожденья.

«Съ обрядомъ тѣмъ молитеся три дня,
Три ночи сряду надо мною:
Чтобъ не достигъ губитель до меня,
Чтобъ прахъ мой принятъ былъ землею.»

И гласъ ея быть слышенъ пересталъ;
Померкши очи закатились;
Послѣдній вздохъ въ груди затрепеталъ;
Уста, охолодѣвъ, раскрылись.

И хладный трупъ, и саванъ гробовой,
И гробъ подъ черной пеленою

Священники съ приличною мольбой
Опрыскали святой водою.

Семь обручей на гробъ положены,
Три цѣпи тяжкими винтами
Вонзились въ гробъ и съ нимъ утверждены
Въ помостъ предъ царскими дверями.

И вспрыснуты онѣ святой водой,
И всѣ священники въ собраньѣ,
Чтобъ день и ночь душѣ на упокой
Свершать во храмѣ поминанье.

Поютъ дьячки всѣ въ черныхъ стихаряхъ
Медлительными голосами,
Горятъ свѣчи надгробны въ ихъ рукахъ,
Горятъ свѣчи предъ образами.

Протяжный гласъ и блѣдный ликъ пѣвцовъ,
Печальный, страшный сумракъ храма,
И тихій гробъ, и длинный рядъ поповъ
Въ туманѣ зыбкомъ ѳиміама,

И горестный чернецъ предъ алтаремъ,
Творящій до земли поклоны,
И въ высотѣ дрожащимъ свѣчъ огнемъ
Чуть озаренныя иконы....

Ужасный видъ! колокола звонятъ;
Ужъ часъ полуночнаго бдѣнья....
И заперлись затворы тяжкихъ вратъ
Передъ начатіемъ моленья.

И въ перву ночь отъ свѣчъ веселый блескъ.
И вдругъ.... къ полночи за вратами

Ужасный вой, ужасный шумъ и трескъ,
И слышалось: гремятъ цѣпями.

Желѣзныхъ вратъ запоръ, стуча дрожитъ,
Звонятъ на колокольнѣ звонче,
Молитву клиръ усерднѣе творитъ,
И пѣніе поющихъ громче.

Гудятъ колокола, дьячки поютъ,
Попы молитвы вслухъ читаютъ,
Чернецъ въ слезахъ, въ кадилахъ ладонъ жгутъ,
И свѣчи яркія пылаютъ.

Запѣлъ пѣтухъ.... и смолкнувши бѣгутъ
Враги, не совершивъ ловитвы;
Смѣлѣй дьячки на крылосахъ поютъ,
Смѣлѣй попы творятъ молитвы.

Въ другую ночь отъ свѣчъ темнѣе свѣтъ
И слабо теплются кадилы,
И гробовой у всѣхъ на лицахъ цвѣтъ,
Какъ будто встали изъ могилы.

И снова ревъ и шумъ и трескъ у вратъ;
Грызутъ замокъ, въ затворы рвутся;
Какъ будто вихрь, какъ будто шумный градъ,
Какъ будто воды съ горъ несутся.

Предъ алтаремъ чернецъ на землю палъ,
Священники творятъ поклоны,
И дымъ отъ свѣчъ туманныхъ побѣжалъ,
И потемнѣли всѣ иконы.

Сильнѣе стукъ — звучнѣй колокола,
И трепетнѣй поющихъ голосъ:

Въ крови ихъ хладъ, объемлетъ очи мгла,
Дрожатъ колѣна, дыбомъ волосъ.

Запѣлъ пѣтухъ.... и прочь враги бѣгутъ,
Опять не совершивъ ловитвы;
Смѣлѣй дьячки на крылосахъ поютъ,
Попы смѣлѣй творятъ молитвы.

На третью ночь свѣчи едва горятъ;
И дымъ густой и запахъ сѣрный;
Какъ рядъ тѣней, попы во мглѣ стоятъ;
Чуть видѣнъ гробъ во мракѣ черный.

И стукъ у вратъ: какъ будто океанъ
Подъ бурею реветъ и воетъ,
Какъ будто степь песчаную орканъ
Свистящими крылами роетъ.

И звонари отъ страха чуть звонятъ,
И руки имъ служить невольны;
Часъ отъ часу страшнѣе громъ у вратъ,
И звонъ слабѣе колокольный.

Дрожа, упалъ чернецъ предъ алтаремъ,
Молиться силы нѣтъ, во прахѣ
Лежитъ, къ землѣ приникнувши лицемъ,
Поднять глаза не смѣетъ въ страхѣ.

И пѣвчихъ хоръ, доселѣ согласный, сталъ
Нестройнымъ крикомъ отъ смятенья:
Имъ чудилось, что церковь зашаталъ
Какъ бы ударъ землетрясенья.

Вдругъ затускнѣлъ огонь во всѣхъ свѣчахъ,
Погасли всѣ и закурились;

И замеръ гласъ у пѣвчихъ на устахъ,
Всѣ трепетали, всѣ крестились.

И раздалось.... какъ будто оный гласъ,
Который грянетъ надъ гробами;
И храма дверь со стукомъ затряслась
И на полъ рухнула съ петлями.

И Онъ предсталъ весь въ пламени очамъ,
Свирѣпый, мрачный, разъяренной;
Но не дерзнулъ войти Онъ въ Божій храмъ,
И ждалъ предъ дверью раздробленной.

И съ громомъ гробъ отторгся отъ цѣпей,
Ни чьей не тронутый рукою,
И вмигъ на немъ не стало обручей....
Они разсыпались золою.

И вскрылся гробъ. Онъ къ тѣлу вопіетъ:
«Возстань, иди во слѣдъ владыкѣ!»
И проступилъ отъ словъ сихъ хладный потъ
На мертвомъ, неподвижномъ ликѣ.

И тихо трупъ со стономъ тяжкимъ всталъ,
Покоренъ страшному призванью,
И никогда здѣсь смертный не слыхалъ
Подобнаго тому стенанью.

Шатаяся пошла она къ дверямъ:
Огромный конь чернѣе ночи,
Дыша огнемъ, храпѣлъ и прыгалъ тамъ,
И какъ пожаръ пылали очи.

И на коня съ добычей прянулъ врагъ,
И трупъ завылъ, и быстротеч о

Конь полетѣлъ, взвивая дымъ и прахъ,
И слухъ объ ней пропалъ навѣчно.

Никто не зрѣлъ, какъ съ нею мчался Онъ....
Лишь страшный слѣдъ нашли на прахѣ,
Лишь, внемля крикъ, всю ночь сквозь тяжкій сонъ
Младенцы вздрагивали въ страхѣ.

ЭОЛОВА АРФА.

БАЛЛАДА.

Владыко Морвены,
Жилъ въ дѣдовскомъ за́мкѣ могучій Ордалъ;
Надъ озеромъ стѣны
Зубчатыя замокъ съ холма возвышалъ;
Прибрежны дубравы
Склонялись къ водамъ,
И стлался кудрявый
Кустарникъ по злачнымъ окрестнымъ холмамъ.

Спокойствіе сѣней
Дубравныхъ тамъ часто лай псовъ нарушалъ;
Рогатыхъ еленей
И вепрей и ланей могучій Ордалъ
Съ отважными псами
Гонялъ по холмамъ;
И долы съ холмами,
Шумя, отвѣчали зовущимъ рогамъ.

Въ жилище Ордала
Веселость изъ ближнихъ и дальнихъ краевъ
Гостей собирала;
И убраны были чертоги пировъ

Еленей рогами;
И въ память отцамъ,
Висѣли рядами
Ихъ шлемы, кольчуги, щиты по стѣнамъ.

И въ дружныхъ бесѣдахъ
Любилъ за бокаломъ разсказы Ордалъ
О древнихъ побѣдахъ,
И взоры на брони отцовъ устремлялъ:
Чеканны ихъ латы
Въ глубокихъ рубцахъ,
Мечи ихъ зубчаты,
Щиты ихъ и шлемы избиты въ бояхъ.

Младая Минвана
Красой озаряла родительскій домъ;
Какъ зыби тумана,
Зарею златимы надъ свѣжимъ холмомъ,
Такъ кудри густыя
Съ главы молодой
На перси младыя,
Віяся, бѣжали струей золотой.

Пріятнѣй денницы
Задумчивый пламень во взорахъ сіялъ:
Сквозь темны рѣсницы
Онъ сладкое въ душу смятенье вливалъ;
Потока журчанье —
Пріятность рѣчей,
Какъ роза—дыханье,
Душа же прекраснѣй и прелестей въ ней.

Гремѣла красою
Минвана и въ ближнихъ и въ дальнихъ краяхъ;

Въ Морвену толпою
Стекалися витязи, славны въ бояхъ;
И дщерью гордился
Предъ ними отецъ....
Но втайнѣ дѣлился
Душою съ Минваной Арминій-пѣвецъ.

Младой и прекрасный,
Какъ свѣжая роза — утѣха долинъ,
Пѣвецъ сладкогласный....
Но родомъ не знатный, не княжескій сынъ....
Минвана забыла
О санѣ своемъ,
И сердцемъ любила,
Невинная, сердце невинное въ немъ.—

На темные своды
Багрянымъ щитомъ покатилась луна,
И озера воды
Струистымъ сіяньемъ покрыла она;
Отъ за́мка, отъ сѣней
Дубравъ по брегамъ,
Огромные тѣней
Легли великаны по гладкимъ водамъ.

На холмѣ, гдѣ чистымъ
Потокомъ источникъ бѣжалъ изъ кустовъ,
Подъ дубомъ вѣтвистымъ,
Свидѣтелемъ тайныхъ свиданья часовъ,
Минвана младая
Сидѣла одна,
Пѣвца ожидая,
И въ страхѣ таила дыханье она.

И съ арфою стройной
Ко древу къ Минванѣ приходитъ пѣвецъ.

Все было спокойно,
Какъ тихая радость ихъ юныхъ сердецъ:
Прохлада и нѣга,
Мерцанье луны,
И ропотъ у брега
Дробимыя съ легкимъ плесканьемъ волны.

И долго, безмолвны,
Пѣвецъ и Минвана съ унылой душой
Смотрѣли на волны,
Златимыя тихо блестящей луной.
«Какъ быстрыя воды
Потокъ свой ліютъ,
Такъ быстрые годы
Веселье младое съ любовью несутъ.»

— Что жъ сердце уныло?
Пусть воды ліются, пусть годы бѣгутъ;
О вѣрный! о милой!
Съ любовію годы и жизнь унесутъ.
«Минвана, Минвана,
Я бѣдный пѣвецъ,
Ты жъ царскаго сана,
И предками славенъ твой гордый отецъ.»

— Что въ славѣ и санѣ?
Любовь мой высокій, мой царскій вѣнецъ.
О милый, Минванѣ
Всѣхъ витязей краше смиренный пѣвецъ.
Зачѣмъ же уныло
На радость глядѣть?
Все близко, что мило;
Оставимъ годамъ за годами летѣть.

«Минутная сладость
Веселаго вмѣстѣ, помедли, постой;

Кто скажетъ, что радость
На вѣкъ не умчится съ грядущей зарей!
Проглянетъ денница —
Блаженству конецъ;
Опять ты царица,
Опять я ничтожный и бѣдный пѣвецъ.»

— Пускай возвратится
Веселое утро, сіяніе дня;
Зарей озарится
Тотъ свѣтъ, гдѣ мой милый живетъ для меня.
Лишь царскимъ уборомъ
Я буду съ толпой;
А мыслію, взоромъ
И сердцемъ, и жизнью, о милый—съ тобой!

«Прости, ужъ блѣднѣетъ
Разсвѣтомъ далекій, Минвана, востокъ;
Ужъ утренній вѣетъ
Съ вершины кудрявыхъ холмовъ вѣтерокъ.»
— О нѣтъ! то зарница
Блеститъ въ облакахъ;
Не скоро денница;
И тихъ вѣтерокъ на кудрявыхъ холмахъ.

«Ужъ въ замкѣ проснулись;
Мнѣ слышался шорохъ и звукъ голосовъ.»
— О нѣтъ! встрепенулись
Дремавшія пташки на вѣтвяхъ кустовъ.
«Заря ужъ багряна.»
— О милый, постой.
«Минвана, Минвана,
Почто жъ замираетъ такъ сердце тоской?»

И арфу унылой
Пѣвецъ привязалъ подъ наклономъ вѣтвей:

«Будь, арфа, для милой
Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней;
И сладкіе звуки
Любви не забудь;
Услада разлуки
И вѣстникъ души неизмѣнныя будь.

«Когда же мой юный,
Убитый печалію цвѣтъ опадетъ,
О, вѣрныя струны,
Въ васъ съ прежней любовью душа перейдетъ!
Какъ прежде, взыграетъ
Веселіе въ васъ,
И другъ мой узнаетъ
Привычный, зовущій къ свиданію гласъ.

«И думай, ихъ пѣнью
Внимая вечерней, Минвана, порой,
Что легкою тѣнью,
Все вѣрный, летаетъ твой другъ надъ тобой;
Что прежнія муки:
Превратности страхъ,
Томленье разлуки,
Всё съ трепетной жизнью онъ бросилъ во прахъ.

«Что, жизнь переживши,
Любовь лишь одна не разсталась съ душой;
Что робко любившій
Безъ робости любитъ и болѣе твой.
А ты, дубъ вѣтвистый,
Ее осѣняй;
И, вѣтеръ душистый,
На грудь молодую дышать прилетай.»

Умолкъ — и съ прелестной
Задумчивыхъ долго очей не сводилъ....

Какъ бы неизвѣстный
Въ немъ голосъ: «на вѣки прости!» говорилъ.
Горячей рукою
Ей руку пожалъ,
И тихой стопою
Отъ ней удаляся, какъ призракъ, пропалъ...

Луна возсіяла....
Минвана у древа.... но гдѣ же пѣвецъ?
Увы! предузнала
Душа, унывая, что счастью конецъ.
Молва о свиданьѣ
Достигла отца....
И мчитъ ужъ въ изгнанье
Ладья черезъ море младаго пѣвца.

И поздно, и рано
Подъ древомъ свиданья Минвана груститъ.
Уныло съ Минваной
Одинъ лишь нагорный потокъ говоритъ;
Все пусто; день ясный
Взойдетъ и зайдетъ —
Пѣвецъ сладкогласный
Минваны подъ древомъ свиданья не ждетъ.

Прохладою дышетъ
Тамъ вѣтеръ вечерній, и въ листьяхъ шумитъ,
И вѣтви колышетъ,
И арфу лобзаетъ.... но арфа молчитъ. —
Творенія радость,
Настала весна —
И въ свѣжую младость,
Красу и веселье земля убрана.

И яркимъ сіяньемъ
Холмы осыпалъ вечерѣющій день:

На землю съ молчаньемъ
Сходила ночная, росистая тѣнь;
Ужъ синіе своды
Блистали въ звѣздахъ;
Сравнялися воды,
И вѣтеръ улегся на спящихъ листахъ!

Сидѣла уныло
Минвана у древа.... душой вдалекѣ....
И тихо все было....
Вдругъ.... къ пламенной что-то коснулось щекѣ;
И что-то шатнуло
Безъ вѣтра листы,
И что-то прильнуло
Къ струнамъ, невидимо слетѣвъ съ высоты....

И вдругъ.... изъ молчанья
Поднялся протяжно задумчивый звонъ,
И тише дыханья
Играющей въ листьяхъ прохлады былъ онъ.
Въ ней сердце смутилось:
То друга привѣтъ!
Свершилось, свершилось!...
Земля опустѣла, и милаго нѣтъ.

Отъ тяжкія муки
Минвана упала безъ чувства на прахъ,
И жалобнѣй звуки
Надъ ней застенали въ смятенныхъ струнахъ.
Когда жъ возвратила
Дыханье она,
Уже восходила
Заря, и надъ нею была тишина.

Съ тѣхъ поръ, унывая,
Минвана, лишь вечеръ, ходила на холмъ,

И звукамъ внимая,
Мечтала о миломъ, о свѣтѣ другомъ,
Гдѣ жизнь безъ разлуки,
Гдѣ все не на часъ —
И мнились ей звуки,
Какъ будто летящій отъ родины гласъ.

«О милыя струны,
Играйте, играйте... мой часъ не далекъ;
Ужъ клонится юный
Главой недоцвѣтшей ко праху цвѣтокъ.
И странникъ унылый
Заутра придетъ,
И спроситъ: гдѣ милый
Цвѣтокъ мой?.... и болѣ цвѣтка не найдетъ.»

И нѣтъ ужъ Минваны....
Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей
Восходятъ туманы,
И свѣтитъ, какъ въ дымѣ, луна безъ лучей —
Двѣ видятся тѣни:
Сліявшись, летятъ
Къ знакомой имъ сѣни...
И дубъ шевелится, и струны звучатъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

АЛЕКСАНДРѢ АНДРЕЕВНѢ ПРОТАСОВОЙ.

Ты свѣтъ увидѣла во дни моей весны,
Дни чистые, когда все въ жизни такъ прекрасно,
Такъ живо близкое, далекое такъ ясно,
Когда лелѣютъ насъ магическіе сны;

Тогда съ небесъ къ твоей спокойной колыбели
Святыя радости подругами слетѣли —
Ихъ рой сномъ утреннимъ кругомъ тебя игралъ;
И ангелъ прелести, твоя родня, съ любовью
Незримо къ твоему приникнулъ изголовью,
И никогда тебя съ тѣхъ поръ не покидалъ....
Лѣта прошли — твои всѣ спутники съ тобою;
У входа въ свѣтъ съ живой и ждущею душею
Ты въ ихъ кругу стоишь, прелестна, какъ они.
А я, знакомецъ твой въ тѣ радостные дни,
Я на тебя смотрю съ веселіемъ унылымъ;
Тѣснишься въ сердце ты изображеньемъ милымъ
Всего минувшаго, всего, чѣмъ жизнь была
Такъ сладостно полна, такъ пламенно мила,
Что вдохновеніемъ всю душу зажигало,
Всего, что лучшаго въ ней было и пропало....
О, упоеніе томительной мечты,
Покинь меня! желать — безжалостно ты учишь;
Не воскрешая, смерть мою тревожишь ты;
Въ могилѣ мертвеца ты чувствомъ жизни мучишь.

АХИЛЛЪ.

БАЛЛАДА. *

Отуманилася Ида,
Омрачился Иліонъ,

* Ахиллу дано было на выборъ: или жить долго безъ славы или умереть въ молодости со славою — онъ избралъ послѣднее и полетѣлъ къ стѣнамъ Иліона. Онъ зналъ, что конецъ его вскорѣ послѣдуетъ за смертію Гектора — и умертвилъ Гектора, мстя за Патрокла. Сія мысль о близкой смерти слѣдовала за нимъ повсюду, и въ шумный бой и въ уединенный шатеръ; вездѣ онъ помнилъ объ ней; наконецъ онъ слышалъ и пророческій голосъ коней своихъ, возвѣстившій ему погибель.—В. Ж.

Спитъ во мракѣ станъ Атрида,
На равнинѣ битвы сонъ.
Тихо все.... курясь, сверкаетъ
Пламень гаснущихъ костровъ,
И протяжно окликаетъ
Стражу стража близъ шатровъ.

Надъ Эгейскихъ водъ равниной
Свѣтелъ всходитъ рогъ луны;
Звѣзды спящею пучиной
И брега отражены;
Видѣнъ въ полѣ опустѣломъ
Съ колесницею Пріамъ: *
Онъ за Гекторовымъ тѣломъ
Отъ шатровъ идетъ къ стѣнамъ.

И на брегѣ близъ кургана
Зрится сумрачный Ахиллъ;
Онъ одинъ, далекъ отъ стана;
Онъ главу на длань склонилъ.
Смотритъ въ даль — тамъ съ колесницей
На пути Пріама зритъ:
Отираетъ багряницей
Слезы бѣдный царь съ ланитъ.

Лиру взялъ, ударилъ въ струны;
Тихъ его печальный гласъ:
«Старецъ, палъ твой Гекторъ юный;
Свѣтъ души твоей угасъ;

---

* Пріамъ приходилъ одинъ ночью въ греческій станъ молить Ахилла о возвращеніи Гекторова тѣла. Мольбы сего старца тронули душу грознаго героя: онъ возвратилъ Пріаму обезображенный трупъ его сына, и старецъ невредимо возвратился въ Трою. — В. Ж.

И Гекуба, Андромаха
Ждутъ тебя у градскихъ вратъ
Съ ношей милаго имъ праха....
Жизнь и смерть имъ твой возвратъ.

«И съ денницею печальной
Воскурится ѳиміамъ,
Огласится погребальной
Пѣснью каждый домъ и храмъ;
Мать, отецъ, вдова съ мольбою
Пепелъ въ урну соберутъ,
И молитвы ихъ герою
Миръ въ странѣ тѣней дадутъ.

«О Пріамъ, ты предъ Ахилломъ
Здѣсь во прахъ главу склонялъ,
Здѣсь молилъ о сынѣ миломъ,
Здѣсь, несчастный, ты лобзалъ
Руку, слезъ твоихъ причину....
Ахъ, не сѣтуй! гласъ небесъ
Намъ одну изрекъ судьбину:
И меня постигъ Зевесъ.

«Близокъ часъ мой; роковая
Приготовлена стрѣла;
Парка, жребію внимая,
Дни мои ужъ отвила;
И скрыпятъ врата Аида, *
И вѣщаетъ грозный гласъ:
Все свершилось для Пелида,
Факелъ дней его угасъ.

* Аидомъ назывался у грековъ адъ; Плутонъ былъ проименованъ Айдонеемъ.—В. Ж.

«Вѣрный другъ мой взятъ могилой;
Брата бой меня лишилъ —
Вслѣдъ за нимъ съ земли унылой
Удалится и Ахиллъ.
Такъ судилъ мнѣ рокъ жестокой:
Я паду въ веснѣ моей
На чужомъ брегу, далеко
Отъ Пелеевыхъ очей.

«Ахъ! и сердце запрещаетъ
Долѣ жить въ земномъ краю,
Гдѣ ужъ другъ не услаждаетъ
Душу сирую мою.
Гекторъ палъ — его паденьемъ
Тѣнь Патрокла я смирилъ,
Но себѣ за друга мщеньемъ
Путь къ Тенару проложилъ.

«Ты не жди, Менетій, сына; *
Не придетъ онъ въ отчій домъ....
Здѣсь Эгейская пучина
Предъ его шумитъ холмомъ;
Спитъ онъ.... смерть сковала длани,
Позабылъ ко славѣ путь,
И призывный голосъ брани
Не вздымаетъ хладну грудь.

«И Ахиллъ не возвратится,
Въ домѣ отчемъ пустота
Скоро, скоро водворится....
О Пелей, ты сирота.
Пронесется буря брани —
Ты Ахилла будешь ждать,

* Менетій отецъ Патрокла.—В. Ж.

И чертогъ свой въ новы ткани
Для пріема убирать;

«Будешь съ берега уныло
Ты смотрѣть — въ пустой дали
Не бѣлѣетъ ли вѣтрило,
Не плывутъ ли корабли?
Корабли придутъ отъ Трои —
А меня ни на одномъ;
Тамъ, гдѣ билися герои,
Буду спать — и вѣчнымъ сномъ.

«Тщетно, смертною борьбою
Мучимъ, будешь сына звать,
И хладѣющей рукою
Вкругъ себя его искать —
Съ милымъ свѣтомъ разлученья
Гласъ его не усладитъ,
И на брегъ воды забвенья
Зовъ отца не долетитъ.

«Край отчизны, свѣтлы воды,
Очарованны мѣста,
Миртъ, оливъ и лавровъ своды,
Пышныхъ доловъ красота,
Разцвѣтайте, убирайтесь,
Какъ и прежде, красотой;
Какъ и прежде, оглашайтесь
Кликомъ радости одной;

«Но Патрокла и Ахилла
Никогда вамъ не видать!
Воды Сперхія, сулила
Вамъ рука моя отдать

Волоса съ моей, отъ брани
Уцѣлѣвшей головы....
Всѣ Патроклу въ даръ, и дани
Ужъ моей не ждите вы.

«Кони быстрые, изъ боя
[Тайный рокъ васъ удержалъ]
Вы не вынесли героя —
И на щитъ онъ мертвый палъ;
Кони бодрые, ретивы,
Что жъ теперь такъ мрачны вы?
По землѣ влачатся гривы,
Наклонилися главы;

«Позабыта пища вами,
Груди мощныя дрожатъ,
Слышу стонъ вашъ, и слезами
Очи гордыя блестятъ.
Знать Ахилловъ предъ собою
Зрите вы послѣдній часъ,
Знать внушенъ былъ вамъ судьбою
Мнѣ конецъ вѣщавшій гласъ....

«Скоро!... Лукъ свой напрягаетъ,
Неизбѣжный Аполлонъ,
И пришельца ожидаетъ
Къ Стиксу черному Харонъ.
И Патроклъ съ бреговъ забвенья
Въ полуночной тишинѣ
Легкой тѣнью сновидѣнья
Прилеталъ уже ко мнѣ.

«Какъ Зефирово дыханье,
Онъ провѣялъ надо мной;

Мнѣ послышалось призванье,
Сладкій гласъ души родной;
Въ нѣжномъ взорѣ скорбь разлуки
И слѣды минувшихъ слезъ....
Я простеръ ко брату руки....
Онъ во мглѣ пустой исчезъ.

«Отъ Скироса вдаль влекомый,
Поплыветъ Неоптолемъ; *
Брегъ увидитъ незнакомый,
И зеленый холмъ на немъ;
Кормщикъ юношѣ укажетъ,
Полный думы, на курганъ —
«Вотъ Ахилловъ гробъ [онъ скажетъ];
«Тамъ вблизи былъ грековъ станъ.

«Тамъ, ужасный, на оградѣ
«Намъ явился онъ въ ночи —
«Нестерпимый блескъ во взглядѣ,
«Съ шлема грозные лучи —
«И трикраты звучнымъ крикомъ
«На врага онъ грянулъ страхъ,
«И троянецъ съ блѣднымъ ликомъ
«Бросилъ щитъ и мечъ во прахъ.

«Тамъ, Атриду давъ десницу,
«Съ нимъ союзъ запечатлѣлъ;
«Тамъ гремящій, въ колесницу
«Прянувъ, къ Троѣ полетѣлъ;
«Тамъ по праху за собою
«Тѣло Гекторово мчалъ,

* Пирръ сынъ Ахилла и Деидаміи, прозванный Неоптолемомъ. Въ то время, когда Ахиллъ ратовалъ подъ стѣнами Иліона, онъ находился въ Скиросѣ у дѣда своего царя Ликомеда.—В. Ж.

«И на трепетную Трою
«Взглядомъ мщенія сверкалъ!»

«И сойдетъ на брегъ священный
Съ корабля Неоптолемъ,
Чтобъ на холмъ уединенный
Положить и мечъ и шлемъ;
Вкругъ ужъ пусто.... смолкли бои,
Тихи Ксантъ и Симоисъ,
И уже на грудахъ Трои
Плющъ и терніе свились.

«Обойдешь равнину брани....
Тамъ, гдѣ ратовалъ Ахиллъ,
Ужъ стадятся робки лани
Вкругъ оставленныхъ могилъ;
И услышишь надъ собою
Двухъ невидимыхъ полетъ....
Это мы.... рука съ рукою....
Мы, друзья минувшихъ лѣтъ.

«Вспомяни тогда Ахилла:
Быстро въ мірѣ онъ протекъ;
Здѣсь судьба ему сулила
Долгій, но безславный вѣкъ;
Онъ мгновеніе со славой,
Хладну жизнь презрѣвъ, избралъ,
И на друга трупъ кровавой,
До могилы вѣрный, палъ.»

Онъ умолкъ.... въ туманѣ Ида,
Отуманенъ Иліонъ,
Спитъ во веракѣ станъ Атрида,
На равнинѣ битвы сонъ;

И курясь, едва сверкаетъ
Пламень гаснущихъ костровъ;
И протяжно окликаетъ
Стража стражу близъ шатровъ.

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ.

Когда летящіе отвсюду шумны клики,
Въ одинъ сливаясь гласъ, тебя зовутъ: великій!
Что скажетъ лирою незнаемый пѣвецъ?
Дерзнетъ ли свой листокъ онъ въ тотъ вплести вѣнецъ,
Который для тебя вселенная сплетаетъ?....
О русскій царь, прости! невольно увлекаетъ
Могущая рука меня къ мольбѣ въ тотъ храмъ,
Гдѣ благодарностью возженный ѳиміамъ
Стеклися въ даръ принесть тебѣ народы міра —
И, радости полна, сама играетъ лира.

Кто славныхъ дѣлъ твоихъ постигнетъ красоту?
Съ благоговѣніемъ смотрю на высоту,
Которой ты достигъ по тернамъ испытанья,
Когда, исполнены любви и упованья,
Мы шумною толпой тотъ окружали храмъ,
Гдѣ, вѣрнымъ быть царемъ клянясь Творцу и намъ,
Ты клалъ на страшный крестъ державную десницу,
И плечи юныя склонялъ подъ багряницу —
Скажи, въ сей важный часъ гдѣ мысль твоя была?
Скажи, когда вѣнецъ рука твоя брала,
Что мыслилъ ты, вблизи послышавъ клики славы,
А въ отдаленіи внимая, какъ державы
Ниспровергала, врагъ земныхъ народовъ, брань,
Какъ троны падали подъ хищникову длань?

Уже ль при слухѣ семъ душой не возмутился?
Нѣтъ! выше бурь земныхъ ты ею возносился,
Очами твердыми сей ужасъ проницалъ,
И въ сердѣ промысла судьбу свою читалъ.
Смиренно приступивъ къ сосуду примиренья,
Въ себѣ весь свой народъ ты въ руку провидѣнья
Съ спокойной на него надеждой положилъ —
И соприсутственный тебя благословилъ!
Когда жъ священный храмъ при громахъ растворился —
О, сколь плѣнителенъ ты намъ тогда явился,
Съ младымъ, всѣхъ благостей исполненнымъ лицемъ,
Подъ прародительскимъ сіяющій вѣнцемъ,
Намъ обреченный вождь ко счастію и славѣ!
Казалось, къ пламенной въ рукѣ твоей державѣ
Тогда весь твой народъ сердцами полетѣлъ;
Казалось, въ ней обѣтъ души твоей горѣлъ,
Съ которымъ ты за насъ передъ алтарь явился —
О царь, благодаримъ: обѣтъ сей совершился....

И призванный тобой тебѣ не измѣнилъ.
Такъ! и на бѣдствія земныя положилъ
Онъ свѣтозарную печать благотворенья;
Ниспосылаемый имъ ангелъ разрушенья
Взрываетъ, какъ бразды, земныя племена,
Въ нихъ жизни свѣжія бросаетъ сѣмена —
И, обновленныя, пышнѣе разцвѣтаютъ;
Какъ бури въ зной поля, бѣды ихъ возрождаютъ;
Давно ль одряхшій міръ мы зрѣли въ мертвомъ снѣ?
Тамъ, въ прорицающей паденье тишинѣ,
Стояли царствія, какъ зданья обветшалы;
Къ дремотѣ преклоня главы свои усталы,
Цари сей грозный сонъ считали за покой,
И невнимательны, съ безпечной слѣпотой,
Въ любви къ отечеству, ко славѣ, къ вѣрѣ, хладны,
Лишь къ наслажденіямъ одной минуты жадны;

Подъ наклонившихся престоловъ царскихъ тѣнь,
Какъ въ неприступную для бурь и бѣдствій сѣнь,
Народы ликовать стекалися толпами....
И первый Лилій тронъ у галловъ надъ главами
Вспылалъ, разверзнувшись какъ гибельный волканъ.
Съ его дымящихся развалинъ великанъ,
Питомецъ ужасовъ, безвластія и брани,
Воздвигся, положилъ на скипетръ тяжки длани,
И взорами на міръ ужасно засверкалъ —
И предъ страшилищемъ весь міръ затрепеталъ.
Сказавъ: нѣтъ промысла! гигантскою стопою
Шагнулъ съ престола онъ, и слѣдомъ за звѣздою
Помчался по землѣ во блескѣ и громахъ;
И промыслъ, утаясь, послалъ къ нему свой страхъ;
Онъ тѣнью грозною вездѣ летѣлъ съ нимъ рядомъ;
И раздробляющій полки и грады взглядомъ,
Огромною рукой ту бездну покрывалъ,
Къ которой гордаго путемъ успѣха мчалъ.
Непобѣдимости мечтою ослѣпленный,
Онъ мыслилъ: «мой престолъ престоломъ будь вселенны!
Порфиры всѣхъ царей земныхъ я раздеру,
И всѣ ихъ скипетры въ одной рукѣ сберу;
Народовъ бѣдствія — ступени мнѣ ко счастью;
Все, все въ развалины! на нихъ возсяду съ властью,
И буду царствовать, и мнѣ соцарствуй страхъ;
Исчезни все опять, когда я буду прахъ,
Что изъ развалинъ брань и власть соорудила —
Безсмертною моя останется могила.»
И къ человѣчеству презрѣньемъ ополченъ,
На первый свой народъ онъ двинулъ рабства плѣнъ,
Чтобы смѣлѣй сковать чужимъ народамъ длани —
И стала Галлія сокровищницей брани;
Тамъ все, и самъ Христовъ алтарь, взывало: брань!
Все, раболѣпствуя мечтамъ тирана, дань
Къ его ужасному престолу приносило:

Оратай, на бразды склоняя взоръ унылой,
Грабителямъ свой плугъ послѣдній отдавалъ;
Убогій рубище имъ въ жертву раздиралъ;
И мздой свою постель страданье выкупало;
И безпощадною косою подсѣкало
Самовластительство прекрасный цвѣтъ людей:
Чудовище, склонясь на колыбель дѣтей,
Считало годы ихъ кровавыми перстами;
Сыны въ дому отцевъ минутными гостями
Являлись, чтобы тамъ оставить скорби слѣдъ —
И юность ихъ была, какъ на могилѣ цвѣтъ.
Все поколѣніе, для жатвы бранной зрѣя,
И созидать себѣ грядущаго не смѣя,
Невольно подвиговъ плѣнилося мечтой,
И бросилось на брань съ отважной слѣпотой....
И вслѣдъ ему всякъ часъ за ратью рать летѣла;
Стенящая земля въ пожарахъ пламенѣла,
И хитростью подрытъ, измѣной потрясенъ,
Добитый громами, за трономъ падалъ тронъ.
По нимъ свободы врагъ отважною стопою
За всемогуществомъ шагалъ отъ боя къ бою;
Отъ Реинскихъ твердынь до Нѣмана валовъ,
Отъ Сциллы древнія до Бельта береговъ
Одна ужасная простерлася могила;
Все смолкло.... мрачная, съ кровавымъ взоромъ, сила
На грудѣ падшихъ царствъ возсѣла, стражъ царей;
Предъ симъ страшилищемъ и доблесть прежнихъ дней,
И къ просвѣщенью жаръ, и помышленья славы,
И непорочные семей смиренныхъ нравы,
Погибло все — окрестъ одинъ лишь стукъ оковъ
Смущалъ угрюмое молчаніе гробовъ,
Да ратей изрѣдка шумѣли переходы,
Спѣшащихъ истребить еще пріютъ свободы;
Унылость на сердца народовъ налегла —
Лишь вѣра въ тишинѣ звѣзды своей ждала,

Съ святымъ терпѣніемъ тяжелый крестъ лобзала,
И взоры на востокъ съ надеждой обращала....
И грозно возблисталъ спасенья страшный годъ!
За сей могилою народовъ, цвѣлъ народъ —
О царь нашъ, твой народъ — могущій и смиренный,
Не крѣпостью твердынь громовыхъ огражденный,
Но вѣрностью къ царю и въ славѣ тишиной.
Какъ юноша-атлетъ, всегда готовый въ бой,
Смотрѣлъ на брани онъ съ безпечностію силы....
Такъ, юныя поджавъ, но опытныя крылы,
На поднебесную глядитъ съ гнѣзда орелъ....
И злобой на него губитель закипѣлъ.
Въ несмѣтну рать столпя рабовъ ожесточенныхъ,
И на поляхъ, стопой врага неоскверненныхъ,
Ужъ въ мысляхъ сгромоздивъ престолъ всемірный свой,
Онъ кинулся на Русь свирѣпою войной....
О провидѣніе! твоя Россія встала,
Твой ангелъ полетѣлъ, и брань твоя вспылала!
Кто, кто изобразитъ безсмертный оный часъ,
Когда, въ молчаніи народномъ, царскій гласъ
Послышался, какъ вѣсть надежды и спасенья?
О гласъ царя! о честь народа! пламень мщенья
Ударилъ молніей по вздрогнувшимъ сердцамъ;
Все бранью вспыхнуло, все кинулось къ мечамъ,
И грозно въ бой пошла съ насиліемъ свобода!
Тогда явилось все величіе народа,
Спасающаго тронъ и святость алтарей,
И тихій гробъ отцевъ, и колыбель дѣтей,
И старцевъ сѣдины, и младость дѣвъ цвѣтущихъ,
И славу прежнихъ лѣтъ, и славу лѣтъ грядущихъ.
Все въ пепелъ передъ нимъ! разлей пожары, месть!
Стѣною рать! что шагъ, то бой! что бой, то честь!
Предъ нимъ развалины и пепельны пустыни;
Кругомъ пустынь полки и грозныя твердыни,
Вездѣ ревущія погибельной грозой —

И старецъ-вождь средь нихъ съ невидимой судьбой!...
Холмы Бородина, дымитесь жертвой славы!...
Уже растерзанный, едва стопы кровавы
Таща по гибельнымъ отмстителей слѣдамъ,
Грядетъ, грядетъ слѣпецъ, Москва, къ твоимъ стѣнамъ!
О радость!... онъ вступилъ!... зажгись, костеръ свободы!
Пылаетъ!... цѣпи въ прахъ! воскресните народы!
Вашъ стыдъ и плѣнъ Москва, обрушась, погребла,
И въ пеплѣ мщенія свобода ожила,
И при сверканіи Кремлевскаго пожара,
Съ развалинъ вставшая, призракъ ужасный, кара
Пошла по трепетнымъ губителя полкамъ,
И, ужасъ пригвоздивъ къ надменнымъ знаменамъ,
Надъ ними жалобно завыла: горе! горе!
И гладъ, при крикѣ семъ, съ отчаяньемъ во взорѣ,
Свирѣпый, бросился на ратныхъ и вождей....
Тогда помчались вспять; и грудами костей,
И брошенными въ прахъ потухшими громами
Означили свой слѣдъ предъ русскими полками;
И Нѣманъ льдистый мостъ для бѣгства ихъ сковалъ...
Сколь намъ величественъ ты, царь, тогда предсталъ,
Сжимающій вождю, въ виду полковъ, десницу,
И старца на свою ведущій колесницу,
Чтобъ вкупѣ съ нимъ летѣть съ отмщеньемъ вслѣдъ врагамъ
О незабвенный часъ? За Нѣманъ знаменамъ
Ужъ отверзаешь путь властительной рукою....
Когда же двинулись дружины предъ тобою,
Когда раздался стукъ помчавшихся громадъ,
И грозно брегъ покрылъ коней и ратныхъ рядъ,
Пріосѣняемыхъ парящими орлами....
Сіе величіе окинувши очами,
Что ощутилъ, нашъ царь, тогда въ душѣ своей?
Передъ тобою міръ подъ бременемъ цѣпей
Лежалъ, растерзанный, еще взывать не смѣя;
И человѣчество, изъ подъ стопы злодѣя

Къ тебѣ подъемля взоръ, молило имъ: гряди!
И судія царей, потомство впереди
Вѣщало; сквозь вѣка явивъ свой ликъ священный:
«Дерзай! и нареку тебя: Благословенный.»
И въ грозный между тѣмъ полки сліянны строй,
На все готовые, съ покорной тишиной,
На твой смотрѣли взоръ и ждали мановенья.
А ты?... Ты отъ небесъ молилъ благословенья...
И ангелъ ихъ, гремя, на щитъ твой низлетѣлъ,
И гибелью врагамъ твой щитъ запламенѣлъ,
И руку ты простеръ.... и двинулися рати.
Какъ къ возвѣстителю небесной благодати,
Во срѣтенье тебѣ народы потекли,
И вайями твой путь смиренный облекли,
Привѣтственной толпой подвиглись веси, грады;
Къ тебѣ желанія, къ тебѣ сердца и взгляды;
Тебѣ несетъ дары отъ нивы селянинъ;
Зря бодраго тебя впреди твоихъ дружинъ,
Къ мечу отъ костыля безногій воинъ рвется;
Младая старику во грудь надежда льется:
«Свободенъ, мнитъ, сойду въ свободный гробъ отцевъ!»
И смотритъ, не страшась, на зрѣющихъ сыновъ.
И ты средь плесковъ сихъ — не гордый побѣдитель,
Но воли промысла смиренный совершитель —
Шелъ тихій, благостью великость украшалъ;
Блескъ утѣшительный окрестъ тебя сіялъ,
И ликъ твой ясенъ былъ, какъ ясный ликъ надежды.
И вождь нашъ смертію окованныя вѣжды
Подъялъ съ усиліемъ, чтобы на славный путь,
Въ который ты вступалъ уже не съ нимъ, взглянуть,
И, угасая, дать царю благословенье.
Сколь сладостно его съ землею разлученье!
Когда, въ послѣдній часъ, онъ рать тебѣ вручалъ,
И ослабѣвшею рукою прижималъ
Къ нѣмѣющей груди царя и друга руку —

О! въ сей великій часъ забылъ онъ смерти муку;
Предъ нимъ былъ тайный свѣтъ грядущаго открытъ;
Онъ весело приникъ сѣдинами на щитъ,
И смерть его крыломъ надежды осѣнила.
И чуждый вождь * — увы! судьба его щадила,
Чтобъ первой жертвой онъ на битвѣ правды палъ —
Нашъ царь, узнавъ тебя, на смерть онъ не роптал;
Ты руку падшему, какъ братъ, простеръ средь боя;
И сердцу вѣрному вѣнчаннаго героя,
Смягчившаго слезой его съ концемъ борьбу,
Онъ смѣло завѣщалъ отечества судьбу....
И лишь горѣ взлетѣлъ орелъ нашъ двоеглавый,
Лишь крикнулъ голосомъ давно молчавшей славы,
Какъ всколебалися тевтоновъ племена!
Къ нимъ Германъ съ норда несъ свободы знамена —
И все помчалось въ строй подъ знамена свободы;
Въ одну сліялись грудь воскресшіе народы,
И всѣхъ царей рука, нашъ царь, въ рукѣ твоей
На жизнь, на смерть, на брань, на честь грядущихъ дней.
О славный Кульмскій бой! о доблесть славянина!
Вотще на нихъ рвались всѣ рати исполина,
Вотще за громомъ громъ на строй нхъ налеталъ —
Все опрокинуто, и русскій устоялъ.
И строемъ роковымъ отмстителей дружины
Ужъ приближаются къ святилищу судьбины;
Ужъ видятъ тотъ рубежъ, ту цѣль, къ которой велъ
Ихъ неиспытанный по темной безднѣ золъ,
Въ пылающей грозѣ носясь надъ ихъ главою
И тяжкой опыта ихъ бремена рукою;
Се мѣсто, гдѣ себя во правдѣ онъ явитъ;
Се то судилище, гдѣ мигъ одинъ рѣшитъ:

* Моро, убитый 15 августа 1818 г. въ сраженіи подъ Дрезденомъ.

Не быть, иль быть царямъ; возстать, иль пасть вселенной.
И все въ собраніи.... о часъ, вѣкамъ священной!...
Народы всѣхъ племенъ, и всѣхъ племенъ цари,
Подъ сѣнію знаменъ святые алтари,
Несмѣтный рядъ полковъ, вожди передъ полками,
И громы впереди съ подъятыми крылами,
И на холмѣ, въ бронѣ, на грозный щитъ склоненъ,
Союза мстителей младой Агамемнонъ,
И тѣни всѣхъ вѣковъ внимательной толпою
Надъ свѣтозарною вождя царей главою....
И въ ожиданіи священномъ все молчитъ....
И тихо мгла еще на небѣ томъ лежитъ,
Отколь съ грядущимъ днемъ изыдетъ Вседержитель.:..
И загорѣлся день.... Богъ грянулъ!... палъ губитель!
Бѣгутъ — во прахъ и громъ, и шлемъ, и мечъ, и щитъ,
Впреди, въ тылу, съ боковъ и рядомъ страхъ бѣжитъ
И жадною рукой погибель, ихъ хватаетъ;
И небо тихое торжественно сіяетъ
Надъ преклоненною отмстителей главой;
Побѣдная хвала летитъ изъ строя въ строй,
И Реинъ восплескалъ, послышавъ ликованья....
О старецъ водъ! о ты, съ минуты мірозданья
Не зрѣвшій на брегу еще лица славянъ —
Ликуй, и отражай въ волнахъ славянскій станъ!
И погрузился крестъ при громахъ въ древни воды;
И Реинъ, обновленъ, потекъ въ брегахъ свободы,
И заигралъ на нихъ веселья звонкій рогъ;
И быстро ворвались полки въ тотъ страшный логъ,
Гдѣ, кроясь, хищникъ царствъ ковалъ имъ цѣпи плѣна.
Вотще, вотще воздвигъ онъ черныя знамена —
Лишь вѣсть погибели онъ съ ними водрузилъ;
Громъ русскій берега Секваны огласилъ —
И надъ Парижемъ сталъ орелъ Москвы и мщенья!...
Тогда, внезапнаго исполненъ изумленья,
Узрѣлъ величіе невиданное свѣтъ:

О русская земля! спасителемъ грядетъ
Твой царь къ низринувшимъ царей твоихъ столицу;
Онъ распростеръ на нихъ пощады багряницу;
И мирно, славу скрывъ, безъ блеска, безъ громовъ,
По стогнамъ радостнымъ ряды его полковъ
Идутъ — и тишина во слѣдъ имъ прилетаетъ....
Хвала! хвала, нашъ царь! стыдливо отклоняетъ
Рука твоя побѣдъ торжественный вѣнецъ!
Ты предстоишь благій семьи враговъ отецъ,
И первый ихъ съ землей и съ небомъ примиритель.
О незабвенный день! смотрите — побѣдитель,
Съ обезоруженнымъ отъ ужаса челомъ,
Колѣнопреклоненъ, на страшномъ мѣстѣ томъ,
Гдѣ царскій мученикъ подъ остріемъ сѣкиры,
Въ виду разорванной отцевъ своихъ порфиры,
Молилъ Всевышняго за бѣдный свой народъ,
Гдѣ на дымящійся убійствомъ эшафотъ
Злодѣйство блѣдную свободу возводило,
И Бога поразить своей хулою мнило —
На страшномъ мѣстѣ томъ смиренный вождь царей
Предъ миротворною святыней алтарей
Велитъ своимъ полкамъ склонить знамена мщенья,
И жертву небесамъ приноситъ очищенья.
Простерлись всѣ во прахъ; всѣ вкупѣ слезы льютъ;
И се!... подъемлется спасенія сосудъ....
И звучно грянуло: воскреснулъ Искупитель!
И побѣжденному лобзанье побѣдитель,
Какъ братъ по Божеству, въ виду небесъ даетъ....
Свершилось!... освященъ испытанный народъ,
И гордо по зыбямъ потекъ отъ Альбіона
Спасительный корабль, несущій кровь Бурбона;
Питомецъ бѣдствія на тронъ отцевъ грядетъ,
И старцу братскую десницу подаетъ
Побѣдоносный другъ въ залогъ любви и мира,
И Людовикова наброшена порфира

На преступленія минувшихъ страшныхъ лѣтъ!...
Свершилось.... русскій царь! отечество и свѣтъ
Уже рекли свой судъ дѣламъ неизреченнымъ,
И свой дадутъ отвѣтъ потомки современнымъ!...
Богатый чувствомъ благъ, содѣянныхъ тобой,
И съ неприступною для почестей душой,
Сіяніе сокрывъ, ты въ путь летишь желанной —
Отчизна сына ждетъ! объ ней средь бури бранной,
Объ ней среди торжествъ и плесковъ ты скорбѣлъ —
И ты невидимый чрезъ земли полетѣлъ,
Гдѣ во спасеніе твои промчались громы.
Ужъ всюду запѣвалъ свободы гласъ знакомый:
На оживающихъ подъ плугами поляхъ,
На виноградникомъ украшенныхъ холмахъ,
На градскихъ торжищахъ, кипящихъ отъ народа,
На самомъ прахѣ селъ.... вездѣ, вездѣ свобода,
Вездѣ обиліе, надежда и покой....
И все сіе, нашъ царь, дано землѣ тобой.
Но что жъ ты ощутилъ, когда твой взоръ веселый
Завидѣлъ вдалекѣ отечески предѣлы,
И вѣтеръ, вѣющій изъ-подъ родныхъ небесъ,
Ко слуху твоему гласъ родины принесъ?
Что ощутилъ, когда святаго Петрограда
Вдали передъ тобой возникнула громада?
Когда предъ матерью колѣно преклонилъ;
Когда, свершившій все, ко храму приступилъ,
Гдѣ освященный мечъ пріялъ на совершенье,
Гдѣ истребителя начавшій истребленье,
Предтеча въ славѣ твой, герой спасенья спитъ....
Россія, онъ грядетъ; уже алтарь горитъ;
Уже его принять отверзлись двери храма,
Ужъ благодарное куренье ѳиміама
Съ сердцами за него взлетѣло къ небесамъ!
И се!... приникнувшій къ престола ступенямъ
Во прахъ предъ Божествомъ свою бросаетъ славу!...

О Вѣчный! осѣни смиреннаго державу;
Его душа чиста: въ ней благость лишь одна,
Лишь пламенемъ къ добру она воспалена....

Отважною вступить дерзаю, царь, мечтою
Въ чертогъ священный твой, гдѣ ты одинъ съ собою,
Одинъ, въ тотъ мирный часъ, когда лежитъ покой
Надъ скромныхъ жребіемъ безпечною главой,
Когда лишь бодрствуютъ цари и провидѣнье.
О царь! въ сей важный часъ — когда Нева въ теченьѣ
Объемлетъ предъ тобой тотъ усыпленный храмъ,
Гдѣ свой безсмертный слѣдъ, свой прахъ оставилъ намъ
Твой праотецъ, нашъ Петръ, царей земныхъ учитель—
Я зрю тебя, племенъ несмѣтныхъ повелитель,
Сей окруженнаго всемірной тишиной,
Надъ полвселенною парящаго душой,
Гдѣ все твое, гдѣ ты надъ всѣхъ судьбою властенъ,
Гдѣ ты одинъ всѣхъ благъ, одинъ всѣхъ бѣдъ причастенъ,
Уполномоченный отъ неба судія —
О, сколь божественна въ сей часъ душа твоя!
Сей полный взоръ любви, сей взоръ воспламененной—
За насъ онъ возведенъ къ правителю вселенной;
За насъ ты предстоишь, какъ жертва, передъ нимъ;
Отечество, внимай: «Творецъ, всѣ блага имъ!
Не за величіе, не за вѣнецъ ужасный—
За власть благотворить, удѣлъ царей прекрасный,
Склоняю, царь земли, колѣна предъ тобой,
Безстрашный подъ твоей незримою рукой,
Твоихъ намѣреній надъ ними совершитель!...
Покойся, мой народъ, не дремлетъ твой хранитель;
Такъ, мой народъ! Творецъ, онъ весь въ душѣ моей;
На удивленіе народовъ и царей,
Его могуществомъ и счастіемъ прославлю,
И тронъ свой алтаремъ любви ему поставлю;
Какъ небо, надъ моей простертое главой,

Гдѣ звѣздъ безчисленныхъ ненарушимый строй,
Такъ стройно будь мое владычество земное.
Правленье Божества зерцало мнѣ святое:
Все здѣсь для блага будь, какъ все для блага тамъ!
А ты, дарующій и тронъ и власть царямъ,
Ты, на совѣтѣ ихъ сѣдящій благодатью,
Ознаменуй твоей дѣла мои печатью:
Да имя чистое въ наслѣдіе вѣкамъ
Съ примѣромъ благости и славы передамъ,
Отецъ моей семьи и другъ твоей вселенны!...»
Вонми жъ и ты своей семьѣ, Благословенный!
Оставь на время твой великолѣпный тронъ—
Хвалой невѣрною тронъ царскій окружонъ,
Сокрой свой царскій блескъ, втѣснись безъ украшенья,
Одинъ, въ толпу, и тамъ внимай благословенья.
Въ чертогѣ, въ хижинѣ, вездѣ одинъ языкъ:
На праздникахъ семей, украшенный твой ликъ—
Ликующихъ родныхъ родной благотворитель,
Стоитъ на пиршескомъ столѣ веселья зритель,
И чаша первая, и первый гимнъ тебѣ;
Цвѣтущій юноша благодаритъ судьбѣ,
Что въ твой прекрасный вѣкъ онъ къ жизни приступаетъ,
И славой для него грядущее пылаетъ;
Старикъ свой взоръ на гробъ боится устремить,
И смерть поспѣшную онъ молитъ погодить,
Чтобъ жизни лучшій цвѣтъ разцвѣлъ передъ могилой;
И воинъ, въ тишинѣ, своею гордый силой,
Пенатамъ посвятивъ изрубленный свой щитъ,
Друзьямъ о битвахъ тѣхъ съ весельемъ говоритъ,
Въ которыхъ зрѣлъ тебя, всегда въ кипящей сѣчѣ,
Всегда подъ свистомъ стрѣлъ, вездѣ побѣдъ предтечей;
На лиру съ гордостью подъемлетъ взоръ пѣвецъ....
О дивный вѣкъ, когда пѣвецъ царя — не льстецъ,
Когда хвала — восторгъ, гласъ лиры — гласъ народа,
Когда все сладкое для сердца: честь, свобода,

Великость, слава, миръ, отечество, алтарь,
Все, все слилось въ одно святое слово: царь.
И кто не закипитъ восторгомъ пѣснопѣнья,
Когда и нищета подъ кровлею забвенья
Послѣдній бѣдный лептъ за ликъ твой отдаетъ,
И онъ, какъ друга тѣнь, отрадный свѣтъ ліетъ
Нѣмымъ присутствіемъ въ обители страданья!
Пусть облечетъ во власть святой обрядъ вѣнчанья,
Пусть вѣрности обѣтъ, отечество и честь
Велятъ намъ за царя на жертву жизнь принесть —
Отъ подданныхъ царю колѣнопреклоненье;
Но дань свободная, дань сердца — уваженье,
Не власти, не вѣнцу, но человѣку дань.
О царь, не скипетромъ блистающая длань,
Не прахомъ праотцевъ дарованная сила
Тебѣ любовь твоихъ народовъ покорила,
Но трона красота — великая душа.
Безсмертныя дѣла смиренно соверша,
Воззри на твой народъ, простертый предъ тобою,
Благослови его державною рукою;
Тобою предводимъ, со славой перешедъ
Указанный Творцемъ путь опыта и бѣдъ,
Преобразованный, исполненъ жизни новой,
По манію царя, на все, на все готовый —
Довѣренность, любовь и благодарность онъ
Съ надеждой передъ твой приноситъ царскій тронъ.
Предстатель за царей народъ у провидѣнья.
О! наши къ небесамъ дойдутъ благословенья:
Повѣрь народу, царь, имъ будешь счастливъ ты.
Поставившій тебя въ семъ блескѣ красоты
Передъ ужасною погибели пучиной,
Побѣдоноснаго надъ грозною судьбиной —
Уже ль на краткій мигъ онъ намъ тебя явилъ?
О, нѣтъ! онъ нашихъ золъ печатью утвердилъ
Завѣтъ: хранить въ тебѣ всѣ блага, намъ священны —

И не обманетъ насъ отъ вѣка неизмѣнный.
Прими жъ, въ виду небесъ, свободный нашъ обѣтъ:
За благость царскую, краснѣйшую побѣдъ,
За то величіе, въ какомъ явилъ ты міру
Толь древле славную отцевъ твоихъ порфиру,
За вѣру въ страшный часъ къ народу твоему,
За имя, данное на всѣ вѣка ему—
Здѣсь, окружая твой престолъ, Благословенный,
Подъемлемъ руку всѣ къ рукѣ твоей священной;
Какъ предъ ужасною святыней алтаря,
Обѣтъ нашъ передъ ней: все въ жертву за царя.

НАРОДНЫЙ ГИМНЪ.

Боже, царя храни!
Славному долги дни
    Дай на земли!
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю —
    Все ниспошли!

Перводержавную,
Русь православную,
    Боже, храни!
Царство ей стройное,
Въ силѣ спокойное!
Все жъ недостойное
    Прочь отжени!

Воинство бранное,
Славой избранное,
    Боже, храни!

Воинамъ мстителямъ,
Чести спасителямъ,
Миротворителямъ —
Долгіе дни!

Мирныхъ воителей,
Правды блюстителей,
Боже, храни!
Жизнь ихъ примѣрную,
Нелицемѣрную,
Доблестямъ вѣрную
Ты помяни!

О провидѣніе!
Благословеніе
Намъ ниспошли!
Къ благу стремленіе,
Въ счастьи смиреніе,
Въ скорби терпѣніе
Дай на земли!

Будь намъ заступникомъ,
Вѣрнымъ сопутникомъ
Насъ провожай!
Свѣтлопрелестная
Жизнь наднебесная,
Сердцу извѣстная,
Сердцу сіяй!

———

ПѢВЕЦЪ ВЪ КРЕМЛѢ..

ПѢВЕЦЪ.

Бѣгите въ Кремль! На холмѣ томъ,
Гдѣ пѣли наши дѣды
Побѣдну пѣснь предъ Божествомъ,
Мы грянемъ пѣснь побѣды.
Зоветъ Кремля священный гласъ,
Какъ древле вѣстникъ славы;
Съ его высотъ глядитъ на насъ
Орелъ нашъ двоеглавый;
Бѣгите въ Кремль, и старъ и младъ!
При гимнахъ ликованья
Обымемся, какъ брата братъ
Объемлетъ въ часъ свиданья.

НАРОДЪ.

Бѣгите въ Кремль, и старъ и младъ!
При гимнахъ ликованья
Обымемся, какъ брата братъ
Объемлетъ въ часъ свиданья.

ПѢВЕЦЪ.

О Кремль отеческій, твой прагъ
Лобзаемъ въ умиленьѣ.
Смотрите: на его стѣнахъ
Отчаянное мщенье
Слѣдъ черный впечатлѣло свой.
Казня въ безумствѣ камень,
Губитель трепетной рукой
На нихъ свой бросилъ пламень.
«Не будь Кремля!» изрекъ злодѣй;
Но Кремль стоитъ священный;
Вспылалъ лишь древній домъ царей,
Убійцей оскверненный.

Но ты, царя вѣнчавшій храмъ,
Рукой небесъ хранимый,
Свѣтлѣй вознесъ ты къ небесамъ
Свой крестъ непобѣдимый.
И ты, царей минувшихъ прахъ,
Твой сонъ не возмутился,
Когда въ пожарѣ и громахъ
Духъ злобы разразился
Надъ тихой сѣнію твоей....
О нашъ Сіонъ священный,
О Кремль, свидѣтель славныхъ дней.
Красуйся, обновленный!

НАРОДЪ.

О нашъ Сіонъ священный,
О Кремль, свидѣтель славныхъ дней,
Красуйся, обновленный!

ПѢВЕЦЪ.

Съ хвалою первой къ Богу силъ,
Друзья, подымемъ длани;
Онъ здѣсь, въ Кремлѣ себя явилъ
Ужаснымъ Богомъ брани;
Онъ, въ заревахъ по небесамъ
Надъ рдѣющей Москвою
Промчавшись, сталъ въ лицо врагамъ
Карающей бѣдою.
Онъ въ дымъ Москвы себя облекъ,
И знаменіемъ мести,
Какъ предъ Израилемъ, потекъ
Передъ полками чести.

И славою Ему во слѣдъ
Шумѣли ихъ знамена;
При звучномъ кликѣ ихъ побѣдъ
Распались цѣпи плѣна;

На брань пошли рука съ рукой
Владыки и народы;
И грянулъ страшный Божій бой,
И гимнъ его свободы....
Греми жъ торжественно въ Кремлѣ
Днесь: Богу въ вышнихъ слава!
Живущимъ радость! миръ землѣ!
И вѣчному держава!

НАРОДЪ.

Греми торжественно въ Кремлѣ
Днесь: Богу въ вышнихъ слава!
Живущимъ радость! миръ землѣ!
И вѣчному держава!

ПѢВЕЦЪ.

Тебѣ Россію, царь земли!
Народъ твой уповаетъ:
Прими ее и повели,
Да славой процвѣтаетъ!
Да сила, иноземнымъ страхъ,
Брежетъ ея предѣлы;
Да на святыхъ ея поляхъ
Сіяетъ миръ веселый;
Да нравовъ древнихъ чистотой
Союзъ семей хранится
Да въ нихъ съ невинной простотой
Свѣтъ знаній водворится.

О! повели, чтобъ нашъ орелъ,
Вселенной стражъ могучій,
Спокоенъ на громахъ сидѣлъ;
А въ брани вражьи тучи,
Какъ нынѣ, грудью пробивалъ,
И подъ небесны своды
Всегда при кликахъ возлеталъ
Спасенья и свободы.

Вели, да возшумятъ моря
Подъ русскими рулями,
И слава русскаго царя
Возцарствуй надъ водами!

Вели, да помнитъ славянинъ,
Что онъ наслѣдникъ славы,
Что онъ великихъ предковъ сынъ,
Которыхъ мечъ кровавый
И древле былъ противнымъ страхъ....
Друзья! отцы предъ нами:
На тѣхъ же мы цвѣтемъ поляхъ,
Подъ тѣми жъ небесами,
Гдѣ чада славы разцвѣли;
Предъ нами та жъ дорога,
По коей дѣды протекли
За Русь, Царя и Бога.

О Русь, да нашъ языкъ прильпнетъ
Изсохнувшій къ гортани,
Да крѣпость древняя спадетъ
Съ увядшей нашей длани,
Когда престанешь ты для насъ —
И въ часъ борьбы кровавой,
И въ нощь, и въ день, и въ смертный часъ—
Быть радостью и славой!...
А ты, Всевышній, нашъ обѣтъ
Прими въ твою десную,
И горней благодати свѣтъ
Пролей на Русь святую

НАРОДЪ.

Прими, Всевышній, нашъ обѣтъ,
Прими въ твою десную,
И горней благодати свѣтъ
Пролей на Русь святую.

ПѢВЕЦЪ.

Храни царя, царю пошли
Твое благословенье.
Ему всѣ радости земли!
Тебѣ жъ благодаренье
За царственную высоту
Его души благія;
За чистой славы красоту,
Въ какой имъ днесь Россія;
За первенство среди царей,
Отъятое не бранью,
Но искупленіемъ людей
И миротворной дланью;

За твердое презрѣнье бѣдъ;
За благость въ правой мести;
За кротость на верху побѣдъ
И вѣрность царской чести;
За блескъ, въ какомъ умѣлъ явить
Онъ доблесть славянина;
За сладкій жребій нашъ: любить,
Какъ друга, властелина—
О всемогущій Царь земли,
Тебѣ благодаренье!
Храни его, ему пошли
Твое благословенье!

Храни его! то общій кликъ
Съ Кремлевскія вершины....
И угасающій старикъ,
Въ виду своей кончины
Молящій ясныхъ дней сынамъ,
И брани сынъ ретивый,
Привыкшій, къ трепету врагамъ
Знамена горделивы,

Царемъ ведомый, воздвизать,
И юноша цвѣтущій,
Минуты славой заблистать
Въ волненьи сердца ждущій,

И безмятежный селянинъ,
Воспитанникъ природы,
И смѣлый просвѣщенья сынъ,
Алкающій свободы,
Воспламенить во благо свой
Свѣтильникъ вдохновенный—
Всѣ, всѣ съ молитвою одной
Къ тебѣ, Царю вселенны:
Твою щедроту посели
Надъ царскою главою,
Чтобъ долго былъ красой земли,
И трона красотою.

НАРОДЪ.

Твою щедроту посели
Надъ царскою главою,
Чтобъ долго былъ красой земли,
И трона красотою.

ПѢВЕЦЪ.

Тебѣ спасительную рать,
Тебѣ вождей спасенья!
На нихъ да снидетъ благодать;
На нихъ благословенья
Съ Кремлевскихъ благодарныхъ стѣнъ.
Ихъ груди, какъ твердыни,
Отъ насъ отбили срамъ и плѣнъ,
И бѣшенство гордыни.
Москва, они твоимъ стѣнамъ
Рекли: «одѣньтесь въ пламень,
«Взлетите гибелью врагамъ;
«Будь ратникъ — каждый камень!»

И мщенье — грозный ихъ обѣтъ;
Ему не измѣнили:
Твоей дружиной, Царь побѣдъ,
Они себя явили.
Безтрепетны сквозь зной и хладъ,
Сквозь пепельны пустыни,
Пронзая силой сильныхъ рядъ,
Перунами твердыни
На мышцу мышцу, грудь на грудь,
И брань самой природѣ,
Кровавый протоптали путь
И чести и свободѣ.

Вездѣ, во славу Бога силъ,
Воздвиглись ихъ знамена;
Орелъ свободныхъ раздробилъ
Орла рабовъ, и Сена,
Послышавъ громъ ихъ, чрезъ поля
Помчала обновленье,
И за развалины Кремля
Парижу мзда: спасенье.
И се, на родину стеклись;
Въ ножнахъ ужъ мечь кровавый....
О Кремль священный, оживись!
Яви имъ пепелъ славы!

Стекитесь, чада и отцы,
Младыя дѣвы, жены,
На ихъ главы надѣть вѣнцы,
Ихъ увѣнчать знамены,
Съ раменъ могучихъ снять щиты,
Принять изъ рукъ ихъ громы,
Узрѣть возлюбленны черты,
Услышать гласъ знакомый.

Се, на Кремлевской высотѣ,
Еще подъ прахомъ брани,
Стоятъ въ смиренной красотѣ,
И къ вамъ простерли длани....

Благословляемъ вашъ возвратъ
Въ отчизну съ поля чести!
Святое титло вѣрныхъ чадъ
Цѣной кровавой мести,
Цѣною ранъ купили вы....
Здѣсь, на скалѣ пожарной,
На ваши бодрыя главы
Рукою благодарной
Отчизна славная кладетъ
Печать любви и славы,
И слезы изцѣленья льетъ
На раны ихъ кровавы....

На нихъ, на нихъ твой крѣпкій щитъ
Склони, о Вседержитель,
Да и предъ мирными дрожитъ,
Какъ въ бранный день, губитель.

НАРОДЪ.

На нихъ, на нихъ твой крѣпкій щитъ
Склони, о Вседержитель,
Да и предъ мирными дрожитъ,
Какъ въ бранный день, губитель.

ПѢВЕЦЪ,

Простри, Всевышній, длань твою
На браннымъ сномъ почившихъ,
За Русь главы свои въ бою,
За правду положившихъ;
Введи ихъ въ ту безсмертну сѣнь,
Гдѣ миръ твой обитаетъ,

Да твой незаходимый день
Имъ радостью сіяетъ;
Да тамъ для нихъ о жизни сей
Живетъ воспоминанье;
Да будутъ родины своей
И щитъ и упованье.

Друзья, съ молитвою о немъ,
О старцѣ, о великомъ!...
О, нашъ герой, когда съ мечемъ,
Съ покойнымъ свѣтлымъ ликомъ,
Во храмѣ, объ руку царя,
Младой подъ сѣдинами,
Передъ святыней алтаря,
Внимаемъ небесами,
Обѣтъ спасенья ты изрекъ,
Мы мнили, ослѣпленны—
Забывъ, что вождь нашъ человѣкъ —
Что дни твои нетлѣнны....

И гдѣ же ты, о вождь побѣдъ?
Мы гимнъ поемъ спасенья,
Почто жъ спасителя здѣсь нѣтъ?
На праздникъ провидѣнья
Мы нынѣ въ Кремль свой притекли....
А нашъ герой не съ нами!
Здѣсь громы вражескія въ пыли
Безмолвными рядами;
Здѣсь ихъ разбитые щиты,
Ихъ знамена кровавы;
Здѣсь наша слава.... гдѣ же ты,
Создатель нашей славы?...

Друзья, сей день да освятитъ
О немъ воспоминанье;

Да къ тѣни бранной долетитъ
Отечества призванье;
На верхнихъ славы ступеняхъ
Ему рука судьбины,
При блескѣ молній, при громахъ,
Постлала одръ кончины;
На немъ простертъ, онъ угасалъ,
Какъ вечеръ свѣтозарной
И, угасающій, внималъ
Отчизнѣ благодарной....

Почій же въ славѣ, нашъ герой!
Да при твоей гробницѣ
Архистратигъ, соратникъ твой,
Съ мечемъ небесъ въ десницѣ,
Стражъ пепла твоего, сѣдитъ;
Предъ ней, неугасимый,
Да пламенникъ любви горитъ,
Отчизною хранимый.
И будь сей огнь священный знакъ,
Что свыше провидѣнье
На Русь сквозь самый бѣдствій мракъ
Сіяетъ во спасенье.

И вы, которыхъ бурный бой
Похитилъ средь полета,
Вы, быстро за рубежъ земной
Утекшіе изъ свѣта,
Друзья, благословенье вамъ!
Вы пали за отчизну;
И здѣсь, прискорбная, сынамъ
Она свершаетъ тризну;
И Кремль ея преображенъ
Въ алтарь благодаренья;

На немъ былъ первый воспаленъ
Свѣтильникъ провидѣнья.

Вы, въ память чадамъ позднихъ лѣтъ,
Своимъ геройскимъ прахомъ
Спасенный одарили свѣтъ;
И врагъ свободы съ страхомъ
Отъ зеленѣющихъ холмовъ,
Гдѣ пепелъ вашъ хранится,
Какъ отъ карающихъ боговъ
Смятенный, отстранится;
Они народамъ будутъ вѣсть,
Сколь шатки зданья силы;
Вы проповѣдовать имъ: честь!
Оставили могилы.

Здѣсь все въ воспоминанье вамъ:
Сей пиръ Кремля священный;
Сей гимнами гремящій храмъ;
Сей градъ, за честь сожженный;
И сей народъ, толпа семей,
Ликующихъ въ покоѣ —
Все вы! все намъ отъ вашихъ дней
Наслѣдствіе святое!...
Простри жъ, Всевышній, длань твою
На браннымъ сномъ почившихъ,
За Русь главы свои въ бою,
За правду положившихъ.

НАРОДЪ.

Простри, Всевышній, длань твою
На браннымъ сномъ почившихъ,
За Русь главы свои въ бою,
За правду положившихъ.

ПѢВЕЦЪ.

Тебѣ Россіи вѣрныхъ чадъ,
    Подпоръ могущихъ трону!...
О, какъ ихъ двинулъ царскій взглядъ
    Отчизнѣ въ оборону!
Летятъ! огню домы, поля,
    Перунамъ грудь и длани!
И грозно русская земля
    Встаетъ гигантомъ брани.
Гремитъ ея призывный щитъ....
    И, гнѣвомъ мести рдѣя,
Войной Иртышъ и Донъ шумитъ,
    Войной скалы Рифея.

Калмыкъ, башкиръ, черкесъ и финнъ
    Къ знаменамъ побѣжали,
И всѣ оградой изъ дружинъ
    Кругомъ престола стали....
Гдѣ жъ врагъ?... О русская земля,
    Готовь твой пиръ священный!
И се! на высотѣ Кремля,
    И селянинъ смиренный,
И вѣрный славныхъ предковъ сынъ,
    И алтаря служитель,
Къ тебѣ, ликуя, гласъ единъ
    Возносятъ, Вседержитель!

Вы, чада бодрственныхъ сыновъ,
    Потомки знаменитыхъ,
Близъ ихъ изрубленныхъ щитовъ,
    Близъ ихъ кольчугъ разбитыхъ,
Свои кольчуги и щиты
    Повѣсьте въ отчемъ домѣ;
На нихъ чудесныхъ дѣлъ черты
    Для чадъ, при бранномъ громѣ,

Мечемъ кровавымъ врѣзалъ врагъ;
Пускай на ихъ обломкахъ
Хранится повѣсть объ отцахъ
Великая въ потомкахъ.

Вамъ подвигъ новый предлежитъ:
Величіе въ покоѣ;
Да сладкій миръ не измѣнитъ
Васъ, неизмѣнныхъ въ боѣ;
Да вкругъ васъ тишина цвѣтетъ,
Устройство и свобода;
Да вамъ покорная даетъ
Сторичну дань природа;
Къ зерцалу — совѣсть и законъ,
Въ семействѣ — чисты нравы,
Безъ рабства вѣрность — передъ тронъ,
Предъ Бога — души правы.

Ты жъ, чудо вѣрности, народъ,
Покорностью могущій,
Цвѣти! да заградится входъ
Въ твои смиренны кущи
Судьбы посланницамъ—бѣдамъ;
Да плугъ трудолюбивый
Даруетъ жизнь твоимъ полямъ.
Умѣреннымъ счастливый,
Чуждъ развратительныхъ суетъ,
Презрѣвъ роскошныхъ нѣгу,
Теки безпечно черезъ свѣтъ
Къ счастливѣйшему брегу.

А ты ихъ, Вышній, осѣни
Отеческой рукою:
Да будутъ благъ твоихъ они
Достойны предъ тобою.

НАРОДЪ.

Дѣтей, Всевышній, осѣни
Отеческой рукою:
Да будутъ благъ твоихъ они
Достойны предъ тобою.

ПѢВЕЦЪ.

Тебѣ народовъ и царей!...
Да знаетъ всякъ властитель,
Что онъ лишь мудрости твоей
Безвластный совершитель....
Вы, неподвижные въ пыли,
Невольники могилы,
Цари — смутители земли,
Цари — земли свѣтилы,
Призраки! встаньте изъ гробовъ
На голосъ, къ вамъ зовущій!
Кто были вы: друзья боговъ,
Иль боги всемогущи?

О нѣтъ! орудіе одно
Въ десницѣ провидѣнья....
Внимай! внимай! летитъ оно
Съ жезломъ міроправленья
Надъ темной бездною временъ,
И съ вѣчной колесницы
Судьбы державъ, судьбы племенъ
Бросаетъ изъ десницы.
Кто быстрый перемѣнитъ токъ?
Чья сила, чья упорность?
Летитъ.... а намъ его урокъ:
«Умѣренность, покорность!»

О, совершись, святой завѣтъ!
Въ одну семью, народы!
Цари, въ одинъ отцевъ совѣтъ!

Будь, сила, щитъ свободы!
Духъ благодати, пронесись
Надъ мирною вселенной,
И вся земля совокупись
Въ единый градъ нетлѣнный!
Въ совѣтъ къ царямъ — Небесный Царь!
Символъ имъ: провидѣнье!
Тронъ власти, обратись въ алтарь!
Въ любовь—повиновенье!

Утихни, ярый духъ войны;
Не жизни истребитель,
Будь жизни благъ и тишины
И вѣчныхъ правъ хранитель.
Ты, мудрость смертныхъ, усмирись
Предъ мудростію Бога,
И въ мракѣ жизни озарись,
Къ небесному дорога.
Будь, вѣра, твердый якорь намъ
Средь волнъ безвѣстныхъ рока,
И ты въ нерукотворный храмъ
Свѣти, звѣзда востока.

ПѢВЕЦЪ И НАРОДЪ.

Свѣти, свѣти, звѣзда небесъ!
Къ ней взоры! къ ней желанья!
Къ ней, къ ней, за тайну сихъ завѣсъ,
Земныя упованья!
Тамъ все, что здѣсь плѣнило насъ
Явленіемъ мгновеннымъ,
Что взялъ у жизни смертный часъ,
Воскреснетъ обновленнымъ.
Рука съ рукой! вождю во слѣдъ!
Въ одну, друзья, дорогу!
И съ нами въ братскомъ хорѣ, свѣтъ,
Пой: слава въ вышнихъ Богу!

ПИСЬМА

КЪ КН. ВЯЗЕМСКОМУ И В. Л. ПУШКИНУ.

1. preambule.

На этой почтѣ все въ стихахъ,
А низкой прозою ни слова.
Вотъ два посланья вамъ—обнова,
Которую для музъ скроилъ я въ торопяхъ.
Одно изъ нихъ для васъ, а не для свѣта:
Въ немъ просто критика и запросто одѣта
Въ простой, нестихотворный слогъ.
Другимъ я отвѣчать хотѣлъ вамъ на посланья,
Въ надеждѣ заслужить рукоплесканья
Отъ всѣхъ, кому знакомъ парнасскій богъ,
Но вижу, что меня попутала поспѣшность;
Въ моемъ посланіи великая погрѣшность.
Слогъ правиленъ и чистъ, но въ этомъ славы нѣтъ.
При васъ, друзья, писать нечистымъ слогомъ стыдно,
Но связи въ немъ не видно,
А видно, что спѣшилъ поэтъ;
Нѣтъ въ мысляхъ полноты и нѣтъ соединенья,
А кое-гдѣ есть повторенья.
Но такъ и быть
«Бѣдой своей ума намъ можно прикупить!»
Такъ Дмитріевъ, пророкъ и вкуса и Парнасса,
Сказалъ давно,
И аксіомой быть для насъ теперь должно:
«1. Что въ часъ сотворено,
То не живетъ и часа.
2. Лишь то, что писано съ трудомъ, читать легко.
3. Кто хочетъ вдругъ замчаться далеко,
Тотъ въ хлопотахъ умчитъ и глупость за собою.
4. Спѣши, не торопясь, но твердою стопою

И ни на шагъ впередъ,
Покуда тѣмъ что есть не сдѣлался довольнымъ,
Пока назадъ смотрѣть не можешь съ духомъ вольнымъ,
Иначе отъ задовъ переднее умреть,
Или напишутся одни иносказанья!» *
Простите. Ваши же посланья
Оставлю у себя, чтобы друзьямъ прочесть.
У васъ ихъ списокъ есть;
Къ тому же Вяземскій велитъ жить осторожно:
Онъ у меня свои стихи безбожно
На время выпросивъ, на вѣчность удержалъ;
Прислать ихъ обѣщалъ,
Но все не присылаетъ;
Когда жъ пришлетъ,
Объ этомъ знаетъ тотъ,
Кто будущее знаетъ.

Милостивые государи, имѣю честь пребыть вашимъ покорнѣйшимъ слугою В. Жуковскій.

2.

Милостивый государь Василій Львовичъ и ваше сіятельство князь Петръ Андреевичъ.

Вотъ прямо одолжили,
Друзья! Вы и меня стихи писать взманили.
Посланья ваши—въ добрый часъ сказать,
Въ худой же помолчать —
Прекрасныя, и вамъ ихъ граціи внушили.
Но вы желаете херовъ,
И я хоть тысячу начеркать ихъ готовъ,
Но только съ тѣмъ, чтобы въ зоилы
И самозванцы-судіи
Меня не завели мои
Перо, бумага и чернилы.

---

* Слово употреблявшееся Шишковымъ взамѣнъ «аллегоріи».

Послушай, Пушкинъ другъ, твой слогъ отмѣнно чистъ;
Грамматика тебя угодникомъ считаетъ,
И никогда твой вкусъ не ковыляетъ —
Но, кажется, что ты подъ часъ многорѣчистъ,
Что стихотворный жаръ твой могъ бы быть живѣе,
А выраженія короче и сильнѣе.
Еще же есть и то, что ты, мой другъ, подъ часъ
Предметъ свой забываешь.
Твое посланье въ томъ, живой примѣръ для насъ.
Въ началѣ ты завистникамъ пеняешь;
«Зоилы жить намъ не даютъ!»
Такъ пишешь ты; «при нихъ нѣмѣетъ дарованье,
Отъ ихъ гоненія одинъ пѣвцу пріютъ —
Молчанье.»
Потомъ ты говоришь: «и я любилъ писать,
Противъ нелѣпости глупцовъ вооружался;
Но геній мой и гнѣвъ напрасно истощался:
Не могъ безумцевъ я унять;
Скорѣе бороды ихъ оды выростаютъ,
И бритву критики лишь только притупляютъ;
И такъ пришлось молчать.»
Теперь скажи жъ мнѣ, что причиною молчанья
Должно быть для пѣвца?
Гоненья ль зависти или иносказанья
И оды пачкуновъ безъ смысла, безъ конца?
Но тутъ и всѣ погрѣшности посланья;
На немъ лишь пятнышко одно,
А не пятно.
Разсказъ твой очень милъ, онъ кстати, легокъ, ясенъ;
Конецъ прекрасенъ;
Воображеніе мое онъ такъ кольнулъ,
Что я, передъ собой ужъ всѣхъ васъ видя въ сборѣ,
Разинулъ ротъ, чтобы въ гремящемъ вашемъ хорѣ
Веселію кричать: ура! и протянулъ
Ужъ руку, не найду ль волшебнаго бокала.

Но, ахъ, моя рука поймала
Лишь друга юности и всякихъ лѣтъ, *
А васъ, моихъ друзей, вина и счастья нѣтъ!...

Теперь ты, Вяземскій, безцѣнный мой поэтъ,
Передъ судилище явись съ твоимъ посланьемъ.
Мой другъ, твои стихи блистаютъ дарованьемъ,
Какъ дневный свѣтъ.
Характеръ въ слогѣ твой есть точность выраженья,
Искусство — простоту съ убранствомъ соглашать,
Что должно въ двухъ словахъ, то въ двухъ словахъ сказать
И красками воображенья
Простую мысль для чувства рисовать.
Къ чему жъ тебя твой даръ влечетъ, еще не знаю,
Но увѣряю,
Что Фебова печать на всѣхъ твоихъ стихахъ.
Ты въ пѣснѣ съ легкостью порхаешь на цвѣтахъ,
Ты Риѳмина убить способенъ эпиграммой,
Но и высокое тебѣ не высоко,
Воображеніе съ тобою не упрямо,
И для тебя летать за нимъ легко
По высотамъ и по лугамъ Парнасса.
Пиши—тогда скажу точнѣй, какой твой родъ;
Но сомнѣваюся, чтобъ лѣнь, хромой уродъ,
Которая живетъ не для вѣковъ, для часа,
Тебѣ за пѣсенку перелетать дала,
А много-много за посланье.
Но кстати о посланьѣ;
О немъ вѣдь, кажется, въ началѣ рѣчь была.
Посланіе твое—малютка, но прекрасно,
И все въ немъ коротко да ясно.
«У каждаго свой вкусъ, свой судъ и голосъ свой!»

---

* Журналъ М. Невзорова.

Прелестный стихъ и точно твой.
«Языкъ ихъ — брань; искусство —
Пристрастьемъ заглушать священной правды чувство;
А демонъ зависти—ихъ мрачный Аполлонъ!»
Вотъ сила съ точностью и скромной простотою.
Послѣдній стихъ—огонь; надъ трепетной толпою
Глупцовъ какъ метеоръ ужасный свѣтитъ онъ.
Но другъ, не правда ли, что здѣсь твое потомство
Не къ смыслу привело, а къ риѳмѣ вѣроломство.
Скажи, кто этому словцу отецъ и мать?
Извѣстно: дѣвственная вѣра,
И буйственный глаголъ: ломать.
Смотри же, ни въ однихъ стихахъ твоихъ примѣра
Такой ошибки нѣтъ. Вопросъ,
О комъ ты говоришь въ посланьѣ?
О глупыхъ судіяхъ, которыхъ толкованье
Лишь косо потому, что ихъ разсудокъ косъ.
Гдѣ жъ вѣроломство тутъ? Оно лишь тамъ бываетъ,
Гдѣ на довѣренность прекрасныя души
Предательствомъ злодѣй коварный отвѣчаетъ.
Хоть тысячу зоилъ пасквилей напиши,
Не вѣроломнымъ свѣтъ хулителя признаетъ,
А злымъ завистникомъ иль попросту глупцомъ.
Позволь же заклеймить херомъ
Твое мнѣ вѣроломство.
«Не трогай! [ты кричишь] я вижу, ты хитрецъ;
Ты въ этой тяжбѣ самъ судья и самъ истецъ;
Ты изъ моихъ стиховъ потомство
Въ свои стихи отмежевалъ,
Да въ подтвержденье Фебова закона
Еще и добрую статейку пріискалъ.
Не тронь! иль къ самому престолу Аполлона
Я съ апелляціей пойду
И въ мигъ съ тобой процессъ за риѳму заведу!»
Мой другъ, не горячись, отдай мнѣ вѣроломство;

Грабитель ты, не я;
И умъ—правдивый судія
Не на твое, а на мое потомство.
Ему быть риѳмой данъ приказъ,
А Фебъ ужъ подписалъ и именной указъ.
Повѣрь, я стою не укора,
А похвалы.
Вотъ доказательство: «какъ волны отъ скалы,
Оно несется вспять!» такой стишокъ умора.
А слѣдующій стихъ, блистательный на взглядъ:
«Что̀ вѣкъ зоила—день? вѣкъ генія—потомство!»
Есть лишь безсмыслицы обманчивый нарядъ,
Есть настоящее разсудка вѣроломство.
Сначала обольстилъ и мой разсудокъ онъ;
Но.... съ нами буди Аполлонъ,
И словомъ, какъ глупецъ надменный
На высоту честей фортуной вознесенный,
Забывъ свой низкій родъ,
Дивитъ другихъ глупцовъ богатствомъ и чинами,
Такъ точно этотъ стихъ-уродъ
Дивитъ невѣжество нарядными словами;
Но мигомъ можетъ вкусъ обманщика сразить,
Сказавъ, разсудку въ подтвержденье:
«Нельзя потомству вѣкомъ быть!»
Но станется и то, что и мое рѣшенье
Своимъ «быть по сему»
Скрѣпить богъ Пинда не рѣшится;
Да, признаюсь, и самъ я радъ бы ошибиться:
Люблю я этотъ стихъ на перекоръ уму.
Еще одно пустое замѣчанье:
«Укрывшихся вѣковъ»—намъ укрываться страхъ
Велитъ, а страха нѣтъ въ вѣкахъ.
Итакъ укрывшихся—въ изгнанье.
«Не вѣдаетъ враговъ»—не знаетъ о врагахъ,
Такъ точность строгая писать повелѣваетъ

И муза точности законъ принять должна,
Но лучше самого спроси Карамзина:
Кого не вѣдаетъ или о комъ не знаетъ,
По самой точности точнѣй онъ долженъ знать.
Вотъ все, что о твоемъ посланьѣ,
Прелестный мой поэтъ, я могъ тебѣ сказать.
Чуръ не пенять на доброе желанье;
Когда жъ ошибся я, бѣды въ ошибкѣ нѣтъ;
Прочти и сдѣлай замѣчанье.
А въ заключеніе, обоимъ вамъ совѣтъ:
Когда завистниковъ свести съ ума хотите,
И вытащить глупцовъ изъ тьмы на бѣлый свѣтъ —
Пишите!

3.

Благодарю, мой другъ, тебя за доставленье
Твоихъ плѣнительныхъ стиховъ.
На Волгѣ* встрѣтилось съ тобою вдохновенье;
Ты съ крутизны ея лѣсистыхъ береговъ,
Смотря на пышныя окрестностей картины,
Съ природы списокъ намъ похожій написалъ.
И я тебѣ во слѣдъ мечтою пробѣгалъ
Прибрежныхъ скалъ вершины,
Смотрѣлъ, какъ быстрые крылатые струга,
Сокровищъ земледѣлья полны,
Рулями острыми разрѣзывали волны,
Какъ селы между рощъ пестрили берега;
Какъ дымъ ихъ, тонкими подъемляся столбами,
Взвивался и бѣлѣлъ на синевѣ лѣсовъ,
И медленно всходя сливался съ облаками —
Вотъ что, по милости, мой другъ, твоихъ стиховъ,
Какъ на яву, я видѣлъ предъ собою.
Прочелъ я ихъ одинъ, потомъ прочли со мною
Тургеневъ съ Гнѣдичемъ, и Блудовъ, и Дашковъ;
Потомъ и критику-богиню пригласили

* «Вечеръ на Волгѣ», стихотвореніе кн. Вяземскаго.

Ихъ съ хладнокровіемъ, ей сроднымъ, прочитать.
Мы, слушая ее, стихи твои херили,
Тебѣ же по херамъ осталось поправлять.
Вотъ общій приговоръ богини безпристрастной:
«Вашъ Вяземскій прямой поэтъ;
Онъ ищетъ простоты, но простоты прекрасной,
И вялости въ его стихахъ признàка нѣтъ;
Даръ живописи онъ имѣетъ превосходный;
Природу наблюдать его умѣетъ взоръ;
Презрѣвши вымысловъ блистательный уборъ,
Онъ въ скромной простотѣ, красамъ природы сродной,
Живописуетъ намъ природы красоты;
Онъ въ ней самой беретъ тѣ сильныя черты,
Изъ коихъ создаетъ ея изображенья.»
Таковъ былъ общій приговоръ;
Потомъ перебирать свободно
Богиня принялась стихи поочередно,
И вышелъ строгій переборъ.
Послушай и поправь, когда тебѣ угодно.
«Благоухаетъ древъ
Трепещущая сѣнь»—богиня утверждаетъ
[Я повторяю то, поэту не во гнѣвъ],
Что худо дѣлаетъ, когда благоухаетъ
Твоя трепещущая сѣнь.
«Переступившее послѣднюю ступень
На небѣ пламенномъ вечернее свѣтило»
Въ прекраснѣйшихъ стихахъ ее переступило,
Да жаль, что въ точности посбилось на пути;
Нельзя ль ему опять на небеса взойти,
Чтобъ съ нихъ по правиламъ грамматики спуститься,
Чтобъ было ясно все на небѣ и въ стихахъ.
«И скатерть синихъ водъ сравнялась въ берегахъ»—
Равняться въ берегахъ твоихъ ей не годится,
Когда въ моихъ она сравнялася давно
Не синей скатертью, а по просту рѣкою:

Мой стихъ передъ тобою,
Но красть у бѣдняка богатому грѣшно.
О семъ стихѣ гдѣ живописи много:
«Кто въ облачной дали конецъ тебѣ прозритъ?»
Богиня говоритъ,
И справедливо, хоть и строго:
Прозрѣть, предвидѣть—все равно;
Прозрѣть намъ можно то одно,
Что̀ не сбылось еще, чему лишь можно сбыться;
И такъ сіе словцо не можетъ пригодиться
Къ концу рѣки; онъ есть давно, хотя и скрытъ.
Ты вмѣсто вялаго словечка различитъ,
Великолѣпное «прозритъ» вклеилъ не къ мѣсту,
И безобразную съ нимъ сочеталъ невѣсту:
«И неподвижный взоръ окованный стоитъ.»
Какъ хочешь стой, но онъ въ жестокомъ положеньѣ;
Изъ одинаковыхъ весь стихъ лоскутьевъ сшитъ:
Стоитъ, оковы, недвиженье —
Одно; такой халатъ читателя смѣшитъ.
«Огромныя суда въ медлительномъ пареньѣ»
Запрещено, мой другъ—и нечѣмъ пособить—
Указомъ критики судамъ твоимъ парить,
Имъ предоставлено смиренное теченье;
А странное «столбы на нихъ»
Простымъ словцомъ «и мачты ихъ»
Сама своей рукой богиня замѣнила;
Но тѣ твои стихи она лишь похери́ла,
Въ которыхъ ты, «внимая гласу волнъ»,
Намъ говоришь: «люблю гнать рѣзво челнъ
По ропотнымъ твоимъ зыбямъ и сердцемъ веселъ,
Подъ шумомъ дружныхъ веселъ»
И прочее; зво, челнъ ей непріятный звукъ;
А вёселъ риөма ли на веселъ, милый другъ?
Жаль; вѣдь послѣдній стихъ разительно прекрасенъ;
Воображенію онъ сильно говоритъ,

Но риѳма вздорная косится и брюжжитъ.
Какъ быть—она деспотъ и гнѣвъ ея ужасенъ.
Нельзя ли риѳму намъ другую пріискать,
Не опасаяся, чтобъ вздорщицу смутили,
И также, чтобы насъ «воздушныя мечты»,
А не тяжелыя «златыя» веселили;
Но наше дѣло—херъ, поправки дѣлай—ты.
«Покаты горъ крутыхъ» не лучше ли пещеры;
«Воспрянувшихъ дубравъ» развѣсистыхъ дубравъ,
Или проснувшихся; слова такой же мѣры,
А лучше; въ этомъ вкусъ богини нашей правъ.
Воспрянувшихъ, мой другъ, понятно, да не ясно.
Все прочее прекрасно;
Но я бъ весьма желалъ, чтобъ «своды гласъ забавъ»
Не галлицизмами окрестности «ввѣряли»,
А русскимъ языкомъ «волнамъ передавали».
«Младое пѣнье ихъ»—прекрасная черта;
«Ихъ слава ясная, какъ водъ твоихъ зерцало»—
Стихъ сильный, а нельзя не похерить начало;
Поставь, прошу тебя: «и слава ихъ чиста»,
Чтобъ слѣдующимъ тремъ былъ способъ пріютиться.
Объ двухъ другихъ стихахъ—прекрасныхъ, слова нѣтъ—
Ни я, ни критика не знаемъ какъ рѣшиться:
Въ нихъ тьма, но въ этой тьмѣ скрывается поэтъ.
«Гремящихъ бурь боецъ, онъ ярости упорной
Смѣется, опершись на брегъ ему покорной»—
Боецъ не то совсѣмъ, что̀ ты хотѣлъ сказать;
Твой геній, «бурь боецъ» есть просто «бурь служитель»,
Наемный ихъ боецъ, а мнѣ бъ хотѣлось знать,
Что онъ ихъ «побѣдитель».
Нельзя ли этотъ стихъ хоть такъ перемарать:
«Презритель шумныхъ бурь, онъ злобѣ ихъ упорной
Смѣется, опершись на брегъ ему покорной.»
Презритель—новое словцо, но признаюсь,
Не примешь ты его, я самъ принять рѣшусь.

Твоей мой другъ, Ѳетидѣ....
Я радъ бы изъ стиховъ дорогу указать;
Въ пучину Каспія приличнѣй бы сказать;
Сравненіе полнѣй, и Каспій не въ обидѣ.
А «бѣгъ віющійся ручья»
Неловко—власть твоя;
Я бъ смѣло написалъ: «журчащаго въ дубравѣ».
Спроси о томъ хоть музу ты свою,
Віющійся идетъ не къ бѣгу, а къ ручью.
Вотъ все... согласенъ будь иль нѣтъ, ты въ полномъ правѣ.

ДОЛБИНСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.*

1. ЗАПИСОЧКА ВЪ МОСКВУ КЪ ТРЕМЪ СЕСТРИЦАМЪ.

6 октября.

Скажите, милыя сестрицы,
Доѣхали ль, здоровы ль вы,
И обгорѣлыя столицы
Сочли ли дымныя главы?
По Тулѣ много ли гуляли;
Все тѣже ль тамъ — заводъ, ряды,
И всѣ ли тамъ пересчитали
Вы нашихъ прежнихъ лѣтъ слѣды?
Покрытая пожарнымъ прахомъ,
Москва, разбросанный скелетъ,

---

* Названіе «долбинскихъ» самъ поэтъ далъ стихотвореніямъ, написаннымъ имъ въ 1814 и 1815 гг. въ Долбинѣ, селѣ Лихвинскаго уѣзда, Калужской губерніи, въ окрестностяхъ города Бѣлева. Оно принадлежитъ теперь наслѣдникамъ И. В. Кирѣевскаго. Жуковскій прожилъ тамъ нѣсколько времени до переѣзда въ Петербургъ.

Вамъ душу охладила ль страхомъ;
А въ Тулѣ прахъ минувшихъ лѣтъ
Не возродилъ ли вспоминанья
О томъ, что было въ оны дни,
Когда намъ юность лишь одни
Плѣнительныя обѣщанья
Давала на далекій путь.
Призвавъ неопытность въ поруку,
Тогда, подавъ надеждѣ руку,
Не мнили мы, чтобъ обмануть
Могла сопутница крылата.
Но время опытъ привело,
И многихъ, многихъ благъ утрата
Велитъ сквозь темное стекло
Смотрѣть на счастіе земное,
Чтобы сіяніе живое
Его плѣнительныхъ лучей
Намъ вовсе глазъ не заслѣпило....
Друзья, что вѣрно въ жизни сей?
Что просто, но что сердцу мило,
Собравъ поближе въ малый кругъ
[Чтобъ взоръ нашъ могъ окинуть вдругъ],
Мечты уступимъ лишь начавшимъ
Идти дорогою земной
И жребія не испытавшимъ,
Для нихъ надежда сонъ златой,
А намъ будь въ пользу пробужденье.
И мы, не мысля больше въ даль,
Терпѣньемъ подсластимъ печаль,
Веселью вѣрой въ провидѣнье
Неизмѣняемость дадимъ.
Сей день покоемъ озлатимъ,
Красою мыслей и желаній
И прелестью полезныхъ дѣлъ,
Чтобъ на невѣдомый предѣлъ

Сокровище воспоминаній
[Прекрасной жизни зрѣлый плодъ]
Намъ вынесть изъ жилища праха,
И зрѣть открытый намъ безъ страха
Страны обѣтованной входъ.

2. РОСПИСКА МАШИ.

6 октября.

Что ни пошлетъ судьба, все пополамъ!
Безъ робости, дорогою одною,
Въ душѣ добро и вѣра къ небесамъ,
Идти тебѣ впередъ, намъ за тобою!
Лишь вмѣстѣ бы, лишь только бъ за одно,
Лишь въ часъ одинъ, одна бы намъ могила!
Что впрочемъ здѣсь ни встрѣтимъ — все равно!
Я въ томъ за всѣхъ и руку приложила.

3. МОТЫЛЕКЪ.

7 октября.

Вчера я долго веселился,
Смотря, какъ мотылекъ
Мелькалъ на солнышкѣ, носился
Съ цвѣточка на цвѣтокъ.

И милый цвѣтъ его мѣнялся
Всечасно предо мной,
То алой тѣнью отливался,
То нѣжной голубой.

Я вслѣдъ за нимъ.... но онъ быстрѣе
Виляетъ и кружитъ.
И вижу, вдругъ прильнувъ въ лилеѣ,
Недвижимый блеститъ.

Бѣгу.... и мой летунъ вертляный
Дрожитъ въ моихъ рукахъ;

Но гдѣ же блескъ его румяный,
Гдѣ краски на крылахъ?

Увы! коснувшись къ нимъ перстами,
Я стеръ ихъ нѣжный цвѣтъ;
И мотылекъ.... онъ все съ крылами,
Но красоты ужъ нѣтъ.

«Такъ наслажденье измѣняетъ!»
Вздохнувши, я сказалъ,
«Пока не тронуто — блистаетъ;
Дотронься — блескъ пропалъ!»

4. ЭПИТАФІИ.

I. ЗАВОЕВАТЕЛЯМЪ.

8 октября.

Гдѣ всемогущіе владыки,
Опустошители земли?
Ихъ повелительные лики
Смирились въ гробовой пыли;
И міръ надменныхъ забываетъ,
И время съ ихъ гробовъ стираетъ
Послѣдній титулъ ихъ и слѣдъ,
Слова ничтожныя: ихъ нѣтъ!

II. МОТУ.

Здѣсь Лакомкинъ лежитъ — онъ вѣчно жилъ по модѣ,
За то и вѣчно долженъ былъ!
А заплатилъ.
Одинъ лишь долгъ — природѣ.

III. ПЬЯНИЦѢ.

Подъ камнемъ симъ Бибрисъ лежитъ;
Онъ на землѣ въ такомъ раздорѣ былъ съ водою,
Что намъ и изъ земли кричитъ:
Не плачьте надо мною.

IV. ГРАМОТѢЮ.

Здѣсь Буквинъ-грамотѣй; но что объ немъ сказать?
Былъ сердцемъ добръ, имѣлъ смиренныя желанья,
И чести правила старался наблюдать,
Какъ правила правописанья.

5. ЖЕЛАНІЕ И НАСЛАЖДЕНІЕ.

8 октября.

«Что такъ, дружочикъ, пріуныло;
Что твой пріятный взоръ угасъ?»
Такъ наслажденье говорило
Желанью въ добрый часъ.

«Приди, подѣлимся напастью;
Приди, я другъ давнишній твой;
Я покажу дорогу къ счастью
И помирю съ судьбой.»

Желанье слезы отираетъ,
И мчится къ другу на крылахъ,
И... въ ту жъ минуту умираетъ
У друга на рукахъ.

6. ВЪ АЛЬБОМЪ

БАР. ЕЛЕНѢ ИВ. ЧЕРКАСОВОЙ.

11 октября.

Гдѣ искренность встрѣчать выходитъ на крыльцо,
И вмѣстѣ съ дружбой угощаетъ,
Гдѣ все, что говоритъ лицо,
И сердце молча повторяетъ,
Гдѣ за большимъ семейственнымъ столомъ
Сидитъ веселая свобода,
И гдѣ, подъ часъ, когда нахмурится погода,
Передъ блестящимъ камелькомъ,

Въ непринужденности живаго разговора
Позволено дойти до спора —
Зашедши въ уголокъ такой,
Я смѣло говорю, что я зашелъ домой.

7. КЪ А. ПЛ—ВУ.

14 октября.

Ну, какъ же вздумалъ ты, дуракъ,
Что я забылъ тебя, о рожа!
Такая мысль весьма похожа
На тотъ кудрявый буеракъ,
Который, или нѣтъ, въ которомъ,
Иль нѣтъ опять, а на которомъ...
Но мы оставимъ буеракъ,
А лучше, не хитря, докажемъ,
То есть простою прозой скажемъ,
Что самъ кругомъ ты виноватъ,
Что ты писать и самъ не хватъ;
Что неписанье и забвенье
Такъ точно тоже и одно,
Какъ горькій уксусъ и вино,
Какъ вонь и сладкое куренье.
И какъ же мнѣ тебя забыть?
Ты не боишься бѣлой книги!
Итакъ оставь свои интриги
И не изволь меня рядить
Въ шуты предъ дружбою священной.
Скажу тебѣ, что я одинъ,
То есть, что я уединенно
И не для собственныхъ причинъ
Живу въ сосѣдствѣ отъ Бѣлева
Подъ покровительствомъ Гринева; *

* Управитель въ Долбинѣ.

То есть, что мнѣ твоихъ дѣтей
Моя хозяйка поручила
И ихъ не оставлять просила,
И что честное слово ей
Я далъ и вѣрно исполняю,
А безъ того бы, другъ мой, знаю,
Давно бы былъ я ужъ въ Черни. *
Мои уединенны дни
Довольно сладко протекаютъ.
Меня и музы посѣщаютъ,
И Аполлонъ доволенъ мной,
И подъ перстомъ моимъ налой
Трещитъ—и планъ и мысли есть,
И мнѣ осталось лишь присѣсть
Да и писать къ царю посланье.
Жди славнаго, мой милый другъ,
И не обманетъ ожиданье.
Присыпало все къ сердцу вдругъ.
И напередъ я въ восхищеньи
Предчувствую то наслажденье,
Съ какимъ безъ лести, въ простотѣ,
Я буду говорить стихами
О той небесной красотѣ,
Которая въ вѣнцѣ предъ нами.
А ты меня благослови,
Но, ради Бога, оживи
О Гришиномъ выздоровленьи
Прекрасной вѣстію скорѣй,
А то растаетъ вдохновенье.
Простите. Ниночкѣ моей
Любовь, и дружба, и почтенье;
Прошу отдать ихъ, не дѣля;
А Губареву—киселя!

---

* Имѣніе Плещеева.

8. ЗАПИСКА КЪ БАР. ЧЕРКАСОВОЙ.

17 октября.

И я прекрасное имѣю письмецо
От нашей долбинской Фелицы.
Приписываютъ въ немъ и двѣ ея сестрицы;
Ее же самое въ лицо
Не прежде середы увидѣть уповаю
Итакъ, однимъ пораньше днемъ
Въ володьковскій эдемъ
Во вторникъ быть располагаю —
Обѣдать, ночевать,
Чтобъ въ середу обнять
Свою летунью всѣмъ соборомъ
И ей на встрѣчу хоромъ
«Благословенъ грядый» сказать.
Мои цыпляточки съ Натальею насѣдкой
Благодарятъ отъ сердца васъ
За то, что помните объ нихъ, то есть объ насъ.
Своею долбинскою клѣткой
[Для риѳмы клѣтка здѣсь] весьма довольны мы;
Безъ всякой суетной чумы
Живемъ да припѣваемъ.
Дѣтята учатся, подъ часъ шалятъ,
А мы ихъ унимаемъ,
Но сами не умнѣй ребятъ,
По крайней мѣрѣ я—межъ риѳмами возиться
И надъ мечтой
Какъ надъ задачею трудиться...
Но просимъ извинить; кто въ правѣ похвалиться,
Что онъ мечтѣ не жертвуетъ собой.
Все здѣсь мечта—вся разница въ названьѣ;
Мечта—веселіе, мечта—страданье,
Мечта и красота;
И всякъ мечту зоветъ, какъ Донъ Кихотъ принцессу;

Но что володьковскую баронессу
Я всей душей люблю.... вотъ это не мечта.

P. S. Во вторникъ ввечеру
Я буду [если не умру,
Иль не поссорюсь съ Аполлономъ]
Читать вамъ погребальнымъ тономъ,
Какъ вѣдьму чортъ унесъ,
И напугаю васъ до слезъ.

9. КЪ НЕЙ ЖЕ.

19 октября.

Обѣщанное исполнять
Есть долгъ священный христіанства,
И знаю точно я, что вы мнѣ не изъ чванства
Четвероместную карету нынче дать
Въ четвергъ прошедшій обѣщали.
Вотъ мы за нею къ вамъ и лошадей прислали;
Она не мнѣ, дѣтеночкамъ нужна,
Чтобы въ Володьково безвредно докатиться.
Линейка есть у насъ; но, знаете, она
Въ морозъ и вѣтеръ холодна,
И дѣти могутъ простудиться;
Къ тому же бѣдная больна:
Въ подагрѣ всѣ колеса
И шкворень взволдырялъ;
А я извѣстнаго вамъ Аполлоса
Еще за лекаремъ въ Бѣлевъ не посылалъ.
Четвероместную карету мы имѣемъ,
Но сѣсть въ нее ни какъ не смѣемъ:
Карета—инвалидъ,
И просится давно, давно ужъ на спасанье,
И вотъ ея вамъ описанье:
Она имѣетъ видъ
Лукошка.

Кто выглянуть захочетъ изъ окошка,
Тотъ вѣрно загремитъ
Главою внизъ, горѣ ногами,
Понеже дверцы не крючками,
А лычками закрѣплены;
Сквозь древній верхъ ея днемъ солнце проницаетъ,
А ночью блескъ луны,
А въ добрый часъ и дождь васъ поливаетъ,
И такъ, что можете порой
Вы ѣхать въ ней и сушей и водой.
А козлы? Боже мой!
Когда на нихъ Григорій нашъ трясется,
То кажется душа въ немъ съ тѣломъ разстается.
Знать душу грѣшника, за то, что здѣсь шалила,
Рука Всевышняго въ Григорья нарядила,
И осужденная должна
Трястись на козлахъ тѣхъ, въ которыхъ сатана
Съ компаніей сидитъ, до свѣтопреставленья.
Я бъ много могъ еще сказать,
Чтобы живѣй мою чудиху описать
Для вашего воображенья;
Какъ, напримѣръ, колеса въ ней
Другъ съ другомъ въ безпрестанной ссорѣ,
И на заказъ визжатъ; какъ страненъ видъ осей;
Какъ вѣчно клонится она къ одной рессорѣ,
И нечувствительна къ другой.
Короче, на землѣ кареты нѣтъ такой;
Но не смотря на совершенство
Ея красотъ, сажать въ нее дѣтей
Я не считаю за блаженство,
И васъ прошу помочь мнѣ въ крайности моей.
Чтобы унять чудиху эту,
Четвероместную пришлите мнѣ карету;
Не откажите въ томъ хоть нашимъ лошадямъ,

Которыя васъ просятъ лично.
Для васъ быть добрыми—обычно,
И дѣло доброе наградой будетъ вамъ.

10. ДРЕВНІЕ И НОВЫЕ ГРЕКИ.

8 декабря.

Счастливый путь на берега Фокиды,
Счастливый путь въ отечество боговъ!
Но, другъ, уже ль одной корысти виды
Тебя влекутъ къ странѣ твоихъ отцовъ?
Пускай вино и шелковыя ткани,
И ароматъ, и пламенный мока
Сбираютъ тамъ съ торговли жадной дани,
Твоя корысть — минувшіе вѣка.
Передъ тобой обитель вдохновенья
И древности величественный храмъ.
Тебѣ во слѣдъ, мечтой воображенья
Переношусь къ чудеснымъ симъ брегамъ.
Вотъ на волнахъ пророческій Делосъ!
Обрушенъ храмъ и тернами поросъ....

11. ПЛАЧЪ О ПИНДАРѢ.

БЫЛЬ.

20 декабря.

Однаждый нашъ поэтъ Пестовъ,
Неутомимый ткачъ стиховъ
И Аполлоновъ жрецъ упрямый,
Съ какою-то ученой дамой
Сидѣлъ, о риѳмахъ разсуждалъ,
Свои творенья величалъ,
Лишь древнихъ сравнивалъ съ собою,
И вздоръ свой клюковной водою,
Кобенясь въ креслахъ, запивалъ.
Коснулось до Пиндара слово.

Друзья, хотя совсѣмъ не ново,
Что славный былъ Пиндаръ поэтъ,
И что онъ умеръ въ тридцать лѣтъ,
Но имъ Пиндара жалко стало.
Пиндаръ великій, грекъ, пѣвецъ!
Пиндаръ, высокихъ одъ творецъ!
Пиндаръ, какихъ и не бывало,
Который могъ бы мало-мало
Еще не томъ, не три, не пять,
А десять томовъ написать.
Зачѣмъ такъ рано онъ скончался,
Зачѣмъ еще онъ не остался
Пожить, попѣть и побренчать?
Съ печали дама зарыдала,
Съ печали зарыдалъ поэтъ:
За что, за что судьба сослала
Пиндара къ Стиксу въ тридцать лѣтъ!
Лакей съ метлою тутъ случился,
Въ слезахъ ихъ видя, прослезился;
И въ дѣтской нянька стала выть,
Заплакалъ съ нянькою ребенокъ,
Заплакалъ поваръ, поваренокъ;
Буфетчикъ, бросивъ чашки мыть,
Заголосилъ при самоварѣ;
Въ конюшнѣ конюхъ зарыдалъ;
И словомъ, цѣлый домъ стеналъ
О пѣснопѣвцѣ, о Пиндарѣ.
Да, признаюся вамъ, друзья,
Едва и самъ не плачу я.
Чтожъ вышло? Всѣ такъ громко выли,
Что все сосѣдство взгомозили.
Одинъ сосѣдъ къ нимъ въ торопяхъ
Бѣжитъ и вопитъ: «что случилось?
О чемъ вы всѣ въ такихъ слезахъ?»
Предъ нимъ все горе объяснилось

Въ немногихъ жалобныхъ словахъ.
«Да что за человѣкъ чудесной?
Откуда родомъ вашъ Пиндаръ?
Какихъ онъ лѣтъ былъ? Молодъ? Старъ?
И что объ немъ еще извѣстно?
Какого чина? Гдѣ служилъ?
Женатъ былъ? Вдовъ? Хотѣлъ жениться?
Чѣмъ умеръ? Кто его лечилъ?
Имѣлъ ли время причаститься,
Иль вдругъ свалилъ его ударъ?
И словомъ, кто таковъ Пиндаръ?»
Когда жъ узналъ онъ изъ отвѣта,
Что все несчастье отъ поэта,
Который между грековъ жилъ,
Который въ славны древни годы
Пѣвалъ на скачки грековъ оды,
Не католикъ, язычникъ былъ,
Что одами его плѣнялся,
Не понимая ихъ, весь свѣтъ,
Что болѣе трехъ тысячъ лѣтъ,
Какъ онъ во младости скончался —
Поджавъ бока свои, сосѣдъ
Смѣяться началъ, и смѣяться,
Такъ что отъ смѣха надорваться.
И, смотримъ, за сосѣдомъ вслѣдъ
Всѣ — кучеръ, поваръ, поваренокъ,
Буфетчикъ, нянька и ребенокъ,
Лакей съ метлой и самъ поэтъ,
И дама — взапуски смѣяться.
И хоть я радъ бы удержаться,
Но, признаюся вамъ, друзья,
Смѣюсь за ними вслѣдъ и я.

12. КЪ ВОЕЙКОВУ.

21 декабря.

О Воейковъ, видно, намъ
Помышлять объ исправленьи!
Если должно вѣрить снамъ,
Скоро Пиндопреставленье,
Скоро должно наступить.
Скоро, предлетящимъ громамъ,
Аполлонъ придетъ судить
По стихамъ, а не по томамъ.

Намъ извѣстно съ древнихъ лѣтъ,
Сны, чудовища, явленья
Грозно-пламенныхъ кометъ
Предвѣщали измѣненья
Въ муравейникѣ земномъ,
И всегда бывали правы
Сны въ пророчествѣ своемъ.
Въ мірѣ Феба тѣ жъ уставы.

Тьма страшилищъ межъ стиховъ.
Тьма чудесъ... дрожу отъ страху!
Зрѣлъ оберткой пироговъ
Я недавно Андромаху;
Зрѣлъ, какъ нѣкій Асмодей
Мазалъ, видъ принявъ лакея,
Грозной кистію своей
На заклейку оконъ Грея.

Зрѣлъ недавно, какъ Пиндаръ,
Въ воду огнь свой обратившій,
Затушилъ въ Москвѣ пожаръ,
Всю дожечь ее грозившій;

Зрѣлъ, какъ Сафу билъ голикъ,
Какъ Расинъ кряхтѣлъ подъ тестомъ;
Зрѣлъ окутанный парикъ
И Электрой и Орестомъ.

Зрѣлъ въ ночи, какъ въ высотѣ
Кто-то грозный и унылый,
Избоченясь, на котѣ
Ѣхалъ рысью, въ шуйцѣ вилы,
А въ десницѣ грозный икъ;
Пославянски котъ мяукалъ,
А внимающій старикъ
Въ тактъ съ усмѣшкой икомъ стукалъ.

Сей скакунъ по небесамъ
Прокатился метеоромъ.
Вдругъ отверстый вижу храмъ,
И къ нему идутъ соборомъ
Фебъ и музы... Чтожъ? О страхъ!
Фебъ въ ужасныхъ рукавицахъ,
Въ русской шапкѣ и котахъ;
Кички на его сестрицахъ.

Старика ввели во храмъ
При печальныхъ смѣховъ ликахъ.
Въ сапогахъ амуры тамъ
И хариты въ черевикахъ.
На престолѣ золотомъ
Старина сидитъ въ овчинѣ:
Одесную вкусъ съ бѣльмомъ,
Простофиля и розиня.

И какъ будто близъ жены,
Поручивъ кота Эроту,

Сѣлъ старикъ близъ старины,
Силясь скрыть свою перхоту.
И въ гудокъ для пришлеца
Фебъ ударилъ съ важнымъ тономъ,
И пустились голубца
Мельпомена съ Купидономъ.

Важно билъ кадаисъ старикъ
И подмигивалъ старушкѣ,
И его державный икъ
Передъ нимъ лежалъ въ кадушкѣ.
Тутъ къ престолу подошли
Стихотворцы для присяги:
Тѣ подъ-мышками несли
Росписныя съ квасомъ фляги,

Тотъ тащилъ кису морщинъ,
Тотъ прабабушкину мушку,
Тотъ старинныхъ словъ кувшинъ,
Тотъ кавыкъ и юсовъ кружку,
Тотъ перину изъ бородъ,
Древле бритыхъ въ Петроградѣ,
Тотъ славянскій переводъ
Басенъ Дмитрева въ окладѣ.

Всѣ, воззрѣвъ на старину,
Персты вверхъ и ставши рядомъ,
«Брань и смерть Карамзину!»
Грянули, сверкая взглядомъ.
«Зубы грѣшнику порвемъ;
Осрамимъ хребетъ строптивый,
Задъ во-утро избіемъ,
Намъ обиды сотворивый!»

Вздрогнулъ я — призракъ исчезъ.
Что жъ все это предвѣщаетъ?

Ахъ, мой другъ, то гласъ небесъ.
Полно медлить! наступаетъ
Аполлоновъ страшный судъ;
Дни послѣдніе Парнасса;
Насъ богини мщенья ждутъ;
Полно мучить намъ Пегаса.

Не покаяться ли намъ
Въ прегрѣшеньяхъ потаенныхъ?
Если вѣрить старикамъ,
Муки Фебомъ осужденныхъ
Неописанныя, другъ!
Поспѣшимъ же покаяньемъ,
Чтобъ и намъ за риѳмы — крюкъ
Не былъ въ адѣ воздаяньемъ.

Мукъ тамъ бездна! Вотъ Хлыстовъ
Межъ огромными ушами,
Какъ Танталъ среди плодовъ,
Съ непрочтенными стихами;
Хочетъ ихъ читать ушамъ,
Но лишь губы шевельнутся,
Чтобы дать пройти стихамъ,
Уши разомъ всѣ свернутся.

Вотъ на плечи стихъ взгрузивъ,
На гору его волочитъ
Пустопузовъ, какъ Сизифъ;
Бьется, силится, хлопочетъ;
На верху горы вдовецъ
Стихъ-другой торчитъ маякомъ;
Вотъ ужъ близко, вотъ конецъ,
Вотъ доползъ — и книзу ракомъ.

Вотъ Груздочкинъ-траголюбъ
Убираетъ лобъ въ морщины,

И хитономъ свой тулупъ
Въ угожденье Прозерпины
Величаетъ невпопадъ.
Но хвастливость не у мѣста:
Всѣхъ смѣшитъ его нарядъ,
Даже фурій и Ореста.

Полонъ треска и огня,
И на смыслъ весьма убогій,
Вотъ на чахлаго коня
Лезетъ Шлихъ коротконогій;
Лишь усѣлся, конь распухъ;
Ножки врозь, нѣтъ силъ держаться;
Конь галопомъ, рыцарь — бухъ!
Снова лезетъ, чтобъ сорваться.

Ахъ, покаемся, мой другъ!
Исповѣдь полъисправленья.
Мы достойны этихъ мукъ:
Я за вѣдьмъ, за привидѣнья,
За чертей, за мертвецовъ,
Ты жъ за то, что въ переводѣ
Очутился изъ «Садовъ»
Подъ капустой въ огородѣ.

1815

13. ПЕРВОЕ ЯНВАРЯ.

Предъ судилище Миноса
Собралися для допроса,
Подлѣ стиксовыхъ бреговъ
Души блѣдныя скотовъ.

Воронъ, моська, котъ, телушка,
Попугай, пѣтухъ, индюшка,
Соловей, баранъ съ свиньей,
Стали предъ Миносомъ въ строй.

«Говорите, какъ вы жили?
Много ль въ свѣтѣ вы грѣшили?»
Такъ сказалъ имъ судія.
«Начинай хоть ты, свинья.»

«Я нисколько не грѣшила;
Не жалѣя морды, рыла
Я на свѣтѣ томъ навозъ;
Въ этомъ нѣтъ грѣха, Миносъ!»

«Я баранъ, жилъ тихомолкомъ,
Но на грѣхъ столкнулся съ волкомъ:
Волкъ меня и задавилъ,
Тѣмъ лишь я и согрѣшилъ.»

«Я смиренная корова;
Нраву я была простова;
Грѣхъ мой, право, не великъ:
Ободралъ меня мясникъ.»

«Хоть слыву я попугаемъ,
Но на свѣтѣ былъ считаемъ
Съ человѣкомъ наравнѣ;
Этотъ грѣхъ прости ты мнѣ!»

«Я котомъ служилъ на свѣтѣ,
И имѣлъ одно въ предметѣ:
Билъ мышей и сыръ таскалъ;
Этотъ грѣхъ по чести малъ.»

«Я пичужка вѣчно пѣла;
По еллински филомела,
А по русски соловей;
Не грѣшна ни въ чемъ, ей-ей!»

«Я курносая собака,
Моська, родомъ забіяка,
И зовутъ меня Барбосъ;
Пощади меня, Миносъ!»

«Я пѣтухъ, будильникъ ночи,
Съ крику выбился изъ мочи,
И принесъ на Стиксъ-рѣку
Я свое кукареку.»

«Я индюшка хлопотунья,
Пустомеля и болтунья,
У меня махровый носъ;
Не покинь меня, Миносъ!»

«Воронъ я, вѣщунъ и плакса,
Былъ я черенъ, такъ какъ вакса,
Каркалъ часто на бѣду,
Радъ я каркать и въ аду.»

Царь Миносъ сердитымъ взглядомъ
На скотовъ, стоящихъ рядомъ,
Разъяренный засверкалъ....
И — ни слова не сказалъ.

14. ПРОЩАНІЕ.

6 января.

Воейковъ; этотъ день для сердца незабвенной!
Здѣсь возвращеніе мое
Ты за годъ праздновалъ въ родной друзей семьѣ.
Какъ странникъ, въ кругъ ея случаемъ заведенный,

Ты мыслилъ между насъ минуту отдохнуть,
Потомъ опять идти въ свой одинокій путь
С несовершившимся желаньемъ,
И съ темнымъ счастья ожиданьемъ;
Но здѣсь тебѣ твое «не далѣ» рокъ сказалъ...
И провидѣніе здѣсь всѣмъ, что въ жизни мило,
Тебя въ душѣ твоей Свѣтланы наградило.
Другъ, благодарственный фіалъ
Незримому, тому, кто намъ не измѣняетъ,
Который всюду спутникъ намъ,
Который и самимъ бѣдамъ
Всегда во благо быть для насъ повелѣваетъ,
Ему повѣримъ ихъ, ему отъ насъ обѣтъ —
Украсить жизнію его прекрасный свѣтъ,
И быть въ кругу его прекраснѣйшихъ созданій,
Достойныхъ всѣхъ его святыхъ благодѣяній.

*

Вамъ, милая, нашъ другъ-благотворитель,
Отъ счастливыхъ дѣтей мольба въ веселый часъ,
Вкушайте счастіе безпечно между насъ;
Покой вашъ нашего спокойствія хранитель.
Съ довѣріемъ подайте руку намъ,
И вѣрнымъ вашихъ чадъ сердцамъ
Себя съ надеждой поручите,
Ихъ на добро благословите,
А общій жребій свой — оставимъ небесамъ.

*

Друзья, въ сей день былъ мой возвратъ,
Но онъ для насъ и день разлуки;
На дружбу вѣрную дадимъ другъ другу руки;
Кто братъ любовію, тотъ и въ разлукѣ братъ.
О нѣтъ! не можетъ быть для дружбы разстоянья!
Вдали, какъ и вблизи, я буду вамъ родной,
А благодарныя объ васъ воспоминанья
Возьму на самый край земной.

*

Васъ, добрая сестра, на жизнь другъ вѣрный мой,
Всего, что здѣсь мое, со мною раздѣлитель,
Васъ, братъ вашъ, долбинскій минутный житель,
Благодаритъ растроганной душой
За тѣ немногія мгновенья,
Которыя при васъ, въ тиши уединенья,
Спокойно музамъ онъ и дружбѣ посвятилъ.
Что̀ бъ рокъ ни присудилъ,
Но съ долбинской моей семьею
Разлука самая меня не разлучитъ;
Она лишь дружескій союзъ нашъ утвердитъ.

*

Мой ангелъ, Ваничка, съ невинной красотою,
Съ улыбкой милой на устахъ,
Съ слезами на глазахъ,
Боясь со мной разлуки,
Ко мнѣ бросающійся въ руки,
И Мишенька, и мой угрюмый Пѣтушокъ, *
Мои друзья безцѣнны....
Могу ль когда забыть ихъ ласки незабвенны?
О, будь же, долбинскій мой милый уголокъ,
Спокоенъ, тихъ, хранимъ святыми небесами.
Будь радостъ ясная вашъ вѣрный семьянинъ,
И чтобъ изъ васъ въ сей жизни ни одинъ
Не познакомился съ бѣдами.
А если ужъ нельзя здѣсь горя не узнать,
Будь неизмѣнная надежда вамъ подруга,
Чтобъ вы при ней могли и горе забывать...
Что̀ бъ ни было, не забывайте друга....

15. АРЕОПАГУ.

Съ моею музою смиренной
Я преклоняюсь предъ тобой,

* Ваничка и Пѣтушокъ — Иванъ и Петръ Васильевичи Кирѣевскіе.

О мой ареопагъ священный!
Публичный обвинитель мой,
Малютка-Батюшковъ, гигантъ по дарованью,
Ужъ судъ свой моему посланью *
Въ парнасскій протоколъ вписалъ
За скрѣпой Аполлона,
И я къ подножію божественнаго трона
Съ повинной головой предсталъ,
Съ поправками посланья
И парой словъ для оправданья.
Прошу, да предъ него и аристархъ-пѣвецъ
Съ своею критикой предстанетъ,
И да небесный Фебъ, по Пинду нашъ отецъ,
На наше преніе не гнѣвнымъ взоромъ взглянетъ.
Да что жъ о планѣ ты, мой грозный судія,
Ни слова не сказалъ? О страшное молчанье!
Имъ муза робкая испугана моя,
И ей теперь мое посланье
Уродомъ кажется подъ маской красоты.
Злодѣй, молчаніемъ сказалъ мнѣ болѣ ты
Одинъ, чѣмъ критиковъ крикливое собранье
Разбора строгаго шумящею грозой;
Но, такъ и быть, передъ тобой
Всѣ тайныя ошибки.
О чемъ молчишь, о томъ и я хочу молчать....
Чтобъ безошибочно, мой милый другъ, писать,
На то талантъ твой нуженъ гибкій.
«Дерзнетъ ли свой листокъ онъ въ тотъ вплести вѣнецъ?»
Ужасный стихъ! такъ ты воскликнулъ, мой пѣвецъ,
И музы всѣ съ тобой согласны.

---

* Свое посланіе къ императору Александру I, еще въ рукописи, Жуковскій посылалъ на просмотръ въ Петербургъ къ друзьямъ своимъ. Батюшковъ и кн. Вяземскій, сдѣлали ему замѣтки, на которыя здѣсь возражаетъ Жуковскій.

Да я и самъ кричу, наморщившись: ужасный!
Вотще жую перо, вотще молюсь богамъ,
Чтобъ отъ сего стиха очистили посланье.
Напрасное пера несчастнаго жеванье,
Напрасныя мольбы! — поправь его ты самъ.
Не можешь? Пусть живетъ вѣкамъ на посмѣянье.
«Кто славы твоея опишетъ красоту?»
Ты правъ, «опишетъ» — вздоръ, написанный водою,
А «твоея» — уродъ. Готовъ одной чертою
Сей часъ убить; но, другъ, смиренную чету
Двухъ добрыхъ риөмъ кто разлучить рѣшится?
Да, можетъ быть, моя поправка пригодится:
«Кто славныхъ дѣлъ твоихъ постигнетъ красоту?»
Не лучше ли? Прими жъ, мой другъ, сію поправку,
А прежній вздорный стихъ въ отставку.
Что далѣе?... Увы! я слышу не впервой,
Что стихъ: «дробила надъ главой
Земныхъ народовъ брань» и что жъ еще «державы!»—
Смѣшной и темный стихъ. Быть можетъ, бѣсъ лукавый,
Моихъ балладъ герой,
Сшутилъ такимъ стишкомъ коварно надо мной.
Надъ искусителемъ себя мы позабавимъ
Балладой новою, а стихъ хоть такъ поправимъ:
«Ниспровергала, врагъ земныхъ народовъ, брань!...»
«Нѣтъ! выше бурь вѣнца!» Ты здѣсь, мой другъ, въ сомнѣньи;
Но «бури жизни» есть для всякаго пѣвца
Не запрещенное отъ Феба выраженье;
А «бурь земныхъ», мой другъ, чѣмъ лучше «бурь вѣнца»?
Итакъ сомнѣніе принявъ за одобренье,
Я съ «бурями вѣнца» отважно остаюсь,
Спокойно вѣрю твоему сомнѣнью,
Сижу на берегу съ моей подругой лѣнью,
И бурямъ критики смѣюсь.
Другой же стихъ — твоя, а не моя погрѣшность;
Затмила, кажется, разсудокъ твой поспѣшность:

Вѣдь «невнимательныхъ царей»
Въ посланьи нѣтъ; лишь ты по милости своей
Былъ невнимательный читатель;
А можетъ быть и то, что мой переписатель
Царей не отдѣлилъ
Отъ ихъ народовъ запятою,
И такъ одной пера чертою
Земной порядокъ помутилъ.
Итакъ здѣсь виноватъ не я, а запятая,
И критика твоя косая.
«Подъ наклонившихся престоловъ царскихъ тѣнь
Народы ликовать стекалися толпами»—
По мнѣнью твоему туманъ.
Прости! но съ критикой твоей я не согласенъ,
И въ этихъ двухъ стихахъ смыслъ кажется мнѣ ясенъ.
За то другія два какъ шумный барабанъ
Разсудку чуждые, лишь только надъ ушами
Господствуютъ: мой тронъ «у галловъ надъ главами
Разгрянувъ, вспыхнулъ и потухъ!»
[Своими странными кусками
Подобенъ сухарю и также какъ онъ сухъ].
Словечко вспыхнулъ мнѣ своею быстротою
Понравилось — винюсь, смиряясь предъ тобою,
И робкою пишу рукою:
«Вспылалъ, разверзнувшись какъ гибельный волканъ.»
Но чѣмъ же страненъ «великанъ,
Съ развалинъ пламенныхъ ужасными очами
Сверкающій на бѣдный свѣтъ?»
Тутъ право, милый другъ, карикатуры нѣтъ.
Вотъ ты бъ, малютка, былъ карикатура,
Когда бы мелкая твоя фигура
Задумала съ развалинъ встать
И на вселенну посверкать.
За то, другъ милой,
При сихъ забавныхъ трехъ стихахъ

Предъ критикой твоей бросаю лиру въ прахъ,
И радъ хотъ казачка плясать надъ ихъ могилой;
И вотъ какъ этотъ вздоръ поправилъ Фебъ мой хилой:
«Тамъ все — и весь, и градъ, и храмъ взывало: брань!
Все, раболѣпствуя мечтамъ тирана, дань
Къ его ужасному престолу приносило!»
Поправка, но вопросъ, удачна ли она?
«И мздой свою постель страданье выкупало»—
Конечно здѣсь твой вкусъ надменный испугало
Словечко бѣдное постель? Постель бѣдна
Для пышности стиховъ, не спорю я ни мало;
Но если муза скажетъ намъ:
«И мздой свой бѣдный одръ страданье выкупало»,
Такой стишокъ ея — понравится ль ушамъ?
Какъ быть, но мой припѣвъ: поправь, какъ хочешь, самъ
И дай вздохнуть моей смиренной лѣни;
Тѣмъ болѣ, что твои совсѣмъ не кстати пени
За этотъ добрый стихъ, въ которомъ смысла нѣтъ:
«И юность ихъ была какъ на могилѣ цвѣтъ.»
Здѣсь свѣжесть юности и блескъ цвѣточка милый
Противоположенъ унынію могилы;
На гробѣ разцвѣтя, цвѣтокъ своей красой
Намъ объ ничтожности сильнѣй напоминаетъ:
Не украшаетъ онъ, а только обнажаетъ
Предъ нами ужасъ гробовой;
И гроба гость цвѣтокъ — символъ для насъ унылый,
Что все живетъ здѣсь мигъ и для одной могилы.
«И хитростью подрытъ, измѣной потрясенъ,
Добитый громами, за трономъ падалъ тронъ....»
Мой другъ, я не коснусь до первыхъ двухъ стиховъ;
Въ нихъ вся политика видна Наполеона,
И всѣмъ извѣстно намъ, что неизбѣжный ковъ....
. . . .
Лишь только добивалъ его громами онъ.
Не будь Наполеонъ —

«Разбитый громами» охотно я бъ поставилъ;
Послѣдніе жъ стихи смиренно я поправилъ,
А можетъ быть еще поправкой и добилъ:
«По нимъ свободы врагъ, отважною стопою,
За всемогуществомъ шагалъ отъ боя къ бою.»
Что скажешь? Угодилъ?
А слѣдующій стихъ я такъ перемѣнилъ:
«Спѣшащихъ раздробить еще престолъ свободы.»
Еще тремъ карачунъ; ихъ смуглый мой зоилъ
Воейковъ — на смерть присудилъ.
«И вслѣдъ ему всякъ часъ за ратью рать летѣла»—
«И по слѣдамъ его» на мѣсто «вслѣдъ всякъ часъ»
Поставить рожица мнѣ смуглая велѣла,
И я исполнилъ сей приказъ.
«Ужъ указуешь путь державною рукою»—
Приказано писать: «ужъ отверзаешь путь».
«Передъ тобой весь міръ» писать «передъ тобою
Міръ»—весь же зачеркнуть....
Еще на многіе стихи онъ покосился,
Да я не согласился.

16. что такое законъ?

Законъ — на улицѣ натянутый канатъ,
Чтобъ останавливать прохожихъ средь дороги,
Иль ихъ сворачивать назадъ,
Или имъ путать ноги.
Но что жъ? Напрасный трудъ! ни кто назадъ не йдетъ,
Ни кто и подождать не хочетъ;
Кто ростомъ малъ, тотъ внизъ проскочитъ,
А кто великъ — перешагнетъ.

17. къ кавелину.*

Кавелинъ, другъ, поэтъ, директоръ,
И медиковъ протекторъ,

---

* Служившему въ медицинскомъ департаментѣ.

Я съ просьбою къ тебѣ.
Угодно было такъ судьбѣ,
Чтобъ я въ Орлѣ узналъ Гаспари.
Природа не дала ему той важной хари,
Съ какою доктора
Одной чертой пера
Подписываютъ намъ патенты на могилу.
Нѣтъ! Докторъ—Антиной,
Какъ ртуть живой,
И смерть съ нимъ потеряла силу.
За то, что онъ въ Орлѣ
Съ извѣстнымъ генералъ штабъ докторомъ Вицманомъ
Въ военномъ засѣдалъ гошпиталѣ,
И докторскимъ своимъ фирманомъ
Всѣхъ древнихъ правъ на вѣки смерть лишилъ;
За то, что не далъ онъ потачки;
Вербовщикамъ ея сестры—гнилой горячки;
За то, что во время тѣ кратеры закрылъ,
Изъ коихъ къ намъ поносъ кровавый
Течетъ убійственною лавой,
Отъ коей гибнетъ все, и жизнь и красота;
За это все, по праву,
Онъ получилъ ужъ славу;
Но для чего еще не получилъ креста?
Онъ Эскулаповъ сынъ! И за сію прижимку
Въ большой досадѣ Аполлонъ;
И такъ похлопочи, чтобъ онъ
Свою могъ получить скорѣе недоимку.

18. МАКСИМЪ.

Скажу вамъ сказку въ добрый часъ.
Друзья, извольте всѣ собраться;
Я разсмѣшу навѣрно васъ —
Какъ скоро станете смѣяться.

Жилъ былъ Максимъ, онъ былъ не глупъ;
Прекрасенъ такъ, что заглядѣться;
Всегда онъ надѣвалъ тулупъ—
Когда въ тулупъ хотѣлъ одѣться.

Имѣлъ онъ очень скромный видъ,
Былъ вѣжливъ, не любилъ гордиться;
И лишь тогда бывалъ сердитъ—
Когда случалось разсердиться.

Максимъ за пятерыхъ ѣдалъ,
И болѣе всего окрошку,
И ротъ ужъ вѣрно раскрывалъ—
Когда въ него совалъ онъ ложку.

Онъ былъ кухмистеръ, господа,
Такой, какихъ на свѣтѣ мало,
И безъ яицъ ужъ никогда—
Его яичницъ не бывало.

Красавицъ восхищалъ Максимъ
Губами пухлыми своими;
Онѣ бывало всѣ за нимъ—
Когда гулялъ онъ передъ ними.

Максимъ жениться разсудилъ,
Чтобъ быть при случаѣ рогатымъ;
Но онъ до тѣхъ поръ холостъ былъ—
Пока не сдѣлался женатымъ.

Осьмое чудо былъ Максимъ,
Въ оригиналѣ и портретѣ;
Ни кто бъ не могъ сравниться съ нимъ—
Когда бъ онъ былъ одинъ на свѣтѣ.

Максимъ талантами блисталъ
И просвѣщенія дарами;
И вѣчно прозой сочинялъ—
Когда не сочинялъ стихами

Онъ жизнь свободную любилъ,
Въ деревню часто удалялся;
Когда же онъ въ деревнѣ жилъ—
То въ городѣ не попадался.

Всегда учтивость сохранялъ,
Былъ обхожденія простова;
Когда онъ въ обществѣ молчалъ —
Тогда не говорилъ ни слова.

Онъ бѣгло по складамъ читалъ;
Читая, шевелилъ губами;
Когда же книгу въ руки бралъ—
То вѣчно бралъ ее руками.

Однажды бодро поскакалъ
Онъ на конѣ по карусели,
И тутъ себя онъ показалъ —
Всѣмъ тѣмъ, кто на него смотрѣли.

Ни отъ кого не трепеталъ,
А трусости не зналъ и слѣду;
И вѣчно тѣхъ онъ побѣждалъ—
Надъ кѣмъ одерживалъ побѣду.

Онъ живъ еще, и проживетъ
На свѣтѣ, сколько самъ разсудитъ;
Когда жъ, друзья, Максимъ умретъ—
Тогда онъ вѣрно живъ не будетъ.

19. ВОЕЙКОВУ. *

Воейковъ, дай же знать,
Что дерптскіе нѣмчурки?
Пора ужъ перестать
Играть намъ съ ними въ жмурки.
Когда жъ тебѣ указъ
Въ дорогу снаряжаться,
И для нѣмецкихъ глазъ
Въ обширный наряжаться
Парикъ и въ епанчу?
На почтѣ нѣтъ пакета....

20. ЗАПИСКА КЪ СВѢЧИНУ.

Извольте, мой полковникъ, вѣдать,
Что въ завтрашній субботній день
Я буду лично къ вамъ обѣдать.
Теперь же недосугъ. Не лѣнь,
А Фебъ Зевесовичъ мѣшаетъ....
Но буду я не ночевать,
А до вечерни поболтать,
Да выкурить двѣ трубки,
Да подсластить коньякомъ губки,
Да сотню прочитать
Кое-какихъ стишонокъ,
Чтобъ могъ до утра безъ просонокъ
Полковникъ спать.

21.

De Bouquillon**
Je vais chanter la fête;

* По поводу отъѣзда его въ Дерптъ на должность профессора русской словесности.

** Управитель у Плещеева.

Je creuse donc ma tête,
Mais je me sens trop bête
Pour celebrer la fête
De Bouquillon.

Cher Bouquillon,
Je suis trop témeraire,
Je devrais bien me taire;
Mais comment ne pas braire,
Que la fête m'est chère,
Cher Bouquillon.

Pour Bouquillon
Invocons donc la rime!
Et grimpons sur la cime
De l'Olympe sublime.
La muse nous anime
Pour Bouquillon.

O Bouquillon!
Ce jour qui va paraître,
Il t'a vu déjà naître,
Mais il me fait connaitre
Que tu n'es plus à naître,
O Bouquillon!

Par Bouquillon
S'embellit la nature!
Son âme est bon et pure,
Je dis sans imposture,
Je l'aime, et je le jure
Par Bouquillon.

———

ЭПИТАФІЯ ХРОМОМУ.

Дамонъ покинулъ свѣтъ;
На гробъ ему два слова:
«Былъ хромъ и ковылялъ сто лѣтъ!»
Довольно для хромова.

СОВѢСТЬ.

Сколь неизбѣжна власть твоя,
Гроза преступниковъ, невинныхъ утѣшитель,
О совѣсть, нашихъ дѣлъ законъ и обвинитель,
Свидѣтель и судья.

СМЕРТЬ.

То сказано глупцомъ и принято глупцами,
Что будто смерть для насъ творитъ ужаснымъ свѣтъ.
Пока на свѣтѣ мы, она еще не съ нами;
Когда жъ пришла она, то насъ на свѣтѣ нѣтъ.

БЕЗПОЛЕЗНАЯ СКРОМНОСТЬ.

Демидъ, подъ одою своей, боясь зоила,
Ты имени не подписалъ;
Но глупость за тебя къ ней руку приложила
И свѣтъ тебя узналъ.

ОТВѢТЫ НА ВОПРОСЫ

ВЪ ИГРѢ, НАЗЫВАЕМОЙ СЕКРЕТАРЬ.

В. Какая разница между разноты и разности?
О. Свѣтлана — ангелъ красоты,
Тутъ я не вижу разноты;
Свѣтлана — безобразность,
Тутъ все: и разница, и разнота, и разность.

В. Что такое буква Я?
О. Губительнаго Я
Нѣтъ хуже въ мірѣ слова;
Мнѣ жизнь мила моя —
Коль можетъ жизнью быть другова.

КЪ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРУ

Б. В. ПОЛУЕКТОВУ,

НА ВЫСТУПЛЕНІЕ ВЪ ПОХОДЪ 1815 Г. 17 ФЕВРАЛЯ.

Нашъ кульмскій богатырь, ура! счастливый путь!
Лети съ полками въ поле брани,
Сбирай съ покорной славы дани,
И новые кресты нанизывай на грудь.
Твоя судьба—парить подъ небомъ за орлами,
А наша—за твое здоровье робко пить,
Хвалить изъ-подтишка дѣла твои стихами,
И вслухъ тебя любить.

КЪ НЕИЗВѢСТНОЙ ДАМѢ,

ВЪ ОТВѢТЪ НА ЛЕСТНУЮ ОТЪ НЕЯ ПОХВАЛУ.

Хваля стихи пѣвца, ты насъ сама плѣняешь
Гармоніей стиховъ;
И, славя скудный даръ его, лишь убѣждаешь,
Что твой, а не его, родной языкъ боговъ.

СТАНСЫ.

[ВЪ АЛЬБОМЪ ГРАФИНИ О. П.]

Можно ль въ жизни молодой
Сердце мучить лживой тѣнью?
Нѣтъ, считай мечту мечтой,
Остальное жъ провидѣнью.

Въ бурю, въ легкомъ челнокѣ,
Окруженный тучи мглою,
Плылъ младенецъ по рѣкѣ,
И несло челнокъ волною.

Буря вкругъ него кипитъ,
Челнъ ужасно колыхаетъ —
Беззаботно онъ сидитъ
И весломъ своимъ играетъ.

Волны плещутъ на челнокъ —
Онъ веселыми глазами
Смотритъ, бросивъ въ нихъ цвѣтокъ,
Какъ цвѣтокъ кружитъ волнами.

Челнъ, ударясь у бреговъ
Объ утесы, развалился,
И на брегѣ межъ цвѣтовъ
Мореходецъ очутился.

Челнъ забытъ... а гибель, страхъ?
Ихъ невинность и не знаетъ.
Улыбаясь, на цвѣтахъ
Мой младенецъ засыпаетъ.

Вотъ примѣръ! Безпечно въ свѣтъ!
Пусть гроза, пускай волненье;
Намъ погибели здѣсь нѣтъ;
Правитъ челнъ нашъ провидѣнье.

Здѣсь стезя твоя вѣрна;
Меньше, чѣмъ другимъ, опасна;
Жизнь красой души красна,
А твоя душа прекрасна.

ГОЛОСЪ СЪ ТОГО СВѢТА.

[ИЗЪ ШИЛЛЕРА].

Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ изъ міра перешла....
О другъ, я все земное совершила;
Я на землѣ любила и жила.

Нашла ли ихъ? Сбылись ли ожиданья?...
Безъ страха вѣрь; обмана сердцу нѣтъ;
Сбылося все; я въ сторонѣ свиданья;
И знаю здѣсь, сколь вашъ прекрасенъ свѣтъ.

Другъ, на землѣ великое не тщетно;
Будь твердъ, а здѣсь тебѣ не измѣнятъ,
О милый, здѣсь не будетъ безотвѣтно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздохъ, ни взглядъ.

Не унывай: минувшее съ тобою;
Незрима я, но въ мірѣ мы одномъ;
Будь вѣренъ мнѣ прекрасною душою;
Сверши одинъ — начатое вдвоемъ.

НОЧЬ.

Уже утомившійся день
Склонился въ багряныя воды,
Темнѣютъ лазурные своды,
Прохладная стелется тѣнь;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дорогѣ эѳирной,
И Гесперъ летитъ передъ ней
Съ прекрасной звѣздою своей.

Сойди, о небесная, къ намъ
Съ волшебнымъ твоимъ покрываломъ,
Съ цѣлебнымъ забвенья фіаломъ,
Дай мира усталымъ сердцамъ.
Своимъ миротворнымъ явленьемъ,
Своимъ усыпительнымъ пѣньемъ,
Томимую душу тоской,
Какъ матерь дитя, успокой.

ПѢСНЯ.

Гдѣ фіалка, мой цвѣтокъ?
Прошлою весною
Здѣсь поилъ ее потокъ
Свѣжею струею....
Нѣтъ ея, весна прошла,
И фіалка отцвѣла.

Розы были тамъ въ сѣни
Рощицы тѣнистой;
Оживляли долъ они
Красотой душистой....
Лѣто быстрое прошло,
Лѣто розы унесло.

Гдѣ фіалку я видалъ,
Тамъ потокъ игривой
Сердце въ думу погружалъ
Струйкой говорливой....
Пламень лѣта былъ жестокъ;
Истощенный смолкъ потокъ.

Гдѣ видалъ я розы, тамъ
Рощица, бывало,

Въ зной пріютъ давала намъ....
Что съ пріютомъ стало?
Вѣтръ осенній бушевалъ,
И пріютный листъ опалъ.

Здѣсь нерѣдко по утрамъ
Мнѣ пѣвецъ встрѣчался,
И живымъ его струнамъ
Отзывъ откликался....
Нѣтъ его, пѣвецъ увялъ,
Съ нимъ и отзывъ замолчалъ.

ПѢСНЯ.

Птичкой пѣвицею
Быть бы хотѣлъ;
Съ юной денницею
Я бъ прилетѣлъ
Первый къ твоимъ дверямъ;
Въ нихъ бы порхнулъ,
И къ молодымъ грудямъ
Милой прильнулъ.

Будь я сіяніемъ
Дневныхъ лучей,
Слитый съ пыланіемъ
Яркихъ очей,
Щеки бъ румяныя
Жарко лобзалъ,
Въ перси бы рдяныя
Вкравшись, пылалъ.

Если бъ я сладостнымъ
Былъ вѣтеркомъ,

Вѣяньемъ радостнымъ
Тайно кругомъ
Милой леталъ бы я;
Съ доловъ, съ луговъ
Къ ней привѣвалъ бы я
Запахъ цвѣтовъ.

Сталъ бы я, сталъ бы я
Эхомъ лѣсовъ;
Все повторялъ бы я
Милой: любовь....
Ахъ! но напрасное
Я загадалъ;
Тайное, страстное
Кто выражалъ?

Птичка, небесный цвѣтъ,
Бѣгъ вѣтерка,
Эха лѣсной привѣтъ
Издалека —
Быстры, но ясное
Намъ безъ рѣчей,
Тайное, страстное,
Все ихъ быстрѣй.

ПѢСНЯ.

Къ востоку, все къ востоку
Стремленіе земли;
Къ востоку, все къ востоку
Летитъ моя душа;
Далеко на востокѣ,
За синевой лѣсовъ,

За синими горами
Прекрасная живетъ.

И мнѣ въ разлукѣ съ нею
Все мнится, что она
Прекрасное преданье
Чудесной старины,
Что мнѣ она явилась
Когда-то въ древни дни,
Что мнѣ объ ней остался
Одинъ блаженный сонъ.

ПѢСНЯ.

Розы разцвѣтаютъ—
Сердце, отдохни;
Скоро засіяютъ
Благодатны дни;
Все съ зимой ненастной
Грустное пройдетъ;
Сердце будетъ ясно;
Розою прекрасной
Счастье разцвѣтетъ.

Розы разцвѣтаютъ —
Сердце, уповай;
Есть, намъ обѣщаютъ,
Гдѣ-то лучшій край.
Вѣчно молодая
Тамъ весна живетъ;
Тамъ, въ долинѣ рая,
Жизнь для насъ иная
Розой разцвѣтетъ.

КЪ БОКУ. *

1.

Любезный другъ, гусаръ и Бокъ!
Планетамъ измѣнять ни мало намъ не стыдно;
Ихъ путь отъ насъ далекъ;
Къ тому жъ, мой другъ, для звѣздъ небесныхъ не обидно,
Когда забудешь ихъ на часъ для звѣздъ земныхъ.
Для безпредѣльности одной онѣ сіяютъ,
И въ гордости своей совсѣмъ не замѣчаютъ
Слѣпцовъ, которые изъ мрачности земной
Ихъ куртизируютъ подзорною трубой.
Хоть я и не гусаръ, но клясться радъ съ тобой,
Священнымъ именемъ Пророка,
Что встрѣтившись, какъ ты, съ прекрасною четой,
Забылъ бы звѣзды всѣ, Жуковскаго и Бока.
Въ осьмомъ часу тебя готовъ я ждать.
Но завяжи глаза, чтобъ къ намъ дойти вѣрнѣе,
Чтобы опять сирены не видать.
Близъ пропасти слѣпой всегда пройдетъ смѣлѣе.

2.

Мой другъ, въ тотъ часъ, когда луна
Взойдетъ надъ русскимъ станомъ,
Съ бутылкой свѣтлаго вина,
Съ заповѣднымъ стаканомъ,

---

* Тимоѳей Егоровичъ Бокъ, лифляндскій дворянинъ, питомецъ извѣстнаго ученаго Лерберга и храбрый воинъ въ нашихъ кампаніяхъ 1805 — 1815 годовъ, знакомый съ замѣчательными людьми Германіи (въ томъ числѣ и съ Гете), былъ оцѣненъ Жуковскимъ за отличныя качества ума и сердца, и тѣсно съ нимъ подружился. Въ 1818 г. слишкомъ рѣзко и смѣло высказанныя убѣжденія лишили его свободы на 9 лѣтъ. Съ 1827 г. онъ жилъ въ своемъ имѣніи лишенный разсудка.

Передъ дружиной у огня
  Ты сядь на барабанѣ —
И въ сонмѣ храбрыхъ за меня
  Прочти «Пѣвца во станѣ».
Пѣснь брани вамъ зажжетъ сердца,
  И въ бой летя кровавый,
Про отдаленнаго пѣвца
  Вспомянутъ чады славы.

1815 г. Апрѣля 7.

3.

Мой милый Бокъ!
Не думай, чтобъ я былъ лѣнивый лежебокъ,
Или пренебрегалъ твоимъ кабріолетомъ —
Нѣтъ, нѣтъ! но какъ, гусаръ, ты поступилъ съ поэтомъ?
  [Какъ другъ-гусаръ, прошу меня понять]:
Какъ другъ, ты, согласивъ съ своимъ мое желанье,
    Спѣшишь скорѣй меня обнять,
Скорѣе раздѣлить со мной очарованье,
Которое сестра прелестная твоя
Своимъ присутствіемъ вокругъ насъ разливаетъ,
И дружба этому прямую цѣну знаетъ;
Но какъ гусаръ, ты все смутилъ, душа моя:
Ты хочешь приступомъ взять мирнаго поэта,
    Ты силою кабріолета
Затѣялъ, въ мигъ одинъ, весь планъ его взорвать....
Послушай: снявъ мундиръ, привычку разрушать
    Оставь съ мундиромъ и усами.
Капитуляція была ужъ между нами;
Стояло въ ней: «тебѣ отъ друга вѣсти ждать;
Дождавшись же, за нимъ, въ своемъ кабріолетѣ,
  И на-лицо во весь опоръ скакать.»
Но, видно, это все ты предалъ жадной Летѣ,
И въ памяти одну лишь дружбу сохранилъ.
Итакъ, чтобъ памяти ты вновь не утопилъ,

Вотъ для тебя рецептъ отъ сей чумы ужасной,
Вотъ планъ мой письменный, по пунктамъ точный, ясный:
Пунктъ первый: подождать!
Ты знаешь, до Печоръ я ѣду провожать
Своихъ друзей — на то дней семь иль восемь сроку.
Коль скоро возвращусь, тотчасъ записку къ Боку.
И въ этомъ пунктъ второй — но какъ ее послать?
Не лучше ли тебѣ меня ужъ въ Дерптѣ ждать?
Мы вмѣстѣ славно прокатимся.
Мой планъ не весь; еще есть пунктовъ пять,
Но на словахъ мы лучше объяснимся.
Прости! завидуя моимъ дурнымъ стихамъ,
На мѣстѣ ихъ теперь желалъ бы быть я самъ.

P. S. Когда ты черезъ десять дней,
По обстоятельствамъ, за другомъ и поэтомъ
Не можешь самъ скакать, съ своимъ кабріолетомъ,
То хоть однихъ пришли съ нимъ лошадей.

СТАРЦУ ЭВЕРСУ. *

Вступая въ кругъ счастливцевъ молодыхъ,
Я мыслилъ тамъ — на мигъ товарищъ ихъ —
Съ веселыми весельемъ подѣлиться,
И юношей блаженствомъ насладиться;
Но въ семъ кругу меня мой геній ждалъ:
Тамъ Эверсъ мнѣ на братство руку далъ....
Благодарю, хранитель-провидѣнье!
Могу ль забыть священное мгновенье,
Когда, мой братъ, къ рукѣ твоей святой
Я прикоснуть дерзнулъ уста съ лобзаньемъ,

* Писано 14 августа 1815 г., послѣ праздника, даннаго студентами дерптскаго университета.

Когда стоялъ ты, старецъ, предо мной
Съ отеческимъ мнѣ счастія желаньемъ.
О старецъ мой, въ прекрасныхъ дняхъ твоихъ
Не пропадетъ и сей прекрасный мигъ,
Величіемъ души запечатлѣнный;
Но для тебя я былъ пришлецъ мгновенный;
Какъ другъ всего, и мнѣ ты другомъ былъ;
Ты съ нѣжностью меня благословилъ,
Нечаянно въ сей жизни повстрѣчавши.
Уже отсель ты въ лучшій смотришь свѣтъ,
И мой тебѣ незнаемъ будетъ слѣдъ.
Но я, едва полжизни испытавши,
Едва сошедъ съ предѣла раннихъ лѣтъ
Не съ лучшею, не съ легкою судьбою
[И можетъ быть, путь долгій предо мною]—
Мысль о тебѣ, о братъ священный мой,
Какъ божій даръ, возьму на жизнь съ собой.
Братъ Эверса!... такъ, я сказать дерзаю,
Что имени сего всю цѣну знаю;
Въ семъ имени мой долгъ изображенъ.
Не бѣденъ тотъ, кто свойства не лишенъ
Предъ добрыми душею согрѣваться;
Кто мыслію способенъ возвышаться,
Зря благости величественный ликъ.
О, сладкій жаръ во грудь мою проникъ,
Когда твоя рука мнѣ руку сжала;
Мнѣ лучшею земная жизнь предстала,
Училищемъ для неба здѣшній свѣтъ.
«Не унывать, хотя и счастья нѣтъ;
Ждать въ тишинѣ и помнить провидѣнье;
Прекрасному — текущее мгновенье;
Грядущее — безпечно небесамъ;
Что мрачно здѣсь, то будетъ ясно тамъ;
Земная жизнь, какъ странница крылата,
Съ печалями отъ гроба улетитъ;

Что было здѣсь для добраго утрата,
То жизнь ему другая возвратитъ.»
Вотъ правила для Эверсова брата.

Я зрѣлъ вчера: сходя на край небесъ,
Какъ божество, насъ солнце покидало;
Свершивъ свой день, прощальный лучъ бросало
Оно съ высотъ на холмъ и долъ и лѣсъ,
И тихій блескъ оставя на закатѣ,
Отъ насъ къ другимъ скатилось небесамъ....
О, сколько мнѣ красотъ явилось тамъ!
Я вспомянулъ о небомъ данномъ братѣ,
О днѣ его, о ясной тишинѣ
И сладостномъ на вечерѣ сіяньи,
Я вспомянулъ о нѣжномъ завѣщаньи,
Оставленномъ въ названьи брата мнѣ —
И мужество мнѣ въ душу пробѣжало....
Благослови жъ меня, священный другъ!
Что̀ бъ на пути меня ни ожидало,
Отнынѣ мнѣ, какъ благотворный духъ,
Сопутникомъ твое воспоминанье.
Гдѣ бъ ни былъ я, мой старецъ-братъ со мной;
И тихое вечернее сіянье,
Съ моей объ немъ бесѣдуя душой,
Таинственный символъ его завѣта —
Учителемъ отнынѣ будетъ мнѣ:
«Свой здѣшній путь окончить въ тишинѣ»
И вѣстникомъ прекраснѣйшаго свѣта.

ПѢСНЬ РУССКОМУ ЦАРЮ

ОТЪ ЕГО ВОИНОВЪ.

Гряди, нашъ царь, твоя дружина
Благословляетъ твой возвратъ;

Вселенной рѣшена судьбина,
И ниспровергнутъ супостатъ.
Гряди, гряди, къ странѣ своей,
Нашъ царь, нашъ славный вождь царей.

Къ его стопамъ мечи кровавы;
Къ его стопамъ и шлемъ и щитъ;
Его главу да знамя славы
При кликахъ славы осѣнитъ;
Ему вѣнцы готовьте въ дань—
Рѣшившему святую брань.

Нашъ царь, въ отчизну съ поля чести
Твою мы славу принесли;
Вотъ громъ, твоей свершитель мести;
Вотъ знамена еще въ пыли;
Вотъ нашей вѣрности алтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: честь и царь!

Младой наслѣдникъ полвселенны —
Межъ насъ впервой ты мечъ пріялъ;
Нашъ царь — ко брани ополченный,
Ты путь намъ къ славѣ указалъ;
Нашъ вождь — ты былъ предтечей намъ
Вездѣ во срѣтенье врагамъ.

Скажи жъ, о вождь, гдѣ измѣнилась
Твоя дружина предъ тобой?
Погибель насъ пожрать стремилась —
Ее отбилъ нашъ твердый строй.
Намъ взоръ царя, какъ божій лучъ,
Свѣтилъ на мглѣ громовыхъ тучъ.

Ко мщенью ты воззвалъ народы;
Ты спасъ владычество царямъ;

Ты знамена святой свободы
Покорнымъ даровалъ врагамъ;
И твой покрылъ вселенну щитъ;
И брань окованна молчитъ.

От Нѣмана до Океана
Твоихъ трофеевъ славный рядъ;
И гдѣ парилъ орелъ тирана,
Тамъ днесь твои орлы парятъ;
И громъ, безмолвный въ ихъ когтяхъ,
На брань и бунтъ наводитъ страхъ.

Но кто на Русь твою возстанетъ?
Противныхъ нѣтъ полкамъ твоимъ;
Твой страшный гнѣвъ въ престола грянетъ
И Сѣверъ грянетъ вслѣдъ за нимъ:
И казни вѣстникъ, грозный страхъ
Враговъ умчитъ, какъ дымъ и прахъ.

Гряди, нашъ царь, твоя дружина
Благословляетъ твой возвратъ;
Вселенной рѣшена судьбина,
И ниспровергнутъ супостатъ.
Гряди, гряди къ странѣ своей,
Нашъ царь, нашъ славный вождь царей.

СЛАВЯНКА.

ЭЛЕГІЯ. *

Славянка тихая, сколь токъ пріятенъ твой,
Когда въ осенній день въ твои глядятся воды

* Славянка рѣка въ Павловскѣ. Здѣсь описываются нѣкоторые виды ея береговъ, и въ особенности два памятника, произведеніе знаменитаго Мартоса. Первый изъ нихъ воздвигнутъ государынею

Холмы, одѣтые послѣднею красой
Полуотцвѣтшія природы.

Спѣшу къ твоимъ брегамъ.... сводъ неба тихъ и чистъ;
При свѣтѣ солнечномъ прохлада повѣваетъ;
Послѣдній запахъ свой осыпавшійся листъ
Съ осенней свѣжестью сливаетъ.

Иду подъ рощею излучистой тропой;
Что шагъ, то новая въ глазахъ моихъ картина,
То вдругъ сквозь чащу древъ мелькаетъ предо мной,
Какъ въ дымѣ, свѣтлая долина;

вдовствующею императрицею въ честь покойнаго императора Павла. Въ уединенномъ храмѣ, окруженномъ густымъ лѣсомъ, стоитъ пирамида: на мей медальонъ съ изображеніемъ Павла; передъ нимъ гробовая урна, къ которой преклоняется величественная женщина въ коронѣ и порфирѣ царской; на пьедесталѣ изображено въ барельефѣ семейство императорское: государь Александръ представленъ сидящимъ; голова его склонилась на правую руку, и лѣвая рука опирается на щитъ, на коемъ изображенъ двуглавый орелъ; въ облакахъ видны двѣ тѣни: одна летитъ на небеса, другая летитъ съ небесъ, на встрѣчу первой. — Спустясь къ рѣкѣ Славянкѣ [сливающейся передъ самымъ дворцемъ въ небольшое озеро], находишь молодую березовую рощу: эта роща называется семейственною, ибо въ ней каждое дерево означаетъ какое нибудь радостное происшествіе въ высокомъ семействѣ царскомъ. Посреди рощи стоитъ уединенная урна судьбы. Далѣе, на самомъ берегу Славянки, подъ тѣнью деревъ, воздвигнутъ прекрасный памятникъ великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ. Художникъ умѣлъ въ одно время изобразить и прелестный характеръ и безвременный конецъ ея; вы видите молодую женщину, существо болѣе небесное, нежели земное; она готова покинуть міръ сей; она еще не улетѣла, но душа ея смиренно покорилась призывающему ее гласу; и взоры и руки ея, подъятые къ небесамъ, какъ будто говорятъ: да будетъ воля твоя. Жизнь, въ видѣ юнаго генія, простирается у ея ногъ и хочетъ удержать летящую; но она ее не замѣчаетъ; она повинуется одному небу — и уже надъ головой сіяетъ звѣзда новой жизни. — В. Ж.

То вдругъ исчезло все.... окрестъ сгустился лѣсъ;
Все дико вкругъ меня, и сумракъ и молчанье;
Лишь изрѣдка, струей сквозь темный сводъ древесъ
Прокравшись, дневное сіянье

Верхи поблеклые и корни золотитъ;
Лишь, сорванъ вѣтерка минутнымъ дуновеньемъ,
На сумракѣ листокъ трепещущій блеститъ,
Смущая тишину паденьемъ....

И вдругъ пустынный храмъ въ дичи передо мной;
Заглохшая тропа, кругомъ кусты сѣдые;
Между багряныхъ липъ чернѣетъ дубъ густой
И дремлютъ ели гробовыя.

Воспоминанье здѣсь унылое живетъ;
Здѣсь къ урнѣ преклонясь задумчивой главою,
Оно бесѣдуетъ о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Съ неизмѣняющей мечтою.

Все къ размышленью здѣсь влечетъ невольно насъ;
Все въ душу томное уныніе вселяетъ;
Какъ будто здѣсь она изъ гроба важный гласъ
Давно-минувшаго внимаетъ.

Сей храмъ, сей темный сводъ, сей тихій мавзолей,
Сей факелъ гаснущій и долу обращенный,
Все здѣсь свидѣтель намъ, сколь благо нашихъ дней,
Сколь всѣ величія мгновенны.

И нечувствительно съ превратности мечтой
Дружится здѣсь мечта безсмертія и славы;
Сей витязь, на руку склонившійся главой;
Сей громоносецъ двоеглавый,

Подъ шуйцей твердою сѣдящій на щитѣ;
Сія печальная семья кругомъ царицы;
Сіи небесные друзья на высотѣ,
Младые спутники денницы....

О, сколь они, въ виду сей урны гробовой,
Для унывающей души краснорѣчивы:
Тоскуя ль полетитъ она за край земной —
Тамъ всѣ утраченные живы;

Къ землѣ ль наклонитъ взоръ — великій рядъ чудесъ;
Борьба за честь; народъ, покрытый блескомъ славнымъ;
И міръ, воскреснувшій по манію небесъ,
Спокойный подъ щитомъ державнымъ.

Но вкругъ меня опять свѣтлѣетъ частый лѣсъ,
Опять рѣка вдали мелькаетъ средь долины,
То въ свѣтѣ, то въ тѣни, то въ ней лазурь небесъ,
То обращенныхъ древъ вершины.

И вдругъ открытая равнина предо мной:
Тамъ мыза, блескомъ дня подъ рощей озаренна;
Спокойное село надъ ясною рѣкой,
Гумно и нива обнаженна.

Все здѣсь оживлено: съ овиновъ дымъ сѣдой
Клубяся, по браздамъ ложится и рѣдѣетъ,
И нива подъ его прозрачной пеленой
То померкаетъ, то свѣтлѣетъ.

Тамъ слышенъ на току согласный стукъ цѣповъ;
Тамъ пѣсня пастуха и шумъ отъ стадъ бѣгущихъ;
Тамъ медленно, скрыпя, тащится рядъ возовъ,
Тяжелый грузъ сноповъ везущихъ.

Но солнце катится беззнойное съ небесъ,
Окрестъ него закатъ спокойно пламенѣетъ,
Завѣсой огненной подернутъ дальній лѣсъ,
Востокъ безоблачный синѣетъ.

Спускаюсь въ долъ къ рѣкѣ: брегъ теменъ надо мной,
И на воды легли деревъ кудрявыхъ тѣни;
Противный брегъ горитъ, осыпанный зарей;
Въ волнахъ блестятъ прибрежны сѣни;

То отраженный въ нихъ сіяетъ мавзолей,
То холмъ муравчатый, увѣнчанный древами,
То ива дряхлая, до свившихся корней
Склонившись гибкими вѣтвями,

Сѣнистую главу купаетъ въ ихъ струяхъ;
Здѣсь храмъ между березъ и яворовъ мелькаетъ,
Тамъ лебедь, притаясь у берега въ кустахъ,
Недвижимъ въ сумракѣ сіяетъ.

Вдругъ гладкимъ озеромъ является рѣка:
Сколь здѣсь ея береговъ плѣнительна картина;
Въ лазоревый кристаллъ сліясь вкругъ челнока,
Яснѣетъ водъ ея равнина.

Но гаснетъ день... въ тѣни склонился лѣсъ къ водамъ,
Древа облечены вечерней темнотою;
Лишь простирается по тихимъ ихъ верхамъ
Заря багряной полосою;

Лишь ярко заревомъ восточный брегъ облитъ,
И пышный домъ царей на скатѣ озлащенномъ,
Какъ исполинъ, глядясь въ зерцало водъ, блеститъ
Въ величіи уединенномъ.

Но вечеръ на него покровъ накинулъ свой,
И рощи и брега, смѣшавшись, поблѣднѣли;
Послѣдни облака, блиставшія зарей,
Съ небесъ, потухнувъ, улетѣли.

И воцарилася повсюду тишина;
Все спитъ... лишь изрѣдка въ далекой тьмѣ промчится
Невнятный гласъ... или колыхнется волна...
Иль сонный листъ зашевелится.

Я на брегу одинъ... окрестность вся молчитъ...
Какъ привидѣніе, въ туманѣ предо мною
Семья младыхъ березъ недвижимо стоитъ
Надъ усыпленною водою.

Вхожу съ волненіемъ подъ ихъ священный кровъ;
Мой слухъ въ сей тишинѣ привѣтный голосъ слышитъ;
Какъ бы эфирное тамъ вѣетъ межъ листовъ,
Какъ бы невидимое дышетъ;

Какъ бы сокрытая подъ юныхъ древъ корой,
Съ сей очарованной мѣшаясь тишиною,
Душа незримая подъемлетъ голосъ свой
Съ моей бесѣдовать душою.

И нѣкто урнѣ сей безмолвный присѣдитъ;
И, мнится, на меня вперилъ онъ темны очи;
Безъ образа лицо, и зракъ туманный слитъ
Съ туманнымъ мракомъ полуночи.

Смотрю... и, мнится, все, что было жертвой лѣтъ,
Опять въ видѣніи прекрасномъ воскресаетъ;
И все, что жизнь сулитъ, и все, чего въ ней нѣтъ,
Съ надеждой къ сердцу прилетаетъ.

Но гдѣ онъ?... Скрылось все... лишь только въ тишинѣ
Какъ бы знакомое мнѣ слышится призванье,
Какъ будто геній путь указываетъ мнѣ
На неизвѣстное свиданье.

О, кто ты, тайный вождь? Душа тебѣ во слѣдъ!
Скажи, безсмертный ли предѣловъ сихъ хранитель,
Иль гость минутный ихъ? Скажи, земной ли свѣтъ,
Иль небеса твоя обитель?...

И ангелъ отъ земли въ сіяньи предо мной
Взлетаетъ; на лицѣ величіе смиренья,
Взоръ къ небу устремленъ, надъ юною главой
Горитъ звѣзда преображенья.

Помедли улетать, прекрасный сынъ небесъ;
Младая жизнь въ слезахъ простерта предъ тобою...
Но гдѣ я?... Все вокругъ молчитъ... призракъ исчезъ,
И небеса покрыты мглою.

Одна лишь смутная мечта въ душѣ моей:
Какъ будто міръ земной въ ничто преобратился,
Какъ будто та страна знакомѣй стала ей,
Куда сей чистый ангелъ скрылся.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

Сочиненія Жуковскаго, въ полныхъ собраніяхъ, до настоящаго времени были изданы шесть разъ:

1) Стихотворенія Василія Жуковскаго. 2 части. Спб. Въ медицинской тип. 1815—1816 [цензура обѣихъ частей 7 октября 1815], почти въ 4 д. л., съ гравированными виньетками: при 1-й части по идеѣ А. Оленина рисована И., гравир. М. Ивановыми; при 2-й части грав. Н. Уткинымъ. Стихотворенія распредѣлены, какъ и въ трехъ послѣдующихъ изданіяхъ, по видамъ поэзіи, но въ оглавленіи почти при каждомъ [исключая только 6 стихотвореній] означенъ годъ его сочиненія. Въ 1-й части помѣщено 33 стихотворенія [лирическія стих., посланія, романсы и пѣсни], во 2-й части 46 стихотвореній [смѣсь и баллады].

2) Второе изданіе напечатано тоже въ Спб. Въ тип. Воспитательнаго дома. 1818 [ценз. 3 и 21 августа], въ 3-хъ частяхъ, въ небольшую 8-ку. Въ него вошли всѣ стихотворенія 1-го изданія, съ добавкою только «Пѣвца на Кремлѣ». При каждой части приложена гравированная картинка.

Вслѣдъ за этими тремя частями вышелъ дополнительный томъ: «Сочиненія Василія Жуковскаго. Часть IV. Опыты въ прозѣ. Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. 1818» [ценз. 22 сентября]. Помѣщено 7 статей, съ обозначеніемъ года, въ который каждая написана.

3) Третье изданіе, исправленное и умноженное, напечатано въ Спб., въ тип. Департамента Народнаго Просвѣщенія 1824 [за двойной цензурою Соца и Бирюкова 4 и 6 декабря 1822], въ 3-хъ частяхъ, въ большую 8 д. л. Противъ 2-го изданія число

стихотвореній и поэмъ увеличилось почти вдвое, но хронологическія указанія къ прежнимъ и къ вновь напечатаннымъ означены только у 32-хъ. При І-мъ томѣ находится слѣдующее посвященіе: «Ея императорскому высочеству государынѣ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ съ чувствомъ благодарности и глубокаго почтенія посвящаетъ сіе новое подъ ея покровительствомъ изданное собраніе стихотвореній своихъ сочинитель», а въ концѣ 3-го тома помѣщено и стихотворное посвященіе, не вошедшее въ оглавленіе: «Я музу юную бывало» и пр. Въ нашей библіотекѣ есть экземпляръ этого изданія, отпечатанный на особой бумагѣ, почти въ 4 д. л., съ собственноручной надписью Жуковскаго: «Любезному другу Петру Ивановичу Полетикѣ отъ автора. 1824. Марта 20.» Въ этомъ экземплярѣ стихотворное посвященіе перенесено изъ послѣдняго тома въ 1-й и переплетено тотчасъ вслѣдъ за прозаическимъ. Кстати замѣтимъ, что на другомъ экземплярѣ этого же изданія, принадлежавшемъ гр. В. А. Перовскому, Жуковскій написалъ:

Для Василья Алексѣевича Перовскаго
Отъ Василья Андреевича Жуковскаго,
Сихъ стиховъ сочинителя,
Его искренняго любителя,
Въ его рожденіе
Скромное награжденіе.

1826 г. февраля 9.

Проза въ это изданіе не вошла и издана отдѣльно два года спустя: «Сочиненія въ прозѣ В. Жуковскаго. Изд. второе, пересмотрѣнное и умноженное. Спб. Въ тип. Ивана Глазунова и его иждивеніемъ. 1826» [ценз. 22 марта]. Добавлено противъ 1-го три статьи.

4) Изданіе четвертое, исправленное и умноженное. Спб. Въ тип. Экспедиціи заготовленія госуд. бумагъ 1835 [а томъ VI-й 1836]. Изданіе книгопродавца А. Смирдина. Въ 7 томахъ, съ портретомъ, гравированнымъ Райтомъ. [Первые 6 томовъ цензурованы 20-го, а 7-й 22 сентября 1834]. Въ

этомъ изданіи хронологическія помѣты сохранились только уже при немногихъ стихотвореніяхъ, а примѣчанія къ стихамъ значительно сокращены противъ 3-го изданія. 7-й томъ заключаетъ прозу, дополненную 4 статьями.

Въ 1837 г. напечатанъ къ этому же изданію 8-й томъ, заключающій «Ундину» [ценз. 5 сентября 1835], съ портретомъ Жуковскаго, гравированнымъ Н. Уткинымъ: въ ростъ, стоящій съ сигарой у окна, изъ котораго видно Женевское озеро съ Шильонскимъ за̀мкомъ.

За тѣмъ 9-й томъ изданъ уже не Смирдинымъ, а Фишеромъ и напечатанъ въ его типографіи въ 1844 г. [ценз. 12 мая 1843]. Въ него вошли: Ꙋаль и Дамаянти, Камоэнсъ, Сельское кладбище, Бородинская годовщина, Молитвой нашей и Цвѣтъ завѣта.

Неизвѣстно на какихъ соображеніяхъ Лонгиновъ называлъ въ Р. Архивѣ 1-е изданіе Тургеневскимъ и 3-е Академическимъ, а изданіе «переводовъ»—университетскимъ, тогда какъ изъ писемъ Жуковскаго къ Дмитріеву видно, что 1-е изданіе дѣлалъ онъ самъ, на Академію нѣтъ нигдѣ и намёка, а переводы изданы М. Т. Каченовскимъ.

5) Пятое изданіе, послѣднее сдѣланное самимъ Жуковскимъ, въ 9-ти частяхъ, хотя и носитъ помѣту: «Спб. 1849», но печаталось въ придворной тип. Гаспера, въ Карлсруэ. Вначалѣ находится посвященіе: «Его императорскому высочеству государю наслѣднику цесаревичу великому князю Александру Николаевичу. — Ваше императорское высочество благоволили позволить мнѣ украсить вашимъ августѣйшимъ именемъ это полное, можетъ быть, послѣднее при мнѣ выходящее въ свѣтъ изданіе моихъ сочиненій. Примите милостиво мое приношеніе въ память многихъ, лучшихъ лѣтъ моей жизни, съ любовію вамъ посвященной, теперь устарѣлой, но все еще свѣжей тѣми чувствами, которыя здѣсь сохранятся для васъ въ душѣ моей до гроба и съ нею останутся неразлучными вѣчно. В. Жуковскій. Апрѣля 17 дня 1849 года». — При каждомъ томѣ приложена гравированная картинка изъ нѣсколькихъ сюжетовъ

каждаго тома [Graeff sc.], а самыя стихотворенія почти всѣ были значительно исправлены авторомъ и расположены въ хронологическомъ порядкѣ, къ сожалѣнію оказавшемся во многихъ случаяхъ неточнымъ, потому что авторъ вѣроятно не имѣлъ подъ руками не только тѣхъ изданій, гдѣ они впервые были напечатаны, но и прежнихъ «собраній» своихъ сочиненій. Отъ этого произошло, что напечатанное напр. въ 1809 г. стихотвореніе отнесено къ 1813 г. и на оборотъ, написанныя позднѣе — отнесены къ болѣе раннимъ годамъ, такъ къ 1820 г. отнесено такое стихотвореніе гдѣ упоминается о смерти Карамзина, послѣдовавшей въ 1826 г. — Проза составляетъ 7-й томъ, расположена хронологически и дополнена 3-мя статьями, а всѣ прежнія исправлены. 6, 8 и 9 томы представляютъ три части изданныхъ передъ тѣмъ особо «Новыхъ стихотвореній», изъ которыхъ двѣ послѣднія заключали «Одиссею».

Въ 1857 г. графъ Д. Н. Блудовъ, по высочайшему соизволенію, издалъ 4 дополнительныхъ тома къ этому изданію: X—XIII. Въ первый вошли посмертныя стихотворенія, т. е. написанныя послѣ изданія 9-ти томовъ; во 2-й — посмертныя сочиненія въ прозѣ; въ 3-й—прежнія стихотворенія, пропущенныя въ 5-мъ изданіи, и въ 4-й— пропущенная проза. Два послѣдніе тома однако не отличались желаемою полнотою, а текстъ какъ посмертныхъ, такъ и пропущенныхъ произведеній былъ произвольно и въ значительной степени измѣненъ гр. Блудовымъ, о чемъ подробно будетъ указано ниже, въ частныхъ примѣчаніяхъ.

6) Шестое, или первое посмертное изданіе сочиненій Жуковскаго, редактированное К. С. Сербиновичемъ [Спб. 1869 г. 6 частей] — самое плохое изъ всѣхъ. Добавки стиховъ и прозы сдѣланы очень незначительныя, ошибки въ хронологіи и текстѣ 5-го изданія не только не поправлены, но еще увеличены отчасти корректурными въ родѣ «надписи къ солнечнымъ лучамъ», вмѣсто: часамъ; а отчасти произвольными измѣненіями редактора: онъ сдѣлалъ выпуски и измѣненія не только въ текстѣ напечатанныхъ гр. Блудовымъ и уже имъ

отчасти переправленныхъ стихотвореній, но и въ текстѣ 5-го изданія, коснувшись даже такихъ пьесъ, которыя до того печатались безъ перемѣнъ разъ по десяти и болѣе, какъ напримѣръ «Ленора» [строфа 6]. Изъ напечатаннаго же послѣ того изданія онъ вносилъ только то, что ему повидимому нравилось, напр. изъ «Долбинскихъ» стихотвореній, помѣщенныхъ въ Р. Архивѣ, нѣкоторыя перепечаталъ только въ отрывкахъ, а лучшія [сатирическія] вовсе пропустилъ; да и въ тѣхъ, которыя перепечаталъ, дѣлалъ свои поправки, напр. въ стихотвореніи «Плачъ о Пиндарѣ», вмѣсто «успѣлъ ли передъ смертью причаститься», напечаталъ «объясниться» и т. п.

Отдѣльно изъ произведеній Жуковскаго были изданы: 1) Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ-побѣдителей. Спб. 1807. 2) Князю Смоленскому. Спб. 1813. 3) Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ — три изданія, всѣ въ Спб. 1813 г., притомъ 2-е съ двумя гравиров. виньетками, а 3-е съ музыкой Бортнянскаго. 4) Императору Александру. Спб. 1815. 5) Пѣвецъ на Кремлѣ. Спб. 1816. Съ гравир. виньеткою. 6) Двѣнадцать спящихъ дѣвъ. Спб. 1817. Здѣсь въ первый разъ напечатанъ «Вадимъ» и общее «предисловіе». 7) Государынѣ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. М. 1818. 8) Для немногихъ, 6 книжекъ стихотвореній въ переводѣ и подлинникахъ. М. 1818. 9) На кончину королевы виртембергской. Спб. 1819. 10) Подробный отчетъ о лунѣ. Спб. 1820. 11) Пери и ангелъ. Спб. 1821. 12) Шильонскій узникъ. Спб. 1822. Съ гравир. картинкою. 13) Чувства предъ гробомъ государыни Маріи Ѳеодоровны. Спб. 1828. 14) Баллады и повѣсти, двѣ части. Спб. 1831. 15) На взятіе Варшавы. Три стихотворенія А. Пушкина и В. Жуковскаго. Спб. 1831. 16) Баллады и романсы В. А. Жуковскаго, съ музыкою А. А. Плещеева, 2 части. Спб. 1832. 17) Русская слава и 18) Русская пѣснь — обѣ съ музыкой его-же. Спб. 1832. 19) Народный гимнъ, съ музыкой А. Ѳ. Львова. Спб. 1832. 20) Ундина. Спб. 1837. Съ рисунками Майделя и отдѣльно безъ рисунковъ, съ портретомъ, гр. Уткинымъ. 21) Ночной смотръ. Спб. 1837. 22) Боро-

динская годовщина. М. 1839. 23) Наль и Дамаянти. Спб. 1844. Съ рис. Майделя. 24) Новыя стихотворенія. 3 части. Карлсруэ. 1849. 25) Стихотворенія посвященныя П. В. и А. В. Жуковскимъ. Карлсруэ. 1852. Изданій подъ №№ 17, 18 и 19 мы сами не видѣли и взяли указаніе на нихъ изъ замѣтки Лонгинова въ «Русскомъ Архивѣ». 26] Избранныя сочиненія—Руская Библіотека, т. IV. Спб. 1875.

Ода благоденствіе Россіи [стр. 1]. Это нигдѣ не указанное стихотвореніе Жуковскаго взято нами изъ книги: «Рѣчь, разговоръ и стихи, читанные въ публичномъ актѣ, бывшемъ въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ. Декабря 19 дня, 1797 года». Ода помѣщена въ приложеніи къ книгѣ [стр. 1—8] съ означеніемъ, что она читана «сочинившимъ ее воспитанникомъ Василіемъ Жуковскимъ». Въ помѣщенномъ тутъ же «Разговорѣ о томъ, что всякой членъ общества необходимо обязанъ служить ему, отправляя въ немъ какую нибудь должность» разговаривавшихъ было трое: Праводумъ [Жуковскій], Одиноковъ [Мятневъ] и Дурвиль [Порошинъ]; изъ нихъ Мятневъ, а не Жуковскій [какъ указывали его біографы], читалъ стихи Хераскова. — Изъ «акта» 1798 г. видно, что Жуковскій былъ въ числѣ «первыхъ воспитанниковъ-директоровъ концертовъ и другихъ забавъ» [стр. 8] и что Сергѣй Костомаровъ и онъ «безпристрастнымъ судомъ, основаннымъ на большинствѣ голосовъ всѣхъ питомцевъ, признаны въ большомъ возрастѣ лучшими въ ученіи и поведеніи» [стр. 11].

Майское утро [стр. 5] напечатано въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени 1797 г. ч. 16. Едва ли о немъ говоритъ Жуковскій въ письмѣ къ Дмитріеву, называя «первымъ своимъ стихотвореніемъ, безъ соблюденія стопъ» [см. нынѣшняго изд., т. VI, стр. 430]. Перепечатано въ посмертномъ изданіи.

Добродѣтель [стр. 7 и 9] первое напечатано въ томъ же журналѣ 1798, ч. 17, а второе въ книгѣ: «Рѣчь, разговоръ

и стихи и пр. Декабря 22 дня 1798 г.» * откуда перешло въ изданіе «И отдыхъ на пользу» М. 1804. Оба вошли въ посмертное изданіе.

М. М. Хераскову [стр. 12] напечатано было въ 1799 г. на отдѣльномъ листкѣ, съ подписью Ж. и помѣтою: «1799-го года, марта 16 дня». Перепечатано въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1859, № 17, и оттуда въ 6 изданіи.

Могущество, слава и благоденствіе Россіи [стр. 13] напечатано въ книгѣ: «Рѣчи и стихи и пр. Декабря 21 дня 1799 г.» и оттуда съ небольшими измѣненіями въ «Утренней Зарѣ» 1800, кн. 1, а за тѣмъ въ посмертномъ изданіи.

Стихи на новый годъ [стр. 19] — въ Московскихъ Вѣдомостяхъ на 1800 г. № 1, и оттуда въ посмертномъ изданіи.

Къ Тибуллу [стр. 20] — въ «Утренней Зарѣ» 1800, кн. 1 и въ посмертномъ изданіи.

Миръ [стр. 22] — въ книгѣ: «Рѣчь, разговоръ и пр. Декабря 22 дня 1800 г.», а оттуда съ измѣненіями и пропускомъ 7-й строфы въ «Утренней Зарѣ» 1803, кн. 2, откуда неполный текстъ вошелъ и въ посмертное изданіе.

Платону [стр. 25]. Эти стихи, написанные въ любимомъ мѣстопребываніи московскаго митрополита Платона, Виѳаніи, близъ Троицко-Сергіевой Лавры, были напечатаны въ «Иппокренѣ» 1801, ч. 8, и въ посмертномъ изданіи.

Къ Человѣку [стр. 26] — въ книгѣ: «Рѣчь, разговоръ и пр. Декабря 21 дня 1801 г.» и оттуда съ значительными перемѣнами и пропускомъ послѣдней строфы въ «Утренней Зарѣ» 1803, кн. 2. Этотъ текстъ перешелъ и въ посмертное изданіе, но нами возстановленъ первоначальный.

Такъ какъ изданіе «рѣчей», вѣроятно не было извѣстно г. Галахову, то въ составленномъ имъ спискѣ даны позднѣйшіе годы вышеуказаннымъ стихотвореніямъ [по ихъ перепечаткамъ], чему послѣдовало и посмертное изданіе.

---

* Тутъ же помѣщенъ французскій переводъ оды Богъ, о которомъ Ж. упоминаетъ въ письмѣ къ Державину [т. VI, стр. 382].

Къ 1801 г. относится еще слѣдующее стихотвореніе Жуковскаго, сообщенное имъ г-жѣ Гренъ въ 1842 г. Мы его не помѣстили въ текстѣ, потому что хотѣли напечатать при письмѣ, въ которомъ оно было прислано, равно какъ и другое, написанное въ 1804 г., но объемъ VI-го тома вынудилъ насъ оставить первоначальное предположеніе и напечатать стихи здѣсь:

ФІЯЛКА.

Не прекрасна ли фіялка?
Не прельщаетъ ли собой?
Не амброзіей ли дышетъ
Утромъ, разцвѣтя весной?
То алѣетъ, то блѣднѣетъ
Сей цвѣточекъ въ красный день;
Сладкій духъ свой изливаетъ,
Кроясь въ травкѣ подъ кустомъ.
Что же съ нѣжною фіялкой,
Что же будетъ наконецъ?
Ахъ, несчастная томится
Сохнетъ и увянетъ вдругъ.

Сельское кладбище [стр. 29] первое стихотвореніе, обратившее вниманіе на Жуковскаго и вдругъ поставившее его въ ряду лучшихъ русскихъ поэтовъ, было напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» Карамзина 1802, № 24. Самъ Жуковскій въ первыхъ изданіяхъ своихъ сочиненій [съ 1816 по 1834 г.] относилъ его къ 1801 г., но въ 5-мъ указалъ 1802. Оно было посвящено Андрею Ивановичу Тургеневу, и посвященіе это сохранялось до 5-го изданія, въ которое уже не вошло; а самое стихотвореніе подвергалось поправкамъ автора при каждой изъ 5-ти перепечатокъ, такъ что въ немъ находятся многократные варіанты. Вотъ для примѣра послѣдняя строфа въ первоначальномъ ея видѣ:

Прохожій, удались! Во гробѣ сонъ священный,
Судьба почившихъ въ немъ покрыта грозной тьмой.
Надежда робкая живитъ ихъ пепелъ тлѣнный;
Кто знаетъ, что̀ насъ ждетъ за гробовой доской!

Стихи въ день рожденія [стр. 34] — въ «Утренней Зарѣ» 1803, кн. 2 и въ посмертномъ изданіи.

Въ 1804 г. Жуковскимъ ничего не было напечатано, и въ 5-мъ изданіи не отнесено къ этому году ни одного стихотворенія, но одно изъ двухъ стихотвореній, посланныхъ г-жѣ Гренъ въ 1842 г., онъ помѣтилъ 1804 годомъ [Общезанимательный Вѣстникъ 1857, № 2]:

КЪ ***

Увы! протекъ свинцовый годъ,
Годъ тяжкій..... испытанья;
Но безразсудный, злобный рокъ
Не облегчилъ твои страданья.
Напрасно жалобной слезой
Смягчить старался провидѣнье!
Оно не тронулось мольбой
И не смягчило чувствъ томленье.
Какъ хладной осени рука
Съ опустошительной грозою
Лишаетъ прелести цвѣтка
Своей безжалостной косою;
Такъ ты безжалостной судьбой
Лишенъ веселья въ жизни бренной.
Цвѣтокъ заблещетъ вновь весной,
Твое жъ страданье неизмѣнно.

Къ поэзіи [стр. 36] напечатано въ «Утренней Зарѣ» 1805, кн. 3, и оттуда въ посмертномъ изданіи.

Вечеръ [стр. 38] напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» 1807, № 4, а къ 1805 г. отнесено самимъ авторомъ въ 5-мъ изд., но кажется неправильно, потому что подъ стихами означено: «Бѣлевъ, 1806 года», къ которому и надо бы ихъ отнести, тѣмъ болѣе, что послѣдній годъ былъ указанъ и двумя первыми изданіями сочиненій.

Сонъ могольца и Идиллія [стр. 41, 43] напечатаны въ В. Евр. 1807, № 5 и 7; къ 1805 г. отнесены пятымъ изд., а первыми двумя къ 1806.

Дружба [стр. 44] Мы не отыскали, гдѣ это стихотвореніе было напечатано въ первый разъ, но оно находится въ 1 изданіи въ числѣ 6 стихотвореній, при которыхъ не означенъ годъ, когда они написаны. Къ 1805 г. отнесено 5-мъ изд.

Пѣснь барда [стр. 44] напечатано въ В. Евр. 1807, № 24 и къ этому году относимо было первыми изданіями, но 5-мъ отнесено къ 1807-му, вопреки тутъ же напечатанному примѣчанію о 1806 годѣ. Стихотвореніе это, въ 1807 г. изданное и отдѣльной брошюрою, при 6 послѣдовательныхъ перепечаткахъ почти каждый разъ подвергалось такимъ поправкамъ, что выписанные-было нами варіанты вдвое перевысили объемъ всей пьесы. Укажемъ только, что въ В. Евр. въ заглавіи было добавлено: «посвящается неустрашимымъ защитникамъ отечества»; за тѣмъ слѣдовалъ эпиграфъ: 12 французскихъ стиховъ изъ Делилева «Диѳирамба на безсмертіе души»: Si quelquefois la flatterie... Celebrons l'homme vertueux! [Если иногда лесть унижала наши пѣсни, за то чаще наши торжественные звуки заставляютъ уважать законы и любить отечество. Воинственный бардъ бѣгалъ изъ строя въ строй, чтобы воодушевлять юношество, устремившееся къ битвамъ, Тиртей пожиралъ Марса своимъ пламенемъ. Не будемъ же позорить пылъ, насъ воодушевляющій; оставимъ сладостныя пѣсни забавъ и ихъ робкую лиру; прославимъ великодушнаго и добродѣтельнаго человѣка].—При стихѣ 5, стр. 46, «Оторванну хоругвь скрываетъ на груди» было сдѣлано примѣчаніе: «Извѣстный поступокъ солдата Емельянова. Покойный императоръ Павелъ наградилъ его чиномъ подпоручика, и тѣмъ самымъ знаменемъ, котораго спасеніе такъ много ему стоило. Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, имѣвшій случай видѣть сего почтеннаго воина, приказалъ списать съ него портретъ, который выгравированъ и продается». Къ этому мы еще прибавимъ, что подвигъ Емельянова относится ко времени голландской экспедиціи. Въ сраженіи при Петтенѣ, 8 сентября 1799 г., когда былъ убитъ знаменоносецъ фанагорійскаго гренадерскаго полка, а за нимъ и рядовой, принявшій знамя, тогда раненый ужъ

Емельяновъ, съ трудомъ поднявшись на ноги, пробился къ знамени, отнялъ у непріятеля, сорвалъ съ древка, обвилъ около себя и, продолжая сражаться, взятъ въ плѣнъ, гдѣ и скрывалъ его нѣсколько мѣсяцевъ, пока не успѣлъ передать въ Лиллѣ генералу Спренгпортену, ѣхавшему во Францію. Портретъ Емельянова былъ выгравированъ Н. Соколовымъ и внизу изображена передача знамени Спренгпортену.— При стихѣ: «О юноша, о ты безсмертью пріобщенный» [стр. 46, ст. 4 снизу] была тоже выноска: «Здѣсь авторъ думалъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, Новосильцовѣ, который въ прошедшую войну, бывъ раненъ на сраженіи, умеръ отъ ранъ, разлученный съ своимъ отечествомъ, разлученный съ родными, которые и теперь оплакиваютъ его потерю. Авторъ желалъ бы наименовать всѣхъ нашихъ героевъ, недавно принесшихъ въ даръ отечеству и кровь свою и жизнь; но ихъ имена извѣстны, и благодарность сохранитъ объ нихъ вѣчное воспоминаніе». Добавимъ, что «Пѣснь барда» была встрѣчена съ общимъ сочувствіемъ и имя Жуковскаго пріобрѣло извѣстность.

Всѣ стихотворенія, помѣщенныя на стр. 53—79 не вошли ни въ одно изъ изданій, сдѣланныхъ при жизни Жуковскаго, и въ первый разъ были перепечатаны въ дополнительныхъ томахъ къ 5 изданію, а за тѣмъ въ 6-мъ, подвергшись въ обоихъ случаяхъ, измѣненіямъ и подновленіямъ текста, которыя К. С. Сербиновичъ, въ 6-мъ изданіи, значительно увеличилъ противъ сдѣланныхъ гр. Блудовымъ, а одну эпиграмму [Новопожалованный] вовсе исключилъ. Напечатаны всѣ эти стихотворенія были въ «Вѣстникѣ Европы» 1807 г., почему и отнесены нами къ году напечатанія, такъ какъ указаній о времени ихъ сочиненія нѣтъ; но замѣтимъ, что помѣщенныя на ряду съ ними въ В. Евр. и вошедшія въ «собранія сочиненій» отнесены были Жуковскимъ къ 1805 г. [Сонъ могольца и Идиллія]. Въ № 1 Вѣстника напечатано: Истина и басня [с. 53]; въ № 2: двѣ эпиграммы, Новый стихотворецъ, Новопожалованный и Пѣсня [с. 54—55]; въ № 3: Орелъ и жукъ [с. 55]; въ № 4: Отрывокъ изъ диѳирамба, Соколъ и голубка

и 4 эпиграммы [с. 57—58]; въ № 5: Мартышка, Сафина ода и къ Эдвину [с. 59—62]; въ № 6: Ссора плѣшивыхъ, Цапля и 5 эпиграммъ [с. 62—64]; въ № 7: Прощанье старика [с. 65]; въ № 8: Мартышки и левъ, Котъ и мышь [с. 65—66]; въ № 10: Сурки и кротъ [с. 68]; въ № 11: Похороны львицы [с. 70]; въ № 12: Эльмина, Руше, Старикъ и Эпитафія [с. 72—73]; въ № 13: Котъ и зеркало [с. 73]; въ № 15: Каплунъ и соколъ [с. 75]; въ № 17: Голубка и сорока [с. 76]; въ № 18: Соколъ и филомела [с. 77] и въ № 19: Старый котъ [с. 78]. — Лонгиновъ въ своей замѣткѣ [Р. Архивъ 1870, № 3] приписываетъ Жуковскому помѣщенное въ этомъ же году Вѣстника Европы стихотвореніе: Смерть [№ 13] и изъ 1811-го года: Признаніе [№ 1] и Осень [№ 3], но первое представляетъ нелѣпыя вирши, ни по формѣ, ни по содержанію не напоминающія Жуковскаго, второе — принадлежитъ несомнѣнно кн. П. Вяземскому, а третье одному орловскому учителю, о чемъ и сказано въ выноскѣ къ стихамъ, съ добавкою, что они только присланы чрезъ Жуковскаго. Положившись на Лонгинова и занеся эти стихи въ наше изданіе, мы почти исполнили бы пророчество Пушкина, который писалъ Жуковскому по поводу пропущенныхъ въ 3-мъ изданіи его стихотвореній: «Все это прелесть, а гдѣ они? Знаешь, что выйдетъ? Послѣ твоей смерти все это напечатаютъ съ ошибками и съ пріобщеніемъ стиховъ Кюхельбекера. Подумать страшно!»

Къ К. М. С—ой [стр. 79] напечатано было въ первыхъ четырехъ изданіяхъ безъ означенія года, а въ 5-мъ отнесено Жуковскимъ къ 1807-му.

Надгробіе Тургеневымъ [с. 79] въ первый разъ напечатано въ «Памятникѣ отечественныхъ музъ» 1827 г., а Жуковскимъ внесено только въ 4 и въ послѣднее изданія, гдѣ и отнесено къ 1807 году.

Тоска по миломъ, Мальвина и Гимнъ [с. 80, 81 и 84] напечатаны въ В. Евр. 1808, № 1, 10 и 14, а Филалету [с. 82] въ № 4-мъ 1809 г. и первыми двумя изданіями были отнесены къ 1808-му, а 5-мъ къ 1807 году, при чемъ послѣд-

нее въ 3-мъ, а Гимнъ даже и въ 4-мъ изданіяхъ показывались тоже подъ 1808-мъ.

Къ Нинѣ [с. 88] въ В. Евр. 1808, № 8; въ «собранія сочиненій» при жизни поэта не входило. Отнесено нами къ 1807 г. на основаніи помѣты Жуковскимъ въ 5-мъ изданіи четырехъ выше напечатанныхъ стихотвореній, съ которыми наряду оно впервые явилось въ В. Европы.

Стихи М. В. П. и Разстройка семейственнаго согласія [с. 89, 91] изъ В. Евр. 1808, № 9 и 17, перепечатаны только въ посмертномъ изданіи. Въ этой перепечаткѣ исправлено даже заглавіе послѣдняго стихотворенія: «разстройство семейственнаго согласія.»

Къ Нинѣ [с. 91] напеч. въ томъ же журналѣ № 23, и первыми тремя изданіями означено подъ 1808 годомъ.

Людмила [с. 95] напечатано въ В. Евр. 1808, № 9 и первыми двумя, а равно 5-мъ изд. отнесено къ этому же году.

На смерть фельдмаршала Каменскаго [с. 103] напечатано въ В. Евр. 1809, № 18, и въ первомъ изданіи перепечатано съ пропускомъ 8—13 строфъ, приведенныхъ нами на стр. 114 и 115, а съ 3-го изд. откинута и послѣдняя 14-я строфа. Годъ въ 4 изданіяхъ не былъ означёнъ, а въ 5-мъ отнесено къ 1808-му, но неправильно, потому что Каменскій убитъ 12 августа 1809 г.

Пѣсня «Мой другъ, хранитель ангелъ мой» [с. 105] въ В. Е. 1809, № 9. Мы отнесли его къ 1808 г., согласно помѣтамъ двухъ первыхъ изданій и замѣткѣ г. Зейдлица, который привелъ эту пѣсню даже съ обозначеніемъ мѣсяца и дня — 1 Апрѣля — именины Марьи Андр. Протасовой.

Къ этому же году относится Пѣсня [Роза, весенній цвѣтъ], помѣщенная въ повѣсти Три Пояса [см. т. VI стр. 286] и Стихи, вырѣзанные на гробѣ А. Ѳ. С—ой, неправильно напечатанные нами подъ 1816 годомъ [т. II, стр. 5], согласно указанію посмертнаго изданія. Они были напечатаны безъ означенія года въ первыхъ четырехъ изданіяхъ, а въ 5-е не вошли. Мы нашли ихъ, при вторичномъ пересмотрѣ журналовъ, въ первоначальномъ напечатаніи въ В. Евр. 1808 г.

№ 13, безъ подписи и съ измѣненнымъ заглавіемъ, почему стихи эти и не были замѣчены нами при первомъ просмотрѣ журнала.

Моя богиня [с. 107]. Это подражаніе Гёте, значительно распространенное Жуковскимъ, напечатано въ В. Евр. 1809, № 17; поэтому въ двухъ первыхъ изданіяхъ неправильно относилось къ 1810 г. Въ перепечаткѣ 1-го изд. текстъ былъ сокращенъ нѣсколькими стихами.

Пѣсня: «Счастливъ тотъ» [с. 111] напечатана въ В. Евр. 1809, № 18, почему и не можетъ относиться ни къ 1810 г. данному первыми изд., ни къ 1813 г., данному 5-мъ изд.—Лонгиновъ, въ своемъ спискѣ, указываетъ ее, какъ пропущенную всѣми изданіями, даже и 6-мъ, тогда какъ она во всѣхъ напечатана.

Кассандра [с. 113] изъ В. Евр. 1809, № 20, перепечатано въ первыхъ изд. подъ 1810, а въ 5-мъ подъ 1809 годомъ.

Плачъ Людмилы [с. 117], помѣщенное въ томъ же нумерѣ, перепечатано только въ посмертномъ изданіи.

Другія, отнесенныя 5-мъ изданіемъ къ 1809 г., стихотворенія были напечатаны въ В. Европы: Счастіе [с. 118]—1809, № 19, Къ Делію и На смерть Эрминіи [с. 120, 121] — 1810, № 3, Къ Блудову [с. 122] въ № 5, Пѣснь араба [с. 126]—въ № 7 и Къ Филону [с. 128] — 1813, № 7—8. Изъ нихъ въ двухъ первыхъ изданіяхъ Къ Делію и Къ Блудову — означены 1809 г., Счастіе и Пѣснь 1810-мъ, а Къ Филону 1813-мъ, На смерть Эрминіи явилось безъ помѣты.— Г. Зейдлицъ впрочемъ указываетъ, что посланіе къ Блудову было написано еще въ 1807 году. Кстати замѣтимъ, что Пушкинъ попрекалъ Жуковскаго, зачѣмъ онъ совѣтуется съ Блудовымъ объ изданіи своихъ стихотвореній [Р. Архивъ 1870, № 6]: «Ничего не говорилъ я тебѣ о твоихъ стихахъ [3-е изданіе]. Зачѣмъ слушаешься ты маркиза Блудова. Пора бы тебѣ удостовѣриться въ односторонности его вкуса. Къ тому же не вижу въ немъ и безкорыстной любви къ твоей славѣ. Выбрасывая, уничтожая самовластно, онъ не исключилъ изъ собранія Посланія къ

нему, произведенія конечно слабаго. Нѣтъ, Жуковскій [оканчиваетъ Пушкинъ, пародируя начало Посланія]:

Веселаго пути
Я Блудову желаю
Ко древнему Дунаю
И — проч.

Замѣтка графа Блудова о Жуковскомъ находится въ письмѣ къ Ив. Ив. Дмитріеву, напечатанномъ въ Р. Архивѣ 1866 [№ 11—12, стр. 1653].

Путешественникъ [с. 129] мы помѣстили подъ 1809 г. согласно помѣтѣ двухъ первыхъ изданій, потому что 5-е явно грѣшитъ, относя эти стихи къ 1813 г., тогда какъ они напечатаны въ В. Европы 1810 г. № 4.

Басня [с. 130], невошедшая ни въ одно изданіе кромѣ посмертнаго, и напечатанная въ В. Евр. 1810, № 3, поставлена нами подъ годомъ напечатанія.

Двѣнадцать спящихъ дѣвъ [с. 132]. Посвященіе А. А. Протасовой [впослѣдствіи Воейковой] и Громобой — напечатаны были въ В. Европы 1811, № 4, и подъ этимъ годомъ вошли въ первыя два изданія, но 5-мъ отнесены къ 1810 г., что согласно съ письмами Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, гдѣ онъ упоминаетъ объ этихъ стихахъ въ 1810 г. Общее же посвященіе [с. 131], посвященіе Блудову [с. 161] и Вадимъ [с. 162] написаны уже въ 1816—1817 годахъ и явились впервые въ печати при отдѣльномъ изданіи полной поэмы [Спб. 1817]. Въ 5-мъ изданіи вся поэма значительно исправлена, но Жуковскій вѣроятно запамятовалъ измѣненіе, сдѣланное въ 1-мъ изданіи по требованію тогдашней цензуры и указанное А. С. Пушкинымъ. Именно, начало 2-й строфы на стр. 146 было написано такъ:

И славный мастеръ призванъ былъ
Изъ греческаго края.
Онъ въ храмѣ ликъ изобразилъ
Святаго Николая.

Цвѣтокъ, Жалоба, Желаніе и **Пѣвецъ** [с. 189—192] — отнесены 5-мъ изданіемъ къ 1810 г., а первыми двумя къ 1811 г., исключая Пѣвца, явившагося тамъ безъ года. Напечатаны же были въ В. Европы 1813 г. № 7—8.

Къ ней [с. 194) — въ «Памятникѣ Отечественныхъ Музъ» 1827 г., а въ «собраніяхъ» перепечатано не было. Этотъ переводъ изъ Шиллера [Nahmen nennen dich nicht], посвященный М. А. Протасовой, помѣщенъ нами подъ 1810 г. согласно указанію статьи Зейдлица.

Далѣе, четыре стихотворенія отнесены Жуковскимъ въ 5 изданіи къ 1810 г., хотя напечатаны позднѣе и первыми двумя изданіями отнесены были къ 1813 году. Именно: **Эпимесидъ** [с. 194] — въ Россійскомъ Музеумѣ 1815, № 2; **Ивиковы журавли** [с. 197] въ В. Европы 1814, № 3; **Узникъ къ мотыльку** [с. 204] тамъ же 1813, № 3—4, и **Мечты** [с. 206] тамъ же № 14. Послѣднее впрочемъ отнесено было въ 1-хъ изд. къ 1812 г., а первая строфа его, въ видѣ отдѣльнаго стихотворенія, подъ заглавіемъ: «**Элегія. Къ Дельвигу**» — была напечатана еще и въ Сынѣ Отечества 1817 г., № 12.

Надпись къ солнечнымъ часамъ [с. 209] впервые напечатана въ дополнительномъ томѣ къ 5-му изданію.

Свѣтлана [с. 210] напечатана въ В. Европы 1813, № 1 и 2, а къ 1811 г. отнесена двумя первыми и 5-мъ изданіемъ. Замѣтимъ, что изъ «Свѣтланы» были поставлены живыя картины на вечерѣ въ ораніенбаумскомъ дворцѣ [Р. Архивъ 1871, № 2].

Добрая мать [с. 218] и **Пловецъ** [с. 219] отнесены первыми двумя изд. къ 1811 г., что согласно и съ указаніями статьи г. Зейдлица, а въ 5-мъ — къ 1813 г., тогда какъ они были извѣстны въ рукописи роднымъ поэта, а послѣднее даже положено на музыку въ 1812 г.—**Пловецъ** напеч. въ В. Европы 1813, № 7—8.

Прости [с. 221] напечатано впервые въ Русской Бесѣдѣ 1859, кн. 4, и относится къ отъѣзду Жуковскаго изъ деревни, т. е. къ 1811 или къ августу 1812 г.

Пиршество Александра [с. 222] напечатано въ В. Евр. 1813, № 7—8, и хотя отнесено 5-мъ изданіемъ къ 1810 г., но по указанію г. Зейдлица написано именно въ 1812 г., подъ которымъ и было означено во всѣхъ первыхъ четырехъ изд.

Къ Батюшкову [с. 227]. Посланіе это отнесено первыми 3 изданіями къ 1811 г., а 5-мъ къ 1810-му, между тѣмъ какъ при первомъ напечатаніи въ В. Европы 1813 г., № 9—10, помѣчено «въ маѣ 1812 г.». Чтобы окончательно убѣдиться въ вѣрности одной изъ этихъ трехъ датъ, мы обратились къ сочиненіямъ Батюшкова, гдѣ большая часть пьесъ помѣчена годомъ ихъ сочиненія; но оказалось, что «Посланіе», на которое отвѣчалъ Жуковскій, напечатано безъ годичной помѣты, и только въ письмѣ Батюшкова отъ 12 апрѣля 1812 года мы нашли указаніе на посылку Жуковскому стихотворенія: «Къ моимъ пенатамъ» [Р. Арх. 1875, № 11], а въ другомъ письмѣ Батюшковъ пишетъ: «пришли мнѣ твое посланіе, которое я ожидаю съ нетерпѣніемъ.... какъ свидѣтельство твоей дружбы». Хотя это письмо безъ даты и помѣчено въ Русскомъ Архивѣ: «около 1811 г.», но оно несомнѣнно относится къ 1812 г. и писано послѣ помѣченнаго «12-мъ апрѣля 1812 г.», потому что не могъ же Батюшковъ въ 1811 г. просить отвѣтнаго посланія на тѣ стихи, которые послалъ только въ апрѣлѣ 1812-го. Слѣд. первоначальная помѣта стиховъ Жуковскаго: «май 1812 г.» оказывается вѣрнѣе двухъ остальныхъ.

Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ [с. 247] напечат. въ Вѣстникѣ Европы 1812, № 23—24, а въ слѣдующемъ году вышелъ тремя отдѣльными изданіями съ примѣчаніями Д. В. Дашкова, которыя сохранены Жуковскимъ во всѣхъ послѣдующихъ перепечаткахъ «Пѣвца» и приведены нами въ подстрочныхъ выноскахъ. Указываютъ, будто существуетъ изданіе 1812 г., сдѣланное въ военно-походной канцеляріи кн. Смоленскаго, но мы этого изданія розыскать не могли. При 2-мъ изданіи вначалѣ и вконцѣ приложены двѣ прекрасно гравированныя виньетки, а при 3-мъ ноты Бортнянскаго. Во всѣхъ 4-хъ изданіяхъ сочиненій «Пѣвецъ» отнесенъ къ 1812 г., а въ по-

слѣднемъ 5-мъ къ 1811 году, что конечно невѣрно, потому что тогда и война еще не начиналась, да и въ первомъ же примѣчаніи къ стихамъ говорится, что они писаны «послѣ отдачи Москвы, передъ сраженіемъ при Тарутинѣ».

Вождю побѣдителей [с. 271]—въ 4-хъ первыхъ изданіяхъ и въ послѣднемъ 5-мъ тѣ же помѣты годовъ, какъ и у «Пѣвца», между тѣмъ какъ въ самомъ заглавіи сказано, что стихи написаны «послѣ сраженія подъ Краснымъ», т. е. никакъ не въ 1811 г. Напечатаны они въ В. Европы 1812, № 21—22, и въ Сынѣ Отечества 1813, № 5, а также при главной квартирѣ россійской арміи, именно въ походной тип., въ селѣ Романовѣ, 1812 года, ноября 10. Но этого изданія мы не могли найти; въ Петербургѣ же стихи эти были напечатаны отдѣльной брошюрою въ 1813 г. подъ заглавіемъ: «Князю Смоленскому».

Пѣсня въ веселый часъ [с. 274] напечатана въ В. Европы 1813, № 1—2 и до настоящаго изданія перепечатываема не была.

Къ 1812 г. должно отнести и посланіе: «Къ роднымъ при посылкѣ портрета», ошибочно помѣщенное нами подъ 1816 г. [т. II, стр. 43]. Оказалось, что въ рукописи оно имѣетъ помѣту: «октябрь 1812».

Адельстанъ [с. 276] въ В. Европы 1813, № 3—4, и къ этому же году отнесено 1, 2 и 5 изданіями.

А. И. Тургеневу [с. 282 и 296]—оба стихотворенія 1, 2 и 3 изданіями отнесены къ 1813 г., но въ 5-мъ изданіи второе помѣчено 1810-мъ, тогда какъ по указанію г. Зейдлица оно написано именно въ 1813 г., что подтверждается и письмомъ Ж., при которомъ стихотвореніе это прислано Тургеневу, ибо въ письмѣ говорится о пріѣздѣ Воейкова въ деревню, а это было въ концѣ 1813 г.

Элизіумъ, Пустынникъ и Пѣсня [с. 288, 290 и 297] напечатаны въ В. Европы 1813 г., первое и послѣднее въ № 7—8, а среднее въ № 11—12, при чемъ вмѣсто Пѣсни было заглавіе: «Къ моему другу» [т. е. къ М. А. Прота-

совой]. Въ 1 и 2 изд. Элизіумъ и Пустынникъ были отнесены къ 1812, а Пѣсня къ 1811, но въ 5-мъ изданіи всѣ поставлены подъ 1813 годомъ.

Уединеніе [с. 298], хотя отнесено 5-мъ изданіемъ къ 1810 г., но нами оставлено подъ 1813 г., согласно указанію первыхъ трехъ изданій, какъ ближайшихъ ко времени его напечатанія [въ 1815 году].

Сиротка [с. 301] напечатано подъ этимъ годомъ въ 1, 2, 3 и 5 изданіяхъ.

Пѣсня матери [с. 303]—изъ В. Европы 1813 г., № 11—12, до настоящаго изданія не перепечатывалась.

Изъ письма къ Дмитріеву [с. 305] напечатано въ Москвитянинѣ 1852 г., № 21, а оттуда въ дополнительномъ т. къ 5-му изданію, но съ искаженіемъ нѣкоторыхъ стиховъ и пропускомъ одного. Оно писано послѣ оставленія Москвы французами, почему и отнесено нами къ 1813 г.

Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ [с. 309] напечатано въ В. Европы 1814 г., № 4, а къ 1813 г. отнесено 1, 2, 3 и 5 изданіями.

Теонъ и Эсхинъ [с. 312] тамъ же 1815 г., № 5—6, и было отнесено 1, 2 и 3 изданіями къ 1814 г., а 5-мъ къ 1813-му, что согласно и съ помѣтою подъ слѣдующимъ за нимъ стихотвореніемъ «Барону Черкасову» [с. 317], приписаннымъ на рукописи «Теона», и напечатаннымъ въ первый разъ въ Р. Архивѣ 1870, № 3, откуда оно и взято нами. Первоначально Ж. назвалъ стихотвореніе, написанное въ Долбинѣ, «Теонъ и Пиладъ», потомъ перемѣнилъ заглавіе. Размѣръ стиховъ тоже былъ иной:

Теонъ на время изъ Аѳинъ
Къ своимъ пенатамъ возвратился
На брегъ Алфея; тамъ Эсхинъ
Отъ свѣта въ тишинѣ таился.
Ужъ Геліосъ въ десятый разъ
Свершалъ вокругъ земли теченье
Съ тѣхъ поръ... и пр.

Письмо къ *** [с. 317] въ первый разъ напечатано въ Русскомъ Вѣстникѣ 1859 г., 16.

Къ Воейкову [с. 319] было помѣщено въ В. Европы 1814 г., № 6, съ пояснительными примѣчаніями, не вошедшими въ послѣдующія перепечатки. Именно: стр. 321, къ стиху: И се... идутъ въ усопшихъ сѣни—«у евангелическихъ братьевъ заутреню Свѣтлаго Христова воскресенія служатъ на кладбищѣ».—Стр. 323, къ стиху: И чичереецъ и шапсугъ—«народы, обитающіе въ кавказскихъ горахъ, по большей части магометане». — Стр. 324, къ стиху: Другъ оглянись.... еще нѣтъ брата—«Поэтъ говоритъ здѣсь объ незабвенномъ Андреѣ Сергѣевичѣ Кайсаровѣ, * убитомъ въ сраженіи съ французами, въ маѣ 1813 года».—Стр. 327 начальные стихи были прежде совсѣмъ другіе, именно:

Ты чародѣй, а не поэтъ!
Ты всемогущими стихами
Воздвигнулъ падшій геній мой....
Какъ древле статуя Мемнона
Звучала арфой Аполлона,
Когда главы ея пустой
Касалось дневное сіянье,
Такъ я, прочтя твое «посланье»,
Готовъ запѣть, готовъ дерзнуть
За обольстительною славой!...
Что сдѣлалъ ты, пѣвецъ лукавой!
Мою ты душу погубилъ!
И кто, скажи мнѣ, научилъ
Тебя предрѣчь осмью стихами
Въ сей книгѣ съ бѣлыми листами
Весь сокровенный жребій мой?

При этомъ было замѣчено, что «посланіе» Воейкова къ Жуковскому «напечатано въ В. Европы 1813 г.», а при послѣднемъ стихѣ пояснено: «Это мѣсто темно для тѣхъ, кто не читалъ сихъ осьми стиховъ, написанныхъ на бѣлой книгѣ,

* Товарищъ Ж. по университетскому пансіону, самъ писатель, во время войны былъ директоромъ походной типографіи.

въ которой будетъ твориться русская поэма, въ родѣ Виландова Оберона», т. е. Владиміръ, оставшійся не написаннымъ.—Помѣта подъ стихами и первыя 3 изданія указываютъ 1814 г., а 5-е изданіе неправильно означаетъ 1813-й.

Къ этому же времени относится недавно полученное нами стихотвореніе Жуковскаго, написанное въ день его рожденія:

29 января 1814 года.

Когда бъ родиться въ свѣтъ и жить,
Лишь значило: пойти въ далекій путь безъ цѣли,
Искать безвѣстнаго, съ надеждой—не найтить,
И отъ младенческой спокойной колыбели
До колыбели гробовой,
Бѣжавши за мечтой,
Остановиться тамъ, и взоры обративши,
Спросить съ унынїемъ: за чѣмъ пускался въ путь?
Потомъ, забвенію свой посохъ посвятивши,
На ложѣ тишины уснуть—
Тогда бы кто считалъ за праздникъ день рожденья?
Но жребій мнѣ иной!
Мнѣ ангелъ мой хранитель,
Твой видъ принявъ, сказалъ: я другъ навѣки твой!
Въ семъ словѣ все сказалъ небесный утѣшитель;
Въ семъ словѣ цѣль моя, надежда и вѣнецъ!
Благодарю за жизнь, Творецъ!

Стихотвореніе это имѣетъ особенное значеніе въ біографическомъ отношеніи: послѣднія строки его относятся несомнѣнно къ М. А. Протасовой, на бракъ съ которою Жуковскій тогда еще не терялъ надежды.

Къ самому себѣ и Богатство, слава [с. 328] были напечатаны въ 1814 г., первое—въ В. Европы № 4, а второе—въ Пантеонѣ русской поэзіи ч. 1, но въ «собранія» сочиненій при жизни Жуковскаго внесены не были.

Варвикъ [с. 329] напечатано въ Амфіонѣ 1815, № 4, и въ 1, 2 и 5 изданіяхъ отнесено въ 1814 году. Оно написано въ Долбинѣ 24—27 октября 1814 г., но еще въ 1-й тетради

«Долбинскихъ» стихотвореній, въ первыхъ числахъ октября, Жуковскій набросалъ 4 стиха:

Никѣмъ не видимъ бросилъ въ волны
Артура злой Варвикъ;
И слышали одни безмолвны
Скалы младенца крикъ.

Кн. Вяземскому и В. Пушкину [с. 335] напечатано въ въ Россійскомъ Музеумѣ 1815 г., № 6, а въ 1, 2, 3 и 5 изданіяхъ отнесено къ 1814 г. Написано въ Долбинѣ, въ началѣ октября. Въ рукописи первые стихи были:

Ты, Вяземскій, прямой поэтъ!
Ты, Пушкинъ, стихотворецъ-горе!

т. е. на все и на всѣхъ жалующійся, но В. Пушкинъ обидѣлся, принявъ ихъ въ иномъ смыслѣ, почему для печати они были измѣнены. Онъ передъ тѣмъ написалъ посланіе къ кн. Вяземскому, гдѣ говоритъ о злобѣ критиковъ и невѣжествѣ завистниковъ. Между прочимъ жалуется, что не оцѣнили оду Карамзина на освобожденіе Москвы, и что Озеровъ сдѣлался жертвой завистниковъ и невѣждъ: «Въ уединеніи стенящій, полумертвый, успѣхи онъ свои и лиру позабылъ».* Кн. Вяземскій отвѣчалъ также посланіемъ: «Ты смѣйся и молчи — роптанье безразсудно!.... Что̀ вѣкъ зоила? — день! Вѣкъ генія — потомство» и пр.

Въ тетради своей Ж. передъ этимъ стихотвореніемъ набросалъ въ родѣ програмы: «Къ Вяз. и Пушк.—На что всѣмъ нравиться? Какое горе? Озеровъ погибъ отъ себя.—Нѣтъ, друзья, не клевещите

---

* В. А. Озеровъ, авторъ Эдипа и Дм. Донскаго, двоюродный братъ Д. Н. Блудова, былъ членомъ Лѣснаго Департамента, въ чинѣ генералъ-маіора. Онъ потерпѣлъ по дѣлу о порубкѣ лѣса въ Курляндіи; долженъ былъ оставить службу, и не имѣя средствъ жить въ столицѣ, поселился въ казанской деревнѣ [1809]. Присланная имъ оттуда тр. Поликсена, была принята неблагопріятно. Отъ служебныхъ и литературныхъ огорченій онъ помѣшался и такъ и умеръ въ тверской деревнѣ въ 1816 г.

на поэзію, чтобы она была причиною несчастія. Только умѣйте ее уважать. Кто въ душѣ поэтъ, тотъ вѣрно цѣнитъ наслажденіе болѣе похвалы. Сладостная мысль—быть понимаему, но если бы всѣ понимали. Мемнонъ ждетъ солнца и поетъ для него; для мрачной, окружающей его природы онъ нѣмъ и безгласенъ. Чтò же достояніе дарованія, что не всѣ его понимаютъ, что оно только для добрыхъ. Въ гоненіи завистниковъ только то тяжело, что оно есть злоба — а быть предметомъ злобы тяжко. Но дарованіе невредимо. И безъ потомства поэтъ имѣетъ много; всѣ благородныя души на его сторонѣ. Сверхъ того потомство. Ему передаетъ онъ свою славу, какъ добродѣтельный свое счастье—будущей жизни. А здѣсь — наслаждаться собою; писать для добрыхъ; быть счастливу съ друзьями и въ кругу ихъ забыть ничтожныхъ завистниковъ—если только ихъ помнить можно. Того же Карамзина возьмемъ въ примѣръ.—Какъ добродѣтельный не подчиненъ року здѣсь, не смотря на его гоненія, переноситъ свои надежды въ лучшій міръ; такъ поэтъ—надѣется на потомство. Но онъ, какъ добродѣтельный, имѣетъ наслажденіе собой и одобреніе истинныхъ душъ. Нашъ Озеровъ, если онъ убитъ, о для чего не ввѣрилъ онъ себя добрымъ; для чего надѣяться, что всѣ будутъ плести вѣнокъ. Завистникъ ввязывается въ это дѣло, чтобы разорвать его.... Ахъ! если бы могъ дойти до него гласъ участія и истиннаго удивленія его дару; но та же чувствительность, которая его вдохновляла, и погубила его. Да отмститъ за него потомство! Друзья, чтобы быть счастливыми поэтами [надо] удалиться отъ той сцены, на которой раздается слава и любить болѣе наслажденіе, нежели хвалу! Слава... Это скелетъ, обвитый цвѣтами!... сама собою служитъ и наградою! А голосъ немногихъ—вотъ слава, которая питаетъ не суетность, а сердце! Тотъ же Карамзинъ будь намъ примѣромъ и т. д.»—Подобныя программы встрѣчаются и при другихъ пьесахъ Жуковскаго. — Кстати же замѣтимъ, что «долбинскія» тетради свои поэтъ началъ такими словами: «Выписка изъ моего устава: заниматься безпрестанно и всегда самымъ лучшимъ образомъ. Во всякую минуту думать: не могу ли сдѣлать что лучше—и дѣлать. Довѣренность къ Творцу и надежда на все хорошее. Аминь. — Activité dans un petit cercle. Persévérance! Ein einziger Augenblick kannt alles umgestalten. Счастье впереди! Вопреки всему будь его достоинъ и оно будетъ твое.»

Алина и Альсимъ, Аббадона и Библія [с. 339, 346 и 353] напечатаны въ 1815 году: въ Амфіонѣ № 6, въ Сынѣ Отечества № 22 и въ Россійскомъ Музеумѣ № 1, а къ 1814 г. отнесены 1, 2 и 5 изданіями каждое.

Кн. Вяземскому и ему же отвѣтъ [355 и 358] напечатаны въ Россійскомъ Музеумѣ 1815 г. № 3 и 9. Первыми тремя и 5-мъ изданіемъ отнесены къ 1814 г., но послѣднее стихотвореніе во всѣхъ этихъ изданіяхъ печаталось только въ отрывкѣ. Первое написано было въ Долбинѣ «7-го ноября 1814 г.».

Эльвина и Эдвинъ [с. 362] напечатано въ Амфіонѣ 1815 г., № 2. Къ 1814 г. отнесено 1, 2 и 5 изданіями.

Добрый совѣтъ [с. 366] въ первыхъ трехъ и въ 5-мъ изданіи отнесено къ 1814 г., при чемъ въ 1, 2 и 3 было напечатано полное имя Василья Андреевича Азбукина, замѣненное въ 4 и 5-мъ буквами: В. А. А. Онъ приходился своднымъ братомъ племянницъ Жуковскаго М. и А. Протасовыхъ и былъ женатъ на третьей его племянницѣ Ек. П. Юшковой. Къ этому браку относится неизданное шуточное стих. Жуковскаго: «Любовная карусель, или пятилѣтніе меланхолическіе стручья сердечнаго любленія. Тульская баллада». Азбукинъ былъ начальникомъ Жуковскаго по службѣ въ ополченіи 1812 г. [онъ умеръ около 1832 г.]. Стихи написаны въ Долбинѣ 2 октября 1814 г. и поводомъ къ нимъ послужили 4 стиха самого Азбукина:

Живу безъ страха межъ людей,
Мой кровъ—святое провидѣнье,
А спутники грядущихъ дней—
Любовь, надежда и терпѣнье.

Баллада о старушкѣ [с. 367] мы не отыскали, когда она была напечатана до появленія въ изданныхъ 1831 г. «Балладахъ и повѣстяхъ» Жуковскаго. Въ 4 изданіи 1835 г. она не отмѣчена годомъ, а въ 5-мъ изданіи отнесена къ 1814-му.

Эолова арфа [с. 384] напечатана въ Амфіонѣ 1815, № 3, и отнесена къ 1814 г. 1, 2 и 5 изданіями.

Въ альбомъ Ал. Ан. Протасовой [с. 382] напечатано въ В. Европы 1814 г. № 5, но въ 4 первыхъ «изданіяхъ» не перепечатано, а только въ послѣднемъ 5-мъ изданіи. Въ 1814 г. Александра Андреевна вышла за А. Ѳ. Воейкова. Н. А. Мар-

кевичъ въ Москвитянинѣ [1853, № 12] приводитъ стихи, будто бы написанные Жуковскимъ къ ней въ Петербургъ изъ Орла, и сообщенные Маркевичу ея мужемъ:

Что дѣлаешь, Сандрокъ?
Кружишь ли, какъ сверчокъ,
По стульямъ, по окошкамъ?
Стрижешь ли морды кошкамъ?
Рисуешь ли усы,
Крючки и колбасы
На Вицмановой рожѣ?
Иль чортиковъ въ рогожѣ
Сажаешь на носы?
Иль мухъ сажаешь въ банки,
Иль проповѣдь съ лежанки
Бутылкамъ, сундукамъ,
И рыжимъ парикамъ,
И разнымъ женихамъ
Разсказываешь съ жаромъ?
Иль рожами смѣшишь
И споришь съ самоваромъ
И чайники казнишь?
Ты милое творенье;
Ты взглядомъ обратишь
И горе въ восхищенье;
Съ тобой явилась въ свѣтъ
Веселость, богъ крылатый;
Она твой провожатый,
При ней несчастья нѣтъ.

Ахиллъ [с. 383] напечатано въ В. Европы 1816, № 4. Въ 1, 2 и 5 изданіяхъ отнесено къ 1814 г.

Императору Александру [с. 391] написано въ Долбинѣ въ 1814 г. и къ этому году отнесено 1, 2, 3 и 5 изданіями. Напечатано было въ Сынѣ Отечества 1815 г. № 48 и отдѣльною брошюрою въ 4 д. л., Спб. 1815 [цензура 15 января], съ слѣдующимъ посвященіемъ:

«Ея императорскому величеству государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.— Всемилостивѣйшая государыня! Воззрите съ благосклонностію на произведеніе стихотворца, уже имѣвшаго счастіе обратить на себя снисходительные ваши взоры. — Посланіе къ государю императору,

вашему величеству мною подносимое, есть выраженіе не однихъ чувствъ поэта, но вмѣстѣ и всего, что чувствуетъ теперь народъ русскій—языкъ свободный и простой, дань благодарности, дань безкорыстнаго удивленія. — Въ нынѣшнее время, столь славное для русскаго народа, всякій русскій стихотворецъ также обязанъ славить своего царя, какъ и всякій, имѣющій благодарное сердце, выражать свои чувства передъ своимъ благотворителемъ. Нынѣ хвала дѣлаетъ болѣе чести поэту, нежели царю, который не ищетъ ея, но творитъ добро потому, что инаго творить не можетъ; и не лесть приводитъ теперь стихотворца къ престолу, не бѣдная надежда заслужить награду, но славное имя русскаго, но честь—быть однимъ изъ тѣхъ счастливцевъ, которые клялись въ вѣрности великому человѣку, за котораго жизнь отдать есть наслажденіе. — Исполняю долгъ свой. Не думаю ласкать себя надеждою, что своими стихами выразилъ то величіе, которымъ мой предметъ блистаетъ; но я былъ уже счастливъ, стараясь изобразить его. Приношу мои хвалы не къ престолу моего царя—онъ ихъ не требуетъ; но сердцу его матери—и счастливъ буду, если она найдетъ въ моихъ чувствахъ нѣкоторое сходство съ собственными.—Благодарность за то вниманіе, котораго ваше императорское величество меня удостоили, котораго я не отваживался ни надѣяться, ни искать, поселило въ меня эту смѣлость. И теперь никакой другой цѣли не имѣю, кромѣ этого ободрительнаго, столь сладостное чувство благодарности производящаго вниманія. Вашему величеству угодно было удостоить меня награды—даръ священной руки монаршей сохранится въ благодарной семьѣ, какъ памятникъ драгоцѣнной милости. Но теперь, государыня, осмѣливаюсь сказать свободно, что, поднося мое посланіе вамъ, матери нашего царя, героя, благотворителя, желаю заслужить одно только ваше одобреніе. Какъ стихотворецъ, я сказалъ вслухъ и весьма слабымъ языкомъ то, что каждый изъ моихъ соотечественниковъ чувствуетъ въ тайнѣ души своей—дерзкое, но счастливое право поэзіи! — И если сердце матери-царицы, той, которая уже сама съ престола склонила на меня взоръ милости, будетъ тронуто голосомъ поэта, если мои соотечественники скажутъ, что я не обезобразилъ своими стихами ихъ благодарности къ нашему царю за его царскія добродѣтели, составляющія прямую честь и драгоцѣннѣйшую собственность народа—тогда, какой счастливѣйшей награды желать мнѣ останется? — Вашего императорскаго величества вѣрноподданный Жуковскій.»

Въ этомъ изданіи сдѣлано было примѣчаніе [на стр. 400] къ стиху: И звучно грянуло: воскреснулъ Искупитель — «Из-

вѣстно, что торжественное молебствіе россійской арміи совершено было въ день Свѣтлаго воскресенія на той площади, гдѣ погибъ Людовикъ XVI.»

Народный гимнъ [с. 405]. Первая строфа этого гимна «Боже, царя храни!» была напечатана въ Сынѣ Отечества 1815 года № 48, подъ заглавіемъ: Молитва русскихъ. Отсюда перепечатано, въ 1, 2 и 3 изд. подъ 1813 годомъ, а въ 4-мъ годъ не означенъ и сдѣлано измѣненіе къ какимъ оно перешло и въ 5-е изд. [съ котораго напечатано въ нынѣшнемъ: т. III, стр. 149 и 150]. Все же стихотвореніе помѣщено было въ Сынѣ Отечества 1818 г., № 52, подъ заглавіемъ: «Гимнъ, пѣтый воспитанниками Санктпетербургской гимназіи на публичномъ экзаменѣ.» Отсюда перепечатано въ посмертномъ изданіи.

Пѣвецъ на Кремлѣ [с. 407] первоначально изданъ особою брошюрою, въ Спб. 1816 г., въ большую осьмушку, съ гравированнымъ С. Галактіоновымъ видомъ московскаго Кремля и съ примѣчаніемъ отъ издателей:

«Сіи стихи написаны въ концѣ 1814 г. Авторъ представляетъ пѣвца русскихъ воиновъ, возвратившагося на родину и поющаго пѣснь освобожденія на Кремлѣ, среди гражданъ московскихъ, въ видѣ жертвы, принесенной за отчизну и въ тотъ самый день [25 декабря], когда торжествующая Россія преклоняетъ съ благодарностію колѣна предъ промысломъ, спасшимъ чрезъ нея всѣ народы Европы и всѣ блага свободы и просвѣщенія.»

Изъ статьи г. Зейдлица видно, что «Пѣвецъ» начатъ въ 1814 г., въ орловской деревнѣ; писался отрывками, то въ Черни, то въ Москвѣ, и наконецъ оконченъ въ Дерптѣ только въ 1816 г. Онъ перепечатывался во всѣхъ изданіяхъ, начиная съ 2-го, подъ 1814 годомъ.

Кн. Вяземскому и В. Пушкину [с. 422]. Эти три письма напечатаны въ первый разъ въ Р. Архивѣ 1866 № 6, и вызваны тѣми же посланіями Вяземскаго и Пушкина, о которыхъ сказано выше [с. 506], и стихотвореніемъ перваго: «Вечеръ на Волгѣ». Вѣроятно отъ неразборчивости рукописи текстъ ихъ

былъ сообщенъ довольно неточно, особенно 3-го письма, въ которомъ мы по смыслу и по сличенію съ стихотвореніемъ кн. Вяземскаго переправили явныя ошибки, ибо напр. былъ совсѣмъ нелѣпый стихъ: «А веселъ риѳмами на веселъ, милый другъ» [стр. 430, ст. 3 снизу]. Послѣ отпечатанія тома мы получили списокъ 1 и 2-го письма и приводимъ по немъ поправки: стр. 423 ст. 6 снизу: «Но вы желаете стиховъ», а не херовъ (!!), какъ напечатано.—Стр. 424, ст. 5: «Стихотворенія твои могли бы быть живѣе»; ст. 25: «Иль оды пачкуновъ».—Стр. 425, ст. 7 снизу: «Хотя за пѣсенку перелетѣть дала».—Стр. 426, ст. 6 снизу: «А въ подтвержденіе изъ Фебова закона».—Стр. 428, ст. 11: «Когда завистниковъ угомонить хотите». Письмо, поставленное кн. Вяземскимъ первымъ, написано въ Долбинѣ 17 октября, а второе — начато 13 и кончено 16 октября.

Долбинскія стихотворенія [стр. 432 — 463] напечатаны въ Р. Архивѣ 1864 г., № 10, и къ нимъ же относятся помѣщенные на 464-й стр., напечатанные прежде, именно въ Россійскомъ Музеумѣ 1815 г. № 8 и 10 [въ послѣднемъ нумерѣ одно — «Отвѣты на вопросы»], а изъ помѣщенныхъ на стр. 465: къ Полуектову—напечат. тамъ же въ № 6, и къ неизвѣстной дамѣ—въ № 2. — Всѣ эти стихотворенія написаны въ самое мрачное время жизни поэта, когда онъ получилъ отказъ въ рукѣ М. А. Протасовой, и оскорбленный Воейковымъ, женихомъ другой сестры, долженъ былъ покинуть имѣніе Протасовыхъ—Муратово и поселиться у Юшковыхъ въ Долбинѣ, откуда въ слѣдующемъ году уѣхалъ въ Петербургъ. Изъ помѣщенныхъ въ Р. Архивѣ «Долбинскихъ стихотв.» нѣкоторыя также прежде были уже напечаны, но въ изданія «сочиненій» не вносились. Именно: Записочка въ Москву [с. 432]—въ отрывкѣ, въ «Памятникѣ Отечественныхъ Музъ» 1827 г. Мотылекъ и Желаніе и наслажденіе [с. 434 и 436] — въ Росс. Музеумѣ 1815 г. № 4 и 5. При перепечаткѣ въ 6-мъ изданіи, Сербиновичъ поэтому и помѣстилъ «Записку» два раза: полную и въ отрывкѣ; а изъ

остальныхъ стихотвореній вовсе не перепечаталъ: къ Плещееву [с. 437], къ Черкасовой [с. 439], къ Воейкову [с. 445], къ нему же [с. 462], Свѣчину и Букильону [с. 462]; отъ другой записки къ Черкасовой отбросилъ 20 стиховъ и въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ сдѣлалъ произвольныя замѣны, напр. въ «Плачѣ о Пиндарѣ».

Стансы [с. 465] — первоначально напечатано въ Росс. Музеумѣ 1815, № 5, и въ первыя два изданія внесено не было, а вошло въ 3 и 4 съ исключеніемъ первой строфы и съ новымъ заглавіемъ: Младенецъ. Въ 5-мъ изд. не перепечатано.

Голосъ съ того свѣта [с. 467] было помѣщено въ 3-й книжкѣ «Для немногихъ» 1818 г.; въ 3 и 4 изд. напечатано безъ означенія года, въ 5-мъ отнесено къ 1815 г., равно какъ и слѣдующія 5 стихотвореній, напечатанныя у насъ [до стр. 471 включительно], изъ которыхъ Ночь — явилось въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1825 г., а Пѣсня: «птичкой пѣвицею» — въ Славянинѣ 1827 г., № 32, подъ заглавіемъ: «Мои желанія».

Къ Боку [с. 472] всѣ три письма напечатаны въ Лѣтописяхъ русской литературы 1859 г., ч. I, при чемъ во 2 письмѣ одинъ стихъ былъ напечатанъ неправильно: «Прочти меня во станѣ», вм. «Пѣвца во станѣ» [с. 473, ст. 4].

Старцу Эверсу [с. 474] внесено во всѣ изданія. Выписки изъ письма Жуковскаго объ этомъ стихотвореніи приведены у Шевырева въ статьѣ: «Значеніе Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи» [Москвитянинъ 1853, № 2], и въ «біографіи» г. Зейдлица. Странно, однако, что обѣ несходны между собою, хотя и сдѣланы изъ одного и того же письма: «Эверсъ, осьмидесятилѣтній старикъ, есть человѣкъ единственный въ своемъ родѣ—онъ живетъ для добра и со всѣмъ этимъ простота младенца. Онъ профессоръ. На праздникѣ студентовъ, на который былъ приглашенъ и я, онъ вздумалъ со мной пить братство. Это меня тронуло до глубины души и... я отъ всей души поцѣловалъ братскую руку. — На другой день послѣ студентскаго праздника, отправился я ввечеру... за городъ. Солнце заходило самымъ прекраснымъ образомъ и я

вспомнилъ объ Эверсѣ и о завѣщаніи Эверса. Я часто любовался этимъ старикомъ, который всякій вечеръ ходилъ на гору смотрѣть на захожденіе солнца. Заходящее солнце въ присутствіи старца, котораго жизнь была святая, есть что-то величественное, есть самое лучшее зрѣлище на свѣтѣ. Мой добрый шептунъ принялъ образъ добродѣтельнаго старика и утѣшилъ меня въ этомъ видѣ. Я написалъ стихи «Къ старцу Эверсу»... они должны быть дерптскія повторенія моего «Теона и Эсхина». Въ обоихъ много для меня добра».

Два послѣднія стихотворенія этого тома: Пѣснь русскому царю [с. 476] и Славянка [с. 478] неправильно отнесены Жуковскимъ въ 5-мъ изданіи къ 1816 году, потому что были напечатаны еще въ 1815 году: первое—въ Сынѣ Отечества № 48, а послѣднее въ 1-мъ изданіи «сочиненій». Оба они написаны по пріѣздѣ Жуковскаго изъ Дерпта въ Петербургъ въ концѣ 1815 года.

ПОПРАВКА.

При четырехъ стихотвореніяхъ, напечатанныхъ во 2-мъ томѣ на стр. 138—139 и 403—404, а также при дополненіи къ стихотворенію «Лалла-Рукъ» [стр. 327—328], мы ошибочно указали въ примѣчаніяхъ, будто взяли все это изъ рукописей Публичной Библіотеки, тогда какъ списки были получены нами съ рукописей, хранящихся въ коллекціи, принадлежащей частному лицу.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ВСѢХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ СЕДЬМОМЪ ИЗДАНІИ.

*

790075